

РЕВОЛЮЦИИ В ИСТОРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ДОКУМЕНТЫ
И АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
АРХЕОГРАФИИ,
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ,
РОССИЙСКОЙ
И ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
НОВОГО И НОВЕЙШЕГО
ВРЕМЕНИ

*Сборник
избранных
статей
участников
Седьмой
международной
научной
конференции
молодых ученых
и специалистов*

РЕВОЛЮЦИИ В ИСТОРИИ
ИСТОРИЧЕСКИЕ
ДОКУМЕНТЫ
И АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
АРХЕОГРАФИИ,
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ,
РОССИЙСКОЙ
И ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
НОВОГО И НОВЕЙШЕГО
ВРЕМЕНИ

---

*Сборник избранных статей участников
Седьмой международной научной конференции
молодых ученых и специалистов*

Оlic 2017

РОССИЙСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ИСТОРИКОВ-АРХИВИСТОВ
ГЕРМАНСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ В МОСКВЕ
ЦЕНТР ФРАНКО-РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В МОСКВЕ
ФОНД «ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА»

РЕВОЛЮЦИИ В ИСТОРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ, РОССИЙСКОЙ И ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

---

*Сборник избранных статей участников
Седьмой международной научной конференции
молодых ученых и специалистов*

Olio 2017

РОСПЭН
Москва
2017

УДК 930
ББК 63
Р32

К 100-летию революции 1917 года

*Издание подготовлено и осуществлено
при финансовой поддержке
фонда «История Отечества»*

Редакционная коллегия:

М. Г. Алексашина, Н. М. Волхонская, Е. М. Григорьев,
С. А. Котов (отв. редактор), А. В. Лукашин (отв. секретарь),
Н. А. Лысенков, А. К. Сорокин (гл. редактор), А. А. Ширинянец

Р32 **Революции в истории. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени** : Сборник избранных статей участников Седьмой международной научной конференции молодых ученых и специалистов «Сlio-2017» / [гл. ред. А. К. Сорокин, отв. ред. С. А. Котов]. – М. : Политическая энциклопедия, 2017. – 239 с.

ISBN 978-5-8243-2147-0

В сборник включены избранные статьи участников Седьмой международной научной конференции молодых ученых и специалистов «Сlio», которая ежегодно, начиная с 2011 года, проводится в Российском государственном архиве социально-политической истории. Статьи посвящены актуальным историко-архивным проблемам, важным сюжетам археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. В год 100-летнего юбилея революционных событий 1917 года в России приоритетным направлением конференции стало обсуждение феномена революций в целом и событий 1917 года в России и их последствий в частности.

УДК 930
ББК 63

ISBN 978-5-8243-2147-0

© Российский государственный архив
социально-политической истории, 2017
© Политическая энциклопедия, 2017

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО РЕДАКТОРА

5–7 апреля 2017 г. в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) состоялась VII Международная научная конференция молодых ученых и специалистов «КЛИО-2017. Революции в истории. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени». На этот раз конференция была проведена в рамках плана основных мероприятий Российского исторического общества, связанных со 100-летием российской революции 1917 года.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) проводит конференции этого цикла с 2011 года, и за это время КЛИО зарекомендовала себя, как мы надеемся, в качестве одной из крупнейших в России международных научных площадок для обсуждения молодыми учеными широкого спектра актуальных научных проблем исторической науки в широком социо-гуманитарном контексте.

В 2017 г. в конференции приняли участие более 170 молодых специалистов (до 35 лет включительно), представляющих 91 научную организацию (архивы, университеты, академические институты, колледжи, музеи, библиотеки) из 9 стран (Россия, Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Узбекистан, Украина, Италия, США, Швейцария). Все возрастающий интерес и количество участников подтверждают актуальность создания постоянно действующей дискуссионной площадки для молодых историков, архивистов, политологов, представителей других смежных специальностей.

В год 100-летней годовщины Великой российской революции приоритетным направлением в работе конференции стало исследование феномена революций в истории и революционных событий 1917 года в России в частности. Организаторы конференции исходили из того, что круглые даты и юбилей поворотных событий национальной истории каждый раз выносят на авансцену общественного внимания острую проблему соотношения научного знания и коллективной памяти. «Управление прошлым в настоящем» в зависимости от сиюминутных потребностей общества (культурных, идеологических, политических) зачастую ведет к избирательности, искажению фактов, делая память «территорией забвения». Актуальной научной и общественной задачей видится возврат памяти под контроль профессиональных и ответственных историков, предотвращение политических манипуляций историческими фактами и прекращение войны памяти, развернувшейся на пространстве Центральной и Восточной Европы в посткоммунистическую эпоху в связи с становлением новых национальных государств.

Некоторые результаты конференции нашли свое отражение в представленном сборнике избранных статей (помимо регулярно издаваемых к ее началу тезисов докладов участников). Помимо собственно научной составляющей для нас крайне важной стороной конференции является ее роль в качестве

средства коммуникаций (формальных и неформальных). В условиях, когда ни одна национальная историография не имеет монополии на обсуждение острых вопросов той или иной национальной истории, пространство, обеспечивающее возможность диалога, приобретает исключительное значение. Представляются крайне важными и совместная работа молодых ученых по поиску ответов на актуальные исторические проблемы, и согласование в ходе этой работы методологии и методики научного поиска, и признание необходимости в этом поиске опоры на безусловно установленные исторические факты и архивные документы, и отказ от конфронтационных моделей научного и социального поведения.

В ходе так называемой «архивной революции» вполне определилась ключевая роль российских архивистов в целенаправленной работе по выявлению «белых пятен» отечественной истории. Сегодня современный архив призван не только обеспечить сохранность историко-культурного наследия, но и работать с этим наследием, репрезентуруя в публичное пространство национальную историю в полном объеме со всеми ее взлетами и падениями, не допуская односторонних толкований и умозрительных конструкций. Именно такой подход способен предотвратить превращение исторического прошлого в поле современных идеологических и политических войн.

Очень надеемся, что молодые историки разных стран окажутся достойными этой важной и благородной миссии.

А.К. Сорокин

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В.И. ВЕРНАДСКОГО В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИЙ 1905–1917 гг.

*Аксенова Екатерина Андреевна
(Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова)*

В истории каждого государства есть люди, чье наследие трудно переоценить, а на осмысление их вклада в развитие научной мысли и философии могут уйти десятилетия.

К таким мыслителям мы причисляем и великого русского ученого В.И. Вернадского, творчество которого на многие десятилетия определило развитие самых разных отраслей научного знания.

Проницательность и гуманизм, глубинное понимание процессов, происходящих в обществе, умение видеть причинно-следственные связи, трезво оценивать окружающую действительность в период радикальных изменений в истории нашего государства — всё это предопределило вовлечение Вернадского в историко-политические процессы своего времени.

События 1917 года как бы подводят промежуточный итог деятельности всего поколения либеральных современников Вернадского, пытавшихся, наравне с великим российским ученым, трансформировать государственное устройство России эволюционным путем, основываясь на идеалах демократии и прав человека.

Пожалуй, невозможно оценить масштаб неудачи либерального движения в России, не затронув основные вехи его становления и роль В.И. Вернадского в событиях 1905 и 1917 гг.

В 1886 году в Петербургском университете, под влиянием близких к толстовству утопических идей Вильяма Фрея, возникло Братство, членами которого стали многие будущие крупные деятели русской науки и культуры (братья С.Ф. и Ф.Ф. Ольденбурги, В.И. Вернадский, Д.И. Шаховской, И.М. Гревс и другие). «Братство было попыткой коллективным укладом жизни искания её смысла», — напишет В.И. Вернадский несколько десятилетий спустя¹.

В российском либеральном движении на рубеже веков вклад Братства нельзя переоценить, а каждый из его членов сыграет важную роль в грядущих событиях. Участники Братства стояли и у истоков создания конституционно-демократической партии, предтечей которой можно в полной мере считать Союз «Освобождение», созданный в 1903 году.

Именно в риторике Союза «Освобождение» открыто звучат призывы к ограничению самодержавия и установлению конституционного строя, а также провозглашается основополагающий принцип политической реформы, за-

---

¹ *Вернадский В.И.* Памяти проф. Н.Г. Ушинского // Природа. 1935. № 2.

ключающийся во всеобщей, равной, тайной и прямой подаче голосов. Этот лозунг стал девизом русской демократии — знаменитой «четырёххвосткой».

На съезде «Освобождения» в марте 1905 года была принята программа, постановляющая примат прав человека, требующая отмены смертной казни и ограничения монархии. Именно она послужила основой для будущей программы Конституционно-демократической партии.

Необходимо отметить параллельное участие В.И. Вернадского в другом движении либералов того времени — Бюро земских съездов, где на съездах принимались воистину революционные для того времени резолюции, содержавшие призывы организовать «народное представительство». Особое значение имеет третий общеземский съезд, который проходил в Москве с 22 по 26 апреля 1905 года. По его итогам была составлена петиция лично царю. Также В.И. Вернадский писал проект будущей конституции в рамках деятельности съезда земств и городских дум 6 июля 1905 года в Москве. Ученый был крайне удовлетворен результатами деятельности данного съезда, поскольку их проект в части свобод был осуществлен царем в Манифесте 17 октября 1905 года, а в части представительного учреждения — в Основных законах 26 апреля 1906 года, в первой русской конституции.

Другим важнейшим направлением деятельности Вернадского в тот период было движение за автономию университета. Обладая большим авторитетом и пытливым умом, Владимир Иванович понимает, что значение образования для государства намного выше, чем это видят приближенные к царю чины, слишком недалёковидные, корыстные, погруженные в придворные интриги. В его публицистике академические и политические интересы тесно переплетаются, поскольку именно в «осуществлении в стране гарантий элементарных прав человеческой личности»² В.И. Вернадский видит единственно возможную перспективу, о чем пишет в новой газете «Наши дни» сразу после второго земского съезда.

Посыл статьи Вернадского был подхвачен другими видными учеными и просветителями своего времени — Павловым, Салазкиным, Тимирязевым, Трубецким, Гревсом и, наконец, Сергеем Ольденбургом, создавшим инициативную группу, опубликовавшую знаменитую «Записку 342-х», в которой впервые открыто заявлялось о связи академической и политической свобод. Таким образом, именно В.И. Вернадский становится одним из активных участников реформы 1905 года, провозгласившей автономию университетов, что стало важнейшим шагом в формировании будущего облика нации.

Как видно из представленных фактов, В.И. Вернадский участвовал практически во всех сферах жизни государства — административной, политической, научно-просветительской. Общественно-политическая деятельность ученого логически проистекала из его убеждений и воззрений на российскую государственность. Так, ученый в Вернадском был неотделим от патриота, государственника. Уже тогда Владимир Иванович осознал, что единственным способом повлиять на вектор развития страны было активное участие в политической жизни.

---

² *Вернадский В.И.* О профессорском съезде // Вернадский В.И. Публицистические статьи. М.: Наука, 1995. С. 29.

Именно поэтому «кадетство», зародившееся в октябре 1905 года, стало для Вернадского естественным итогом либеральных устремлений ученого. Среди его единомышленников значились такие известные общественные деятели, как С.А. Муромцев, Ф.Ф. Кокошкин, Д.И. Шаховский, А.А. Корнилов, Ф.И. Родичев, П.Н. Милюков и другие. Так сам В.И. Вернадский в поздних дневниках описывает свой путь: «Стал кадетом, с одной стороны, незаметно жизненно через Братство, Союз освобождения, земскую дружескую среду. Из этих корней выросла моя партийность кадетская — незаметно, бытовым путём»³.

По поручению центрального комитета кадетской партии В.И. Вернадский был выдвинут от академической курии в качестве члена Государственного совета, где он заседал с апреля 1906 года с двумя перерывами (добровольные отставки — протесты) вплоть до зимы 1916 года.

Эйфория от первой победы демократии осенью 1905 года быстро прошла, когда ученому пришлось столкнуться с ужасающей реальностью практической работы верхней палаты правительства: «Вчера было заседание “прогрессивных” членов Государственного совета выборных и назначенных. Впечатление очень тяжелое и безнадежное. И безнадежное с двух сторон — с одной стороны, в смысле необычайно малой умственной силы, а с другой — и потому, что ведь это “цвет” Государственного совета! Мы почти наверно отделимся от них, и это вырешится сегодня, так как мы будем проводить наши взгляды до конца»⁴. Наиболее активное участие В.И. Вернадский принимал в работе комиссии по рассмотрению законопроекта об отмене смертной казни, но с роспуском Думы и Государственного совета в июле 1906 года дальнейшее продвижение закона стало невозможным.

Сведения о роспуске Думы произвели на ученого гнетущее впечатление, поскольку именно на Думу первого созыва возлагались наибольшие надежды. В.И. Вернадский в письме жене так описывает свои чувства: «Дорогая моя, пишу два слова. Дума распущена и не на каникулы, а совсем. Факт свершился — надо ждать последствий. Насколько могу видеть положение дел — это акт безумия и самоубийства»⁵.

Несмотря на то что именно на период первой революции 1905–1907 гг. приходится пик публицистической активности Вернадского, разочарование в политической действительности, осознание собственного бессилия как члена Государственного совета — все это привело к тому, что ученый подает в июле 1906 года прошение о выходе из Госсовета и предается научной работе, о чем вспоминал позже (в 1924 году) без видимого сожаления: «Но я никогда не мог уйти всецело в общественную и политическую жизнь, так как для меня главное было научная мысль, и искание всегда меня удерживало. Но может быть, оттого, что мои специальные интересы были дальше от гущи жизни»⁶.

После первого выхода из Госсовета в 1906 году и вплоть до событий революции 1917 года В.И. Вернадский сосредотачивается на науке (в частности, радиологии, минералогии, кристаллографии биогеохимии, биогеологии,

---

³ Мочалов И.И. Владимир Иванович Вернадский. Л.: Наука, 1982. С. 152.

⁴ Письма Н.Е. Вернадской. 1901–1908. С. 212.

⁵ Там же. С. 227.

⁶ Вернадский В.И. Дневники 1921–1925. М.: Наука, 1998. С. 148–149.

радиогеологии) и просвещении, но после «разгрома» Московского университета в феврале 1911 года и выхода из профессорского состава учреждения был вынужден переехать в Санкт-Петербург.

Особое внимание ученый уделяет развитию именно российской науки. О роли науки В.И. Вернадский пишет в статье 1913 года: «Не отрицая и не преуменьшая могущественного исторического влияния на демократизацию жизни религиозных и нравственных учений, связанных с великими религиозными или философскими системами, нельзя не отметить, что демократизация жизни и тесно связанное с ней уважение ко всякой без исключения человеческой личности исторически было прямым и непосредственным следствием научных успехов и роста научных знаний и научной техники»⁷.

Первая мировая война стала катализатором признания в обществе, промышленных кругах и правительстве значения науки. Это отразилось и на научных кругах. Так, по инициативе В.И. Вернадского в 1915 году была создана Комиссия по изучению естественных производственных сил (КЕПС), которую он и возглавил.

По замыслу В.И. Вернадского, КЕПС должна была заниматься инвентаризацией ресурсов страны, а также могла служить инструментом научного регулирования использования ресурсов. Очевидно, что за идеей создания КЕПС стоят идеи ученого, позднее оформившиеся в учение о ноосфере. На фоне успеха деятельности Комиссии В.И. Вернадский успешно выступает с программой создания сети научно-исследовательских институтов, навсегда изменившей научный ландшафт нашей страны.

В предреволюционный 1916 год Владимир Иванович, воодушевленный успехами в научно-просветительской работе, смотрит в будущее крайне оптимистично: «Сейчас время такое исключительное. Не только совершаются мировые события, и жизнь ставит на наше решение и требует понимания в сложнейших явлениях, которые окажут глубокое влияние на отдаленные поколения; одновременно с этим крупным совершаются резкие бессознательные или подсознательные изменения в духовной и экономической структуре общества и человечества, к которым тоже надо внимательно присматриваться»⁸.

Несмотря на то что великий российский ученый В.И. Вернадский на протяжении всей своей жизни занимался как научно-исследовательской, так и общественно-политической деятельностью, именно события февральской и октябрьской революций 1917 года настолько сильно повлияли на него, что баланс окончательно сместился в сторону научной работы.

Отправной точкой можно считать телеграмму, которую 26 февраля 1917 г. послали Николаю II члены Государственного совета. В ней предлагалось отречься от престола, сместить правительство и передать власть Временному комитету Государственной думы. Среди подписавших этот документ четырех выборных членов был и В.И. Вернадский⁹.

В творчестве Вернадского отразились главные вопросы, вставшие перед кадетской партией и Временным правительством после Февральской рево-

---

⁷ *Вернадский В.И.* Задачи высшего образования нашего времени // О науке. Т. II. С. 207.

⁸ *Вернадский В.И.* Письма Я.В. Самойлову, март 1916.

⁹ *Аксенов Г.* Вернадский. М.: Соратник, 1994. С. 216.

люции. Политическая позиция Вернадского была созвучна идеям кадетской партии в целом, хотя он, как всегда, высказывал независимые суждения, не был профессиональным политиком и в его публицистических выступлениях этого времени значительное место занимали теоретические аспекты актуальных исследований.

В.И. Вернадский одобрял и поддерживал внешнеполитический курс Временного правительства — соблюдение обязательств перед державами-союзниками и доведение войны до победы. Он был убеждён, что Россия и Франция являются «оплотом свободы Европы от Великой Германской империи»¹⁰. Кадетско-государственническая идеология проявилась и в аргументах в пользу продолжения войны с целью расширения сферы влияния России на ряд территорий. В частности, он пишет: «Для России выступают с железной силой вопросы экономического характера, настоятельно требующие решения вопроса о проливах, которые не могут находиться в руках чужого нам сильного государства»¹¹.

В марте 1917 г. В.И. Вернадский вновь был избран ординарным профессором Московского университета по кафедре минералогии и геологии с оставлением в занимаемой им должности в Академии наук.

В.И. Вернадский считал Временное правительство демократическим: «Война ведется великими демократиями, в число которых вернулась, наконец, и наша родина не с завоевательными целями»¹².

В мае 1917 г. он писал о «новой свободной России». Он видит угрозу России — ее свободе, целостности, независимости — в аморфности позиции, не самостоятельности большинства граждан. Он призывает соотечественников к гражданской ответственности, организованности и объединению в политические партии: «Бывают грозные эпохи в жизни страны, когда ни один человек нравственно не должен сметь оставаться вне политических партий, так как только этим путем он сможет стать свободным гражданином, будет закономерно проявлять свою волю и свою мысль в политической жизни, работать над превращением аморфной и мятущейся толпы в стройное организованное целое, обладающее возможностью влияния и воздействия на политическую жизнь страны»¹³.

В.И. Вернадский осуждал не созвучную с его собственными воззрениями на идеал российского государства политику большевиков, вовлекавших народные массы в борьбу за переход всей власти к Советам, сознательно обострявших социальное и политическое противоборство и выступавших против Временного правительства: это «внутренняя кровавая распря, междуусобная война». «В борьбе за интересы одного класса большевики потеряли не только государственное сознание, они оторвались от России»¹⁴, — пишет он в мае 1917 г.

Позиция ученого по вопросу организации общественного строя России, озвученная 4 июня 1917 г. в статье «Об автономии», заключалась в переходе

---

¹⁰ *Вернадский В.И.* Публицистические статьи. М., 1995. С. 224.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 226.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 231.

от монархии к новому обществу, от унитарного строя к федерации с развитым местным самоуправлением¹⁵.

В то же время в статье Вернадского «Задачи науки в связи с государственной политикой в России» (июнь 1917 г.) были конкретизированы основные направления научной работы, наиболее злободневные для России того времени с ее экономической разрухой, дезинтеграционными процессами в национальных и окраинных районах. В.И. Вернадский отмечал неоднородность физико-географических условий, этническое разнообразие России и, как следствие, центробежные тенденции. Учёный считал, что большое государство — великое благо для живущих в нем людей. Это прообраз мирного мирового сожительства народов. В сохранении единства Российского государства, уменьшении центробежных сил в нем В.И. Вернадский видел одну из наиболее важных задач государственной политики. Надо перейти, пишет В.И. Вернадский, к «политике национальной свободы, государственной поддержки национальных учреждений народностей, при сохранении государственного единства»¹⁶.

Указом Временного правительства от 11 августа 1917 г. он был утвержден в должности товарища министра народного просвещения. Он проявляет инициативу в создании новых учебных и научных центров, широкой организации внешкольного образования. Основные направления его выступлений по вопросам науки, образования и государственности — единство государственных интересов России, государственного строительства и научных изысканий. В.И. Вернадский настаивал на том, чтобы проблемы народного образования были приоритетными в развитии страны, в обеспечении ее безопасности и прогресса¹⁷.

Либеральная альтернатива общественного развития оказалась нереализуемой и неустраивавшей в бурной революционной ситуации 1917 года.

В Октябрьской революции В.И. Вернадский увидел и разрушительную силу. По его мнению, разворачивалась «небывалая в истории катастрофа или, может быть, новое мировое явление. И в нем чувствуешь себя бессильной пылинкой»¹⁸. Он приходит к выводу, что русский народ не подготовлен к жизни в условиях демократии: «Положение — трагическое: получили значение в решении жизненного строя силы и слои народа, которые не в состоянии понять его интересы. Ясно, что безудержная демократия, стремление к которой являлось целью моей жизни, должна получить поправки»¹⁹. У него складывается убеждение, что интеллигенция не знала народа. И в то же время он при-

---

¹⁵ Козиков И.А. В.И. Вернадский — создатель учения о ноосфере // Вестн. Киевск. ун-та. им. Тараса Шевченко. Философия. Политология. 2013. № 3 (113). С. 15.

¹⁶ Вернадский В.И. Публицистические статьи. С. 248.

¹⁷ Козиков И.А. В.И. Вернадский о российском государстве // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2007. № 2. С. 139.

¹⁸ В.И. Вернадский. Дневники 1917–1921 гг. / под ред. К.М. Сытника, Б.В. Левшина; сост. С.Н. Киржаев, А.В. Мемелов, В.С. Неаполитанская, М.Ю. Сорокина. Киев, 1994–1997. Т. 1. С. 28.

¹⁹ Вернадский В.И. Дневники. 1917–1921. Январь 1920 — март 1921. С. 43–44.

знавал: «в сущности массы за большевиков», «несомненно, в большевистском движении очень много глубокого, народного»²⁰.

В размышлениях В.И. Вернадского звучит и оптимистическая нота: «Вместе с тем и очень ясно чувствую силу русской нации, несмотря на ее антигосударственное движение... Что бы ни случилось в государственных формах, великий народ будет жить»²¹. В.И. Вернадский убежден, что поворот в развитии России в 1917 г. настолько «глубок, что то, что за ним сохранится, само по себе огромно»²².

После победы большевиков Временное правительство, его министры не покинули своих постов. В.И. Вернадский принимал участие в работе этого подпольного правительства, а также ЦК кадетской партии, на заседаниях которого обсуждались вопросы, связанные с участием в выборах в Учредительное собрание и сопротивлением советской власти. В.И. Вернадский подписал два документа, принятые на нелегальном заседании Временного правительства в Петрограде 16 ноября 1917г., «Обращение к русским гражданам» и о созыве Учредительного собрания. В «Обращении к русским гражданам» сложившаяся в России ситуация характеризовалась как тягчайшая смута и разрушение государства Российского. Граждане призывались «штучку и насилью противопоставить право и закон», «сплотиться вокруг Учредительного собрания для осуществления своей воли»²³.

В ноябре 1917 г., из-за опасений за свою жизнь и свободу В.И. Вернадский вынужден уехать в Полтаву, что ознаменовало завершение «революционного» периода общественно-политической деятельности великого российского ученого.

Все последующие годы В.И. Вернадский неоднократно возвращался в своих дневниках к осмыслению произошедшего. Революция 1917 года глубоко повлияла на воззрения ученого в вопросах демократии, социализма, роли интеллигенции и народа, идеала российского государства.

В дневниках 1918 года В.И. Вернадский так сформулировал свои задачи в изменившихся обстоятельствах: «Необходимо прямо смотреть в глаза прошедшему, пересмотреть все устои своего общественного верования, подвергнуть всё критике, ни перед чем не останавливаясь. Продумать всё искренне, до конца искренне». «Различие между народом и нацией. Народ был фетишем для интеллигенции. Между народом и интеллигенцией, в широком смысле этого слова, огромная рознь. Народ всё время стремился не к тому, к чему стремилось государство». «Русская интеллигенция заражена маразмом социализма. Народ невежественный. Идеалы чисто материалистические»²⁴.

---

²⁰ Там же.

²¹ *Вернадский В.И.* Дневники 1917–1921. Октябрь 1917 — январь 1920. С. 28–30.

²² *Вернадский В.И.* Из дневников октября — ноября 1917 г. Огонек. 1990. № 49. С. 13; *его же.* Дневники 1917–1921 гг. Октябрь 1917 — январь 1920. Киев, 1994. С. 29, 32, 43.

²³ *Вернадский В.И.* Публицистические статьи. С. 299–301.

²⁴ Цит. по: Владимир Вернадский. Открытия и судьбы / сост. Г.П. Аксенов. М.: Современник, 1993. С. 204.

В дневниках 1920 года ученый рассматривал в том числе и роль русской интеллигенции в революции 1917 года.

О своей глубокой переоценке ценностей он писал ближайшим друзьям, соратникам по либеральному движению. В письме И.И. Петрункевичу: «Но ведь поколениями русская интеллигенция подготовляла (и с какой энергией и страстностью) этот строй. Как химическая реакция, полученный результат освещает весь процесс. Должна в нашем самосознании произойти коренная перестройка ценностей! Радищев, Пестель, Желябов, Перовская и tutti quanti ближе к Магницкому, Бенкендорфу, Победоносцеву, чем к нам. Деятельность “Отечественных записок” или “Русского богатства” по существу деятельность глубоко реакционная»²⁵.

Но новые идеи не находили понимания у друзей, особенно в эмиграции. И.И. Петрункевич писал видному кадетскому деятелю Ф.И. Родичеву о письме, полученном от Вернадского: «Всё прошлое им сожжено без остатка... Он старается уверить меня, что всё, во что мы верили и что делали, это всё ближе к реакции [...], чем к тому, что мы воображали: к свободе, добру, порядку»²⁶.

Его отношение к большевистской власти, к декларируемому построению социализма в Советской России в 1920-х годах было отрицательным.

В.И. Вернадский отмечал «резкое противоречие» «большевизма, ведущего к новому массе, и того идеала — свободной человеческой личности, который нам дорог и который мы думали видеть в борьбе с абсолютизмом»²⁷.

Подобные мысли привели ученого к выводам, заключающимся во вторичности вопросов государственно-политического устройства, считая, что не так важна форма: монархия, демократия или республика, но содержание: свобода слова, мысли, веры и их реальное обеспечение при любой форме государственности.

Эти мысли коррелируют с ноосферными идеями В.И. Вернадского, занимавшими его выдающийся ум в послереволюционные годы. Несмотря на то что революция жестоко развенчала многие идеалы ученого, она позволила пересмотреть взгляды на перспективы развития российского государства при новой власти, прийти к признанию идеалов социализма.

Признавая идеалы научного социализма, он отвергал революционные пути достижения этих идеалов, разрушительную суть революций, классовый подход к путям развития общества и практику социализма в их реализации²⁸.

В конце жизни В.И. Вернадский приходит к убеждению, что жестокая власть большевиков была необходима для сохранения страны и создания предпосылок к дальнейшему развитию.

---

²⁵ «Я верю в силу свободной мысли.». Письма В.И. Вернадского И.И. Петрункевичу / публ. И.И. Мочалова / Новый мир. 1989. № 3.

²⁶ Думова Н.Г. Кончилось ваше время... М.: Политиздат, 1990. С. 204.

²⁷ Вернадский В.И. Дневники 1921–1925 / сост. В.П. Волков. М.: Наука, 1998. С. 119.

²⁸ Козиков И.А.В.И. Вернадский — создатель учения о ноосфере // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2013. № 3. С. 3.

К ВОПРОСУ О СЛЕДСТВИИ НАД ПОДСУДИМЫМИ МОСКОВСКИХ ОТКРЫТЫХ ПРОЦЕССОВ 1936–1948 гг.: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ¹

*Артамонова Жанна Владимировна, к.и.н.
(Российский государственный архив
социально-политической истории)*

Неотъемлемой частью репрессивной политики 1920–1930-х гг. являлись советские судебные политические процессы. Самые известные из них — три Московских открытых процесса 1936–1938 гг. — стали символами эпохи Большого террора. Среди пятидесяти четырех обвиняемых, прошедших по трем процессам, были известные партийные и государственные деятели (Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, Г.Л. Пятаков, Г.Я. Сокольников, К.Б. Радек, А.И. Рыков, Н.И. Бухарин, А.П. Розенгольц, И.А. Зеленский и др).

Все они обвинялись в убийстве С.М. Кирова, подготовке террористических актов против И.В. Сталина и членов Политбюро, с 1937 г. к обвинениям были добавлены вредительство, взяточничество, шпионаж, попытки государственного переворота. Обвиняемые были признаны Военной коллегией Верховного суда СССР виновными в совершении инкриминируемых им преступлений и приговорены в своем большинстве к расстрелу, семеро из них — к длительным срокам тюремного заключения. Из числа последних Г.Я. Сокольников и К.Б. Радек были убиты сотрудниками НКВД под видом сокамерников в мае 1939 г., а В.В. Арнольд, М.С. Строилов, Д.Д. Плетнев, Х.Г. Раковский и С.А. Бессонов — расстреляны при приближении гитлеровских войск 11 сентября 1941 г. в Медведевском лесу под Орлом вместе с 154-ми другими политзаключенными.

«Интересно будет почитать историю этих, как из рога изобилия сыплющихся “заговоров” тогда, когда она будет освещаться беспристрастно, т. е. через десяток, примерно, лет — тогда многое из того, что не ясно и туманно сейчас, станет ясным», — говорил в дни Московского процесса 1938 г. профессор медицины А.Г. Кан². История показала, что для подобного осмысления понадобился не один десяток лет. Параллельно с физическим уничтожением обвиняемых стиралась и любая память о них. Они исчезали с картин и фотографий, их книги изымались из общественного пользования, переименовывались города и улицы, переписывалась история. Сформулированная газетными публикациями, агитационной литературой, учебниками уголовного права

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 16-01-00243.

² Процесс Бухарина. 1938 г.: Сб. док. М., 2013. С. 763.

и «Кратким курсом» официальная трактовка этих событий оставалась неизменной почти до конца 1980-х гг.

Период перестроечной гласности положил начало обсуждению и осмыслению событий Большого террора. Тема Московских открытых процессов стала одним из локомотивов «нового прочтения» советской истории, щедро поставляя материал для формировавшегося усилиями журналистов, а нередко и историков, псевдонаучного обличительского направления. Однако масштабы и скорость т. н. «архивной революции» подтолкнули научное сообщество к более серьезному изучению этой темы — были опубликованы свидетельства очевидцев и документальные сборники, подготовлены статьи и монографии.

Между тем в обширном круге литературы о сталинском терроре 1930-х гг. отсутствуют монографии, посвященные механизму проведения Московских открытых процессов, их роли и месту в общей практике репрессий. Приходится констатировать, что Московские процессы так и не стали предметом самостоятельного исследования, изучались довольно поверхностно, большинству монографий присущи фрагментарность и узость спектра исследовательских проблем. Главным образом, это объясняется слабым использованием, а в некоторых случаях и простым игнорированием доступных в настоящее время архивных материалов. К сожалению, многие исследователи до сих пор используют источники, которые скорее искажают картину событий, нежели проясняют ее (речь идет, прежде всего, о прошедших цензуру стенограммах процессов и свидетельствах ряда перебежчиков из СССР)³. В настоящее время новое поколение историков, среди которых и автор настоящей статьи, пытается заполнить существующие в изучении этой темы значительные пробелы.

Доступные сегодня комплексы документов позволяют рассмотреть Московские открытые процессы как многомерный событийный узел. Иными словами, на основе архивных (частично опубликованных) документов мы можем исследовать этапы подготовки Московских процессов, механизмы их проведения, идеологическое и агитационно-пропагандистское сопровождение, формирование образа процессов за рубежом, оценить их восприятие обществом, итоги и последствия. Однако некоторые вопросы до сих пор, в силу отсутствия документов, остаются не до конца ясными.

Из всех загадок, которые ставили перед современниками и продолжают ставить перед нами Московские процессы, пожалуй, самая главная и трудная для понимания — признания подсудимых. С позиций сегодняшнего дня конструкция суда, держащаяся только на «самооговорах» и собственных «признаниях» подсудимых, представляется весьма шаткой. Тем не менее организаторы процессов были в ней уверены. Откуда бралась такая уверенность? Какими методами были добыты эти «признания»?

Современникам процессов казалось невероятным, что известные большевики, партийные деятели, соратники и друзья В.И. Ленина, участники Революции и Гражданской войны соглашались со всеми предъявленными им обвинениями и публично признавали их на весь мир. Писатель И. Евдокимов так говорил о Московском процессе 1938 г.: «В этом деле много еще темного,

---

³ См., например: *Солдатенко В.* Георгий Пятаков: оппонент Ленина, соперник Сталина. М., 2017.

непонятного. Неизвестно, как добываются у подсудимых подобные признания. (...) Невозможно ведь это понять нормальному человеку?»⁴. А.Б. Гатов, поэт и переводчик, в 1938 г. удивлялся, «почему арестованные с таким усердием признаются на суде. Это больше похоже на истерику, чем на правду»⁵. Проживающий в гостинице «Метрополь» американский подданный также не понимал, почему они сознаются, ведь «могли бы этого и не делать»⁶. Физик А.И. Шальников говорил: «Почему они признаются? Чем и кто заставляет их делать это? (...) Ведь много вещей есть недоказуемых, как было по процессу Пятакова, при которых не присутствовал никто третий или присутствовало лицо от иностранной державы, а это могила. Зачем же сознаваться и в этом?»⁷.

Физик П.П. Лазарев совершенно справедливо замечал, что «не так легко довести людей до такого состояния, чтобы они потеряли совершенно волю и повторяли, как попугай, то, что их заставляют говорить»⁸. По этому поводу аспирант одного из ленинградских институтов предполагал, что «подсудимые будут выступать под гипнозом, иначе невозможно объяснить, как такой человек, как Бухарин, согласится принять на себя эти обвинения»⁹. Выдвигались догадки, что в судебном зале сидели двойники или загримированные актеры, что признания были добыты с применением химических препаратов, подавляющих волю подсудимых, что в показательных процессах было нечто специфически русское, например привычка к самобичеванию и самопожертвованию («достоевщина», как тогда говорили). Были и те, кто пытался найти более реальные объяснения. Секретарь посольства Афганистана Юнус-Хан осторожно предполагал, что люди, представшие на суде, доведены «до слабости, до изнеможения бесконечными допросами и, кто знает, может, и другими какими-либо методами»¹⁰.

В 1941 г. за границей вышла книга А. Кестлера «Трагедия стальных людей», автор которой также пытался разгадать тайну признаний подсудимых на Московских процессах¹¹. Он пришел к убеждению, что старые большевики выходили на показательные процессы из чувства долга перед партией и даже на суде служили делу революции. По версии самого А. Кестлера, эта теория могла быть, с большой долей вероятности, распространена только лишь на некоторых подсудимых Московских процессов. Тем не менее версия Кестлера стала на долгое время практически единственной теорией, объясняющей эту проблему в целом.

Вопросы, которые задавали современники Московских процессов, не теряли своей актуальности и сегодня. Используемые методы следственной работы и приемы фальсификаций остаются до сих пор одной из самых неизвестных страниц в истории открытых процессов. Это объясняется несовер-

---

⁴ Процесс Бухарина. 1938 г.: Сб. док. М., 2013. С. 759.

⁵ Там же. С. 764.

⁶ Там же. С. 788.

⁷ Там же. С. 793.

⁸ Там же. С. 792.

⁹ Там же. С. 814.

¹⁰ Там же. С. 788–789.

¹¹ Кестлер А. Слепящая тьма. М., 1989.

шенством современной архивной системы — *распыленность архивных фондов* (главным образом, речь идет о раздроблении единого фонда ЦК, центральных партийных учреждений и местных руководящих органов РСДРП(б) — РКП(б) — ВКП(б) — КПСС между РГАСПИ и РГАНИ), *параллельное существование ведомственных и государственных архивохранилищ* и — самое главное — *отсутствие доступа исследователей к принципиальным источникам*. Стоит открыто признать, что наиболее ценная и информативная часть фондов госбезопасности (прежде всего, документы внутреннего делопроизводства) остается недоступной.

Именно поэтому в современных исследованиях практически отсутствует информация о технологиях следственной работы и признаниях подсудимых на Московских процессах. В настоящее время по этой теме доступны лишь две группы документов. Во-первых, это протоколы допросов обвиняемых, которые регулярно присылались И.В. Сталину и до сентября 1936 г. Н.И. Ежову¹². Они представляют собой машинописные копии и сопровождаются докладными записками со сжатой, наиболее важной информацией из прилагаемых протоколов допросов о ходе следствия и дальнейших арестах. С помощью этих документов можно поэтапно изучить разработку обвинительной составляющей дела, попытаться определить интенсивность следствия, понять, какие аспекты дела в тот или иной момент привлекли внимание его организаторов, по каким принципам происходил отбор подсудимых для участия в процессах, а по оставленным на документах подчеркиваниям, пометам и резолюциям Сталина можно сделать выводы о его директивных указаниях и даже эмоциональном состоянии. Между тем очевидна и ограниченность этих материалов — они существенно отредактированы и сокращены, поэтому и не отражают технологий следственной работы. Вторая группа — доклады Комиссии ЦК КПСС по изучению материалов о процессах за 1950-е гг., в которых цитируются свидетельские показания бывших сотрудников НКВД и заявления подсудимых, приговоренных к тюремным срокам. Эти свидетельства скудны, фрагментарны и малочисленны¹³.

Кроме того, к ним нужно относиться с большой долей осмотрительности, поскольку цитаты из указанных документов не могут быть проверены другими источниками. Для изучения следствия можно использовать заявления и письма других репрессированных партийных деятелей, которые также проходили по этим делам, но не были отобраны в качестве участников показательных процессов. Несмотря на встречающиеся в этих документах описания допросов и очных ставок, нужно принимать во внимание, что эта информация дает представление в целом об атмосфере следствия в те годы, но в то же время не имеет прямого отношения к «признаниям» подсудимых на процессах¹⁴.

---

¹² РГАСПИ. Ф. 671 (Н.И. Ежов) Оп. 1; Ф. 17. Оп. 171 (Постановления Политбюро ЦК РКП(б), ЦК ВКП(б), ЦК КПСС о деятельности антипартийных групп).

¹³ Частично эти материалы опубликованы: Реабилитация: политические процессы 30–50-х годов. М., 1991; Процесс Бухарина. 1938 г.: Сб. док. М., 2013. С. 832–858. Небольшое количество материалов о работе комиссии есть в РГАСПИ: Ф. 17. Оп. 171. Д. 446, 452, 456–462. Некоторые из этих материалов остаются на секретном хранении.

¹⁴ См., например: Ф. 671. Оп. 1. Д. 257. Д. 254–258.

Как видим, доступные на сегодняшний момент документы о следствии вторичны, полученная на их основе картина событий размыта, изобилует явными лакунами, многие выводы носят гипотетически характер. Именно поэтому исследователи ограничиваются общими фразами о применяемых к арестованным мерах физического и морального воздействия («конвейерные» допросы, очные ставки, в том числе и в присутствии членов Политбюро, угрозы в адрес семьи, запугивания расстрелом, призывы «разоблачиться» во имя партии, обещания сохранить жизнь). Не вызывает сомнения, что подобных «общих выводов» явно недостаточно.

В этой ситуации огромное значение приобретает поиск и работа с «альтернативными» источниками, оставшимися без внимания исследователей. Одним из таких первичных источников могут стать ходатайства о помиловании осужденных на Московских процессах 1936–1938 гг.

Выбранная руководством страны форма показательного и гласного судебного процесса требовала, пусть и видимого, соблюдения уголовно-процессуальных норм, установленных советским законодательством. Так, накануне первого Московского процесса 14 августа 1936 г. было принято постановление Президиума ЦИК СССР, в котором сообщалось, что дело будет проводиться в изъятии из постановления ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г. и слушаться Военной коллегией Верховного суда СССР по ст. ст. 58 п. 8 и 58 п. 11 УК РСФСР с соблюдением всех правил, установленных УПК РСФСР¹⁵. Подобные решения были приняты и в отношении двух других Московских процессов. Поэтому после оглашения приговора подсудимым была дана возможность подать в Президиум Верховного совета СССР ходатайства о помиловании. Все, кроме А.П. Розенгольца в 1936 г. и приговоренных к тюремному заключению в 1937 г. и 1938 г. (кроме С.А. Бессонова), написали ходатайства. Некоторые (Бухарин, Рыков, Иванов, Максимов-Диковский) подали по два ходатайства о помиловании — одно они написали сразу же, в зале суда, другое — во внутренней тюрьме Лубянки¹⁶. Президиум Верховного совета СССР отклонил поданные ходатайства, и приговор о расстреле был приведен в исполнение.

Ходатайства (прошения) в органы власти с просьбами о пересмотре уголовных дел, помиловании или реабилитации относятся к источникам личного происхождения. В архивах хранится большой массив подобных документов. Ходатайства осужденных на Московских процессах являются в этом ряду уникальными источниками. Это объясняется обстоятельствами их создания. Они были написаны людьми, находящимися в состоянии между жизнью и смертью, в сильнейшем психологическом и эмоциональном напряжении, написаны спонтанно, под влиянием непрерывных судебных заседаний. У приговоренных не было ни душевных сил, ни времени для того, чтобы осмыслить происходящее и продумать каждое слово своего прошения.

Эти документы — свидетельства о последних минутах жизни обвиняемых. Ходатайства подсудимых Московских процессов отличаются от ходатайств, к

---

¹⁵ Правда. 15 августа 1936 г. С. 2.

¹⁶ Ходатайства 1936 г. — см. ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 64. Д. 1842. Ходатайства 1937 г. — см. ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 64. Д. 1982. Ходатайства 1938 г. опубликованы: Процесс Бухарина. 1938 г.: Сб. док. М., 2013. С. 737–750.

примеру, времен «оттепели» тем, что их авторы ждали не столько соблюдения прав, сколько милости и пощады. Таким образом, ходатайства о помиловании 1936–1938 гг. обладают большим информационным потенциалом и позволяют ответить на некоторые неочевидные (в силу отсутствия документов) вопросы о методах следственной работы. Именно поэтому эти источники заслуживают самого внимательного прочтения.

Все ходатайства составлены с соблюдением официального стиля, присущего подобным документам. Они имеют стандартный набор реквизитов — адресат (Президиум Верховного совета СССР), автор ходатайства, дата и время (указывалось не всегда) его составления.

Большинство ходатайств не отличаются друг от друга по содержанию, порядку изложения материала и стилю написания. Они лаконичны, не отражают личных переживаний и спектра настроений их авторов. Интонации практически не улавливаются. Затронутые в ходатайствах темы идентичны, некоторые фразы повторяются почти дословно. В ходатайствах отсутствуют бессистемность в изложении материала и сбивчивость, которые можно было бы ожидать, зная обстоятельства их создания. Порядок предложений в них повторяется. Таким образом, ходатайства похожи друг на друга в структурном и смысловом отношении. Обозначим схематично темы ходатайств, их содержание и последовательность:

1. Факт о свершившемся. «13 марта с.г. ВКВС приговорила меня к расстрелу», «ВКВС я приговорен к ВМН — расстрелу».

2. Признание вины («вина моя тяжела (велика, безмерна), я это признаю», «я совершил тягчайшие (самые страшные, чудовищные преступления»)).

3. Признание полного искупления своего «греха» на процессе («от суда и органов охраны государственной безопасности ничего не утаил», «я полностью раскаялся (глубоко осознал, разоружился, признался), «я дал следствию и суду самые подробные (правдивые, честные, чистосердечные, исчерпывающие показания»)). Наиболее ярко об этом написал в своем ходатайстве Н.И. Бухарин: «Я внутреннее переоружился и перевооружился на новый социалистический лад. Я передумал все вопросы (...). Шаг за шагом я пересматривал свою прошлую жизнь. Прежний Бухарин уже умер, он уже не существует на земле. Если бы мне была дарована физическая жизнь, то она пошла бы на пользу социалистической родине. О пощаде, мотивируя это своей работоспособностью и апеллируя к революционной целесообразности. Вложите хоть частичку в эту жизнь! Дайте возможность расти новому, второму Бухарину... Он уже родился, дайте возможность хоть какой-нибудь работой»¹⁷.

4. Просьба о жизни как о последнем шансе для доказательства своей благонадежности и восстановления идентичности с советским обществом («прошу даровать мне жизнь (помиловать, пощадить), чтобы хоть немного загладить (доказать, искупить) трудом свою вину перед народом (советской родиной»)).

В 1936 г. просьба о помиловании нередко выражалась через историческую рефлексию («напоминание»). Так, Смирнов напоминал Президиуму ЦИК СССР о своем происхождении («из семьи рабочих низов») и жизни, наполненной этапами и тюрьмами. Прося о помиловании, Смирнов пишет: «Я много раз видел смерть в глаза, но это бывало тогда, когда я бился за свой родной

---

¹⁷ Процесс Бухарина. 1938 г.: Сб. док. М., 2013. С. 738.

класс и свою партию. И не испытывал я страха смерти тогда. Сейчас надо мной занесен меч пролетарского правосудия и ужасно умирать от руки своего же государства»¹⁸. Подобная рефлексия встречается и в ходатайстве Дрейцера: «Ведь было время, когда я был полезным членом Советской страны. Было время, когда меня даже отличали (награждали на фронтах двумя орденами Красного Знамени). Я сейчас не враг и не всегда им был»¹⁹.

В ходатайствах 1937 г. и 1938 г. подобных попыток уже не встречается. Исключение составляют ходатайства кремлевских врачей, напоминающих о своих научных достижениях. Так, в ходатайстве с просьбой о смягчении приговора врач Плетнев писал: «Моя научная и врачебная деятельность в достаточной степени известна в Союзе и за пределами его. За все годы Советской власти я работал не покладая рук на научном, педагогическом и врачебном поприще. Мною и моими учениками выпущен ряд научных работ, из которых некоторые заслужили международное признание. Шесть моих учеников являются ныне профессорами Советских медицинских наук. Не без успеха я лечил и вылечил не один десяток ответственных работников Союза. Невзирая на мои немолодые годы, я и в тюрьме не прекратил научной работы и написал там книгу размером в 10–12 печатных листов. Прошу дать мне возможность отдать остаток моей жизни, мои знания и опыт родине и советской науке»²⁰.

Лишь небольшое количество ходатайств (Смирнова, Ваганяна, Бухарина и Плетнева) отличаются по стилю и порядку изложения материала. Они напоминают скорее письма, нежели официальные документы, отображая личностные особенности их авторов, темперамент и эмоциональное состояние.

Встречаются и односложные ходатайства (Рыкова, Ягоды, Буланова, Крючкова, Норкина, Мрачковского, Каменева). Так, например, в первом ходатайстве Рыкова, написанном им в зале суда, сразу же после оглашения приговора, всего две строки: «Приговором ВКВС я приговорен 13 сего марта к расстрелу. Прошу о помиловании»²¹. Второе ходатайство, написанное уже в камере, более развернутое. Ходатайство Каменева также очень краткое: «Глубоко раскаиваюсь в тягчайших моих преступлениях перед пролетарской революцией, прошу, если президиум не найдет это противоречащим будущему делу социализма, дела Ленина и Сталина, сохранить мне жизнь»²². Подобные ходатайства, свидетельствующие, на наш взгляд, о подавленности и обреченности их авторов, также надо иметь в виду, изучая психологическое состояние подсудимых Московских процессов.

Как видим, большинство ходатайств написаны однотипно и не формируют образа адресата. Какова же тогда цель этих документов? Являлись ли они формальным соблюдением «правил игры», т. е. норм судопроизводства, с заранее известным финалом? Как рассматривали ходатайства сами их авторы?

Изучение доступных документов показывает, что следователи на протяжении следствия и в ходе процесса широко использовали целый арсенал средств давления, меняющийся от одного подсудимого к другому. На-

---

¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 64. Д. 1842. Л. 8–8 об.

¹⁹ Там же. Л. 20 об.

²⁰ Процесс Бухарина. 1938 г.: Сб. док. М., 2013. С. 750.

²¹ Там же. С. 739.

²² Там же.

ряду с физическими методами воздействия, которые, судя по всему, нечасто применялись к обвиняемым Московских процессов, следователи активно использовали и психологические приемы. Одним из них стало убеждение, что показательный процесс позволит обвиняемым полностью «разоружиться» и только тогда начать новую жизнь. Этот психологический прием обвиняемые транслировали и в своих тюремных письмах к руководителям страны и родственникам. Так, к примеру, Зиновьев писал: «Если бы я имел возможность всенародно покаяться, это было бы для меня большим облегчением»²³.

Между организаторами процесса и некоторыми подсудимыми было заключено своего рода «соглашение» — правильное поведение на процессе гарантировало сохранение жизни подсудимых или их родственников. Именно поэтому основной темой ходатайств стала тема полного раскаяния на следствии и процессах. Ходатайства писались как напоминание о выполненном предварительном условии.

При этом если у приговоренных на первом Московском процессе 1936 г. не было осведомленности относительно позиции руководства страны в отношении их дальнейшей судьбы, то подсудимые последующих процессов знали печальную судьбу своих предшественников. Тем не менее ходатайства были написаны и ими. Немаловажную роль здесь сыграл тот факт, что двум подсудимым второго процесса 1937 г., Радеку и Сокольникову, была дарована жизнь. Возможно, организаторы процессов рассматривали эти помилования как «уловку» для других обвиняемых.

В пользу этих выводов говорят и реабилитационные материалы 1950-х годов. «Перед судом подготовка арестованных шла по двум направлениям. С одной стороны, путем разных обещаний (как правило — сохранения жизни) уговаривали твердо стоять на определенных позициях. С другой стороны — заранее формулировали ответы арестованных и последние опять-таки репетировали их». М.П. Фриновский позднее показывал: «Долго говорил он (Ежов) с Ягодой, разговор этот касался, главным образом, убеждения Ягоды в том, что его не расстреляют. Ежов несколько раз беседовал с Бухариным и Рыковым и тоже в порядке их успокоения заверял, что их ни в коем случае не расстреляют. Раз Ежов беседовал с Булановым, (...) говорил: “Держись хорошо на процессе, буду просить, чтобы тебя не расстреляли”»²⁴. В одном из тюремных заявлений Плетнев писал, что следователи предложили ему «альтернативу»: «Или при моем упрямстве пожизненное заключение в тюрьме и смерть в ней, или при “сознании” (...) через 2–3 месяца после суда полное освобождение и научная работа — одним словом, “повторение судьбы Рамзина»²⁵». Это же косвенно было подтверждено Ежовым. Результат известен. Я настолько доверял органам правительства, что мне и в голову не могла прийти мысль о лжи и шантаже со стороны кого-нибудь, тем более члена Политбюро»²⁶.

---

²³ Реабилитация: политические процессы 30–50-х годов. М., 1991. С. 164.

²⁴ Процесс Бухарина. 1938 г.: Сб. док. М., 2013. С. 856.

²⁵ Инженер-тепломеханик Л.К. Рамзин был приговорен на процессе по делу о «вредительстве в промышленности» (процесс «Промпартии») 7 декабря 1930 г. к расстрелу, который был по постановлению ВЦИК заменен на 10 лет заключения. Работал в Особом конструкторском бюро ОГПУ–НКВД, был амнистирован в 1936 г. и награжден Орденом Ленина.

²⁶ Процесс Бухарина. 1938 г.: Сб. док. М., 2013. С. 852.

Таким образом, ходатайства о помиловании осужденных на Московских процессах показывают, что некоторым подсудимым были даны обещания сохранить жизнь. Обвиняемых уверяли, что смертный приговор будет тоже частью сценария, за которым в этот раз и именно в отношении этого человека непременно последует помилование. Поэтому приговоренные и хватались за прошения как за «последний шанс» напомнить о выполненном предварительном условии. Подсудимые ждали от руководства страны не справедливости, а милости. Это был последний крик затравленных людей, пытающихся доказать, что все требования, предъявленные им, выполнены.

Настоящая статья представляет собой лишь промежуточные результаты исследовательского проекта автора о Московских открытых процессах 1936–1938 гг. Ходатайства о помиловании позволяют документально подтвердить некоторые выводы о технологиях проведенного в 1936–1938 гг. следствия. Полноценное и детальное изучение этого вопроса возможно только с помощью выявления и исследования наиболее полного комплекса архивных документов. Без этой сложной исследовательской работы изучение причин «признаний» подсудимых на Московских открытых процессах так и не сдвинется с мертвой точки.

УЧЕБНИК ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ КАК КОНСТРУКТОР ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ (на примере революционных событий 1917 года)

*Борзых Наталья Евгеньевна
(Школа № 64, Самара)*

Одной из значимых проблем отечественного образования, привлекающей внимание общественности, педагогического сообщества и власти, была и остается проблема создания качественного учебника истории, соответствующего современным требованиям.

Учебная литература отражает состояние профессиональной историографии. Еще в конце XIX — начале XX в. каждая научная школа старалась воплотить свои идеи не только в специальных исследовательских трудах, но и в массовых изданиях. Популяризация различных интерпретаций исторического процесса, переплетавшегося с преподаванием в средней и высшей школе, стала обязательным элементом исторической науки. Историографическая практика 1990-х и начала 2000-х годов показала, что именно учебники истории часто являются первоисточниками исторических концепций, что новые подходы и оценки исторического прошлого звучат сначала в учебной литературе.

Историческая наука имеет выход в социальную практику через учебники истории, осуществляя тем самым связь между наукой и обществом. Через школьные учебники истории предлагается гражданам такой вариант исторических знаний, который позволяет ученикам идентифицировать себя со страной, ее прошлым и настоящим. Ценностные и оценочные составляющие являются неотъемлемой частью познавательного-мировоззренческой модели школьного курса истории, и, соответственно, попытки их отделить от школьной истории могут привести лишь к появлению мировоззренческого вакуума и распространению ценностных суррогатов.

Новым элементом последних десятилетий становится «мода на историю», историческую память. Современное общество постоянно меняется: сокращается пространство и убыстряется время, общество чувствует, что теряет прошлое, и это ощущение потери приводит к появлению культа памяти — постоянному культивированию воспоминаний, прошлого как наследия. Государства создают новые праздники, назначают новых национальных героев, комиссии по национальной истории борются за чистоту памяти. Крах старых идеологий не позволяет представить обществу будущее, в связи с чем происходит обращение к прошлому, например интерес к своим родословным, истории фамилии или увлечение исторической реконструкцией.

Учебник по истории является своеобразным ретранслятором социальной памяти. В этом плане наибольшее влияние он испытывает со стороны госу-

дарственной власти в форме политического заказа, ибо именно власть определяет, как следует представлять прошлое, что нужно помнить, а что следует вычеркнуть из памяти, забыть: «Исследование учебных текстов, причем не только российских, показывает, что вместо изложения достоверных фактов... им предлагается готовый образ, в котором, прежде всего, отражаются предпочтения авторов — не столько научные, сколько политические... Получая готовую... убедительную на первый взгляд, концепцию, школьник, лишаясь возможности диалогического рассмотрения ситуации, в дальнейшем “присваивает” предложенную ему версию, полагая ее единственной; таким образом, в его память закладывается готовая конструкция»¹.

С другой стороны, учебник по истории сам конструирует историческое сознание школьников и даже во многом определяет поведение нового поколения граждан страны, «...забывая большинство дат и имен, а зачастую отбрасывая все оценки учебника, ученик усваивает модель мышления и стиль, заданные книжкой»².

Механизмы взаимодействия науки и исторического сознания сложны и неоднозначны. Однако, безусловно, одним из действенных инструментов, благодаря которым осуществляется их взаимосвязь, является передача накопленных исторических знаний и представлений молодому поколению. В этой связи большое значение приобретает изучение исторического образования, причем не только высшего, но и школьного. Школьное образование с точки зрения изучения путей формирования исторического сознания представляется даже более значимым, поскольку охватывает большой пласт населения.

Таким образом, учебник по истории играет важную роль в жизни общества. Испытывая постоянное влияние государственной идеологии, он представляет собой один из конкретных механизмов формирования знаний и представлений, памяти о прошлом в соответствии с установленными государством целями и существующими ценностями. Одновременно, с другой стороны и в свою очередь, включенный в систему официального образования, он предстает своеобразным «конструктором» исторического сознания учащейся молодежи.

В историческом сознании нескольких поколений советских граждан одними из ключевых событий были события Октября 1917 года. Школьнику полагалось знать о наличии предпосылок социалистической революции в России, о том, что «Россия — слабое звено в цепи империализма»³, в ней к началу 1917 года существовал политический кризис, грозивший в любое время вылиться во всенародное восстание. Первая мировая война ускорила назревание революции. Хозяйственная разруха достигла катастрофических масштабов. Чаша народного терпения переполнилась. Произошел подъем народной борьбы, в котором большую роль сыграли большевики. Царизм и буржуазия стремились предотвратить революцию, но не смогли. В событийно-понятийный ряд входили следующие структуры: революционная ситуация,

---

¹ *Портнов А.* Terra Hostica: Образ России в украинских школьных учебниках истории после 1991 года // *Неприкосновенный Запас: дебаты о политике и культуре.* 2004. № 4 (36). С. 75.

² Там же. С. 75.

³ *Берхин И.Б.* История СССР. 1917–1978. М., 1979. С. 130.

буржуазно-демократическая революция, образование Советов, двоевластие, кризисы Временного правительства, большевизация Советов, нарастание общенациональной катастрофы, подготовка большевиками вооруженного восстания, Второй Всероссийский съезд Советов, образование советского правительства, социалистическая революция. Ключевая установка учебника: «Октябрьская социалистическая революция явилась закономерным результатом всего предшествующего развития нашей страны, всего мирового исторического процесса»⁴.

Стоит отметить очень важную деталь, характерную для советского учебника истории, которую упустили учебники современной России, — наличие положительных образов для подражания, своего героического пантеона. По фигурам национальных героев достигается общественный консенсус. Конечно, очень сложно найти «героев» и «антигероев» в таких событиях, как Революция или Гражданская война, так как критерий отбора неясен, в отличие от событий войны, где сразу понятно, кто «герой», а кто «нет».

Получается, что не великие личности создают революционные эпохи, не герои определяют ход событий, а, наоборот, история с ее революционными периодами создает героев, выдающиеся способности которых проявляются в направлении, указанном самой жизнью. Исторический деятель — это не гений-одиночка, противостоящий тупой и покорной массе. Исторический деятель всегда является представителем определенной общественной силы, определенного класса. Не исторические деятели создают общественные силы, которые делают историю, а, наоборот, общественные силы, общественные классы, которые создают саму историю, выдвигают исторических деятелей. Не деятельность личности определяет деятельность класса, а деятельность класса, его борьба, степень политической зрелости, задачи, стоящие перед ним определяют и деятельность личности, выдвинутой классом.

В советском учебнике отбор героев основан на марксистской концепции о соотношении субъективных и объективных факторов в истории. К числу «героев» революции принадлежат «любимый вождь и друг советского народа» Владимир Ильич Ленин, «профессиональный революционер» М.В. Фрунзе, финский рабочий, с риском для жизни отправившийся в Смольный, Эйно Рахья, Анатолий Желязников — «Герой Октября, за его голову Деникин обещал награду» и т. д.⁵

Цели и задачи исторического образования определяются с 2004 года государственным стандартом общего образования для основной и средней (полной) школы и включают в себя: воспитание патриотизма, уважение к истории и традициям нашей Родины, к правам и свободам человека, демократическим принципам общественной жизни, формирование ценностных ориентаций в ходе ознакомления с исторически сложившимися культурными, религиозными и этнонациональными традициями и применение их для жизни в поликультурном обществе; освоение знаний о важнейших событиях, процессах отечественной и всеобщей истории. Для обучающихся 10–11 классов звучит воспитание гражданственности, национальной идентичности, развитие мировоззренческих убеждений на основе осмысления ими исторически сложив-

---

⁴ Берхин И.Б. Указ. соч. С. 134.

⁵ Там же.

шихся культурных, религиозных, этнонациональных традиций, нравственных и социальных установок, идеологических доктрин; развитие способности понимать историческую обусловленность явлений и процессов современного мира, определять собственную позицию по отношению к окружающей реальности, соотносить свои взгляды и принципы с исторически возникшими мировоззренческими системами, формирование исторического мышления, освоение систематизированных знаний об истории человечества.

Цели и задачи исторического образования сегодня определяются в федеральном государственном образовательном стандарте основного и общего (полного) образования, и также историко-культурном стандарте 2013 года. Звучат они следующим образом: формирование гражданской, этнонациональной, социальной, культурной самоидентификации личности обучающегося, осмысление им опыта российской истории как части мировой истории, усвоение базовых национальных ценностей современного российского общества: гуманистических и демократических ценностей, идей мира и взаимопонимания между народами, людьми разных культур; формирование мировоззрения, соответствующего современному уровню развития науки и общественной практики; владение комплексом знаний об истории России и человечества в целом⁶.

Тема революции 1917 года является одной из самых сложных, объемных в курсе истории Отечества. Не случайно в историко-культурном стандарте она отнесена к «двадцати трудным вопросам». Трудный вопрос № 9 сформулирован в ИКС так: «Причины, последствия и оценка падения монархии в России, революции 1917 года, прихода к власти большевиков и их победы в Гражданской войне».

Пожалуй, один самых сложных аспектов современного учебника – это терминология. В ИКС, утвержденным Российским историческим обществом и взятым в качестве теоретико-концептуальной базы новой линейки единого учебника, введено понятие «Великая российская революция» относительно событий 1917 года. В свою очередь, новые учебники двух ведущих издательств или пропустили данное понятие (изд-во «Дрофа»), или ввели, но никак не обозначили (изд-во «Просвещение»). Авторы учебника издательства «Просвещение» не объясняют, почему революция названа Великой, почему российская, а не русская и каковы ее хронологические рамки (заканчивается ли она в октябре 1917 года или в 1921 году?). Стоит отметить, что данный термин не является принципиально новым для учебной литературы. В учебнике А.А. Левандовского, Ю.А. Щетинова и С.В. Мироненко был введен термин «Великая российская революция», под которым понимался период, состоящий из февральского, приведшего к леворадикальной диктатуре, и октябрьского, перевернувшего социально-экономические, политические, культурные устои России и оказавшего влияние на весь мир, этапов⁷.

---

⁶ Историко-культурный стандарт. URL: <http://rushistory.org/proekty/kontseptsiya-novogo-uchebno-metodicheskogo-kompleksa-po-otechestvennoj-istorii/istoriko-kulturnyj-standart.html#5>

⁷ *Левандовский А.А.* История России, XX — начало XX века. 11 класс: Учеб. для общеобразоват. учреждений: базовый уровень / А.А. Левандовский, Ю.А. Щетинов, С.В. Мироненко. 3-е изд. М.: Просвещение, 2009. С. 76.

Для советского учебника ключевыми понятиями в рамках данной темы были: пролетариат, классовая борьба, диктатура пролетариата, мировая революция и триумфальное шествие советской власти. В новом учебнике спектр понятий расширился за счет включения в него таких понятий как: «большевистский план монументальной пропаганды», «мешочники», «рассказчивание», но при этом продолжает активно использоваться «советская терминология», например, «классовая борьба» и «диктатура пролетариата».

Революция 1917 года в новых учебниках истории получилась безликая. Роль личности никак не показана, если в советском учебнике, и даже в учебниках 1990-х – начала 2000-х гг. были характеристики и образы В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого и др., то новый учебник просто перечисляет имена, кто такой В.И. Ленин и какова его роль в партии и в самом событии останутся неизвестными для современного школьника и ответы придется искать в других источниках. В конце параграфа в учебнике издательства «Просвещение» есть следующее задание: «Составьте характеристики деятельности В.И. Ленина, А.Ф. Керенского, Л.Г. Корнилова, выделив основные направления и результаты их деятельности в 1917 году. Выразите свое собственное отношение к их роли в событиях того времени».

Данный вопрос подразумевает, что ученик должен авторскую позицию присвоить себе и на основе его оценок сделать выводы о роли той или иной личности, ведь никаких дополнительных источников ни в тексте параграфа, ни после него нет. Нет и списка источников, где можно более подробно ознакомиться с биографией и ролью каждого из участников, которому просят дать оценку. Но авторы учебников, не только этого, но в принципе нового единого учебника, не показывают своего отношения к участникам, в данном случае имеется в виду отношение к личности, с позиций теоретико-концептуального мировоззрения автора, а не его морально-нравственных оценок, получаются в итоге сухие перечни имен через запятую с редкими приписками «большевик», «меньшевик».

Интересно посмотреть на соотношение списка имен ИКС, который должен был стать основой для нового единого ученика, и именами в самом учебнике. Рассмотрим это на примере учебника издательства «Просвещение», так как именно их линейку выбирают в основном учителя. Историко-культурный стандарт в качестве деятелей, которых следует изучить в курсе истории в рамках данной темы, вводит 24 имени, вместе с участниками Гражданской войны. Перечень имен не сильно отличается от перечня советского периода: В.И. Ленин, М.В. Фрунзе, М.И. Калинин, А.В. Луначарский. В числе персоналий есть личности, которых сложно отнести к героям российской истории. В данном случае под героем стоит понимать действующее лицо, участника событий, который сыграл определенную роль в этом событии. Так, в ИКС есть имя гетмана П.П. Скоропадского, которого сегодня можно отнести скорее к «антигероям» за идеи национального сепаратизма⁸. В самом учебнике под ре-

---

⁸ См., например, выступление Шаповалова Владимира Леонидовича, заместителя директора Института истории и политики МПГУ, ученого секретаря АИСО–НИР в дискуссии «История. Предметная площадка. Конференция «Вопросы обновления содержания общественно-научного образования в российской школе». URL: <https://drofa-ventana.ru/material/konferentsiya-voprosy-obnovleniya-soderzhaniya-obshchestvenno-nauchnog-hist-1/>

дакцией А.В. Торкунова упоминания о гетмане нет, общее количество имен в учебнике по этому периоду гораздо больше за счет имен деятелей культуры. Отдельное внимание хотелось бы уделить имени А. Колчака. Сегодня в российских школах есть тенденция романтизации и героизации адмирала, большую роль здесь сыграл фильм «Колчак». В учебниках есть упоминание об адмирале, хотя он не входит в печень персоналий ИКС.

С юридической точки зрения сегодня нельзя героизировать А. Колчака, поскольку он, как и П.Н. Краснов, не был реабилитирован, так как в судебном порядке признано, что они совершили преступление против гражданского населения и мирных граждан. В данном случае, конечно, очевидно, что приходится отойти от академической традиции оценки роли личности, но в виду того, что медийные образы, которые легко переходят в ярлыки, от которых практически нельзя избавиться, формируют тот самый пантеон героев, учитель вынужден выделить такой критерий героизма с точки зрения политической и государственной целостности. К сожалению, современный новый учебник здесь не поможет ни учителю, ни ученику.

Не прозвучало в новых учебниках и выводов и оценок событий 1917 года. Хочется отметить, что нет никакой оценки авторов ни в одном из издательств о том, что такое 1917 год для России. Если в советском учебнике значимым является организация советского государства как братского социалистического союза всех народов; полное освобождение народов России; отказ от уплаты иностранным государствам всех долгов; укрепление власти пролетариата — строителя социализма; основание III Коммунистического Интернационала (Коминтерна) — руководителя рабочего класса во всем мире, то вот какой итог находим в едином учебнике: «Продолжение войны, замедленный характер принятия решений, отсутствие твердой государственной власти, экономический кризис и снижение уровня жизни населения привели к росту революционных настроений. Партия большевиков во главе с В.И. Лениным сумела использовать эту ситуацию и взять ситуацию в свои руки». При этом в разделе «Думаем, сравниваем и размышляем» находим задание: «Существует мнение, что событие октября 1917 года — величайшее событие в мировой истории. Приведите аргументы в поддержку и в опровержение данной точки зрения. Обоснуйте свою позицию»⁹. Вполне понятно, что в этой ситуации школьникам нелегко ответить на поставленные вопросы.

Подводя итог, отметим, что школьный учебник истории один из главных источников формирования исторической памяти. История сегодня изучается в школах с 5 по 11 класс, Отечественная история изучается с 6 по 11 класс, то есть около 12 % населения страны. Получается, будучи массовым изданием, учебник истории формирует представления и знания о ключевых событиях, героях истории, культуре и т. д. Учебник закладывает навыки исторического мышления, формирует историческую память.

С постепенным переходом на линейную систему учащиеся и учителя начинают работать с новым единым учебником истории, созданным на базе

---

⁹ История России. 10 класс: Учеб. для общеобразоват. организаций: В 3 ч. Ч. 1 / М.М. Горин, А.А. Данилов, М.Ю. Морозов и др.; под ред. А.В. Торкунова. М.: Просвещение, 2016. С. 42.

Историко-культурного стандарта, который при изучении революционных событий, скорее всего, вызовет еще больше вопросов, чем сможет дать ответов, поскольку в историческом сознании закладываются несвязанные фрагменты и смутные представления о том, что же произошло в России в 1917 году. Очевидно, что учебная литература не является сегодня достаточно релевантным источником формирования исторических представлений. Потoki мифологических откровений и «альтернативной» истории создают информационный шум, в котором порой теряются сигналы, идущие из образовательного пространства.

А.М. КОЛЛОНТАЙ И АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЖУРНАЛА «РАБОТНИЦА» в 1917–1918 гг.

*Будаева Лина Андреевна
(Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова)*

В 2014 г. один из первых женских журналов в России — «Работница» — отметил свое столетие. История журнала началась еще 8 марта 1914 г., когда вышел в свет его первый номер, состоявший всего из четырех листов. В дальнейшем судьба «Работницы» складывалась непросто, неоднократно журнал прекращали печатать¹, но с 1923 г. и по сей день он издается регулярно. Сегодня журнал «Работница» — это издание для семейного чтения, отличающееся приверженностью к традиционной системе ценностей, и его продолжают читать из поколения в поколение десятки тысяч² российских семей.

Как известно, инициатива создания «Работницы» принадлежала В.И. Ленину. Главная задача создания этого женского журнала виделась в насущной необходимости проведения пропагандистской работы среди российских женщин по вовлечению их в политическую борьбу в начале XX в. Поэтому каждый новый выпуск журнала с лозунгом «Пролетарии всех стран, соединитесь!» на обложке был заполнен статьями агитационного характера. В журнале также регулярно публиковали различные стихи, письма, заметки и рассказы самих работниц о положении трудящихся женщин в России. В июле 1917 г. именно «Работница» была единственным печатным органом Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков), на страницах которого была впервые опубликована статья В.И. Ленина «Три кризиса».

Первым редактором журнала «Работница» с 1917 по 1924 гг. была революционерка, активная участница профсоюзного движения в России — Клавдия Ивановна Николаева, а ее заместителем в 1917–1918 гг. являлась Александра Михайловна Коллонтай. Принято считать, что с именем Александры Коллонтай — яркой и неординарной личности, борца за права женщин, которая на своем личном примере доказала правомерность тезиса о полном равноправии женщины и мужчины в обществе, став первой женщиной-министром и женщиной-дипломатом в мире, связывают появление в России самой идеи о вовлечении трудящихся женщин в классовую борьбу. А.М. Коллонтай при-

---

¹ 9 июля 1914 г. издание журнала «Работница» было прекращено из-за полицейских преследований. Было возобновлено в мае 1917 г. За период с начала издания до 26 января 1918 г. вышло 20 номеров, тираж в 1918 г. был 30–43 тыс. экз. Во время Гражданской войны издание было временно прекращено, с января 1923 г. журнал регулярно издается.

² Тираж журнала в 2013 г. — 35 тыс. экз.

шла к выбору этого революционного пути непросто — к этому ее подтолкнули личные обстоятельства и «живые» впечатления о реальном положении трудящейся женщины в России и др.

Коренной перелом в ее судьбе³ произошел в 1896 г., когда она сопровождала своего мужа — Владимира Коллонтай в командировку в Нарву на Кренгольмскую мануфактуру — одну из самых крупных в то время фабрик в России, насчитывающую более 12 тысяч рабочих. Несмотря на тот факт, что эта мануфактура считалась образцовой, увиденное там потрясло Александру Коллонтай: каторжный труд, нищета, безграмотность, тюремные порядки, отсутствие элементарной гигиены, нечеловеческие условия существования рабочих и др. Это убедило ее в необходимости принятия кардинального решения об изменении собственной жизни. Она хотела быть социально полезной людям, и, хотя она сама и жила в достатке, мысль о том, что «кругом была нищета, тирания царя или капитала, женское страдание»⁴, не давала ей покоя. Ее муж Владимир не разделял это стремление, а она уже больше не хотела возвращаться к прежнему образу жизни. В результате они расстались «не потому, что разлюбили, а потому, что ее тяготила и связывала та среда, от которой брак с Коллонтаем ее не спасал...»⁵, по мнению Александры Коллонтай. Для того, чтобы быть счастливой, ей, как она считала, «надо было уменьшить страдания рабочего люда, утвердить права и справедливость»⁶.

После ухода из семьи А.М. Коллонтай несколько лет провела в Швейцарии, Англии и Германии, изучая там историю рабочего движения и социальные науки. В каждом новом городе, где бывала А.М. Коллонтай, она пристально «вглядывалась в то, что надо изменить, чтобы людям вообще, женщинам в частности стало легче, радостнее жить на свете»⁷. Она много читала, посещала лекции и семинары, писала статьи и быстро приобретала новые общественные связи. Вернувшись в Россию в 1899 г., она написала и опубликовала две книги — «Жизнь финских рабочих» (1903 г.) и «Финляндия и социализм» (1906 г.), которые были изданы в Петербурге. Подробно анализируя в них жизнь рабочих в Финляндии, она пришла к выводу о том, что постоянно ухудшающееся положение рабочих постепенно ведет к революции.

Александру Коллонтай обычно позиционируют как агитатора в борьбе за раскрепощение трудящихся женщин. С 1905 г. А.М. Коллонтай вела агитационную работу в Питере среди работниц текстильных фабрик, вовлекая их

---

³ Александра Михайловна Коллонтай родилась 1 апреля 1872 г. в Санкт-Петербурге в семье полковника Генерального штаба, инспектора Николаевского кавалерийского училища Михаила Алексеевича Домонтовича, получившего вскоре звание генерал-майора. Мать Александры Коллонтай — Александра Александровна Массалина-Мравинская была дочерью финского фабриканта, торгующего лесоматериалами. Отец Александры был представителем старинного дворянского рода, корни которого уходят в XIII в. Она взаимно влюбилась в своего кузена, офицера Владимира Коллонтай, и добилась согласия родителей на этот брак.

⁴ Коллонтай А.М. Из моей жизни и работы. М., 1974. С. 370.

⁵ Труш М.И. От политики революционной борьбы к победам на дипломатическом фронте. Жизненный путь Александры Коллонтай. М., 2010. С. 21.

⁶ Коллонтай А.М. Из моей жизни и работы. М., 1974. С. 370.

⁷ Там же.

в районные организации РСДРП, партии, которой она особо сочувствовала. Уже в 1906 г. А.М. Коллонтай четко наметила для себя конкретные формы работы агитационно-пропагандистской работы в рабочей среде, где стержнем ее программы было полное освобождение трудящихся женщин от идеологии феминизма⁸. Выступив с критикой идей феминизма⁹ в декабре 1908 г. на I Всероссийском женском съезде, она своими действиями фактически подготовила демонстративный уход с заседания небольшой группы работниц. И в этот же день из-за преследований полиции А.М. Коллонтай была вынуждена уехать по чужому паспорту за границу, а ее доклад на тему «Женщина-работница в современном обществе» за нее прочитала работница Варвара Волкова.

Снова вернуться в Россию А.М. Коллонтай смогла только через восемь лет, в марте 1917 г. За границей она представляла интересы РСДРП на международных социалистических конгрессах, а также участвовала в дискуссиях, выступала на собраниях и митингах, всегда находя свой индивидуальный подход, доступный и образный язык и интонации для разных аудиторий. Поэтому современники нередко отмечали ее выдающийся ораторский талант, благодаря которому ее речи были всегда весьма увлекательны и встречали много положительных откликов. В результате этого она быстро становилась известной фигурой в социал-демократических кругах Европы.

Так, советский посол И.М. Майский вспоминал выступление Александры Коллонтай на VIII Международном социалистическом конгрессе в Копенгагене в 1910 г.: «Она говорила лишь минут пять. Слова были простые, обыкновенные, но как они были сказаны! И слушатели были действительно увлечены пламенной речью оратора. Коллонтай была устроена бурная овация. Как велика и кипуча сила жизненности в этой небольшой и изящной женщине»¹⁰. В те годы многие ее статьи и заметки широко публиковались в прессе, в том числе в журнале «Новое время», меньшевистском издании «Голос социал-демократа», в газете «Правда» и др. В 1915 году А.М. Коллонтай вступила в большевистскую партию и начала работать под руководством В.И. Ленина. Не теряя своего значения для нее в эти годы и женский вопрос. Отдавая много сил вовлечению женщин-работниц разных стран в политическую борьбу, в 1910 г. Александра Коллонтай вместе с Кларой Цеткин на Международной конференции социалисток смогла пролоббировать решение о ежегодном праздновании 8 марта как Международного женского дня. С этого времени в этот день женщины всего мира устраивают многочисленные митинги, привлекая внимание общественности к проблемам гендерного равноправия. Помимо этого, оторванная от политической жизни в России, А.М. Коллонтай продолжала поддерживать связь с родиной нелегальным путем. Сохранилась ее переписка этого времени, в том числе, с петербургской работницей В. Волковой. В письмах Коллонтай просит ее «не бросать начатое ими вместе дело

---

⁸ Там же. С. 365.

⁹ А.М. Коллонтай выступала против западного феминизма. Ее книга «Социальные основы женского вопроса», в которой рассматривается экономическое, политическое и правовое положение женщин в обществе, также была направлена против российских феминисток, ограничивающихся требованием равноправия женщин и мужчин.

¹⁰ *Майский И.М.* Люди. События. Факты. М., 1973. С. 154.

по вовлечению женщин России в политическую борьбу». Александра Коллонтай мечтала вернуться домой, чтобы продолжить борьбу за права женщин: «Женское рабочее движение делает в Берлине поразительные успехи! И когда это видишь — еще страстнее хочется домой, в Россию, за дело...»¹¹ — писала она в одном из писем В. Волковой.

Особо ярким эпизодом в общественной жизни А.М. Коллонтай стал май 1917 г., когда она, являясь депутатом Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, вела активную агитационную работу среди женщин. А.М. Коллонтай вспоминала, что «партия в эти месяцы подымающегося революционного шквала использовала меня главным образом на работе во флоте и среди солдатских масс, однако любимый мною участок работы среди женщин не был заброшен»¹². 10 мая 1917 г. по заданию партии Александра Коллонтай вместе с Конкордией Самойловой, Надеждой Крупской и Клавдией Николаевой возобновили выпуск журнала «Работница». На страницах этого журнала в 1917 г. А.М. Коллонтай регулярно публиковала свои статьи. Их названия говорят сами за себя: «Наши задачи», «Военнопленные — наши братья», «Женские батальоны» и др.

Агитационно-пропагандистская работа А.М. Коллонтай в редакции журнала «Работница» была направлена на организацию, подготовку и проведение большевистской революции в России¹³. Александра Коллонтай считала, что необходимо «сплачивать силы работниц и рабочих вокруг той партии, которая защищает интересы пролетариата России»¹⁴. Эту тактическую задачу она пыталась реализовывать через публикацию своих статей в «Работнице», «продвигая большевистскую программу в понятных и доступных женщинам формулировках, делая особый акцент на сложном экономическом положении в стране, дороговизне, высоких ценах и плохих условия труда»¹⁵.

По мнению профессора истории Джорджтаунского университета Ричарда Стайтса, А.М. Коллонтай «сводила сложные революционные теории к повседневным понятиям, которые были ясны каждой пролетарской домохозяйке: голодные дети, муж на фронте и политический разрыв между миротворцами-большевиками и спекулировавшими на войне капиталистами»¹⁶. Так, например, в статье «Наши задачи», опубликованной в первом выпуске «Работницы» в 1917 г., она открыто призывала женщин к политической борьбе: «Товарищи работницы, нет больше наших сил мириться с войной, с дороговизной! Надо бороться! Идите в наши ряды, в ряды социал-демократической рабочей партии! Но мало сорганизоваться в партию. Если мы действительно хотим ускорить мир, надо, чтобы рабочие и работницы повели борьбу за то, чтобы власть в государстве перешла бы из рук крупных капиталистов, истинных виновни-

---

¹¹ Письма А.М. Коллонтай петербургской работнице В.И. Волковой (1908–1932 гг.) // Нева. С.-Петербург, 1966. С. 163.

¹² РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 2. Д. 30.

¹³ Сб. Коллонтай А.М. Избранные статьи и речи. М., 1972. С. 6.

¹⁴ Коллонтай А.М. Наши задачи // Работница. 1917. № 1–2.

¹⁵ Стайтс Р. Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм 1860–1930. М., 2004. С. 204.

¹⁶ Там же. С. 204–205.

ков всех наших слез, всей крови, что льется на полях битвы, в руки представителей наших — в Совет рабочих и солдатских депутатов»¹⁷.

Помимо публикации агитационных материалов, сотрудники редакции журнала «Работница» активно работали над возможностью привлечения россиянок к участию в государственной и общественной жизни России и др. Вместе с этим в начале июня 1917 г., в разгар второго правительственного кризиса, редакция журнала смогла организовать и достаточно многочисленный интернациональный митинг, призывавший к «борьбе против преступной бойни и к мировой рабочей солидарности против общих врагов»¹⁸. Это был первый открытый интернациональный митинг в России. В 1918 г. сотрудники журнала «Работница» участвовали в созыве общегородской Петроградской конференции по подготовке 1-го Всероссийского съезда женщин-работниц.

Представляется, что на посту заместителя главного редактора журнала «Работница» А.М. Коллонтай была не только активным организатором, но и идейным вдохновителем его общественно-политической деятельности, которой занималась весь коллектив этого издания. Она была талантливым агитатором и, несомненно, пользовалась огромным авторитетом среди сотрудников. Сама же А.М. Коллонтай, судя по ее словам, с большой любовью относилась к деятельности партийного пропагандиста: «Тот энтузиазм, каким бывает «одержим» агитатор, проповедующий и борющийся за новую идею или положение, это душевное состояние сладко, близко к влюбленности... Я сама горела, и мое горение передавалось слушателям. Я не доказывала, я увлекала их»¹⁹. Ее «можно было видеть на заводах, цехах, в бюро печати и пропаганды, в Отделе особого осведомления, в казармах, на вокзале»²⁰.

Однако «живая работа в массах, устная и печатная пропаганда, борьба за проведение в жизнь линии партии — все это не давало ей ни минуты передышки». Занимаясь политической пропагандой и агитацией на митингах, Александра Коллонтай особо отмечала, что ей не хватало времени на написание статей для партийной прессы. По ее воспоминаниям, В.И. Ленин при встречах часто говорил ей о необходимости находить время и для печатной пропаганды: «Владимир Ильич Ленин упрекал меня, что я мало пишу: “Надо по вашим основным вопросам дать ряд брошюр, вроде вашей «Кому нужна война?» — доходчивость формы и явная простота основных положений”. Я ответила ему: “Когда же мне писать, когда у меня в день четыре-пять митингов в казармах, на фабриках, на кораблях”. — “Пишите статьи, это важнее митингов, шире круг тех, с кем говорите через нашу прессу”»²¹. Именно поэтому новые статьи А.М. Коллонтай продолжали регулярно появляться во многих партийных изданиях того времени, в том числе и на страницах журнала «Работница». Она писала о необходимости «построить «новую Россию», страну, где

---

¹⁷ Коллонтай А.М. Наши задачи // Работница. 1917. № 1–2.

¹⁸ Сб. Коллонтай А.М. Избранные статьи и речи. М., 1972. С. 322.

¹⁹ Там же. С. 3.

²⁰ Равич Н.А. А.М. Коллонтай. (Из цикла «Портреты коммунистов») // Наш современник. М., 1966.

²¹ Коллонтай А.М. Из моей жизни и работы. М., 1974. С. 9.

рабочему люду жилось бы лучше и светлее»²², настойчиво призывая женщин действовать сплоченно и бороться за свои права.

А.М. Коллонтай прикладывала много усилий и для реализации своих идей в жизнь. В составе первого советского правительства (СНК), созданного в 1917 г., она занимала пост народного комиссара государственного призрения (с 29 октября 1917 г. по 23 февраля 1918 г.), фактически став первой в истории женщиной-министром. Это свое назначение она воспринимала как новый шаг в борьбе за гендерное равноправие: «Этим актом советское правительство перед всем миром признало на практике равноправие женщин, так как впервые в истории женщина стала членом правительства»²³. Активная политическая деятельность А.М. Коллонтай была направлена на улучшение положения женщин в Советской России: по ее мнению, «женщина должна была получить права, чтобы строить новую жизнь в социалистическом государстве и быть полноправной гражданкой, но никогда не забывать: ее вторая обязанность — материнство». Под ее непосредственным руководством разрабатывались новые законы, призванные помочь советской женщине стать полноправным членом общества, — о труде, гражданском браке, об охране материнства и младенчества, о закреплении за будущими матерями отпусков по беременности и родам и др. Подготовленные при непосредственном участии А.М. Коллонтай законы об охране материнства заложили фундамент будущей советской правовой системы социального обеспечения в СССР. Кроме этого, А.М. Коллонтай инициировала создание специального Отдела по работе среди женщин при ЦК ВКП(б), целью которого была организация борьбы с неграмотностью и популяризация революционного законодательства по обеспечению прав работавших женщин и создание для них новых условий труда. Следует подчеркнуть, что сама А.М. Коллонтай была удовлетворена результатами своей работы по достижению гендерного равенства и так подводила некоторый итог своей деятельности в этой сфере: «Мой первый вклад, конечно, то, что я дала в области борьбы за раскрепощение трудящихся женщин и утверждения их равноправности во всех областях труда, государственной деятельности, науки и пр. Много писала по женскому вопросу в иностранной и нашей прессе. Написала свой научный труд “Общество и материнство”. После взятия власти и включения меня как наркома в первый кабинет Советской власти я конкретно стала проводить принципы охраны материнства»²⁴.

В 1923 г. А.М. Коллонтай была назначена на дипломатический пост в королевство Норвегии. Даже будучи советским полпредом, Александра Коллонтай, целиком поглощенная решением новых задач, поставленных перед ней государством, находила время для написания статей, касавшихся гендерного вопроса. Свое назначение на дипломатический пост она воспринимала как еще один шаг на пути к равенству полов: «Советский Союз еще раз показал на практике признание полного равноправия женщин, впервые в мире назначив женщину своим полномочным представителем за границу»²⁵. Ее новым достижением в этой области стало то, что в 1935 г. она «после бурных дискуссий

---

²² Коллонтай А.М. Наши задачи // Работница. 1917. № 1–2.

²³ РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 2. Д. 30.

²⁴ Коллонтай А.М. Из моей жизни и работы. М., 1974. С. 364–370.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 2. Д. 30.

и борьбы провела принятие Ассамблеей дополнительных параграфов к Уставу Лиги наций, требующих, чтобы страны – члены Лиги наций провели у себя равноправие женщин»²⁶.

А.М. Коллонтай вошла в историю не только как одна из первых женщин-политиков молодого советского государства и первая в мире женщина-посол, но и как неутомимый борец за гендерное равноправие. Наглядными подтверждениями этому являются многочисленные статьи и книги А.М. Коллонтай на тему гендерного равенства и ее успешная деятельность в области обеспечения прав и свобод женщин в России. Не стала исключением здесь и ее значимая организаторская работа в редакции журнала «Работница» в 1917–1918 гг. Об этом в мае 1921 г. она написала в статье «Работница и крестьянка в Советской России» так: «Именно для того, чтобы обеспечить общность работы и борьбы, потребовалось, чтобы Коммунистическая партия поставила в число своих задач и специальную задачу вовлечения женщин как в активное строительство нового будущего, так и в сознательное отстаивание от врагов внутренних и внешних первой в мире трудовой республики. Задача эта была поставлена партией большевиков на заре революции – весной 1917 г., когда при ЦК партии образована была редакция журнала “Работница”, служившая не только центром агитации среди женского пролетариата, но и центром организации сил работниц вокруг знамени большевизма»²⁷.

Таким образом, журнал «Работница» сыграл свою важную роль в деле сплочения женщин России в борьбе за равноправие и участие в общественно-политической жизни своей страны, подтверждением чему в 1933 г. стало награждение этого женского журнала орденом Трудового Красного Знамени, а в 1964 г. – орденом Ленина. Думается, что А.М. Коллонтай, плодотворно участвуя в работе редакции журнала «Работница» в 1917–1918 гг. как один из его руководителей и являясь автором многочисленных статей, внесла свой личный и посильный вклад в его успешную агитационную деятельность первых революционных лет. Ее организаторский талант, умение емко и понятно излагать свою позицию в статьях и заметках агитационного характера, необычайное трудолюбие и верность революционным идеям особо способствовали успеху журнала среди работающих женщин. Сами же работницы с большой теплотой вспоминали об Александре Михайловне: «Пламенем сжигают ее речи старые предрассудки, в которых выросла женщина, и заставляют иначе думать и относиться к окружающему. Особенно дорога работницам Коллонтай, потому что она так тонко понимает душу и жизнь работниц»²⁸. Именно такое отношение женщин-работниц к А.М. Коллонтай, выраженное в этих добрых словах, лишней раз подчеркивает важность ее действенного вклада в агитационную и пропагандистскую деятельность этого издания, направленного на улучшение положения женщин в России в XX столетии, за что она и боролась всю свою жизнь.

Автор выражает благодарность кандидату исторических наук, доценту Ольге Николаевне Барковой за помощь в подготовке статьи.

---

²⁶ Там же.

²⁷ Сб. Коллонтай А.М. Избранные статьи и речи. М., 1972. С. 322.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 2. Д. 59.

МАРИЯ ОСКАРОВНА АВЕЙДЕ: ИСТОЧНИКИ К БИОГРАФИИ БОЛЬШЕВИЧКИ

*Горшенин Александр Владимирович
(Медицинский университет «РЕАВИЗ»,
Самара)*

Проблематика создания биографий деятелей революционного движения стала актуальной сразу же после Октябрьской революции, хотя ещё до неё В.И. Ленин призывал изучать историю революционного движения. «Не может быть сознательным рабочим тот, кто относится как Иван Непомнящий к истории своего движения»¹. А в заметке, посвящённой памяти революционера И.В. Бабушкина, В.И. Ленин и вовсе предложил создать брошюру с жизнеописаниями рабочих, погибших в годы Первой русской революции².

Организованное изучение революционного движения началось к концу Гражданской войны. Большое значение в сборе и систематизации материалов сыграла созданная декретом СНК РСФСР в 1920 г. «Комиссия для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории РКП(б)», ставшая именоваться Истпартом. Материалы, собранные истпартами, публиковались в центральном журнале «Пролетарская революция» и в местных изданиях.

В советский период была создана обширная группа работ, относимых к жанру документально-биографической повести. Благодаря этим изданиям появились первоклассные жизнеописания деятелей революционного движения. Книги писались доступным языком, но опирались на широкую источниковую базу. Авторами таких работ привлекались документы федеральных и региональных архивов, опубликованные воспоминания и дневники, эпистолярное наследие, а также источники «устной истории». Среди них немало работ о жизни женщин-революционерок.

Стоит отметить, что в конце XIX — начале XX в. в революционном движении России широкое участие принимали женщины, в большей степени молодые³. Поэтому неслучайно появилось множество изданий о Н.К. Круп-

---

¹ Ленин В.И. Идеиная борьба в рабочем движении // ПСС. Т. 25. С. 133.

² Ленин В.И. Иван Васильевич Бабушкин (некролог) // ПСС. Т. 20. С. 82–83.

³ См. подробнее: Дружинин Н.М. О трёх участницах революционной борьбы // Вопросы истории. 1982. № 1. С. 85–89.

ской⁴, И.Ф. Арманд⁵, А.М. Коллонтай⁶, М.И. Ульяновой⁷, Е.Д. Стасовой⁸, Р.С. Землячке⁹ и других большевичках.

К сожалению, рядовым членам партии, не занимавшим высоких постов, но отдавшим свою жизнь служению революции, посвящено гораздо меньшее число исследований. В большинстве случаев они ограничиваются статьями местных исследователей-краеведов.

Такая же ситуация сложилась с большевичкой М.О. Авейде. Ей посвящена основательная статья Н.И. Сергеева, которая перепечатывалась в нескольких сборниках¹⁰, а также публикации куйбышевских краеведов Ф.Г. Попова¹¹, В.Н. Арнольда¹², Г. Рутин¹³ и уральских исследователей¹⁴.

М.О. Авейде

Но полноценной биографии революционерки создано не было. Стоит предположить, что одной из причин явилась географическая распылённость её деятельности по различным провинциальным центрам. Так, за свою короткую жизнь М. Авейде участвовала в революционной деятельности в Вятке, Перми, Мотовилихе, Екатеринбурге и Самаре. В годы Гражданской войны работала в подполье Самары, Челябинска и Екатеринбурга.

Перспективной задачей является создание документальной биографии этой революционерки. В рамках данного исследования ставится цель охарактеризовать основные биографические вехи, а также осветить те источники, которые помогут реконструировать её жизнь. Стоит оговориться, что значи-

---

⁴ Надежда Константиновна Крупская: Биография / Г.Д. Обичкин, С.У. Манбекова, В.Н. Степанов и др. М.: Политиздат, 1988. 302 с.

⁵ *Подляшук П.И.* Товарищ Инесса: док. повесть. М.: Политиздат, 1984. 288 с.

⁶ *Бреслав Е.И.* Александра Михайловна Коллонтай. М.: Мысль, 1974. 110 с.

⁷ *Дягилев В.Я.* М.И. Ульянова. М.: Политиздат, 1970. 160 с.

⁸ *Подляшук П.И.* Богатырская симфония: док. повесть о Елене Дмитриевне Стасовой. М.: Политиздат, 1977. 254 с.

⁹ *Овалов Л.С.* Январские ночи: повесть о Р. Землячке. М.: Политиздат, 1972. 335 с.

¹⁰ *Сергеев Н.И.* Мария Оскаровна Авейде // Борцы за народное дело / под ред. Н.С. Черных. Куйбышев: Кн. изд-во, 1965. С. 3–21; *Сергеев Н.И.* М.О. Авейде // Вечная слава. М.: Политиздат, 1967; *Сергеев Н.И.* Оскаровна // Они были первыми / сост. Ф.Г. Попов. Куйбышев: Кн. изд-во, 1978. С. 15–34.

¹¹ Новые материалы о М.О. Авейде // Волжская коммуна. 1960. 12 января. С. 2.

¹² *Арнольд В.Н.* Здесь жила М.О. Авейде // Краеведческие записки. Вып. 5. Куйбышев: Кн. изд-во, 1979. С. 80–82.

¹³ *Рутин Г.* Верная дочь партии // Волжская заря. 1977. 19 августа. С. 2.

¹⁴ *Боголюбов К.* Оскаровна // Ленинская гвардия Урала: Сб. ст. / сост. А.С. Яковлев. Свердловск: Среднеуральское кн. изд-во, 1967. С. 49–74; *Захаров С.* Две мемориальные доски // Урал. 1984. № 2. С. 134–135.

тельная часть документов будет касаться самарского периода деятельности революционерки.

Мария Авейде родилась 13 февраля 1884 г. в Вятке в семье присяжного поверенного Оскара Эдуардовича Авейде и учительницы Марии Аркадьевны Бабиковой. Вероятно, свою революционность унаследовала от отца. Оскара Авейде сослали в Вятку за участие в польском восстании 1863 г. Он являлся не рядовым борцом, а одним из лидеров восстания — принимал участие в его подготовке и входил во временное национальное правительство. Был арестован и в процессе допроса дал подробные показания¹⁵. Они опубликованы и являются ценным источником по истории польского восстания.

Оскар Эдуардович, оказавшись в Вятке, стал работать присяжным поверенным, так как за несколько лет до восстания успел окончить юридический факультет Петербургского университета. Живя в Вятке, он обзавёлся семейством. В семье кроме Марии были ещё дети — Елена и Ярослав. Умер Оскар Авейде в 1897 г.

После окончания гимназии в 1900 г. Мария Авейде стала трудиться домашней учительницей. Будучи гимназисткой, она стала участницей кружков самообразования, организованных политическими ссыльными. С 1902 г. стала руководить социал-демократическим кружком. В 1904 г. она вступает в партию и по её указанию отправляется для работы в Пермь, где была разгромлена местная организация. Здесь вместе с Н.Н. Бушеном, который впоследствии будет её мужем (возможно, без юридического оформления), она становится членом партийного горкома.

С началом Первой русской революции участвовала в революционных выступлениях в Перми, Мотовилихе, Екатеринбурге. В этот период она становится верной помощницей Михаила Заводского (Н.Е. Вилонова) и товарища Андрея (Я.М. Свердлова). В феврале 1906 г. принимала участие в подготовке Уральской конференции РСДРП. Работой конференции руководил Я.М. Свердлов, а секретарём была М.О. Авейде. Сразу после проведения конференции её арестовали. Через 2 месяца из-за недостатка улик женщину выпустили.

1 мая 1906 г. она стала одним из организаторов рабочего митинга, проходившего в лесу за городом. В результате вновь арестована, но в июле освобождена под гласный надзор полиции. Пользуясь возможностью, они с мужем выезжают в Самару. Здесь Мария Оскаровна проживёт около 12 лет. Здесь она также будет работать домашней учительницей, но только теперь большая часть учеников состояла из рабочей молодёжи, которых готовила к сдаче экзаменов за курс гимназии, а заодно вела осторожную агитацию.

После Февральской революции Авейде стала руководить кружком молодёжи фельдшерской школы. Чуть позже при Самарском горкоме партии будет создана агитаторская группа молодёжи (предшественник комсомол в Самаре), которую возглавит Мария Оскаровна. Здесь молодёжь изучала политэкономия и историю партии, выполняла различные партийные поручения, а некоторые занимались агитацией на предприятиях.

---

¹⁵ *Авейде О.Э.* Показания и записки о Польском восстании 1863 года Оскара Авейде / предисл. И. Миллер; текст к печати подгот. В. Давыдова, О. Морозова; АН СССР, Ин-т славяноведения, Гл. арх. упр. СССР. М.; Wrocław: Изд-во АН СССР, 1961. 663 с.

В этот период Авейде разошлась с мужем. Можно предположить, что причиной расставания стали политические взгляды — Н.Н. Бушен примкнул к меньшевикам. Мария Оскаровна продолжила нести беззаветное служение большевистской партии, имея при этом на руках троих детей — сына Сашу, и дочерей — Машу и грудную Галю.

После Октябрьской революции она включилась в кипучую работу в деле народного просвещения. Но уже в июне 1918 г. Самара была захвачена легионерами восставшего чехословацкого корпуса. При их поддержке в Самаре установилась власть КОМУЧа (Комитета членов Учредительного собрания).

Мария Оскаровна участвовала в обороне города, в то время как горком партии вместе с лидером В.В. Куйбышевым эвакуировался в Симбирск. Она же осталась в городе и стала одним из лидеров подпольного комитета, действовавшего в условиях жесточайшего террора чехов. Какое-то время у неё находилась партийная касса, из которой оказывалась помощь семьям убитых красноармейцев и на средства которой лечили раненых большевиков.

В августе 1918 г. Авейде была арестована и почти месяц провела в тюрьме. Благодаря стараниям учеников в конце августа её выпустили, но 14 сентября арестовали вновь. В начале октября 1918 г. белочехи, готовясь к отступлению, решили вывезти заключённых. Для этого было организовано несколько железнодорожных составов из товарных вагонов, куда стали грузить политических арестантов и вывозить их в Сибирь. В связи с тем, что вагоны ехали переполненные, да ещё и в сплошной антисанитарии, а сами заключённые были в лёгкой одежде, многие гибли, так и не доезжая до места назначения. Поэтому эти составы прозвали «поездами смерти»¹⁶.

В таком оказалась и Мария Оскаровна. После неимоверных мучений ей всё же под Иркутском удалось бежать. Она направилась в Екатеринбург, где включилась в подпольную работу комитета под руководством А.Я. Валек. 31 марта по доносу провокатора Авейде, Валек и ряд товарищей по подполью были арестованы. Все они подверглись пыткам.

8 апреля 1919 г. во дворе Верх-Исетского завода Мария Оскаровна вместе с товарищами подверглась казни. Их тела сбросили в болото.

Для воссоздания биографии целесообразно привлечь опубликованные и неопубликованные источники.

Стоит отметить, что значительной информативностью обладают материалы местной периодической печати. Так, из газетной публикации от марта 1918 г. становится известным, что в период между Октябрьской революцией и захватом Самары легионерами Чехословацкого корпуса Авейде активно принимала участие в становлении системы народного просвещения. Так, выступая 21 марта 1918 г. в клубе коммунистов на заседании губернского съезда и губисполкома, она указала на невыносимое положение, в котором находилось в Самаре дело народного просвещения и на слабую деятельность комиссариата. Авейде предложила созвать конференцию пролетарских профессиональных и культурно-просветительских организаций¹⁷.

---

¹⁶ См. подробнее: Поезд смерти: (белый террор при чехо-учредилловщине) / Истпарт Средневож. крайкома ВКП(б); орг. материала, ред., предисл. и вступ. ст. Ф.Г. Попова. М.; Самара: Средневож. краевое гос. изд-во, 1934. 206 с.

¹⁷ Солдат, рабочий и крестьянин (Самара). 1918. № 266. 23 марта. С. 3.

Из газет можно также извлечь официальную информацию. Так, 24 марта 1918 г. в клубе коммунистов состоялось собрание членов городского комитета партии, на котором М.О. Авейде избирается в его состав¹⁸.

Среди опубликованных документов, можно назвать воспоминания революционеров, знавших Марию Оскаровну лично, изданных в журнале Истпарта «Пролетарская революция», в сборниках Самарского бюро Истпарта «Красная быль» и отдельных изданиях.

Из воспоминаний К. Громова становится ясной роль Авейде в создании молодёжной организации вокруг партии большевиков. Большая заслуга в создании организации пролетарской молодёжи в Самаре в 1917 г. принадлежала ей и преподавателю В.А. Тронину. Авейде руководила группой молодёжи фельдшерской школы, а Тронин — Реального училища. По предложению Марии Оскаровны эти группы объединись с рабочей молодёжью, посещавшей клуб большевиков, в единый костяк — «Агитаторскую группу». Цели этой группы заключались в организации вокруг неё всей революционной молодёжи, их политическом воспитании и подготовке агитаторов для работы среди молодёжи. Занятия проводились под руководством Авейде. Нередко с лекциями выступали видные большевики, такие как В.В. Куйбышев, Ф.И. Венцек и А.А. Масленников¹⁹.

Публикация Б. Василевской иллюстрирует, что, после того как летом 1918 г. Самарой овладели белочехи, Мария Авейде оказывала помощь оставшимся товарищам, которые вынуждены были скрываться, помогала заключённым в тюрьме, семьям отсутствующих товарищей²⁰.

Ф. Шущкевер более развёрнуто характеризует деятельность Марии Авейде сразу после захвата Самары: «В городе остались семьи товарищей без всяких средств к существованию. В эти дни ужасов, всеобщей растерянности и подавленности бешеную энергию развернула Мария Оскаровна. Пренебрегая опасностями (её всякий знал в городе как коммунистку), она стала организовывать первую элементарную помощь. Денежные средства были оставлены губкомом заблаговременно, организации же — никакой. Авейде и заменила в те дни недостающий центр. Её квартира осаждалась ежедневно десятками товарищей, приходивших со своими нуждами и по поручению других. По возможности они снабжались квартирами, паспортами, платьями и деньгами»²¹.

О деятельности М.О. Авейде в самарском подполье достаточно обстоятельно излагается в воспоминаниях, принадлежащих большевику С. Груздеву. Как только Самара была занята чехами в июне 1918 г., Мария Оскаровна энергично принялась за поиск для товарищей безопасных квартир и пыталась раздобыть денежные средства для оказания помощи пострадавшим от переворота и их семьям. Более того, какое-то время ей даже удавалось держать связь

---

¹⁸ Солдат, рабочий и крестьянин (Самара). 1918. № 266. 23 марта. С. 3.

¹⁹ Громов К. Возникновение пролетарского юношеского движения в Самаре // Красная быль. 1923. № 2. С. 135–136.

²⁰ Василевская Б. Самарская организация РКП в подполье // Красная быль. 1923. № 3. С. 92.

²¹ Шущкевер Ф. Подпольная Самара (июнь–октябрь 1918 г.) // Пролетарская революция. 1925. № 8. С. 204.

с внешним миром: к ней являлась военная разведка красных, через которую она получила 50 или 55 тыс. руб. на ведение необходимой работы²².

Стоит обратить внимание на то, что С. Груздев в своих воспоминаниях пытается быть объективным. При перечислении всех заслуг он отмечает и достаточно большой недостаток в подпольной деятельности — пытаюсь оказать помощь максимально возможному числу людей, Авейде была неразборчива в людях, принимала в своей квартирке разную публику и давала деньги без расписок, из-за чего к ней стали наведываться всякие проходимцы, среди которых оказались и эсеровские шпионы²³.

Недолго удалось Марии Авейде действовать свободно после захвата Самары. Она была посажена чехами под домашний арест. Дома у неё дежурил один из легионеров. Но даже в такой обстановке стойкая большевичка продолжала помогать товарищам.

Один из её учеников так вспоминает об этом периоде: «Будучи под домашним арестом, Авейде использовала для различных поручений своего 12-летнего сына Александра. Часто ему приходилось носить деньги. На квартире у Марии Оскаровны хранились средства, из которых оказывалась регулярная помощь семьям погибших или отступивших из Самары красногвардейцев, а также семьям арестованных большевиков. Деньги закладывали в большие солдатские ботинки, которые надевал Шура Авейде. Взяв за руки сестрёнок, он уходил с ними гулять. Обратного Шура возвращался босиком, перекинув связанные шнурками ботинки через плечо, неся на одной руке двухлетнюю сестрёнку Галю, а другой ведя семилетнюю Мусю. Конечно, никакому чешскому или белогвардейскому Шерлоку Холмсу не приходила в голову мысль, что эта троица возвращается после успешного выполнения важного поручения подпольного комитета партии»²⁴.

Супруге Я.М. Свердлова — К.Т. Свердловой-Новгородцевой, которая была знакома с Авейде по совместной работе на Урале в годы Первой русской революции, удалось достаточно лаконично воссоздать её внешний облик. «Мария Оскаровна была из тех людей, которые на всю жизнь связали себя с партией, и не было такого положения, при котором она хотя бы на время прерывала партийную работу. Молодая, невысокого роста, полная блондинка, со спокойными, на первый взгляд ленивыми движениями, всегда ровная она брала на себя самые рискованные, самые опасные партийные поручения и выполняла их»²⁵.

О подробностях последних дней жизни М. Авейде становится известно от Р.И. Валек, жены Антона Валека, помощницей которого она была в Екатеринбургском подполье. Раиса Валек сидела в одной камере с Марией Оскаровной.

«С первых часов ареста Мария Оскаровна была избита нагайками, с трудом сидела, со стоном ложилась на скамейку, подложив под себя старенькое пальто... Как-то вечером вышли вместе под конвоем во двор. Мария, глядя на

---

²² *Груздев С.* Большевистское подполье в Самаре // Пролетарская революция. 1924. № 12. С. 182–183.

²³ *Груздев С.* Большевистское подполье в Самаре... С. 183.

²⁴ *Галкин И.Я.* На заре нашей юности. Куйбышев: Кн. изд-во, 1969. 223 с.

²⁵ *Свердлова К.Т.* Яков Михайлович Свердлов // Октябрь. 1956. № 7. С. 116.

небо, звёзды, тихо вздохнула: “Мир так велик, жизнь так прекрасна, а я будто нахожусь в глухой глубокой яме, где нет и не будет света и воздуха”.

Здесь же, в комнате, где мы сидели, белогвардеец подозвал её к столу на допрос: — Ну, скажи, комиссарша, как ты комиссарила в своей Совдепии, и что ты делала у нас?

— А я не комиссарила, я учительница, работала в школе, учила детей.

— Ну положим. А сейчас?

— И сейчас поступила в школу учить детей, — спокойно отвечала она, слегка облокотившись на стул.

— Ну... а в бога веришь, священник тебе нужен будет?

Она, помолчав, спокойно ответила:

— В бога я не верю, а священника... вы себе припасите, он вам скоро понадобится...»²⁶.

Переходя к анализу архивных источников, стоит отметить, что здесь сохранились как официальные документы дореволюционной России, так и воспоминания старых большевиков. В данном обзоре представлены материалы двух региональных архивов — Центрального государственного архива Самарской области (ЦГАСО) и Самарского областного государственного архива социально-политической истории (СОГАСПИ).

В фонде Самарской земской управы обнаружен аттестат об окончании Марией Оскаровной Вятской Мариинской женской гимназии. Отсюда мы узнаём, что в гимназии она обучалась в период 1892–1900 гг. По результатам учёбы была награждена серебряной медалью. А в течение 1900–1901 гг. училась в VIII дополнительном педагогическом классе, благодаря чему ей предоставили звание домашней наставницы²⁷.

В фонде Самарского бюро Истпарга собрано немало воспоминаний о деятелях революционного движения. Так, большевик Ярцев вспоминал об участии М. Авейде в митинге осенью 1905 г. в Екатеринбурге: «Митинг в театре. Товарищ Андрей (Свердлов) громовым голосом призывает собравшихся к борьбе, к отпору наступающей реакции. Копошится чёрная кучка в театре и вокруг него: мясники, извозчики и лавочники готовят нападение на революционное собрание. Провокационный выкрик. Начинается паника. Звонкий голосок маленькой женщины со светлыми волосами в белой шапочке успокаивает собрание. Авейде рядом со Свердловым, она готова его защищать»²⁸.

Материалы фонда Самарского губернского охранного отделения дают возможность выяснить некоторые факты, ставшие известными благодаря слежке. Охранкой было установлено, что в первых числах сентября 1906 г. в Самару прибыл высланный из Екатеринбурга дворянин Николай Николаевич Бушен (кличка «Серый»). В сводке лиц, причастных к местному комитету партии социал-демократов, обнаружено его местожительство — на ул. Садовой, 98. Далее указывалось, что в дом помимо основного есть также вход с

---

²⁶ Валек Р.И. Жизнь в борьбе: воспоминания о большевистском подполье. Свердловск: Кн. изд-во, 1963. С. 120–121.

²⁷ Центральный государственный архив Самарской области (далее — ЦГАСО). Ф. 5. Оп. 18. Д. 749а. Л. 1.

²⁸ Самарский областной государственный архив социально-политической истории (далее — СОГАСПИ). Ф. 3500. Оп. 1. Д. 356. Л. 19.

ул. Москательной. Вместе с ним здесь проживала и Мария Оскаровна Авейде, также дворянка, состоявшая под надзором полиции. Агентами охраны было установлено, что уже 11 декабря 1906 г. их посещал один из лидеров самарских большевиков — Василий Петрович Арцыбушев (кличка «Советник») ²⁹.

Жандармы установили, что в конце 1906 г. группа лиц образовала местную самарскую организацию РСДРП, усиливая свою агитацию, формируя боевую дружину, привлекая к себе всё новых членов с целью влияния на ход выборов в Государственную Думу. Ядром этой организации являлись Дмитрий Алексеевич Протопопов и Николай Николаевич Бушен, считавшийся лучшим оратором в Поволжье ³⁰.

Стоит остановиться на некотором примечательном эпизоде. Вероятно, Мария Оскаровна Авейде и Николай Николаевич Бушен юридически не вступали в брак. Хотя в ряде публикаций исследователи называют их мужем и женой, в сводке агентов охранного отделения они упоминаются как сожители ³¹, несмотря на то что к тому моменту у них уже был сын. В любом случае, этот вопрос требует дальнейшего изучения.

С марта 1907 г. агентами охранного отделения за М.О. Авейде так же, как и за Бушеном, устанавливалось наружное наблюдение. Причиной такого пристального внимания к фигуре женщины стало посещение ею сходки профессионального общества приказчиков и конторщиков ³². Филёры установили, что М. Авейде несколько раз посещала и бывшего студента Киевского университета, мещанина г. Воронежа Дмитрия Алексеевича Протопопова (кличка «Индок»), который имел большое значение для партии. Вероятно, это натолкнуло агентов охраны на мысль, что она могла быть связной.

Помимо подпольной деятельности у Авейде была и вполне официальная жизнь. Так, из фонда Самарской земской управы становится известно, что Мария Авейде настойчиво пыталась устроиться в Самарскую губернскую земскую управу. Своим решением от 9 октября самарский губернатор запретил брать её на работу. Но от женщины последовали новые прошения, да и управа нуждалась в грамотном работнике. В связи с этим решением от 23 октября 1910 г. губернатор разрешил «определить М.О. Авейде на должность временной счётчицы оценочного отделения, но с тем, чтобы её служебные обязанности не были связаны с командировками и работой в пределах уездов Самарской губернии» ³³.

Фонд Самарского губернского жандармского управления проливает свет на судьбу младшего брата Марии Оскаровны — Ярослава. Выяснилось, что и он с ранних лет принимал участие в революционном движении. Так, в январе 1906 г. его арестовали в Самаре, где он жил под именем крестьянина Николая Афанасьевича Пермякова. Ярослав Авейде был приговорён Казанской судебной палатой по делу Вятского вооружённого восстания к тюремному заключению на 3 года и 4 месяца, но бежал от данного наказания в Самару, где у него проживала сестра ³⁴.

---

²⁹ ЦГАСО. Ф. 469. Оп. 1. Д. 19. Л. 86.

³⁰ Там же. Д. 890. Л. 333.

³¹ Там же. Д. 19. Л. 85 об.

³² Там же. Д. 21. Л. 45 об.

³³ Там же. Ф. 5. Оп. 9. Д. 46. Л. 321–322.

³⁴ Там же. Ф. 468. Оп. 1. Д. 920. Л. 1.

Этот же документ позволяет установить сведения о Ярославе Авейде и его родственниках. Ярослав Авейде родился в 1888 г. в Вятке. Прочитал 5 классов в гимназии, но курса не окончил из-за конфликта с директором учебного заведения. Мать — Мария Аркадьевна — на момент ареста сына служила в Вятской земской управе, а сестра Елена трудилась в учебной мастерской при Управе в г. Вятке³⁵.

Несколько строк необходимо уделить личности Марии Оскаровны, тому, как ей удавалось агитировать рабочих и завоевывать их уважение. Помогут нам в этом воспоминания видной большевички С.И. Дерябиной, работавшей рядом с Авейде.

«Помимо молодёжи беззаветно любили Оскаровну и рабочие. Без неё не обходилось ни одного семейного праздника, к ней они шли со своим личным горем, семейной неурядицей, со всеми сомнениями, печалью и радостями. Она умела установить с ними совершенно невиданную товарищескую близость... Авейде умела не только организовать рабочего, но наложить глубокое облагораживающее влияние своей индивидуальности на всю личность пролетария: внедрить коммунизм не только в убеждения рабочего, но и в его чувства, привычки и повседневный быт. Рабочий, поработавший с Оскаровной, не только входил в ячейку, но переставал шляться в дома “с фонарём”, бить свою жену, тиранить ребятишек, пить денатурку и т. п. В партийной работе она делала чудеса — могла наладить связь партии с самой серой, самой озлобленной толпой»³⁶.

Весьма примечательны воспоминания З.И. Мерзловой об учительской деятельности Марии Оскаровны. Она была её ученицей, а после революции вступила в партию. Авейде готовила у себя на дому по программе гимназии, принимала учеников из бедных рабочих семейств. За подготовку брала 3 руб. в месяц, а некоторых готовила бесплатно. Она имела большую популярность, и, конечно, от учеников не было отбоя.

З.И. Мерзлова вспоминала, «как ученики удивлялись её выносливости и трудолюбию, ведь начиная с 9 ч. утра и до 6–8 ч. вечера она занималась с группами в 10–12 человек, подбираемыми по классам, по 2 часа с каждой. Бывало, занимается с одной группой, а другая шумная ватага ждёт в маленькой кухне её квартиры. Тут же находилась и старушка-няня с тремя детьми... С её помощью многие получили среднее образование, так как подготовленным Марией Оскаровной ребятам, в большинстве случаев, удавалось сдавать экзамены экстерном за полный курс гимназии.

В ту пору мы и не знали о второй жизни Марии Оскаровны. Только в февральские дни 1917 г. она стала открыто объяснять нам сущность классово-борьбы и происшедших тогда событий — свержении царя и образовании временного правительства»³⁷.

Воспоминания З.И. Мерзловой позволяют также дополнить картину о подпольной деятельности Авейде в Самаре. После захвата Самары чехами внешне в её квартире ничего не изменилось, по-прежнему приходили и ухо-

---

³⁵ ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 920. Л. 8.

³⁶ СОГАСПИ. Ф. 3500. Оп. 1. Д. 356. Л. 16–17.

³⁷ Самарский областной государственный архив Самарской области (далее — СОГАСПИ). Ф. 651. Оп. 8. Д. 12. Л. 3.

дили группами ученики, и Мария Оскаровна готовила их к осенним экзаменам за 7-й класс гимназии. Только немногие из них знали, что она продолжает подпольную деятельность. Организовала в условиях конспирации собрания членов партии в квартирах рабочего-железнодорожника — отца З.И. Мерзловой и рабочего Трубочного завода Комарова. Проверенная молодёжь из числа учеников охраняла квартиру и следила за подозрительными лицами около неё. Ребята помогали Авейде доставать бланки паспортов, жидкость, смывающую надписи на старых документах, передавали записки, деньги, а иногда и оружие³⁸.

Фонд Штаба охраны г. Самары (при чехах) позволяет восстановить дату ареста Авейде. В исходящем журнале Штаба зафиксировано, что 2 августа 1918 г. начальнику губернской тюрьмы препровождается для заключения М. Авейде. Также в следственную юридическую комиссию при КОМУЧЕ был отправлен протокол её допроса³⁹.

Весьма интересными представляются воспоминания одного из её учеников — И. Галкина. В опубликованную книгу его воспоминаний, уже характеризовавшуюся выше, вошли не все детали. Благодаря сравнительному анализу опубликованных воспоминаний и материалов Истпарга, отложившихся в фонде СОГАСПИ, удалось выявить ряд пропусков. Так, представляется любопытным посещение И. Галкиным своей учительницы в тюрьме. Данный фрагмент в книгу не попал.

«И вот я сижу в коридоре тюрьмы на скамейке и с напряжением жду прихода Марии Оскаровны и других. Я ждал, что вот сейчас, гремя кандалами, в грубой арестантской одежде, под конвоем солдат с шашками войдут заключённые. Так водили “осторожных” ещё в царское время и такие картины врезались мне в память. В тюрьме я был в первый (и, к счастью — в последний) раз, поэтому, понятно моё изумление, когда через несколько минут в коридоре, оживлённо разговаривая между собой, улыбаясь, бодро вошло много знакомых мне коммунистов. Они были в своей одежде и ничем не походили на арестанток. Я сразу бросился в жаркие объятия к Марии Оскаровне...»⁴⁰.

Стоит также отметить фонд историка-краеведа Ф.Г. Попова, который много лет работал над сбором материалов по истории революционного движения в Самарской губернии. В силу этого он вёл обширную переписку со старыми большевиками. Среди писем, отложившихся в его фонде, отметим письмо от А.Н. Зыкова, датированное июлем 1961 г., где он рассказывает о деятельности Авейде в Челябинске. Становится известно, что М.О. Авейде приехала в Челябинск осенью 1918 г., после того как сбежала с чехословацкого «поезда смерти». Бежать ей удалось из Омского лагеря, благодаря помощи большевиков-подпольщиков. В Челябинске она жила под именем Марии Фёдоровны Матвеевой. Её жильё на Ключевской улице было явочной конспиративной квартирой. Здесь 11 декабря 1918 г. состоялась подпольная конференция, где был подтверждён подпольный комитет и утверждены инструкции для работы в подполье⁴¹.

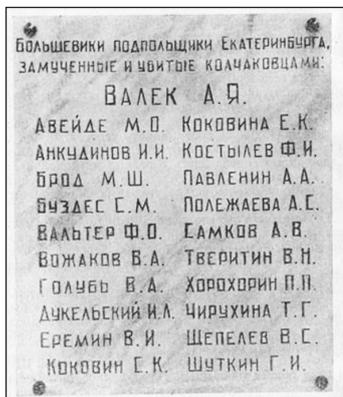
---

³⁸ СОГАСПИ. Ф. 651. Оп. 8. Д. 12. Л. 6.

³⁹ ЦГАСО. Ф. 280. Оп. 1. Д. 18. Л. 45об.

⁴⁰ СОГАСПИ. Ф. 651. Оп. 7. Д. 3. Л. 14.

⁴¹ ЦГАСО. Ф. Р-1000. Оп. 3. Д. 97. Л. 201.

*Мемориальная доска
в г. Екатеринбурге*

Мария Оскаровна Авейде прожила короткую, но яркую жизнь. Испытав радость материнства и семейной жизни, женщина искренне отдалась делу революции. С большой любовью она занималась учительством, отдавая предпочтение подросткам из рабочей среды. Она не была тем человеком, который желал власти и известности, напротив, всегда работала в народной массе, чем заслужила её большое уважение. Несмотря на сегодняшнюю противоречивую трактовку революции и её творцов, Мария Оскаровна показала себя как искренний человек той идеи, которой она верно и беззаветно служила всю свою короткую жизнь.

Подводя некоторые итоги, стоит отметить, что только комплексное использование опубликованных и архивных источников, представленных официальными документами земских управ, жандармских управлений, охранных отделений, публикациями в местной периодической печати, а также воспоминаниями старых большевиков, позволяет создать объективную биографию революционерки, избегая при этом идеологического пафоса. Весьма важно увидеть за сухими сводками отчётов жандармов или филёров не просто революционерку, а женщину с её семейными заботами, бытовыми проблемами и сложностями, но в то же время не извращая исторических фактов. Помогает достичь некоего компромисса сочетание официальных документов и воспоминаний её товарищей и учеников.

МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В 1917 ГОДУ: ПО МАТЕРИАЛАМ «ЛЕТОПИСИ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»¹

*Григорьева Ольга Игоревна, к.и.н.
(Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова)*

1917 год — поворотный в истории России. В жизни Московского университета он ознаменовался чередой кардинальных изменений, на фоне предшествующих событий его истории носивших позитивный характер.

Ещё в ходе Первой русской революции 1905–1907 гг. университет получил некоторую автономию, которую так ждали профессора. Однако для радикально настроенного студенчества университет стал в большей степени площадкой для «отработки политических методов борьбы», нежели научной школой². Многолетнее противостояние царского правительства, революционного студенчества и по преимуществу либеральной профессуры достигло своего пика в 1911 г. и привело — по словам лидера кадетской партии, бывшего приват-доцента университета П.Н. Милюкова — к «небывалому в академической жизни разгрому Московского университета»³.

Ввиду невозможности выполнения университетской администрацией возложенных на неё обязанностей ректор А.А. Мануйлов, его помощник М.А. Мензбир и проректор П.А. Минаков подали в отставку. Л.А. Кассо, министр народного просвещения в правительстве П.А. Столыпина, отставку принял и отстранил их не только от административных должностей, но и от научной и педагогической деятельности в университете. Вслед за этим в знак протеста в отставку подали около 130 профессоров и приват-доцентов Московского университета⁴.

Как писал профессор Е.Н. Трубецкой, «правительство решилось вышвырнуть вон всё порядочное или заставить профессоров выйти самих, сделав им жизнь невозможной. Вообще положение безвыходное: если победят

---

¹ Летопись Московского университета [Электронный ресурс], 1993–2017. URL: <http://letopis.msu.ru/>. Основа сайта: Летопись Московского университета: В 3 т. / авт.-сост. Е.В. Ильченко. М., 2004. См.: *Григорьева О.И.* Знание о Московском университете в цифровую эпоху // Историческая информатика. 2017. № 2. С. 24–32. DOI: 10.7256/2017.2.22659. URL: http://e-notabene.ru/istinf/article_22659.html (дата обращения: 20.07.2017).

² *Цыганков Д.А.* Московский университет в городском пространстве нач. XX века // Университет и город в России (начало XX века). М., 2009. С. 435.

³ *Милюков П.Н.* Воспоминания (1859–1917). Т. 2. М., 1990. С. 56.

⁴ Летопись-1911. URL: <http://letopis.msu.ru/letopis/1911> (дата обращения: 15.07.2017).

студенты, университет превратится в революционный клуб. Если, что вероятнее, победит правительство, университет превратится во что-то среднее между участком или чайною русского народа. Я люблю университет, крайне боюсь поэтому, что отставка с минуты на минуту может стать нравственно обязательною... Вообще невесело, потому что университет в данном случае — частное проявление зла более общего и большего — разрушения культуры дикарями слева и справа. Неужели не дадут они ничему порядочному у нас образоваться?»⁵

В созданном в результате Февральской революции 1917 г. новом центральном органе государственной власти — Временном правительстве — пост министра просвещения получил бывший ректор Московского университета А.А. Мануйлов.

Университет ходатайствовал к Временному правительству о возвращении профессоров, уволенных в 1911 г., и уже 22 марта 1917 г. состоялось первое заседание Совета совместно с возвратившимися профессорами. Среди вернувшихся были В.И. Вернадский, Н.Д. Зелинский, М.А. Мензбир, Б.К. Млодзеевский, К.А. Тимирязев, С.А. Чаплыгин, А.А. Эйхенвальд (физико-математический факультет); И.П. Алексинский, П.А. Минаков, Ф.А. Рейн, В.П. Сербский (медицинский факультет); Н.Д. Виноградов, Д.Н. Егоров, А.А. Кизеветтер, Д.М. Петрушевский, П.Н. Сакулин, А.И. Яковлев (историко-филологический факультет); А.А. Мануйлов, П.И. Новгородцев, Е.Н. Трубецкой, В.М. Хвостов (юридический факультет)⁶.

Возвращение профессоров после Февральской революции 1917 г. — один из ключевых моментов истории Московского университета, сопоставимый с его возрождением после Московского пожара 1812 г., когда университет лишился своих зданий вместе с оставленным во время эвакуации бесценным культурным богатством — коллекциями, документами, рукописями, книгами. Практически все ушедшие в 1911 г. профессора и преподаватели вернулись, и остались здесь и после Октябрьской революции, сохранив уникальный научный и образовательный потенциал МГУ. Вопрос, приняли ли они большевистскую революцию или нет, — предмет для отдельного исследования⁷. Но именно идея сохранения и развития Московского университета помогла им пережить годы крушения страны.

Во многом позицию учёных объясняют слова ректора М.А. Мензбира, сказанные при вступлении в должность в апреле 1917 г.: «В университете не

---

⁵ «Наша любовь нужна России...» Переписка Е.Н. Трубецкой и М.К. Морозовой // Новый Мир. 1993. № 10. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1993/10/publ.html (дата обращения: 17.07.2017).

⁶ Летопись-1917. URL: <http://letopis.msu.ru/letopis/1917> (дата обращения: 15.07.2017).

⁷ За рамками данной статьи также оставим вопрос об участии представителей университета в общественно-политическом и революционном движении начала XX века. См.: *Маркин В.Л.* Студенты и преподаватели Московского университета в общественно-политической жизни России начала XX века: дисс.... к.и.н.: 07.00.02. М., 2009; Воспитанники Московского университета — соратники В.И. Ленина. М., 1973; Воспитанники Московского университета — большевики дооктябрьского призыва. М., 1977; Воспитанники Московского университета — большевики ленинского поколения. М., 1982.

должно быть места политике, так как наука является достоянием всего человечества», а автономия высшей школы должна служить «интересам науки и научного преподавания»⁸.

Подобное мировоззрение членов университетской корпорации революционного периода хорошо передают воспоминания члена-корреспондента РАН, математика Д.Е. Меньшова: «В 1915 году мы занимались функциональными рядами, а в 1916 году — ортогональными рядами. А потом наступил 1917 год. Это был очень памятный год в нашей жизни, в тот год произошло важнейшее событие, повлиявшее на всю нашу дальнейшую жизнь: мы стали заниматься тригонометрическими рядами»⁹. Так профессор Д.Е. Меньшов, один из учеников академика Н.Н. Лузина, вспоминал о периоде начала XX века: в это время в Московском университете формировалась знаменитая Московская школа теории функций — Лузитания. (Примечательно, что именно за исследования в области тригонометрических рядов Д.Е. Меньшов получит Сталинскую премию в 1951 г.)

Развитие науки, усложнение самого процесса научного исследования, уже к началу XX в. выявили потребность в самостоятельной организации научного исследования в Московском университете. Первая мировая война подтвердила эффективность организованной работы учёных университета: ведя научные исследования в помощь воюющей армии, Московский университет впервые в своей истории стал частью оборонного потенциала страны¹⁰. Однако создать организационную систему для научной работы университет смог только после революций 1917 года.

Попытки новой власти провести комплексную реформу высшей школы были начаты уже в 1918 г., однако не встретили поддержки сообщества Московского университета. «Мощные волны Октябрьской революции докатились до университетских стен значительно позже, чем до других учреждений страны. Здесь приходилось особенно бережно относиться к кадрам, чтобы не распылить научные силы, составляющие гордость университетской науки и оказавшиеся в то время во власти кадетских идей. Нельзя не учитывать и того, что гражданская война, вызвавшая разруху во всех областях жизни, больно ударила и по университету, и в связи с этим трудно было бороться за перестройку школы»¹¹.

В 1918 г. советское правительство издало ряд отдельных декретов и других актов, регулирующих отношения в сфере высшей школы и знаменующих собой принципиально новую политику государства в области образования, начиная с широкой демократизации.

---

⁸ Летопись-1917...

⁹ Цит. по: *Садовничий В.А.* Научные школы Московского университета. URL: <http://www.msu.ru/science/science-school.html> (дата обращения: 15.07.2017).

¹⁰ См.: *Григорьева О.И.* Московский университет — фронту в годы Первой мировой войны // Сборник материалов VI Международной конференции молодых учёных и специалистов КЛИО. Исторические документы и актуальные проблемы археологии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. М., 2016. С. 151–155.

¹¹ Московский государственный университет. К XX-летию Великой социалистической революции. М., 1937. С. 25.

2 августа 1918 г. В.И. Ленин подписал Декрет СНК РСФСР «О правилах приёма в высшие учебные заведения РСФСР» и Постановление СНК РСФСР «О преимущественном приёме в высшие учебные заведения представителей пролетариата и беднейшего крестьянства»¹². С этого момента каждое лицо, независимо от гражданства и пола, достигшее 16 лет, могло стать слушателем любого высшего учебного заведения без представления диплома, аттестата или свидетельства об окончании средней или какой-либо иной школы.

Приём на I курс 1918/19 учебного года, произведённый на основании аттестатов или конкурсных экзаменов, объявлялся недействительным. В вузах РСФСР отменялась плата за обучение; плата, внесённая за первое полугодие 1918/19 учебного года, подлежала возвращению. Наркомпросу РСФСР поручалось подготовить ряд постановлений, обеспечивающих возможность учиться всем желающим лицам из среды пролетариата и беднейшего крестьянства и ликвидировать не только юридически, но и фактически «привилегии имущих классов».

До 2 августа 1918 г. в Московский университет на 2350 мест было подано 2632 заявления от выпускников средних школ. После 2 августа — 5892 заявления, в основном от лиц, не имевших законченного среднего образования, шедших «в Московский университет часто с трогательной верой, что здесь можно будет взять высшую науку “нутром”»¹³. И если в 1917 г. в университете обучались 6888 студентов, то на 1 января 1919 г. — 22972 человека, что составляет примерно половину числа студентов, обучающихся в МГУ в настоящее время.

Воспоминания профессора М.М. Новикова, ректора Московского университета в 1919–1920 гг., демонстрируют, каким образом университет вышел из ситуации с таким количеством желающих в нём учиться: «Был издан приказ об общедоступности университетского образования, согласно которому все лица, достигшие 16-летнего возраста, независимо от уровня их образовательной подготовки могли быть зачислены в студенты. Этот приказ был исполнен, но сама жизнь вскоре показала его практическую неосуществимость. В первое время аудитории переполнились полуграмотными рабочими, которые вскоре, однако, поняли, что “грызть гранит науки” не такая простая вещь, как об этом думали их политические руководители. Что же касается различного рода практических занятий в семинариях и лабораториях, играющих в современной постановке высшего образования часто доминирующую роль, то к ним неподготовленная публика и вообще не могла быть допущена. В результате состав студенчества скоро вновь снизился почти до своего первоначального уровня»¹⁴.

Для обеспечения возможности учиться в Московском университете 16 января 1919 г. при МГУ были открыты курсы подготовки рабочих и крестьян для поступления в вузы. Преподавали здесь в основном молодые универси-

---

¹² Летопись-1918. URL: <http://letopis.msu.ru/letopis/1918> (дата обращения: 17.07.2017).

¹³ Московский государственный университет. К XX-летию Великой социалистической революции... С. 24.

¹⁴ *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: Моя жизнь в науке и политике. М., 2009. С. 85.

тетские профессора. Обучение было бесплатным, учащиеся получали стипендию. Длительность обучения в зависимости от предварительной подготовки составляла 1–2 года. На курсы сразу записалось около 1500 человек. В сентябре 1919 г. эти курсы при Московском университете были признаны рабочим факультетом (рабфаком). Выполнив задачу по «регулированию социального состава студентов» к 1936 г., рабфак МГУ был закрыт¹⁵.

Создание рабочего факультета — не единственное изменение в структуре Московского университета, связанное с революционными событиями в стране. Смена идеологии закономерно отразилась на гуманитарном секторе университета. В 1918 г. был упразднен юридический факультет, а в 1921 г. — историко-филологический. Параллельно с этим в 1919 г. был создан факультет общественных наук (ФОН).

«Катастрофическое хозяйственное положение» университета, голод, обыски и аресты профессоров были фоном жизни университета в 1917-м и в первые послереволюционные годы. Большим идеологическим ударом по университетскому сообществу стала высылка нескольких видных профессоров университета на «философском пароходе» в 1922 г. В числе высланных из страны оказались философы С.Л. Франк и И.А. Ильин, историк А.А. Кизеветтер, юрист А.Л. Байков, астрофизик В.В. Стратонов (декан физико-математического факультета в 1920–1922 гг.) и бывший ректор МГУ зоолог М.М. Новиков. Однако эта акция всё же была исключительной и носила показательный характер.

Спустя полвека после революции авторы юбилейных изданий, рассказывающих о жизни Московского университета за 50 лет советской власти, так объясняли позицию высшего руководства страны по отношению к университету: «Коммунистическая партия была против крутой ломки высшей школы, проявляла величайшую осторожность в подходе к реформе университетского образования. М.Н. Покровский в своих воспоминаниях об отношении В.И. Ленина к высшей школе писал: “Первый совет, который я от него услышал, звучал совсем по-староверчески, до неприличия консервативно, можно сказать: «Лоялите поменьше!» Это было в те дни, когда количеством лома некоторые горячие товарищи меряли достоинство советского работника. А Ильич говорил: “Чем меньше наломаешь, тем лучше”»¹⁶.

«Советское государство сохранило старые научные организации, старые формы культурных учреждений, но постепенно изменяло характер и направление их деятельности применительно к новой, революционной жизни, к запросам трудового народа. Партия проводила курс на демократизацию этих учреждений. В отношении университета это прежде всего означало демократизацию студенчества, ликвидацию кастовости профессуры, привлечение к преподаванию новых марксистских кадров»¹⁷.

В начале 20-х гг., когда во главе университета встали первые «советские ректоры» — юрист Д.П. Боголепов (1920–1921) и историк В.П. Волгин

---

¹⁵ Факультет — Рабочий (рабфак) URL: <http://letopis.msu.ru/facultet/rabochiy-rabfak> (дата обращения: 3.02.2017).

¹⁶ Московский университет за 50 лет советской власти. М., 1967. С. 31.

¹⁷ Кошман Л.В., Сахаров А.М. Московский университет в Советское время. М., 1967. С. 27.

(1921–1925), была проведена реформа высшего образования. В сентябре 1920 г. Наркомпрос учредил новый высший орган управления в университете — Временный Президиум МГУ, который должен был стать руководящим органом вместо традиционного Совета, состоящего из профессоров, до издания нового положения об управлении университетами. В его состав входили представители от научных работников (профессоров, преподавателей, научных сотрудников), студентов (один обязательно от рабфака), представитель от служащих университета, военный комиссар и представители от Наркомпроса¹⁸. Оба последовательно занимавших пост Председателя Временного Президиума МГУ, как в тот период называлась должность ректора, были участниками революционного студенческого движения (Д.П. Боголепов был участником и Октябрьской революции), оба — выпускники Московского университета (Боголепов — 1909 г., Волгин — 1908 г.), оставленные при кафедрах для подготовки к профессорскому званию и начавшие преподавать в университете до 1917 г.¹⁹ Таким образом, по своему образованию они были носителями традиций Московского университета, по своему опыту и мировоззрению — «строителями молодого советского государства». Они и стали проводниками советизации Московского университета.

2 сентября 1921 г. СНК РСФСР утвердил «Положение о высших учебных заведениях РСФСР»²⁰. Этот первый устав советской высшей школы был введён в действие в 1922 г. В нём определялось, что целью вузов является подготовка кадров специалистов по различным отраслям и научных работников для обслуживания научных, научно-технических и производственных учреждений Республики. Обучение в вузах бесплатное. Студентами вузов могут быть граждане обоего пола, достигшие 16 лет и удовлетворяющие правилам приёма, установленным НКП.

Управление вузами централизовано: все вузы переданы в подчинение НКП по Главному комитету профессионально-технического образования (Главпрофобр). Руководили вузами Правления, члены которого назначались НКП РСФСР (3–5 человек, во главе с Председателем Правления — ректором). Вуз делился на факультеты, которые объединяли основные группы дисциплин, представлявшие собой законченное целое в научно-учебном отношении и имевшие целью подготовку практических деятелей определённых профессий. Число факультетов в каждом вузе устанавливалось НКП. Президиумы факультетов подчинялись Правлению вуза.

Главным структурным нововведением для вузов стали предметные комиссии, которые становились основной организационной ячейкой учебно-научной и методической работы, по сути заменяя собой кафедры. Предметную комиссию составляли все научные работники, объединённые родственными дисциплинами, а также представители студентов. Их целью являлось привлечение преподавателей и «широких масс пролетарского студенчества» к ор-

---

¹⁸ Уставы Московского университета 1755–2005. М., 2005. С. 309–310, 312.

¹⁹ Воспитанники Московского университета — соратники В.И. Ленина... С. 12; Воспитанники Московского университета — большевики ленинского поколения... С. 75.

²⁰ Уставы Московского университета... С. 312–320.

ганизации учебной и научной жизни «на новой основе», а также ослабление влияния «старой профессуры»²¹.

Московский университет вступал в период масштабных реорганизаций и экспериментов как с формами обучения («бригадный метод» и «уничтожение сессии»), так и со структурой самого университета. Период реорганизации Московского университета 1920-х — начала 1930-х гг. закончился 1 мая 1933 г., когда в МГУ была восстановлена факультетская система, существующая по сегодняшний день.

В поисках оптимального взаимодействия с новой властью учёные Московского университета нашли способ сохранить и развить научные школы университета. К началу 1920-х гг. в университете была создана система научно-исследовательских институтов как «надстройка над высшей школой»²², вынесенная за пределы сферы подготовки массового специалиста, в рамках которой велись широкомасштабные эксперименты.

В 1922 г. при физико-математическом факультете была создана Ассоциация научно-исследовательских институтов, ставшая «первым опытом» организации в высшей школе страны научно-исследовательской работы по точным и естественным наукам «на новых началах».

Ассоциация НИИ находилась в ведении Главнауки, состояла на госбюджете и имела своей целью: а) организацию научных исследований в соответствующих областях знания; б) изучение с научной точки зрения вопросов, вызываемых государственными потребностями; в) подготовку научных работников; г) популяризацию научных знаний. Она объединяла институты: Математики и механики (дир. Б.К. Млодзевский, среди членов Д.Ф. Егоров, Н.Н. Лузин, С.А. Чаплыгин); Физики и кристаллографии (дир. В.И. Романов, среди членов А.К. Тимирязев); Химии (дир. И.А. Каблуков, среди членов Н.Д. Зелинский); Антропологии (дир. Д.Н. Анучин, среди членов П.А. Минаков); Зоологии (дир. М.А. Мензбир); Геологии (дир. А.П. Павлов); Ботаники; Географии; Геофизики; Почвоведения; Минералогии и петрографии; Астрономо-геодезической²³.

В этих институтах протекала вся научно-исследовательская работа кафедр МГУ, а педагогическая работа институтов была сосредоточена на подготовке специалистов высшей квалификации — будущих учёных — через аспирантуру²⁴. К 1928 г. в аспирантуре Ассоциации было 320 аспирантов — более 75 % общего числа аспирантов по точным наукам в РСФСР²⁵.

Реалии университетской жизни постреволюционного времени, условия, в которых велась преподавательская и научно-исследовательская деятельность

---

²¹ *Летопись Московского университета: В 3 т. Том I: 1755–1952. М., 2004. С. 294–295.*

²² *Гулевич В.С.* Ассоциация научно-исследовательских институтов при физико-математическом факультете Московского государственного университета // *Известия Ассоциации НИИ при физ.-мат. фак. МГУ. 1928. Т. 1. Вып. 1–2. С. 1.*

²³ *Летопись физико-математического факультета.* URL: <http://letopis.msu.ru/content/letopis-fiziko-matematicheskogo-fakulteta> (дата обращения: 03.02.2017).

²⁴ См.: *Московский государственный университет: к XX-летию Великой социалистической революции...* С. 44–45.

²⁵ *Гулевич В.С.* Указ. соч. С. 2.

в указанный период нашли отражение в художественной литературе. Так, в Зоологическом музее МГУ, расположенном в центре Москвы на Большой Никитской, среди экспозиций, посвящённых истории музея, его знаменитым учёным и директорам, есть витрина «Кабинет профессора Персикова». Этот вымышленный персонаж фантастической повести Михаила Булгакова «Роковые яйца», опубликованной в 1925 г., «работал» здесь в 1920-е гг.

В витрине представлена обстановка кабинета «профессора зоологии IV государственного университета и директора зооинститута»²⁶. На его кресле лежит журнал «Труды НИИ Зоологии», изданный Ассоциацией научно-исследовательских институтов при физико-математическом факультете МГУ, в котором «публиковался» учёный. По сюжету повести, из-за вмешательства властей в научные эксперименты профессора Москву едва не захватили гигантские змеи, крокодилы и страусы.

Так пишет М.А. Булгаков о послереволюционных годах жизни профессора, основываясь на реалиях, которые должны были быть хорошо знакомы читателю первой половины 1920-х годов: «20-й год вышел ещё хуже 19-го... Но всё на свете кончается. Кончился 20-й и 21-й год, а в 22-м началось какое-то обратное движение. Во-первых: на месте покойного Власа появился Панкрат, ещё молодой, но подающий большие надежды зоологический сторож, институт стали топить понемногу. А летом Персиков, при помощи Панкрата, на Клязьме поймал 14 штук вульгарных жаб. В террариях вновь закипела жизнь... В 23-м году Персиков уже читал 8 раз в неделю — 3 в институте и 5 в университете, в 24-м году 13 раз в неделю и, кроме того, на рабфаках, а в 25-м, весной, прославился тем, что на экзаменах срезал 76 человек студентов, и всех на голых гадах:

— Как? вы не знаете, чем отличаются голые гады от пресмыкающихся? — спрашивал Персиков. — Это просто смешно, молодой человек. Тазовых почек нет у голых гадов. Они отсутствуют. Так-то-с. Стыдитесь. Вы, вероятно, марксист?

— Марксист, — угасая, отвечал зарезанный.

— Так вот, пожалуйста, осенью, — вежливо говорил Персиков и бодро кричал Панкрату: — Давай следующего!»²⁷

Опыт работы организованных в системе Московского университета НИИ оказался настолько удачным, что постановлением СНК РСФСР 4 июня 1933 г. Наркомпросу было указано на «целесообразность дальнейшего развёртывания в системе университетов научно-исследовательских институтов по естественным и физико-математическим наукам»²⁸.

---

²⁶ После Октябрьской революции до 1919 г. в Москве существовало три «государственных университета»: 1-й МГУ (такое название Московский университет носил в 1918–1930 гг.), 2-й МГУ (Московские высшие женские курсы), 3-й МГУ (бывший университет имени А.Л. Шанявского). См.: Первый Московский государственный университет за первое советское десятилетие (1917–1927). М., 1928. С. 9.

²⁷ *Булгаков М.А. Роковые яйца // Булгаков М.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 2. М., 1995. С. 307–308.*

²⁸ Уставы Московского университета... С. 352.

Самостоятельная Ассоциация НИИ при физмате просуществовала до 1930 г., затем институты были переданы факультетам. В начале 1950-х при переезде в новые здания МГУ на Ленинских горах большинство институтов были объединены с факультетами, с передачей их функций отделениям.

Если продолжение традиций и развитие научных школ университета в естественных и точных науках после Октябрьской революции очевидно, то ситуация в гуманитарном секторе университета требует более пристального рассмотрения.

20 января 1921 г. Временный президиум университета представил на утверждение в Государственный учёный совет проект «Положения об Ассоциации словесно-гуманитарных научных институтов, состоящих при МГУ в качестве автономных учреждений». Цель Ассоциации — «содействие разработке наук словесно-гуманитарного цикла и совершенствование подготовки в данных науках заинтересованных лиц». В итоге были созданы 7 НИИ при факультете общественных наук МГУ: Исторический, Искусствознания и археологии, Теории и истории права, Языковедения и истории литературы, Социологии, Научной философии, Психологический. В 1924 г. НИИ при ФОН МГУ были объединены в Ассоциацию научно-исследовательских институтов общественных наук МГУ. В 1926 г. Ассоциация была выведена из состава университета и преобразована в Российскую ассоциацию научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН).

Изучив списки действительных членов НИИ на 1 июля 1922 г.²⁹, мы видим, что из 87 представленных учёных-гуманитариев подавляющее большинство — около 70 % — и до революции были связаны с Московским университетом: половина из них были профессорами до 1917 г., другая половина состояла из выпускников и бывших студентов университета, ставших профессорами после 1917 г. Новыми для университета были около 20 % профессоров — членов НИИ. (Из-за недостатка биографических сведений 10 % членов осталось за рамками подсчёта.) Таким образом, можно утверждать, что к 1922 г. в Московском университете костяк классического гуманитарного образования был сохранён.

«Старые» и «новые» профессора, сформировавшиеся в дореволюционном университете, стали проводниками традиций классического образования и науки в МГУ. Созданием сети НИИ при физико-математическом факультете и факультете общественных наук впервые в истории Московского университета был образован развернутый научно-исследовательский сектор, строго дифференцированный по отраслям фундаментальной науки: с этого момента МГУ является не только учебным, но и научным учреждением.

---

²⁹ Летопись факультета общественных наук (ФОН). URL: <http://letopis.msu.ru/content/letopis-fakulteta-obshchestvennyh-nauk-fon> (дата обращения: 03.02.2017).

НОЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1918 г. В ОЦЕНКАХ БУДУЩИХ ХРИСТИАНСКИХ ДЕМОКРАТОВ ГЕРМАНИИ

*Добровольский Евгений Сергеевич
(Череповецкий государственный университет)*

Через год состоится еще один столетний юбилей революционных событий в Европе. Ноябрьская революция 1918 г. в Германии была следствием революционных событий в России, но совсем иного масштаба. В XX в. Германию лихорадило. Страна не раз меняла форму правления и политические режимы, имела разные границы, была оккупирована и разделена, на ее территории не раз велись военные действия. Но итогом политической нестабильности, длившейся на протяжении века, стало объединение страны и воссоединение немецкого народа 3 октября 1990 г.

На фоне частой смены власти события осени 1918 г. отходят на второй план. Революция состоялась, монархия пала, Германия была провозглашена республикой. Правда, революционное достижение — Веймарская республика была настолько не состоятельна, что «породила» и привела на вершину власти Адольфа Гитлера. Этот факт приводит к размышлениям о роли Ноябрьской революции в истории страны. Мнений как научной, так и широкой общественности на этот счет была масса. Следующий юбилейный год Ноябрьской революции, несомненно, даст новые ответы, обогатит историческую науку новыми фактами и теориями. Наша цель состоит в другом: показать, какую роль в становлении будущих политиков из Христианско-демократического союза (ХДС) сыграл переворот 1918 г.

Творцами Ноябрьской революции были левые партии СДПГ, НСДПГ, «Союз Спартака». 19 января 1919 г. в Веймаре состоялись выборы в Национальное собрание. Судя по отданным голосам, поддержкой среди народа пользовались не только левые силы, но и другие партии, стоящие правее. Католическая партия Центра и Баварская народная партия (БНП) получили 19,7 % голосов, либеральная Немецкая демократическая партия (НДП) — 18,5 %¹. После событий ноября эти партии численно увеличились за счет бывших членов социал-демократов и коммунистов. Из рядов Центра, БНП, НДП вышли будущие христианские демократы.

Спустя почти 30 лет после описываемых событий в послевоенной Германии был образован Христианско-демократический союз — консервативная биконфессиональная партия католиков и протестантов. Объединение двух христианских конфессий в политической плоскости, о чем мечтали многие политики не только Веймарской республики, но и империи², состоялось.

---

¹ *Ватлин А.Ю.* Германия в XX веке. М., 2002. С. 45.

² За объединение католиков и протестантов в рамках одной политической

Ранняя история ХДС достаточно интересна. Союз не был единой партией: ХДС действовал как в Западной Германии — ФРГ, так и в Восточной Германии — ГДР. В силу сложившихся политических и социально-экономических условий в послевоенной Германии представления об основах христианской демократии у политиков ХДС были различными. Споры о том, кто прав, кто является истинным христианским демократом, велись достаточно продолжительное время³. Судьба партии преопределила судьбу страны: раскололся союз — раскололась Германия.

У западно- и восточногерманских христианских демократов были разные представления о будущем своей страны. Их политические взгляды, идеологические ценности, сыгравшие свою роль в 1945–1949 гг., формировались достаточно продолжительное время. Историками учитывались многие факторы: деятельность в годы Веймарской республики, отношение к национал-социализму, степень борьбы с режимом Третьего рейха, участие в сопротивлении в годы Второй мировой войны. Непроанализированным остается такой аспект, как отношение будущих христианских демократов к революционным событиям 1918 г. в Германии. Тогда страна была в таких же условиях, как и в 1945 г. Кайзеровская Германия терпела поражение на полях Первой мировой войны. Будущее страны должны были вершить победители.

Самый известный христианский демократ Германии, ортодоксальный консерватор Конрад Аденауэр⁴, к революционным событиям относился отрицательно, так как ценил порядок, а его изменение допускал лишь легитимным способом. Ноябрьские выступления Аденауэр принял как нелогичные и случайные, хотя ушедшую империю он не жалел, считая прежнее государство полностью себя изжившим⁵. Неприятие Аденауэром революции также было связано с тем, что он в это время занимал должность обер-бургомистра Кёльна. Этот город играл очень важную роль в событиях ноября 1918 г. В Кёльне даже раньше, чем в Берлине, была провозглашена республика. Аденауэру необходимо было обуздать революционные массы, которые в случае слабости местных властей могли бы поднять бунт.

Для народного успокоения Аденауэром был создан «Комитет общественного блага», куда вошли представители различных групп и союзов, в том числе и революционных Советов. Совместная работа с коммунистами была временным отступлением для достижения главной цели — наведения порядка в городе, восстановления снабжения. Ему — ревностному католику — были чужды левые идеи. Важен был порядок, никаких экспериментов. Этой линии Аденауэр придерживался и будучи канцлером ФРГ⁶.

партии выступали в разное время: публицист Юлиус Бахем, прусский министр Адам Штегервальд, обер-бургомистр Кёльна Конрад Аденауэр, канцлеры Веймарской республики Йозеф Вирт и Генрих Брюннинг.

³ *Добровольский Е.С.* Идеино-организационное становление и развитие Христианско-демократического союза в Восточной Германии/ГДР в 1945–1952 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Череповец, 2016. С. 4–9.

⁴ *Петелин Б.В.К.* Аденауэр, Я. Кайзер и судьба ХДС в Восточной Германии // Вопросы истории. 2009. № 8. С. 112–113.

⁵ *Ежов В.Д.* Конрад Аденауэр — немец четырех эпох. М., 2003. С. 33.

⁶ В этом отношении вспоминается агитационный плакат ХДС к выборам в

Отрицательно к революционным событиям относился Вальтер Шрайбер⁷. На войну он отправился добровольцем в чине офицера. В ноябре 1918 г. политик был выбран в совет при высшем командовании. Революционные настроения солдат Шрайбера, который был далек от левых взглядов, не привлекали. Он остался на схожих позициях и в годы своего отстранения в 1945 г. от руководства восточногерманским ХДС. Став председателем земельной организации ХДС Восточного Берлина, он не участвовал в мероприятиях, инициированных Советской военной администрацией в Германии (СВАГ). Шрайбер поддерживал курс Якоба Кайзера, а после его свержения нейтрально относился к взглядам Отто Нушке на будущее ХДС в Восточной Германии / ГДР, на его унификацию с СЕПГ.

Противоположная реакция на события революции была у Отто Нушке⁸. Левые взгляды привели его в ряды пацифистов, правда, во время Первой мировой войны он был военным репортером на румынском фронте. Кроме журналистики он интересовался политикой. Вернувшись на родину, Нушке продолжил заниматься и тем и другим. В ноябре 1918 г. он был в числе основателей НДП. Будучи в то время шеф-редактором леволиберальной «Берлинской народной газеты», он способствовал появлению статей против действий Вильгельма II в Первой мировой войне.

Сам Нушке, выступая против «пруско-немецкой реакции», приветствовал результаты Ноябрьской революции, так как она открывала путь к новой демократии. Политик понимал, что простым этот путь не будет. Он полагал, что в демократии нуждаются пусть не все, но большинство жителей Германии⁹. В своих статьях он выступал также и против министра обороны Веймарской Германии правого социал-демократа Густава Носке. Когда стало известно, что убийство Розы Люксембург и Карла Либкнехта было санкционировано Густавом Носке, прессинг со страниц газеты против него особенно возрос. Само убийство 15 января 1919 г. Нушке назвал «трусливым кровавым злодеянием развратной солдатни»¹⁰, хотя всегда был далек от коммунистической среды.

Нушке — один из лидеров ХДС ГДР, сыгравший важнейшую роль в создании нового имиджа христианских демократов Восточной Германии, уже в годы Ноябрьской революции стоял на левых позициях. Такой человек и был необходим СВАГ в качестве председателя одной из партий антифашистско-демократического блока в годы оккупации Германии и во время создания ГДР. Именно при нем на шестом съезде ХДС ГДР союз признал руководящую роль СЕПГ в строительстве социализма в Восточной Германии.

Бундестаг ФРГ 1957 г., на котором изображен портрет Конрада Аденауэра с проницательным, заглядывающим в будущее взглядом. Надпись на плакате гласит: «Никаких экспериментов! Конрад Аденауэр ХДС».

⁷ Занимал пост второго председателя восточногерманского ХДС в 1945 г.

⁸ Занимал пост председателя восточногерманского ХДС в 1948–1957 гг.

⁹ *Otto Nuschke*. Reine Christ in der Welt. Heft 1. Konrad-Adenauer-Stiftung, Berlin, 1965. S. 9.

¹⁰ *Otto Nuschke*. Mensch. Politiker. Journalist. Berlin, 1953. S. 26.

Поддержал итоги революции и Якоб Кайзер¹¹. Будучи активным участником христианского профсоюзного движения с 1912 г., Кайзер видел различные проявления несправедливости в отношении рабочих страны: отправка на фронт, война за погибающие идеалы монархии, гибель. Сам политик был на фронте и получил тяжелое ранение.

Революционная ситуация, вызванная поражением в войне, возвысила в глазах трудящихся профсоюзное движение. После ноября 1918 г. количество членов всех профсоюзов возросло. Революция придала Кайзеру политический вес. Он принял участие в создании «межконфессиональной христианско-социальной народной партии», стал одним из руководителей христианских профсоюзов Рейнской области¹².

Кайзеру были чужды левые взгляды. Он был членом католической партии Центра, добился там определенных успехов. Вероятнее всего, Ноябрьская революция была для него удобным случаем начать политическую карьеру. В 1947 г. Кайзер был отстранен от председательства ХДС Восточной Германии за отказ от участия в Народном конгрессе — политической акции СВАГ, направленной против капиталистических стран. Христианский демократ воспринял это как очередной удобный случай для дальнейшей политической деятельности. Он уехал в Западный Берлин, где основал «ХДС в изгнании» — партийную ячейку, которая представляла восточногерманский ХДС на Западе. Но стать настоящим лидером всех христианских демократов Германии он не смог. Слишком велик был авторитет Аденауэра. В итоге Кайзер стал министром внутригерманских отношений в кабинете Конрада Аденауэра.

В ранге лейтенанта встретил события ноября 1918 г. двадцатилетний Эрнст Леммер¹³. К этому времени он уже был членом НДП и вошел в Совет рабочих и солдатских депутатов. Этот факт свидетельствовал о его поддержке революции. Взгляды Леммера были созвучны взглядам Кайзера, недаром они вместе были отстранены от руководства ХДС и продолжили свою политическую карьеру в Западном Берлине¹⁴.

Отдельного внимания заслуживают оценки тех христианских демократов, кто события ноября 1918 г. встретил в качестве военнослужащих. Так, для Андреаса Гермеса¹⁵ революция стала поводом вернуться домой в Берлин с болгарского фронта и продолжить заниматься политикой¹⁶. Иные настроения были у Георга Дертингера, который в дни революционных потрясений находился в Германии.

---

¹¹ Занимал пост первого председателя восточногерманского ХДС в 1945–1947 гг.

¹² *Christliche Demokraten der ersten Stunde*. Bonn, 1966. S. 180.

¹³ Занимал пост второго председателя восточногерманского ХДС в 1945–1947 гг.

¹⁴ *Creuzberger S.* Opportunismus oder Taktik? Ernst Lemmer, die Sowjetische Besatzungsmacht und der Umgang mit neuen „Schlüsseldokumenten“ // Richter M. Rißmann M. *Die Ost-CDU: Beiträge zu Ihrer Entstehung und Entwicklung*. Weimar, 1995. S. 37–38.

¹⁵ Занимал пост первого председателя восточногерманского ХДС в 1945 г.

¹⁶ *Christliche Demokraten...* Op. cit. S. 159.

Будущий генеральный секретарь ХДС Восточной Германии и министр иностранных дел ГДР Георг Дертингер в 1918 г. обучался в кадетском корпусе в берлинском районе Лихтерфельде. В большинстве своем 16-летние кадеты, воспитываемые в уважении к героическим страницам прусской военной истории: победы в австро-прусской, франко-прусской и других войнах, «были готовы бороться против революции “красных”, выступать за империю и императора»¹⁷.

Немецкий историк П.И. Лапп в своей монографии о Дертингере так передавал переживания молодого кадета в ноябре 1918 г: «...В те беспокойные дни он убежал в кадетской форме домой и попал в революционную демонстрацию. Толпа избивала его и разорвала военную форму, трудящиеся сорвали погоны и кокарду. Это еще больше озлобило 16-летнего юношу против “таких элементов”. Он ожидал от командования приказа “к оружию”. Но каково же было разочарование молодого кадета, когда командир кадетской школы генерал-лейтенант появился перед ними без погон и с красной революционной повязкой. Увиденное шокировало Дертингера и других кадетов. Капитуляция его командиров перед революцией была хуже, чем удары палками от демонстрантов. Его антипатия к “красным” еще более усилилась, когда они лишили его профессионального будущего. По условиям Версальского мира в рейхсвере¹⁸ могло служить только 4 тысячи офицеров...»¹⁹.

Георг Дертингер, став журналистом, вступил в Немецкую национальную народную партию. Это был единственный высокопоставленный христианский демократ ГДР, бывший членом национальной партии в годы Веймарской республики. В итоге витиеватая политическая судьба Дертингера и вера в Бога привели его в ряды ХДС.

Главным следствием Ноябрьской революции стало конституирование первой немецкой демократии — Веймарской республики. Как же смогли реализовать себя в этих условиях те христианские демократы, которые имели принципиальные взгляды на революционные события?

Андреас Гермес, вернувшийся с фронта, занимал высокие министерские посты в государстве. В разное время он был министром продовольствия, сельского хозяйства и финансов. В начале 1930-х гг. Гермес был депутатом рейхстага от партии Центра. С приходом к власти фашистов политик эмигрировал в Колумбию. Вернувшись, был активным участником Сопротивления в годы Второй мировой войны. Его коллега на посту председателя ХДС Вальтер Шрайбер, будучи членом НДП, занимал пост прусского министра торговли и ремесел. В годы господства национал-социализма и в военное время он отошел от политической деятельности, считая политику опасным занятием. Шрайбер жил в Берлине, работал адвокатом и нотариусом. В рядах Сопротивления не числился. При сравнении двух политиков, становится понятной политическая линия каждого. Шрайбер, не принимавший ни события ноября 1918 г., ни события января 1933 г., мирился с происходящим, уходил в молчаливое, пассивное неповиновение. Гермес же боролся за свои политические

---

¹⁷ *Lapp P.J.* Georg Dertinger: Journalist — Außenminister — Staatsfeind. Freiburg, 2005. S. 24.

¹⁸ Вооруженные силы Германии в 1919–1935 гг.

¹⁹ *Ibid.* S. 25.

идеалы. Недаром эти два христианских демократа занимали посты председателей ХДС в 1945 г. одновременно, они дополняли друг друга. Этот политический тандем можно озаглавить так: дальновидный наблюдатель — непримиримый противник режима²⁰.

Поддержавший революционные события 1918 г. Якоб Кайзер сделал блестящую политическую карьеру в Германии. Именно в годы Веймарской республики Кайзер стал известным политиком и борцом с национал-социализмом. В партии Центра он добился определенных успехов. В Рейнской провинции он был заместителем председателя партии, избирался депутатом рейхстага от своей партии. В 1930–1940-е гг. он был активным участником Сопротивления, неоднократно бывал в заключении. У Кайзера были связи с организаторами операции «Валькирия» 20 июля 1944 г., но он чудом избежал ареста и долгое время скрывался. Эрнст Леммер, занимавший пост второго председателя ХДС, коллега Кайзера, совмещал политическое поприще с журналистикой. Сначала он занимал должность генерального секретаря профсоюзного объединения немецких рабочих, служащих и чиновников. Этот пост дал ему возможность быть избранным депутатом в рейхстаг от НДП. В годы фашистской диктатуры Эрнст Леммер был корреспондентом различных иностранных газет в Берлине, в том числе швейцарской «Новой Цюрихской газетой». Непродолжительное время он был корреспондентом в Будапеште.

Иная ситуация прослеживается в сравнении Кайзера и Леммера. Оба начинали с профсоюзной работы, но политические изменения в стране заставили по-иному взглянуть на свою деятельность. Если первый активно противостоял режиму Гитлера, то второй занялся журналистикой в либеральных изданиях. Открыто противостоять режиму Леммер не осмелился. В этот раз видится другой по содержанию тандем: политик — журналист²¹. Такое сочетание предопределило более продолжительное нахождение христианских демократов во главе восточногерманского ХДС.

Отто Нушке, поддержавший революционные события ноября 1918 г., как уже указывалось выше, был журналистом, но в годы Веймара зарекомендовал себя ответственным и дальновидным политиком. Он был заместителем председателя НДП, а также занимал пост генерального секретаря этой партии. В 1930-е годы Нушке политикой не занимался, предпочтя бессмысленной партийной борьбе спокойную фермерскую деятельность. Правда, уже в годы Второй мировой войны, понимая, что фашистский режим Гитлера недолговечен, Нушке наладил связи с организаторами операции «Валькирия». После провала заговора политик избежал ареста и, так же как Кайзер, долгое время скрывался²².

Так же как в 1930-е гг., уже на рубеже 1940–1950-х гг. Нушке, будучи председателем ХДС, унифицировал союз с партий власти СЕПГ в ГДР. Он понимал, что сейчас противостоять марксизму-ленинизму невозможно, раскол страны уже состоялся. Тем не менее ХДС сохранил свою христианскую сущность, и в 1989 г. христианские демократы первыми вышли из Национального

---

²⁰ Добровольский Е.С. Идеино-организационное становление... Указ. соч. С. 242.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 243–244.

фронта ГДР. В 1990 г. ХДС ГДР и ХДС ФРГ объединились, в этом же году объединилась и Германия. В таком исходе партийно-политической истории послевоенной Германии видится дальновидность Отто Нухке.

Георгу Дертингеру Ноябрьская революция, во-первых, нанесла его неокрепшей личности моральную травму, во-вторых, перечеркнула его мечту связать свое будущее с военной деятельностью. Поэтому логичным видится тот факт, что Дертингеру были ближе оппозиционные взгляды в годы Веймара и, наоборот, поддержка правительственного курса в годы национал-социализма. Так он негласно протестовал против, как ему казалось, несправедливости к себе. Кроме того, что Дертингер, как отмечалось выше, был членом НННП, он был хорошим журналистом, писал статьи для «Магдебургской газеты». Вскоре он занял пост заместителя главного редактора, а затем и главного редактора этой газеты. Продолжительное время Дертингер работал корреспондентом в Берлине.

С приходом к власти Гитлера особо ничего в жизни и профессиональной деятельности Дертингера не изменилось. Он так и занимался журналистикой, но уже в министерстве пропаганды Третьего Рейха. Его задача заключалась в сборе корреспонденций в различных провинциальных и зарубежных газетах. Кроме того, Дертингер совмещал журналистскую и публицистическую деятельность в «Новой Венской ежедневной газете» и «Кёнигсбергской всеобщей газете». Примечательно, что, несмотря на работу в знаменитом министерстве пропаганды Третьего рейха, Дертингер не был членом Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП). Этот факт говорит о том, что будущий христианский демократ понимал, что национал-социализм не отвечает его требованиям. Отсутствие такого пункта, как членство в НСДАП, в биографии Дертингера помогло ему стать сначала членом, потом — генеральным секретарем ХДС, а позже — и министром иностранных дел ГДР.

Что же касается самого известного христианского демократа послевоенной Германии Конрада Аденауэра, то в годы Веймарской республики он продолжал занимать пост бургомистра Кёльна. Будучи опытным и мудрым политиком партии Центра, Аденауэр был на хорошем счету у своих однопартийцев. Это привело к тому, что в 1926 г. Аденауэру даже предлагали занять пост канцлера Германии тогда, когда партия Центра формировала правительство. Но он отказался, оставив «переезд в Берлин до лучших времен»²³. Пока в большую политику Аденауэр не рвался, в то время его привлекала больше хозяйственная деятельность в качестве главы города, чем публичная политическая работа. При нем Кёльн преобразился и стал современным благоустроенным городом.

В годы национал-социализма Аденауэр был смещен со своего поста. Для фашистов он был персоной нон грата, так как всегда имел свое мнение, хотя никогда открыто против Гитлера не выступал. Для Аденауэра коммунисты представляли большую опасность, чем «коричневые». В этом прослеживается преемственность взглядов политиков еще с Ноябрьской революции. Тем не менее 1930-е гг. были тяжелым временем для него, приходилось даже скрываться. В годы войны многие будущие христианские демократы были как-то

---

²³ Петелин Б.В. Конрад Аденауэр: патриарх германской политики // Новая и новейшая история. 2006. № 3. С. 148.

связаны с организацией заговора 20 июля 1944 г., Аденауэр в этой авантюре замешан не был. Военные годы он провел аполитично, занимаясь своим садом в деревне Рёндорф под Бонном.

Таким образом, Ноябрьская революция 1918 г. помогла раскрыть политические взгляды будущих лидеров ХДС. Оценки, даваемые политиками революции, характеризуют их взгляды на послевоенную историю Германии и роль в этих событиях Христианско-демократического союза. Консерватор Аденауэр был противником левых экспериментов, леволиберальный Нушке видел в единстве Германии ключевую роль СССР, а центристы Кайзер и Леммер видели для Германии третий путь — между капитализмом и советским социализмом. Сама же Германия, по их мнению, должна была стать «мостом между Востоком и Западом». Как и любая революция, Ноябрьский переворот 1918 г. дал импульс для политических изменений в стране.

ОКтябрьская революция и самоопределение Беларуси

*Елисеев Алексей Борисович, к.и.н.
(Минский филиал РЭУ имени Г.В. Плеханова, Беларусь)*

7 ноября отмечается в Республике Беларусь как День Октябрьской революции и является общереспубликанским праздничным днём. Со стороны государства и общества это является признанием важной роли, которую сыграла революция в судьбе Беларуси. Октябрьская революция ускорила процесс национально-государственного самоопределения и привела к образованию государства на советской основе — Белорусской Советской Социалистической Республики.

До Октябрьской революции 1917 г. ни одна из национальных белорусских организаций, действовавших на неоккупированной территории, не ставила вопрос о создании самостоятельного белорусского государства. Максимум их требований на этом этапе — предоставление Беларуси национально-территориальной автономии в составе России. В то время как белорусские партии и организации спорили о том, должна ли Беларусь быть отдельной областью или автономной республикой в составе России, лидер большевиков В.И. Ленин в статье «Удержат ли большевики государственную власть?», написанной ещё до взятия власти, первым обмолвился о необходимости немедленно восстановления полной свободы для Беларуси¹.

Дважды в 1917 г. — в марте и июле — проходили съезды белорусских национальных партий и организаций. Результатом их работы стало создание координирующего органа белорусского национального движения, который после ряда реорганизаций стал называться Великой Белорусской Радой (ВБР). В обращении ВБР «Ко всему народу белорусскому» говорилось о необходимости провозглашения Беларуси демократической республикой, «спааяннй с Великороссией и другими соседними республиками России на основе федерации»². Для решения вопроса о самоопределении Беларуси, а также важнейших политических и социальных задач, ВБР предложила созвать в Минске Всебелорусский съезд. Другим инициатором созыва съезда выступил Белорусский областной комитет при Всероссийском Совете крестьянских

---

¹ Ленин В.И. Удержат ли большевики государственную власть? // Полное собрание сочинений. Т. 34. Июль–октябрь 1917. М., 1969. С. 299.

² Турук Ф. Белорусское движение. Очерк истории национального и революционного движения белорусов. С приложением образцов белорусской нелегальной литературы, важнейших документов белорусских политических партий и национальных организаций и этнографической карты белорусского племени, составленной акад. Е.Ф. Карским. М., 1921. С. 96–98.

депутатов (БОК), состоявший в основном из делегатов от белорусских губерний на Всероссийских съездах крестьянских депутатов. БОК выступал за автономию Беларуси в составе России. В своей Декларации он провозгласил необходимость спасения завоеваний революции путем «организации белорусского крестьянства вокруг идеи образования автономно-свободной Белоруссии как части Российской Федеративной Республики»³.

Созванный ВБР и БОК I Всебелорусский съезд, собравший около двух тысяч участников, состоялся в декабре 1917 г. и не завершил своей работы. В ночь с 17 на 18 декабря 1917 г. он был разогнан по решению Совета Народных Комиссаров Западной области и фронта. Мотивом для разгона съезда, как телеграфировал в Петроград председатель СНК Западной области и фронта К.И. Ландер, было то, что хотя съезд и высказался за признание Советской власти и Совета Народных Комиссаров во главе с В.И. Лениным, тем не менее не признал «установленную Советами власть для местного края»⁴. «Установленной Советами властью для местного края» были созданный 26 ноября 1917 г. Областной исполнительный комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Западной области и фронта (Облисполком-зап) (председатель с января 1918 г. — А.Ф. Мясников, главнокомандующий Западным фронтом и руководитель Северо-Западного областного комитета РКП(б)) и Совет Народных Комиссаров Западной области и фронта (председатель К.И. Ландер). Большевики, которые находились во главе советской власти в Беларуси, отрицали существование белорусской нации и стояли на позициях так называемого «областничества», полагая, что белорусам достаточно того, что у них уже есть, — отдельной Западной области в составе РСФСР. В последующем в советской историографии долгие годы господствовало утверждение, что I Всебелорусский съезд был разогнан по причине его контрреволюционного мелкобуржуазного и кадетско-помещичьего состава, высказавшегося против советской власти.

Единственный пункт резолюции, за который успели проголосовать делегаты I Всебелорусского съезда до разгона, свидетельствует, что это утверждение не соответствует действительности. Делегаты I Всебелорусского съезда единогласно постановили: «Закрепляя свое право на самоопределение, провозглашенное российской революцией, и утверждая республиканский демократический строй в пределах Белорусской земли для спасения родного края и ограждения его от раздела и отторжения от Российской Демократической Федеративной Республики, 1-й Всебелорусский Съезд постановляет: немедленно образовать из своего состава орган краевой власти в лице Всебелорусского Совета крестьянских, солдатских и рабочих депутатов, который временно становится во главе управления краем, вступая в деловые сношения с центральной властью, ответственной перед Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»⁵.

Из резолюции видно, что делегаты съезда, во-первых, апеллировали к реализации права наций на самоопределение, провозглашённого Октябрьской революцией, во-вторых, рассматривали Беларусь как часть России и руковод-

---

³ Там же. С. 103.

⁴ Там же. С. 109.

⁵ Там же. С. 105.

ствовались принципом недопустимости отторжения её от России, в-третьих, предполагали сформировать именно *советский* орган власти — Всебелорусский Совет крестьянских, солдатских и рабочих депутатов, в-четвертых, зафиксировали статус Всебелорусского Совета как *временного* органа власти, в-пятых, признавали в качестве центральной власти правительство В.И. Ленина. Из того, что резолюция была проголосована единогласно, следует, что те делегаты съезда, которые выступали с предложением объявить Беларусь независимой республикой, пошли на компромисс с большинством съезда. По воспоминаниям участника съезда А.И. Цвикевича, мысль о независимости Беларуси не имела успеха, повсюду витала формула «федеративной России», а Беларусь мыслилась как её часть⁶.

Разгон I Всебелорусского съезда был встречен с разной степенью неодобрения. По мнению председателя БОК Е.С. Канчера, из-за разгона съезда на нелегальное положение были вынуждены уйти не только контрреволюционные, но и чисто революционные социалистические силы: «Разгон 1-го Всебелорусского Съезда создал такое положение, при котором открылось широкое поле для работы темных людей и закрыта возможность работы для искренних и честных политических деятелей на белорусской ниве»⁷. Хотя деятельность СНК Западной области «часто не соответствовала интересам местных нужд», за что подвергалась критике «со стороны белорусской демократии», тем не менее Всебелорусский съезд не собирался отстранять его от власти, так как «существование этого Совета считалось временным и власть его понималась ограниченной Западным фронтом»⁸.

Перед I Всебелорусским съездом же стояла задача выявить все «революционно-творческие силы Беларуси». «Разгон съезда во всех отношениях явился преступлением и перед белорусским народом, и перед всемирной социалистической революцией...» — делал весьма эмоциональный вывод Канчер⁹.

4 января 1918 г. резолюцию с осуждением разгона I Всебелорусского съезда приняла Петроградская организация Белорусской Социалистической Громады (БСГ), представлявшая левое течение крупнейшей белорусской национальной партии, близкое к большевикам. В резолюции отмечалось, что возможность самоопределения лишь облегчает ведение классовой борьбы, и принцип права наций на самоопределение должен быть сохранён среди других великих принципов революции как залог скорейшего достижения торжества интернационального социализма¹⁰.

Сожаление по поводу разгона съезда высказала Белорусская социал-демократическая рабочая партия, оформившаяся осенью 1917 г. Партия потребовала создания специальной комиссии из представителей БСДРП, ЦК

---

⁶ Гальнец А. Чатыры гады (1918–25.ІІІ.1922) // Спадчына. 1996. № 3. С. 140. (А. Гальнец — псевдоним А.И. Цвикевича).

⁷ Канчер Е.С. Белорусский вопрос: Сб. статей. Пг., 1919. С. 53.

⁸ Там же. С. 52.

⁹ Там же. С. 125.

¹⁰ Ж.З.Х. Ад кастрычніка 1917 г. да лютага 1918 г. (Да гісторыі Савецкае Беларусі) // Польшыя. 1924. № 1. С. 169. (Ж.З.Х. — псевдоним Д.Ф. Жилуновича).

РСДРП(б) и Наркомнаца для расследования обстоятельств разгона и выявления виновников¹¹.

Наконец, вопрос о разгоне I Всебелорусского съезда стал предметом перепалки между одним из лидеров левого крыла БСГ Ф.Ф. Грибом и Народным комиссаром по делам национальностей И.В. Сталиным на III Всероссийском съезде Советов, проходившем в Петрограде в январе 1918 г. Получив слово, Гриб выступил с протестом против разгона съезда и, как вспоминал позднее присутствовавший при этом будущий первый председатель правительства БССР Д.Ф. Жилунович, «обрисовал в чёрных красках процесс его разгона минскими большевиками»¹². В ответ на это Сталин назвал Всебелорусский съезд «съездом помещиков». Как свидетельствует Жилунович, речь Сталина, искажавшая факты, оставила тяжёлое впечатление у белорусских делегатов III съезда Советов¹³. В изданном протоколе III Всероссийского съезда Советов отсутствует информация о выступлении Сталина по этому вопросу, как нигде не называется и имя Ф.Ф. Гриба. Однако упоминается заявление «от имени белорусских социалистов» (которое, вероятно, и делал Гриб), в котором СНК обвиняется в «насильственном разгоне» Всебелорусского съезда, в ответ на что К.И. Ландер объясняет делегатам, что при помощи «махинаций» Великая Белорусская Рада «пыталась фальсифицировать политическую организацию советов в Белоруссии» и «вступить в борьбу с действительной властью рабочих, солдат и крестьян Западной России»¹⁴.

18 декабря 1917 г. часть делегатов I Всебелорусского съезда, главным образом из состава сформированных им органов, собралась на закрытое заседание, постановила считать съезд насильственно разогнанным и признать Раду съезда его исполнительным органом, в обязанности которого входило проведение в жизнь решений съезда.

Тем временем события, определившие ближайшее будущее Беларуси, разворачивались в Брест-Литовске, где с декабря 1917 г. проходили переговоры о мире между РСФСР с одной стороны и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией с другой. Вслед за тем как руководитель советской делегации Л.Д. Троцкий отказался подписать мирный договор на условиях первого ультиматума Германии и заявил, что Советская Россия войну прекращает, в Германии было принято решение о возобновлении наступления по всей линии фронта. 18 февраля 1918 г. кайзеровские войска двинулись с линии Двинск — Поставы — Сморгонь — Барановичи — Пинск, на которой стабилизировался фронт в октябре 1915 г., на восток. Не имея возможности организовать отпор, 19 февраля органы Облискомзапа покинули Минск и выехали в Смоленск. В отчёте Облискомзапа говорилось по этому поводу: «Ряды наших солдат дрогнули, нас оттеснили, в два дня все положение изменилось с катастрофической быстротой. Спокойно работающая Советская власть мгновенно очутилась между молотом и наковальней... При тех силах, которыми располагал Совет Комиссаров, нельзя было думать не только о

---

¹¹ Турук Ф. Указ. соч. С. 34.

¹² Ж.З.Х. Указ. соч. С. 172.

¹³ Там же. С. 173.

¹⁴ Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Пг., 1918. С. 39.

серьезном отпоре, но и вообще о каком-либо сопротивлении»¹⁵. 20 февраля 1918 г. А.Ф. Мясников послал в Ставку донесение об отступлении армий Западного фронта¹⁶. Прибыв в Смоленск, большевики предприняли усилия по организации вооружённых формирований и партизанских отрядов для сопротивления германским войскам. В приказе № 2 главнокомандующего Западным фронтом от 23 февраля 1918 г. говорилось о необходимости преградить врагам все подступы вглубь страны, для чего нужна самая напряжённая и широкая мобилизация всех способных к защите России сил и способностей трудового народа¹⁷.

Немецкие войска вступили в Минск 21 февраля 1918 г. Назначенный сразу после ухода большевиков Радой Всебелорусского съезда комендант Минска К.Б. Езовитов призвал горожан дружелюбно встретить и быть полностью лояльными к немцам¹⁸. Поспешили на вокзал поприветствовать оккупантов и два правых члена Рады Р.А. Скирмунт и П.П. Алексюк. Судя по всему, такими полномочиями Рада их не наделяла. От обоих потребовали письменные заявления, что они приветствовали немцев от себя лично. Правда, делать такие заявления те отказались¹⁹.

В этот же день, 21 февраля 1918 г., Рада Всебелорусского съезда приняла 1-ю Уставную грамоту для народов Беларуси, в которой провозгласила себя временной властью в Беларуси до созыва Всебелорусского Учредительного Сойма. Для «защиты и утверждения завоеваний революции» Радой было сформировано правительство — Народный Секретариат²⁰ во главе с представителем правой части БСГ И.Я. Воронко.

9 марта 1918 г. Рада издала 2-ю, а 25 марта — 3-ю Уставные грамоты, в которых провозглашала Беларусь сначала Народной, а затем и независимой *Белорусской Народной Республикой (БНР)*. 2-я Уставная грамота по содержанию была документом, призванным найти поддержку у широких масс населения. В ней закреплялись восьмичасовой рабочий день, свобода слова, печати, собраний, забастовок, свобода совести, национально-персональная автономия для всех народов, населяющих Беларусь, отмена частной собственности на землю и передача её без выкупа крестьянам и др.²¹ Что касается 3-й Уставной грамоты, то она объявляла об окончательном разрыве с Россией: «С этого времени Белорусская Народная Республика провозглашается Независимым и Свободным Государством... Утрачивают силу все прежние государственные связи, которые дали возможность чужому правительству подписать и за Бе-

---

¹⁵ Крах немецкой оккупации в Белоруссии в 1918 году (Сборник документов Партархива ЦК КП(б) Белоруссии). Минск, 1947. С. 60–61.

¹⁶ Борьба за Советскую власть в Белоруссии: Документы и материалы. Минск, 1968. Т. 1. (Февраль 1918 г. — февраль 1919 г.). С. 23–24.

¹⁷ Крах немецкой оккупации в Белоруссии в 1918 году. С. 48; Борьба за Советскую власть в Белоруссии. Т. 1. С. 25–26.

¹⁸ Трацяк С.А. Брэсцкі мір і грамадска-політычны працэсы ў Беларусі: лістапад 1917 — студзень 1919 г. Мінск, 2009. С. 61–62.

¹⁹ Дзянніца. 1918. № 6.

²⁰ Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі. Вільня, Нью-Ёрк, Менск, Прага, 1998. Т. I. Кн. 1. Док. 0084. С. 46.

²¹ Там же. Док. 0101. С. 52–53.

ларусь договор в Бресте, который убивает насмерть белорусский народ, разделяя его землю на части»²². Как видим, правительство Ленина здесь уже названо «чужим».

В среде белорусских деятелей, ориентированных на Советскую Россию, акт провозглашения независимости БНР под немецкой оккупацией был назван предательским²³. Во-первых, Рада БНР, возникшая фактически из Рады Всебелорусского съезда, взявшей обязательство проводить все его решения в жизнь, нарушила волю съезда, по которой Беларусь должна была оставаться в составе Российской Демократической Федеративной Республики. Однако, как откровенно писал в своей «Истории Беларуси» М.В. Довнар-Запольский, «принцип единства с центральной Советской Россией, который был обязательным для Рады как постановление 1-го съезда... мог вредно отразиться на положении Рады в глазах немецких оккупантов»²⁴. Во-вторых, о реальной независимости в условиях немецкой оккупации не могло быть и речи. Завоевания революции, защищать которые брала на себя обязательство Рада в 1-й и 2-й Уставных грамотах, ликвидировались: восстанавливалась частная собственность, земля возвращалась прежним владельцам — помещикам, отменялся 8-часовой рабочий день и др. Кроме этого вводилась предварительная цензура, распространение революционной пропаганды и газет объявлялось преступным и строго запрещалось, без специального разрешения запрещалось проведение собраний.

Разумеется, вне закона были объявлены большевики. Точную характеристику такой «независимости» дала 30 апреля белорусская газета «Дзянніца», издававшаяся Белорусским Национальным Комиссариатом: «С одной стороны, “народное правительство” (“народный секретариат”), управляющее именем Белорусской республики, а с другой, систематическое убийство, постоянное удушение белорусского народа. И вместе с тем никакого протеста по поводу происходящих событий со стороны этого “народного правительства”, никаких шагов к прекращению грабежа и насилий над трудящимися крестьянскими массами, пошлая заискивающая покорность перед германскими властями»²⁵.

Бездействие Рады и Народного Секретариата БНР было продиктовано заинтересованностью в признании БНР со стороны Германии. Попытка добиться признания БНР отправкой германскому правительству текстов 2-й и 3-й Уставных грамот успеха не имела. 20 апреля 1918 г. на заседании специальной делегации БНР по вопросам международных переговоров председатель делегации А.И. Цвикевич констатировал, что немцы не заинтересованы в Беларуси и что «мы поддержки со стороны Берлина ожидать не можем», «немцы смотрят на нас сквозь пальцы»²⁶. В поисках решения один из участников совещания предложил посетить германского посла и «заинтересовать его Бело-

---

²² Там же. Док. 0130. С. 62.

²³ *Канцер Е.С.* Указ. соч. С. 81.

²⁴ *Доўнар-Запольскі М.В.* Гісторыя Беларусі. Мінск, 1994. С. 486.

²⁵ Дзянніца. 1918. № 10.

²⁶ Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі. Т. I. Кн. 1. Док. 0263. С. 112.

руссией — буфером, что этнографическая Белоруссия не даст возможности быть великими ни Польше, ни Великороссии... Сказать, что Беларусь искони тянет к западу и что лишь полтора года назад была еще самостоятельной»²⁷.

Идея понравилась присутствующему на заседании в качестве эксперта профессору-историку М.В. Довнар-Запольскому. «Нам нужно, — взял слово Довнар-Запольский, — признание, полегче оккупация и нормальное отношение оккупационных властей к нашей власти. Заинтересовать его [посла. — А.Е.] Белоруссией как большим рынком. Указать на наше стремление к правопорядку. Отметить, что мы хотим своими силами утвердить свою власть дальше на восток...»²⁸. На следующий день обсуждение продолжилось. Предлагалось убедить германского посла в том, что Беларусь — это средство «не дать усилиться Польше», что Беларусь всегда тянуло «к западной культуре», что в Беларуси нет голодовок, что белорусы трудолюбивы, что Беларусь может иметь нужные Германии излишки — «лес, торф, воды», что «Припять в руках белорусов может соответствовать и интересам Германии», что Беларусь находится «в центре системы рек Двины, Немана и Днепра, что можно использовать в интересах Германии» и т. п.²⁹ В пользу признания БНР со стороны Германии приводился и тот аргумент, что Рада и Народный Секретариат БНР могут выступить в качестве «громоотвода», т. е. не позволят вызвать «у населения злобы к немецкому народу»: «Их власть оккупационная не так будет противна населению»³⁰.

25 апреля согласно обсуждённому плану с грифом «Секретно» в Киеве германскому послу был подан Мемориал, содержащий перечисление всех «интересов Германского Правительства» в Беларуси, которые руководители БНР были готовы поддержать в обмен на признание. Содержание Мемориала должно было убедить немцев в выгоде для них дипломатического признания БНР. В нём перечислялись все те положения, которые были предварительно обсуждены 20–21 апреля. Ныне от германского правительства зависит, говорится в документе, «обратить симпатии нашего народа к Германии, или же обратить симпатии и взоры нашего народа в другую сторону, быть может менее благоприятную для германских интересов»³¹. Другая сторона — это, конечно, Советская Россия. Чтобы этого не произошло, торопили авторы Мемориала, германскому правительству надо признать независимость БНР и власть Рады и правительства БНР.

25 апреля Рада БНР приняла ещё одно секретное решение — обратиться за поддержкой напрямую к германскому императору Вильгельму II. В Берлин была послана телеграмма «со словами глубочайшей благодарности за освобождение Беларуси немецкими войсками от тяжелого притеснения». Рада БНР просила Вильгельма II о защите ради укрепления государственной независимости и неделимости Беларуси «в связи с Германской империей»:

---

²⁷ Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі. Т. I. Кн. 1. Док. 0263. С. 113.

²⁸ Там же. С. 113.

²⁹ Там же. Док. 0273. С. 119–120.

³⁰ Там же.

³¹ Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі. Т. I. Кн. 1. Док. 0290. С. 126–127.

«Только под защитой Германской Империи видит край свою добрую судьбу в будущем»³².

Инициатива посылки телеграммы Вильгельму II, исходившая от правого крыла Рады (персонально от Р.А. Скирмунта), вызвала острый кризис Рады. Уже 27 апреля И.Я. Воронко писал в частном письме, что «дело это наделало тут много шума»: «Одни хвалят нас, другие называют предателями, немецкими подданными»³³. В знак протеста семь социалистов оставили посты народных секретарей и вышли из Народного Секретариата. Безуспешная попытка выхода из политического кризиса была найдена в создании так называемого «Совета пяти» во главе с Воронко, который вскоре в полном составе подал в отставку. После этого формирование нового состава Народного Секретариата было поручено Р.А. Скирмунту. Таким образом, за несколько месяцев конфигурация власти в БНР претерпела качественные изменения: сформировавшись из умеренных социалистов на вполне социалистической программе в феврале — начале марта 1918 г., к концу весны первую скрипку здесь играли уже правые консерваторы, не только не помышлявшие о защите завоеваний революции, но прямо заинтересованные в их ликвидации. «Так закончилась, — констатировал Канчер, — эта позорная страница белорусского народно-национального движения»³⁴.

Попытки признания БНР со стороны Германии не прекращались вплоть до Ноябрьской революции 1918 г. в этой стране. Параллельно с весны до осени 1918 г. деятели БНР обращались с просьбой о признании к США, странам Антанты, к Австрии, к Всевеликому Войску Донскому и даже непосредственно к РСФСР. Ещё в июне А.И. Цвикиевич, ссылаясь на «необходимость добиваться признания независимости Белоруссии у Правит. Советской Республики», предложил командировать кого-либо в Москву для переговоров с В.И. Лениным³⁵. Представители БНР неоднократно контактировали в Киеве с Х.Г. Раковским с целью повлиять через него на правительство Ленина. Последний раз в октябре 1918 г. с Раковским встречался А.И. Луцкевич. В ноябре 1918 г. Луцкевич встречался в Москве с В.И. Лениным, однако точных сведений о содержании этой встречи нет. Одним из промежуточных результатов переговоров, возможно, была договорённость, что белорусские национальные деятели останутся в Минске после ухода оккупантов³⁶.

13 ноября 1918 г., через три дня после революции в Германии, ВЦИК РСФСР аннулировал Брестский мирный договор. Немецкие войска стали покидать ранее оккупированную территорию Беларуси. Уход немцев означал и конец БНР. 10 декабря 1918 г. части Красной Армии вошли в Минск.

В то время, пока белорусские «незалежники» в условиях немецкой оккупации пытались создать Белорусскую Народную Республику, в Петрограде

---

³² Текст телеграммы на немецком языке приводится: Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі. Т. I. Кн. 1. Док. 0295. С. 129; на немецком и белорусском языках см.: *Турук Ф.* Указ. соч. Приложение № 25. С. 123–124.

³³ Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі. Т. I. Кн. 1. Док. 0303. С. 132.

³⁴ *Канчер Е.С.* Указ. соч. С. 92.

³⁵ Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі. Т. I. Кн. 1. Док. 0488. С. 173.

³⁶ *Игнатенко И.М.* Октябрьская революция и самоопределение Белоруссии. Минск, 1992. С. 141–143.

возник просоветский центр белорусского национального движения. 13 февраля 1918 г. В.И. Ленин подписал Декрет СНК о создании при Наркомате по делам национальностей так называемого Белнацкома — Комиссариата по делам белорусов³⁷. В персональном отношении основу Белнацкома составили представители Белорусской социал-демократической рабочей партии (БСДРП), одним из лидеров которой был А.Г. Червяков (он и стал комиссаром Белнацкома), и левого Белорусской социалистической громады (БСГ), лидером которого был писатель Д.Ф. Жилунович. Работники Белнацкома видели своей задачей разработать концепцию белорусского государства, неразрывно связывая национальные и классовые интересы. В печатном органе Белнацкома газете «Дзяніца» эта задача была выражена так: «Национальное самоопределение должно идти через руки рабочих и крестьян — тогда оно достигнет цели, а не станет самоопределением буржуазии. С этой точки зрения перед нами стоит великая цель — осветить перед всем трудовым народом дело национального самоопределения со стороны его интересов к нему и четко вывить эту потребность в настоящее время»³⁸.

Серьёзным препятствием в решении этой задачи оставалась позиция Облкомзапа, по-прежнему стоявшего на позиции «областничества». Один из руководителей Облкомзапа В.Г. Кнорин недоумевал: «Я спрашиваю, что такое белорус-коммунист? До последнего времени мы особых “белорусских коммунистов” не знали. Мы считали, что белорусы не являются нацией и что те этнографические особенности, которые их отделяют от остальных русских, должны быть изжиты. Нашей задачей является не создание новых наций, а уничтожение старых националистических рогаток. Белорусское же движение является таким воздвижением новых националистических рогаток, не существовавших до сих пор, а потому коммунисты не могут в каком бы то ни было виде принимать участие в этом движении»³⁹. Деятели Белнацкома облкомзаповцы называли не иначе как «советскими» социал-шовинистами», обвиняли их в предательстве классовых интересов трудящихся, измене интернациональному долгу.

Со своей стороны работники Белнацкома доказывали, что классовые и национальные интересы совместимы, что национальное самоопределение может осуществляться через рабочих и крестьян, и выступали за такое самоопределение на советской основе. В качестве первого шага они предложили переименовать Западную коммуну (так к сентябрю 1918 г. называлась бывшая Западная область) в Белорусско-Литовскую. Но, кроме очередной порции обвинений со стороны Облкомзапа, ничего не получили. В ответ на это Д.Ф. Жилунович публично заявил, что поведение деятелей Облкомзапа не достойно коммунистов, что все вокруг как будто нарочно отворачиваются от белорусского вопроса и что попытки обратить на него внимание разбиваются, как стекло о камень. И чтобы еще более усилить эффект, он заявил, что действия Облкомзапа на руку врагам революции и Раде БНР, которые

---

³⁷ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 460–461.

³⁸ Дзяніца. 1918. № 4.

³⁹ Кнорин В.Г. Еще раз о «советских» социал-шовинистах (Ответ управляющему делами Белорусского комиссариата) // Избранные статьи и речи. Минск, 1990. С. 32–33.

говорят приблизительно так: «Посмотрите, братья-белорусы, даже край ваш большевики боятся назвать его настоящим именем — Беларусь! А называют его по-царски — Западный край. Где же их искренность?»⁴⁰

Пик конфликта между Облискомзапом и Белнацкомом пришелся на декабрь 1918 г. — время окончания немецкой оккупации, открывавшее возможность решить вопрос об образовании самостоятельной белорусской республики. Для Облискомзапа парадокс ситуации заключался в том, что подпольной и партизанской борьбой на территории, которая была занята немцами после подписания Брестского мира, он содействовал консолидации белорусского населения, тем самым приближая решение вопроса о его национальном самоопределении. Развертывание в феврале–ноябре 1918 г. революционно-освободительной борьбы против немецких оккупантов — заслуга большевиков Западной области.

21–23 декабря 1918 г. по инициативе Белнацкома в Москве состоялась конференция Белорусских секций РКП(б) (большевистских организаций белорусов-беженцев, возникших в различных городах России и входивших в состав местных партийных организаций), высказавшаяся за создание Белорусской Советской Республики и образование рабоче-крестьянского правительства Беларуси. Со стороны СНК практическими вопросами образования БССР занимался И.В. Сталин как народный комиссар по делам национальностей. 25 декабря 1918 г. он встретился с Д.Ф. Жилуновичем и другими работниками Белнацкома и предложил им составить список членов будущего правительства Беларуси. В этот же день Сталин позвонил председателю Облискомзапа А.Ф. Мясникову и сообщил решение ЦК РКП(б) о создании БССР.

30–31 декабря 1918 г. прошла VI Северо-Западная конференция РКП(б), которая объявила себя Первым съездом Коммунистической партии (большевиков) Белорусской республики и приняла решение о провозглашении Западной коммуны Белорусской Советской Республикой. В ночь с 1 на 2 января 1919 г. был обнародован написанный Д.Ф. Жилуновичем Манифест Временного рабоче-крестьянского советского правительства Беларуси. В нем Беларусь провозглашалась независимой советской республикой с передачей всей власти Советам рабочих, крестьянских, батрацких и красноармейских депутатов⁴¹.

Белорусская Советская Социалистическая Республика стала первым реальным национальным государством белорусов. В том, что оно было создано, большую роль сыграл Белорусский Национальный Комиссариат. Кнорин впоследствии признал, что борьба против Белнацкома была серьезной ошибкой Облискомзапа. Но и у Облискомзапа была несомненная заслуга. Она заключалась в том, что уже к лету 1918 г. Беларусь покрылась широкой сетью антиоккупационных подпольных организаций. Как только национальная задача освобождения от оккупации была решена, в повестку дня как вопрос непосредственной практической реализации был поставлен вопрос о создании белорусского государства.

---

⁴⁰ Дзянніца. 1918 г. № 35.

⁴¹ 1 января 1919 года: Временное рабоче-крестьянское советское правительство Белоруссии: Документы и материалы. Минск, 2005. С. 13–16.

Дискуссионным остаётся вопрос о роли БНР в истории становления белорусской государственности. Идея полной независимости Беларуси окончательно оформилась в среде белорусского национального движения лишь после Октябрьской революции, в конце 1917 — начале 1918 г. Провозглашение БНР не привело к реализации этой идеи. Белорусские историки В.Ф. Ладысей и П.И. Бригадин пишут: «Своеобразие ситуации, её парадоксальность, которая и сейчас ставит в тупиковое положение многих исследователей, не считая бывшую официальную белорусскую историографию, заключается в том, что БНР была объявлена на территории, где вся власть принадлежала немецкой оккупационной администрации»⁴².

На наш взгляд, никакой тупиковой ситуации в данном случае нет. Ответ советской белорусской историографии на вопрос о сущности БНР остаётся состоятельным и сегодня: на территории, куда пришли захватчики, нельзя создать суверенное государство; невозможно было создавать белорусское государство на оккупированной немцами территории, не рассчитывая на прямую или хотя бы косвенную поддержку захватчиков, на их патронат и опеку. И неизбежный вывод из этого, который, собственно, и не хочется делать многим современным белорусским историкам: государственное образование, созданное подобным образом, не может быть признанным отражающим национальные интересы белорусского народа. Стратегическая ошибка Рады и Народного Секретариата БНР состояла в том, что вместо опоры на белорусский народ они предпочли коллаборировать с немецкими оккупантами, т. е. теми, кто в глазах белорусов был врагом и захватчиком.

---

⁴² Ладысей У.Ф., Бригадзін П.І. Паміж Усходам і Захадам: Станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917–1939 гг.). Мінск, 2003. С. 74–75.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. ТЕДОЙ СКОЧПОЛ: ПРИЧИНЫ, ПРОЦЕСС, РЕЗУЛЬТАТЫ

Ермаков Вадим Андреевич, к.и.н.

Московский финансово юридический университет (МФЮА)

Современный научно-исследовательский мир и российское общество в период 100-летнего юбилея русской революции 1917 г. находится в поиске новых подходов, интерпретаций, оценок события, сыгравшего существенное значение в русской и мировой истории. Проблемное поле задач касается не только эмпирического уровня анализа известных и вновь открываемых фактов. Не менее важную роль играет теоретический уровень объяснения и применение новых научных методов, позволяющих задать концептуальные параметры измерения этого события, сделав предмет обобщения, на основании которого возможно вывести причины, модели, закономерности развития революционных трансформаций в целом. Следует отметить, что в настоящее время макросоциология подошла к созданию теории революции четвертого поколения, отличием которой является синтез многих концептуальных представлений о революции и фундаментальные обобщения эмпирических фактов. В этом контексте концепция революции Теды Скочпол относится к «третьему поколению» исследователей революционных трансформаций, особенностью которых является структурный подход и «государственно-центричная модель» процесса¹.

Предметом представляемой статьи является рассмотрение основных положений теории и компаративистского метода, применяемого Скочпол для сравнительного анализа серии революций: во Франции 1789 г., в России 1917 г. и Китае 1911 г. Фокус объяснений будет сосредоточен на русской революции, имеющей, с одной стороны, типологически-абстрактные характеристики, свойственные трем революциям, с другой стороны, специфически конкретные свойства, соотносимые с историческими фактами. Целью станет выявление общих методологических принципов исследования социально-революционных трансформаций, а также анализ конкретных причин, фактов и результатов революции в России. Логически корректным будет разделить статью на две части, где в первой будет представлена историография, а также теоретический и методологический подход к анализу революции, а во второй продемонстрирована реализация концептуальной схемы на конкретном материале фактов русской революции.

---

¹ Голдстоун Джек. К теории революций четвертого поколения / Логос. 5 (56). 2006. С. 58–59.

Историография вопроса, связанная с изучением и оценкой концепции Т. Скочпол, накопила значительный объем работ. Работа «Государства и социальные революции. Сравнительный анализ Франции, России и Китая», изданная еще в 1979 г., вызвала большой резонанс в научном сообществе. Выводы, сделанные автором, стали основой для целого ряда исследований в области социологии революции и политической теории. Совокупность социологических и политологических оценок имеет как позитивно-конструктивные, так и критически-деструктивные высказывания. Если в 80-е гг. превалировали первые, то в 90-е — нач. 2000-х стали доминировать вторые, и, как мы увидим далее, они имели для этого не только научные, но и объективно-исторические подтверждения.

Несмотря на это, и в XXI в. ряд авторитетных ученых в области макро-социологии, занимающихся изучением революций, ссылаются на ее работу, считая «венцом» третьего поколения революционного анализа. Заслугой этого поколения аналитиков революции и, в частности, Скочпол являлось то, что «ряд исследователей, включая Мура, Пейджа, Эйзенштадта и многих других, раздвинули рамки старого марксистского классового подхода к революциям, обратив внимание на сельские аграрно-классовые конфликты, конфликты государства с автономными элитами и влияние международной военной и экономической конкуренции на внутривнутриполитическое развитие. У Скочпол революции объяснялись сочетанием множества конфликтов с участием государства, элит и низших классов, и поэтому ее работа стала серьезным шагом вперед»².

В данном историографическом очерке будут представлены только некоторые из них. Автор монографии «Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций» Т. Эйзенштадт занимается сходной со Скочпол задачей и путем сопоставления условий и исторических обстоятельств происхождения революций и вызванных ею преобразований выявляет каузальные основания этих изменений, делая вывод о том, что в одних случаях революции приводят к упадку и распаду режимов, в других способствуют прогрессивным социальным трансформациям.

В работе есть оценка концепции, изложенной в «Государствах и социальных революциях», где ее автор соотносится с одним из направлений в исследовании революции, наравне с Хантингтоном С., Тилли Ч., Стоуном Л. и др. «Важнейшими из рассматриваемых ими тем являются — политический упадок режимов и их неспособность справиться с внутренними и/или внешними проблемами; возникновение контрэлит или новых групп, желающих войти в политическое руководство или завладеть им; разложение, изменение социального положения или структуры широких слоев и их влияние на участников политического процесса»³.

Определенные параллели, которые возможно провести между концепцией и методологией анализа Скочпол и Эйзенштадта, дают правомерные основания Голдстоуну сделать вывод о том, что их заслугой стало расширение проблемы и рамок изучения революций, ограниченной до этого марксист-

---

² Голдстоун Джек. К теории революций четвертого поколения. С. 59.

³ *Эйзенштадт Т.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999. С. 49–50.

ско-ленинской теорией. Основной поток критики в отношении к выводам американской исследовательницы связан с именем Джека Голдстоуна и его работами «К теории четвертого поколения революции», «Революции. Очень краткое введение», где он достаточно последовательно высказывает критические аргументы, демонстрирующие слабые стороны концепции Скочпол. Действительно, ее работа в силу временных условий появления не могла учесть фактов трансформаций социальных систем в Восточной Европе и СССР, произошедших в кон. 80-х – 90-е гг. XX в. и поставивших под сомнение некоторые ее положения. Тем не менее основные аргументы критики будут изложены далее при разборе дефиниций определения революции, данного в монографии.

Исходным пунктом для понимания феномена революции в целом и русской революции в частности имеет определение, разработанное и предложенное в указанной ранее работе. К настоящему времени оно стало уже классическим: «Социальные революции — это быстрые, фундаментальные трансформации государственных и классовых структур общества, которые сопровождаются и частично осуществляются посредством классовых восстаний масс снизу»⁴.

Таким образом, отмечая динамичность, интенсивность и глубину социальных изменений в период революции, автор основополагающую роль отводит в нем классовым структурам, а его источник находит в социальных движениях снизу. В нем четко отличается социальная революция от иных форм социального конфликта. Прежде всего, мятежей и восстаний, в которых нет структурных изменений государства, далее, от политических революций, где при трансформациях государственных структур отсутствуют изменения социальных структур и нет широкой вовлеченности классов в процесс, и, наконец, от индустриализации, где возможны трансформации социальных структур, но могут отсутствовать фундаментальные политико-структурные изменения. «От другого рода конфликтов и процессов трансформации социальные революции отличаются, прежде всего, комбинацией двух обстоятельств: совпадением структурных социальных изменений с классовыми восстаниями и совпадением политических трансформаций с социальными»⁵.

Отмеченная корреляция между структурной трансформацией и социальным конфликтом, а также параллельными социальными и политическими изменениями дает возможность интерпретировать конкретные революционные процессы как тип изменений, обусловленный, прежде всего, структурными противоречиями как внутри социально-политической системы, так и между различными политическими системами на международном уровне. Имеет также место взаимодополняющий и кумулятивный эффект взаимодействия вышеуказанных факторов. «Уникальной особенностью социальных революций является то, что фундаментальные изменения в социальной структуре и в политической структуре происходят одновременно, взаимно усиливая друг

---

⁴ *Skocpol T. States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge University Press, 1979. P. 4.*

⁵ *Скоцпол Теда. Государства и социальные революции. Сравнительный анализ Франции, России и Китая. М., 2017. С. 25.*

друга. И эти изменения происходят посредством интенсивных социально-политических конфликтов, в которых ключевую роль играет борьба классов»⁶.

Несмотря на убедительность разработанного определения, современные социологи революции подвергают обоснованной критике имеющиеся дефиниции, считая их недостаточно корректными и полными. Так, уже названный Голдстоун в работе «К теории революции четвертого поколения» считает, что в нем упускаются такие существенные факторы революционных изменений, как идеологический, религиозный и этнический, а также конфликты элит и поликлассовые структуры: «Однако в определении игнорируются такие вопросы, как революционная идеология, этническая и религиозная основы революционной мобилизации, конфликты внутри элиты и возможность мультиклассовых коалиций. Скочпол сознательно идет на такое упрощение, так как ни один из этих факторов не рассматривался в числе ключевых моментов революции»⁷.

Нужно отметить, что подобные критические замечания являются следствием, во-первых, факта эволюции макросоциологической теории, разработавшей новые подходы и соответствующие определения концепта революции. Во-вторых, необходимо учитывать, тот факт, что в кон. 70-х – 80-е гг. XX в., когда появилась работа «Государства и социальные революции», в анализе этого процесса в качестве приоритетного использовался структурный подход, основанный на конфликтологической и структурно-функциональной парадигме.

Отношение Скочпол к марксистско-ленинской теории и ее роли в построении концепции необходимо учитывать для того, чтобы понять назначение часто используемых терминов исторического материализма: классовая борьба, революционная ситуация, господствующий класс и др. Также ее работу возможно воспринимать как достаточно аргументированную и последовательную критику марксизма-ленинизма в условиях холодной войны и конфронтации двух систем. Однако позиционируемое отношение к теории марксизма-ленинизма двойственно.

С одной стороны, она использует в качестве отправной для анализа фактов и даже в заключении работы не скрывает симпатий к марксистско-ленинской теории, считая достаточно убедительной и эпистемологически корректной при изучении революций: «Исследование, проведенное в этой книге, говорит как об истинности ленинских воззрений на государство и революцию, так и об их пределах. Вопросы о государственной власти действительно являются основными в ходе социально-революционных трансформаций, но государственную власть нельзя понимать только как инструмент классового господства»⁸.

С другой стороны, она критикует марксистскую теорию за явные просчеты. Они состоят в следующем: «Известные современной мировой истории со-

---

⁶ Скочпол Теда. Государства и социальные революции. Сравнительный анализ Франции, России и Китая. С. 26.

⁷ Голдстоун Джек. К теории революций четвертого поколения / Логос. 5 (56). 2006. С. 59.

⁸ Скочпол Теда. Государства и социальные революции. Сравнительный анализ Франции, России и Китая. М., 2017. С. 500.

циальные революции, хотя и содержали элементы конфликта классов, явно не соответствовали теоретическим ожиданиям или моральным воззрениям Маркса... Несоответствие между теорией революции Маркса и реальными историческими моделями социальных революций свидетельствует — более явно, чем готовы признать многие современные социалисты-марксисты, — о необходимости пересмотра некоторых основ марксизма... факт остается фактом: классический марксизм не смог предвидеть или адекватно объяснить автономную силу (будь она благом или злом) государств как механизмов управления и принуждения, укорененных в милитаризированной международной системе государств»⁹.

После изложенного отношения Скочпол к историческому материализму, включенному в ткань текста монографии, следует перейти к основным положениям теории и методологическим инструментам, используемым для анализа одной из форм социальных трансформаций. Фундаментальный вопрос, поставленный ее исследованием, состоит в способе объяснения революции, позволяющем выявить причины и определить следствия, соответствующие историческим фактам.

Начиная с критики предшествующих теорий и выводя на их основе общую модель подобных концептуальных схем, она обосновывает свой подход, основанный на структурной перспективе и компаративистском анализе. В нем особое внимание следует уделить международному фактору, а также внутренним и внешним процессам, вызвавшим распад политических систем. Наиболее оптимальным методом, источником которого является индуктивная методология Милля, является сравнительно-исторический или компаративистский: «...Сравнительно-исторический анализ представляет собой наиболее уместный способ разработать такие объяснения революций, которые одновременно и исторически обоснованы, и выходят за рамки единственных в своем роде случаев, давая возможность обобщения»¹⁰. Основной целью исследования является объяснение логики революционных трансформаций, исходящей из анализа трех случаев с положительным результатом.

Для этого Скочпол разрабатывает три методологических принципа анализа. Во-первых, структурный подход в изучении причин и следствий. Во-вторых, учет международного фактора и глобальных исторических процессов. В-третьих, под государством понимается автономная структура, организующая контроль и принуждение в обществе.

Почему Скочпол выбирает и объединяет русскую революцию с французской и китайской? В монографии выборка обоснована следующим образом: «...Исходной посылкой этой работы является то, что Франция, Россия и Китай продемонстрировали важные схожие черты старых порядков, а также революционных процессов и их результатов — более чем достаточно, чтобы рассмотреть их в качестве одного образца, требующего последовательного причинно-следственного объяснения»¹¹.

Помимо этого, общими признаками объединения являются аграрный характер государств и протобюрократический автократизм политических си-

---

⁹ Там же. С. 5.

¹⁰ Там же. С. 28–29.

¹¹ Там же. С. 93.

стем, отсутствие колониальной зависимости и конкуренция с более развитыми странами. Совпадение внешнего кризиса с внутренними особенностями государственных структур породило целый ряд схожих следствий: низкая функциональность и неэффективность государственного аппарата в условиях кризиса; высокий уровень социальных конфликтов, где главной движущей силой было крестьянство; сосредоточение власти в руках революционных политических лидеров.

Не менее существенными для объединения становятся и результаты революционных трансформаций, среди которых необходимо, прежде всего, указать на усиление государственной структуры, что отразилось не только в эффективности механизма государственного управления, но и имело потенциал для увеличения влияния государства на международной арене. «Результатом революции в каждом случае выступало централизованное, бюрократическое и национальное государство с массовым политическим участием и с возросшим великодержавным потенциалом на международной арене»¹². Эффект усиления государственного аппарата и накопление потенциала для развития были достигнуты как повышением уровня централизации, так и массовой мобилизацией граждан, а также их более широким участием в деятельности различных политических институтов.

Приступая к более детальному анализу условий, особенностей и результатов русской революции, необходимо отметить, что он будет следовать следующей схеме. Сначала будут рассмотрены причины, вызвавшие объективно обусловленную революционную ситуацию, заложенную в исторических особенностях развития страны и структурных характеристиках государства. Затем, анализ сосредоточится на кризисе политической системы абсолютизма. Далее будет рассмотрена роль крестьянства в революционном движении. В конце представятся результаты революционных трансформаций в России.

Скочпол отмечает, что исследование революции в России сразу должно учитывать некоторую особенность: «...В царской России революционные кризисы развивались только под непосредственным воздействием военных поражений»¹³. Также к числу таких особенностей следует отнести то, что Российская империя находилась в состоянии модернизации и регулярных реформ, что позволяло ей выдерживать конкуренцию с передовыми европейскими государствами. Ссылаясь на работу Пайпса Р. «Россия при старом режиме», она отмечает, что имперская Россия, особенно после реформ Петра Великого, являлась «более милитаризованной и бюрократизированной автократией, чем Франция Бурбонов и позднеимперский Китай»¹⁴, что позволяло ей добиться высокого статуса в международной системе отношений.

Однако возникает вопрос: насколько имперская политическая система, пользующаяся влиянием во внешней политике, имела устойчивые основания в виде социально-экономических отношений? Автор работы «Государства и социальные революции» полагает, что «в течение всего срока доми-

---

¹² *Скочпол Теда*. Государства и социальные революции. Сравнительный анализ Франции, России и Китая. С. 93.

¹³ Там же. С. 160.

¹⁴ Там же. С. 161.

нирования в Европе Россия оставалась аграрным обществом, основанном на крепостничестве»¹⁵. Этот вывод следует не только из анализа статистических данных, но и из учета особенностей развития аграрного сектора, а именно экстенсивного роста сельскохозяйственного производства и доминирования сельского населения в социальной структуре общества. Данный анализ будет важен в дальнейшем, когда будет затронута тема роли крестьянства в событиях 1917 г.

Занимаясь проблемой выявления генетических причин революции в России, связанных, по ее мнению, с историческим развитием России, она полагает, что они носят геополитический характер и имеют начало в Крымской войне 1854–55 гг.: «...Цепь событий, которые привели имперскую Россию от доминирования в Европе после революций 1848 г. к дезинтеграции и революции 1917 г., начались именно с бесславного поражения империи в ограниченной по масштабам Крымской войне 1854–1855 гг.»¹⁶

Эффект Крымской войны фундаментально потряс основы самодержавия, и имел долгосрочные последствия как для внешней политики, так и для внутренней. Если во внешней политике столкновение с ведущими европейскими державами за контроль над Черным морем и его проливами, а также конкуренция за господство над территориями распадающейся Османской империи привело к ослаблению влияния на Ближнем Востоке и Черном море, то во внутренней политике произошла демонстрация уязвимых сторон социально-экономических основ самодержавия. Развивать имперскую политику с отсталой крепостнической экономикой означало для России проиграть в геополитической конкуренции. Единственный выход из сложившегося положения был начать реформы сверху и продолжать модернизацию. И снова, как в эпоху петровских реформ, стимулом к реформам и модернизации стало военное поражение и необходимость преодоления экономической отсталости.

Следует отметить, что, как и в предшествующем случае с петровскими преобразованиями, реформы Александра II достигли успеха. Одним из последствий результативных реформ стало ослабление позиций дворян-земельцев, являвшихся социальной основой самодержавия и пользовавшихся экономическими и политическими преимуществами привилегированного положения в предшествующие периоды. Счючпол делает акцент на отличии российской правящей элиты от французской и китайской, состоящем в том, что она политически находилась в большей зависимости от центральной власти. Экономически она также была слабее, особенно в отношении конкурентоспособности не только с европейским дворянством, но и внутри страны с развивающимся капиталистическим классом. Имел место и обратный эффект отношений монархии и дворянства — зависимость дворянства от самодержавия оборачивалась ослаблением зависимости самодержавия от помещиков-землевладельцев.

Следующий фактор, сыгравший существенную роль в подготовке революции, — индустриализация, которую стоит считать следующим шагом имперской власти на пути к управляемой модернизации. Снова неравномерность экономического развития по отраслям, особенно в соотношении с аграрным

---

¹⁵ Там же. С. 162.

¹⁶ Там же. С. 164.

сектором, а также военные конфликты, связанные с русско-турецкой войной 1877–78 гг. замедляли этот процесс на начальном этапе. Однако в 90-е гг. XX в. при посредничестве Витте индустриализация вышла на необходимый уровень и давала регулярный рост промышленности. В этой связи возникает вопрос, каким образом индустриализация способствовала революционному процессу?

Скочпол отвечает на него следующим образом: «Тем не менее в силу своих достижений и ограничений быстрая индустриализация в России на рубеже XX в. создала условия для двух революций — одной, в итоге неудавшейся, в 1905 г., и другой, успешной, в 1917 г. Отчасти индустриализация сделала это, создав новые классы и усугубив социальную напряженность»¹⁷.

Исходя из приведенной цитаты возможно сделать вывод о том, что форсированная индустриализация активно создавала и концентрировала в центральных регионах страны промышленный пролетариат, который затем принял активное участие в событиях 1917 г. Помимо пролетариата конфликтный потенциал в городских центрах усиливали радикальная интеллигенция, студенчество и мигрировавшее в города крестьянство. Тяжелые условия труда и целенаправленная работа политических партий с пролетарским электоратом вызывали осознанное антикапиталистическое и антимоноархическое отношение к существующим порядкам, а накапливаемый опыт политической борьбы еще более подталкивал новый класс к решительным действиям.

Скочпол стремится сделать акцент в своем анализе на более существенных, по ее мнению, международных последствиях российской индустриализации. Инвестиции Запада в российскую промышленность увеличили зависимость экономики России от Европы и связали монархию политическими обязательствами со своими главными кредиторами — Англией и Францией, а нарушенный баланс сил в европейской политике в связи с объединением Германии подталкивал Россию к военному конфликту. Автор работы «Государства и социальные революции» отмечает, что, несмотря на неравномерное развитие российской экономики по отраслям, высокую финансовую зависимость от британских и французских инвесторов, «самые важные эффекты были связаны со способностью России выдерживать международное военное соперничество»¹⁸. Именно военный конфликт стал очередной проверкой на прочность и эффективность всей самодержавной системы управления как внутри страны, так и за ее пределами.

Глобальная военная конкуренция и силовая политика с лидерами международных отношений при отстающей экономике стали причиной распада империи. «Первая мировая война оказалась необходимой причиной (равно как и поводом) для революционного кризиса, который погубил имперскую Россию... Россия не могла ни оставаться в стороне, ни выйти по своей воле из идущей войны... Неизбежными последствиями этого для императорского режима стали военные поражения и экономический и административный хаос. Они в свою очередь породили революционный кризис»¹⁹. Приведенное мне-

---

¹⁷ Скочпол Теда. Государства и социальные революции. Сравнительный анализ Франции, России и Китая. С. 178–179.

¹⁸ Там же. С. 183.

¹⁹ Там же. С. 184–186.

ние американской исследовательницы согласуется с оценками отечественной историографии советского и современного периодов о ключевой роли Первой мировой войны в возникновении революционных событий.

Следующей по значимости причиной после международного и геополитического, а также военного фактора Скочпол выдвигает аграрную структуру и крестьянские восстания. Определенной заслугой автора является то, что она считает существенной роль аграрного фактора и крестьянского вопроса в революции. Именно они обусловили широкое участие крестьянства в революции 1917 г. Сам крестьянский фактор в целом распадается на серию дополнительных, которые делают их сходными с теми, которые имели место во Франции: структура крестьянской общины, рентное землевладение помещиков, ослабление репрессивного аппарата и социального контроля над крестьянством. Их совокупность создавала необходимые условия для накопления конфликтного потенциала. Определяющим же фактором в возникновении революции стала, по мнению исследовательницы, отмена крепостного права, являвшегося основой самодержавия: «Как же иронично было то, что сама отмена крепостничества создала условия для аграрной революции, которая вырвала с корнем дореволюционный социальный порядок в 1917 г.»²⁰

Крестьянская реформа 1861 г., создав проблему в обеспечении крестьян земельными наделами и добавив финансовую зависимость крестьянства, подталкивала базовый социальный слой вплоть до революции 1905 г. к конфликту с дворянством, который затем открыто проявился в насильственных захватах земли и других формах протестных действий. К тому же разработанный институциональный механизм закрепления прав частной собственности (прежде всего за общиной и обеспечение доступа к земле через общину) препятствовал реализации собственнических интересов крестьян.

Касаясь революционных событий 1917 г. и участия в них крестьян, Скочпол проводит параллели между 1905 г. и 1907 г. В частности, она отмечает, что по формам и ритму «аграрная революция» 1917 г. совпала с 1905, где главным действием было покушение на частную собственность помещиков. Отличием же между двумя событиями была роль армии в событиях. Если в 1905 г. она активно использовалась для подавления крестьянских беспорядков, то в событиях 1917 г. разложившаяся армия не могла выполнить данной задачи. К тому же после провального наступления июня 1917 г. «распад армии и углубление восстания на селе стали взаимодействовать»²¹.

Активное участие солдат, бывших крестьян, в конфликте способствовало росту антиправительственного крестьянского движения. Краткосрочное и своевременное решение большевиками аграрного вопроса оказалось более результативным, и «то, чего русские крестьяне больше всего хотели от революции и что они немедленно получили, было владение землей и имеющимися средствами обработки»²². Существенным отличием «крестьянской революции» в России от аналогичной во Франции было то, что крестьяне получили и распределили значительную долю частной земельной собственности, принадлежавшей до этого помещикам.

---

²⁰ Там же. С. 242.

²¹ Там же. С. 255.

²² Там же. С. 255.

Завершающей частью сравнительно-исторического исследования революций во Франции, России и Китае в работе «Государства и социальные революции» является анализ результатов социальных трансформаций. Фокус статьи, несмотря на представленную в книге компаративистскую перспективу, сосредоточится на Великой русской революции 1917 г. Именно она имела, по мнению автора, ключевую характеристику, состоящую в уровне радикализма трансформаций, в отличие от остальных. «Ни одна современная социальная революция не была настолько радикальной, как русская»²³.

Существенный компонент анализа — исследование процессов и итогов, связанных с созданием государственной структуры нового типа и ее характеристик. Именно возникновение и организация подобной структуры и сам процесс государственного строительства — основной предмет рассмотрения. «Во всех трех революционных ситуациях политические лидеры и режимы... возникли для восстановления общенационального порядка, консолидации социально-экономических трансформаций, вызванных классовыми сдвигами снизу, и усиления мощи и самостоятельности страны по сравнению с конкурентами на международной арене»²⁴.

Это основной показатель успеха трех революций, по мнению автора. Изменения, произошедшие в политических структурах государства, стали катализатором социально-экономических изменений. Усиление государственного механизма в различных сегментах социальной системы создало мегагосударственную структуру. Определяющую роль в этом как в России, так и в Китае сыграли партийные организации, построившие на новой социально-экономической базе однопартийные государства. «Безусловно, самой поразительной чертой нового режима было господство партийно-государственного комплекса, несоизмеримо более крупного, динамичного и могущественного, чем был царский режим»²⁵.

Что же представлял собой партийно-государственный комплекс, как и посредством чего он создавался? Здесь также существует целый спектр факторов, повлиявших на создание подобной системы. Ее подробное рассмотрение не представляется возможным ввиду объемов текста статьи, тем не менее пунктирно они будут затронуты по порядку, учитывая логику выводов монографии и приведения аргументов.

Во-первых, с самого начала внимание уделяется политическому лидерству, поскольку политических лидеров необходимо рассматривать как акторов, претендующих на власть. В определенной степени Скочпол в оценке политического лидерства в революции следует мнению М. Вебера, полагавшего, что задача любого политического лидера — это завоевание и удержание власти. Исходя из его установки, она рассматривает их как потенциальных и реальных «государственных строителей». Особенностью политических лидеров в России и других странах было их маргинальное положение по отношению к правящим элитам монархического строя: «политические лидеры во всех наших социальных революциях происходили именно из рядов образованных

---

²³ *Скоцпол Теда.* Государства и социальные революции. Сравнительный анализ Франции, России и Китая. С. 271.

²⁴ Там же. С. 299–300.

²⁵ Там же. С. 405.

маргинальных элит, ориентированных на государственную службу»²⁶. Именно маргинальные политические лидеры, получив доступ к государственной власти, создали новые административные, военные организации, а также политические институты, ставшие основой нового режима.

Во-вторых, американская исследовательница касается роли идеологии, делая сразу оговорку на том, что не следует преувеличивать роль этого фактора в объяснении результатов революционных трансформаций. Главная функция идеологии, по ее мнению, это интеграция сторонников самых различных социальных групп. Далее, идеологии позволяют мобилизовать массы на активную политическую и реформаторскую деятельность. Одной из ключевых характеристик идеологии марксизма-ленинизма, так же как и якобинства, стал ее универсализм. И, что не менее важно, они были светскими и даже тоталитарными системами взглядов, позиционирующими новые системы ценностей. Однако практика использования идеологий в государственном строительстве как в России, так и во Франции имела не только ограниченность применения, но часто вела прямо к противоположным результатам.

Здесь, прежде всего, стоит сказать о роли государства в новых политических системах в условиях декларируемого социализма и проектируемого коммунизма. Если в марксистско-ленинской теории государство рассматривалось как переходный и временный институт от социализма к коммунизму, то в реальности в течение всего советского периода государство стало доминирующим в социальной системе и приобрело тоталитарные характеристики.

В-третьих, представляет существенный интерес роль крестьянства и аграрного сектора в структуре нового порядка. Наиболее оптимально это возможно проследить в политике нэпа, проводимого большевиками с целью выхода из экономического кризиса вследствие разрухи гражданской войны и политики военного коммунизма, а также в интенсивной индустриализации и насильственной коллективизации. Сводя политику большевиков в отношении деревни к единому основанию, необходимо сказать, что «само партийное государство было структурировано таким образом, что любые значительные попытки политического влияния на крестьянство с необходимостью принимали форму мер, навязываемых деревням извне, а не реорганизации, продвигаемой изнутри»²⁷. Проблема состояла в том, что преобразования в деревне часто велись методами гражданской войны. Это усиливало сопротивление крестьянства и не давало того результата, на который рассчитывали большевики.

И наконец, в-четвертых, следует сказать о сталинской модернизации и индустриализации, окончательно завершившей революционные трансформации 1917 г. Наиболее значимым ее результатом была ориентация в экономическом развитии не на аграрный, а на промышленный сектор, особенно тяжелую индустрию, унаследованную еще от царской России. «Сталинский подход означал, что в ходе дальнейшего экономического развития России все ставки будут сделаны на развитие контролируемой государством тяжелой промышленности»²⁸. Политический контроль, охвативший сельское хозяйство и промышленность, создал в итоге государственно регулируемую пла-

---

²⁶ Там же. С. 306.

²⁷ Там же. С. 403.

²⁸ Там же. С. 404.

новую экономику. Именно такого типа экономика стала социально-экономической основой государства нового типа с однопартийной политической системой.

Излагая общие характеристики советской системы, Скочпол отмечает, что, несмотря на провозглашаемое идеологией социально-экономическое равенство, она была далека, особенно после 1928 г., от эгалитарных форм распределения. Существовавшие «неэгалитарные формы иерархического контроля и социально-экономических вознаграждений»²⁹ создавали из чиновников государственного аппарата привилегированную группу. Дополнительной характеристикой новой системы стало активное использование насилия и террора как методов государственного управления, а также регулярные чистки кадров партийного аппарата, санкционируемые сталинским руководством и идеологическими установками. Созданная в итоге система тотального политического контроля, где значительную роль играли спецслужбы, помогла Сталину «установить и поддерживать свою личную диктатуру»³⁰.

Финальный вывод, сделанный в работе «Государства и социальные революции» о результате социальной трансформации 1917 г. в России, состоит в том, что формально государственная структура носила более эгалитарный характер, чем самодержавная. В действительности существовала авторитарная, принуждающая и иерархически ранжированная система. «В целом советская система, выкристаллизовавшаяся после 1928 г., была одновременно формально более эгалитарной и политически инклюзивной, а также более ранжированной, по своей сути авторитарной и принуждающей, чем дореволюционная абсолютистская и аристократическая система»³¹.

Для Скочпол русская революция 1917 г. не является специальным предметом теоретического анализа, скорее она относится к выборке и определенному типу революций, в которых возможно проследить серию повторяющихся факторов и аналогичных характеристик. Сравнивая ее с другими, она делает акцент, как и в остальных случаях, на позитивности и успешности результатов, которыми она считает укрепление централизации и бюрократического аппарата национального государства, а также рост его престижа и авторитета в международных отношениях. Конечно, выведенный тезис требует более детального фактологического рассмотрения и доказательства, учитывающего специфику российского исторического процесса. Тем не менее в качестве гипотезы такое объяснение возможно использовать для объяснения эволюции и тенденций развития государственных институтов в России, включая и признавая революционные трансформации на различных этапах ее развития.

---

²⁹ *Скоппол Теда.* Государства и социальные революции. Сравнительный анализ Франции, России и Китая. С. 412.

³⁰ Там же. С. 414.

³¹ Там же.

РОЛЬ МАТЕРИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ СВЯЩЕННО- И ЦЕРКОВНОСЛУЖИТЕЛЕЙ ПО ОТНОШЕНИЮ К ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА (по материалам епархий Центрального Черноземья)

*Иконников Сергей Анатольевич, к.и.н.
(Воронежский государственный аграрный университет
имени императора Петра I)*

Начало XX в. принесло России небывалые внутривнутриполитические потрясения и внешние вызовы. Голод 1901–1902 гг., русско-японская война, революция 1905–1907 гг., Первая мировая война привели к огромным жертвам, страданиям, нарастанию негативных социальных явлений внутри страны. Государство слабело, столкнувшись с целым рядом политических и экономических трудностей. Авторитет царской власти неуклонно снижался. История правящей династии Романовых близилась к своему завершению. Кульминацией назревавшего кризиса стали революционные события 1917 г., положившие конец российской монархии. Многие современники рассчитывали на то, что после отречения императора Николая II государство вступит в новый, «светлый», этап своего развития, однако вскоре стало ясно: произошедшая в стране революция — смута, последствия которой будут катастрофическими. Генерал А.И. Деникин очень точно охарактеризовал революционные настроения как «кровавый туман русской смуты», в котором «гибли люди и стирались реальные грани исторических событий»¹.

Сегодня существует огромное количество исследований, изучающих причины произошедшей в России революции, роль отдельных личностей и целых сословий в потрясениях начала XX в. Все чаще внимание историков обращается на позицию Православной Церкви в революционных событиях. Это объясняется тем, что духовенство на протяжении всей отечественной истории играло важную роль в духовном окормлении паствы, в формировании основ государственной идеологии, в просвещении и образовании народов Российской империи². Депутат Государственной думы IV созыва воронежский про-

---

¹ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т. 1. Вып. 1. Париж, 1921. С. 6.

² Иконников С.А. Деятельность Российского приходского духовенства по созданию церковно-приходских школ во второй половине XIX — начале XX в. (по материалам Воронежской епархии) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 6 (61). С. 58–72.

тоиерей Тихон Попов совершенно справедливо называл Православие «ангелом-хранителем русской государственности»³.

Во второй половине XIX — начале XX в. влияние религиозных институтов на общество достигло апогея. Внешне Церковь переживала эпоху своего максимального благополучия, о чем со всей красноречивостью свидетельствуют статистические данные. Так, например, в период с 1881 по 1890 г. в империи появилось 160 новых монастырей⁴. В среднем ежегодно в России открывалось по 16 новых обителей. Такого роста численности монастырей не знал ни один период отечественной истории.

Роль духовенства в жизни простого народа в конце XIX — начале XX в. была особенно значима. Часто священно- или церковнослужители являлись единственными образованными лицами в крупном селе с населением в несколько тысяч человек. По воспоминаниям протопресвитера Георгия Шавельского, храм в дореволюционной России являлся по сути единственным духовным, культурным и образовательным центром в жизни крестьян. Последнему главе военного и морского духовенства нередко приходилось видеть картину, когда мать по причине своей неграмотности вынуждена была идти за 30 верст в ближайшую церковь, чтобы просить местного псаломщика написать письмо служившему в армии сыну (ведь нередко на волость с населением 10 тыс. человек приходилась лишь одна школа на 30–40 детей)⁵.

Несмотря на значимость Церкви, выполнявшей целый ряд не только религиозных, но и политических, социальных функций, приходское духовенство, а также представители высшей иерархии в ходе Февральской революции 1917 г. заняли позицию, вызывающую у современных историков непонимание и осуждение. Николай II отрекся 2 марта, а уже 9 марта Синод издал свое знаменитое обращение к пастве, в котором не прозвучало ни слова сожаления в связи с падением самодержавия в России. «Свершилась воля Божия. Россия вступила на путь новой государственной жизни. Да благословит Господь нашу великую Родину счастьем и славой на ее новом пути... В такое время все верные сыны Родины должны проникнуться общим воодушевлением... ради счастья Родины оставьте в это великое историческое время всякие распри и несогласия, объединитесь в братской любви на благо России, доверьтесь Временному Правительству»⁶.

Приходское духовенство Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской епархий также приняло Февральскую революцию с надеждой на будущее. Так, например, созданное 25 апреля 1917 г. Воронежское епархиальное

---

³ Стенографические отчеты / Государственная дума, четвертый созыв, 1913 год, сессия первая. Ч. 2. Санкт-Петербург, 1913. Стб. 1410.

⁴ *Фирсов С.Л.* Русская Церковь на заре XX века // Русская Церковь. Век двадцатый. История Русской Церкви XX века в свидетельствах современников. Т. 1. 2014. С. 14.

⁵ *Шавельский Г.*, прот. Русская церковь пред революцией. URL.: orthos.org/biblio/history_scan/archiv (дата обращения: 24.02. 2017)

⁶ Обращение Священного Синода ко всем чадам Православной Российской Церкви по поводу отречения Императора Николая II и отказа Великого Князя Михаила воспринять власть до решения Учредительного Собрания. 1917 г. // Церковные ведомости. 1917. № 9/15. С. 57.

собрание делегатов от духовенства и мирян (в собрании участвовало 129 делегатов от духовенства и 130 делегатов от мирян) заняло вполне однозначную позицию по поводу происходивших в империи событий. В журнале собрания говорилось, что «председатель, приветствуя делегатов клира и мирян как свободных граждан свободной России, призывает к дружной и плодотворной работе по устроению церковно-общественной жизни на началах свободы, равенства и братства»⁷. Участники собрания под пение «Многая лета» и крики «Ура» приветствовали свободную Россию, Временное правительство, «доблестную армию и Совет Рабочих и Солдатских Депутатов».

По вопросу о происходящих в стране политических событиях Воронежское епархиальное собрание делегатов от духовенства и мирян высказалось следующим образом: «В исторический момент, когда волей исстрадавшегося великого русского народа уничтожен гнетущий режим старой власти и самая власть принята народом в свои руки и до Учредительного собрания передана Временному правительству, мы приветствуем светлую зарю новой русской жизни, раскрепощение святой Православной Церкви, полную свободу русских граждан и выражаем готовность содействовать всем начинаниям правительства»⁸. В постановлении собрания декларировалось, что в основу своей деятельности духовенство и миряне Воронежской епархии будут полагать совместное стремление «утвердить в русской жизни демократический республиканский строй».

В официальных епархиальных изданиях клирики призывали друг друга активнее разъяснять населению всю важность революционных событий в стране. В «Орловских епархиальных ведомостях» за май 1917 г. можно встретить следующие пассажи: «Хотя духовенство и не принимало непосредственного участия в перевороте, но теперь оно должно оценить происшедшие события, должно не только приветствовать новый строй, но и вместе со всею демократической Россией содействовать утверждению и укреплению новых свободных начал государственной жизни, проникновению их в толщу народную... Сейчас духовенству необходимо принять все меры к возможному политическому просвещению деревни, к прояснению неясного политического сознания крестьянства»⁹.

Сегодня некоторые исследователи критикуют позицию высших церковных иерархов и части приходских священнослужителей, занятую в ходе Февральской революции¹⁰. Православное духовенство — религиозная опора самодержавного строя России — должно было поддержать монарха. В реальности наблюдалась прямо противоположная картина. Многие причты и представители епископата с радостью и надежной встретили отречение царя и переход власти к Временному правительству. Возникает вопрос: чем же была обусловлена подобная позиция приходского духовенства, верно служившего

---

⁷ Журнал Воронежского Епархиального Собрания делегатов от духовенства и мирян // Воронежские епархиальные ведомости. 1917. № 20. С. 178.

⁸ Там же. С. 192.

⁹ Духовенство и современный момент // Орловские епархиальные ведомости. 1917. № 20–21. С. 318–320.

¹⁰ Бабкин М.А. Священство и царство (Россия, начало XX в. — 1918 г.): Исследования и материалы. М., 2011.

российскому государству на протяжении столетий, являвшегося составной частью имперской идеологии «Православие, Самодержавие, Народность», и стоит ли подвергать священно-, церковнослужителей огульной критике за отказ от поддержки Помазанника Божьего?

Накануне революции внутри Церкви имелся целый ряд серьезных проблем, ключевые из которых касались материального аспекта жизни приходского духовенства. Государство так и не смогло решить вопрос финансового обеспечения клириков. Именно в нем, на наш взгляд, и кроется причина крайнего недовольства властью, которое нарастало внутри духовного сословия на протяжении всего синодального периода и проявилось в ходе Февральской революции.

Еще во второй половине XIX в. в результате инициированной правительством Александра II церковной реформы низкий уровень благосостояния причтов стал предметом критики как светской, так и церковной общественности. В 1863 г. Присутствие по делам православного духовенства (особый орган, созданный для улучшения быта и повышения социального статуса священно- и церковнослужителей) провело опрос приходских причтов с целью выяснения наиболее характерных проблем и трудностей в материальном обеспечении духовных лиц. Опрос показал, что подавляющее большинство священнослужителей были крайне недовольны своим положением и требовали немедленного решения насущных проблем. Клирики описывали свой быт как печальный, не соответствующий высокому призванию пастырей Церкви. Местное священноначалие подтверждало искренность приходских причтов.

Так, например, епископ Орловский Поликарп (Радкевич) в 1863 г. писал митрополиту Санкт-Петербургскому Исидору (Никольскому): «Сличая донесения сельских, преимущественно, причтов с тем, что я мог видеть в Орловской епархии при ежегодном обозрении ее, входя во многие дома, не только священников, но и дьяконов и причетников и вникая в их домашние и хозяйственные обзаведения, так как часто случалось мне и ночевать в их хижинах, я нахожу, что представления их о настоящем их быте не подлежат никакому сомнению, что бедность большей части из них неописанна и нищета невыразима, а особенно тех, у кого многочисленно семейство, состоящее из престарелых, дряхлых, а иногда и увечных заштатных священно-, церковнослужителей, вдов и сирот. Только одна необходимость и привычка к такому быту могла сделать его сносным для них»¹¹.

Низкий уровень благосостояния православного духовенства определялся нестабильностью и ненадежностью источников материального обеспечения, главным из которых являлась плата за совершение треб. Собранные Присутствием по делам православного духовенства в 1863 г. данные показывают, что средний доход одного причта Воронежской епархии за требоисполнение равнялся 388 руб. 59 коп. в год, Курской — 333 руб. 57 коп., Орловской — 396 руб. 5 коп., Тамбовской — 294 руб. 81 коп.¹² Следует учитывать, что речь идет о доходах на причт, состоявший из нескольких духовных лиц. Подобные

---

¹¹ РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Разд. 1. Д. 43. Л. 2 об. — 3.

¹² О мерах по улучшению материального обеспечения православного сельского духовенства (По Высочайше учрежденному Присутствию по делам православного духовенства). Санкт-Петербург, 1880. С. 8–9.

цифры, естественно, не могли устраивать священнослужителей, имевших, как правило, многодетные семьи. К началу XX в. размер платы за требы увеличился, однако возросли и цены на необходимые жизненные потребности.

Вознаграждение за требоисполнение ставило священнослужителей в прямую зависимость от прихожан. Последние платить за служение треб приемлемые для духовных лиц суммы не слишком спешили. Причт Вознесенской церкви слободы Терешковой Богучарского уезда Воронежской губернии во главе с иереем Александром Петровым жаловался в Синод на то, что добротные приношения крестьян за требы являются крайне нестабильным источником материального обеспечения, не позволяющим чувствовать себя в материальном отношении уверенно. «Народ наш не развит настолько, чтобы сам мог понимать силу обязательности к лицу духовному и долг неотложной благодарности за его постоянное служение церкви и миру. Поэтому самые лучшие и малосемейные священники принуждены бывают открыто испрашивать хлеб, яйца и тому подобное. Многосемейные же до того учащают посещения своих прихожан, что нравственное и священное назначение их совершенно теряется, а между тем и чрез это нужды духовных не уменьшаются: ибо чем чаще они ходят по дворам, тем более прихожане уменьшают меру своих приношений»¹³.

Именно в характере получения средств епархиальные архиереи видели причину упадка нравственного уровня духовенства, усиление в его среде оппозиционных настроений. В конфиденциальном докладе Святейшему Синоду за 1909 г. архиепископ Воронежский Анастасий (Добрадин) ответственность за «ненормальность современной народной жизни» возлагал на приходских пастырей. По мнению преосвященного, священнослужители слишком часто «погрешают» против своих прямых обязанностей, забывая о своем высоком призвании. Примечательно, что архипастырь рассуждал об этом в контексте обсуждения назревших преобразований в Церкви, необходимость в которых со всей очевидностью проявилась в ходе революции 1905–1907 гг. Первый и наиболее важный шаг к исправлению ситуации, оживлению религиозной жизни на местах и оздоровлению духовенства, с точки зрения владыки, должен был заключаться в создании принципиально новых условий материального обеспечения клириков. Архиерей призывал духовенство Воронежской епархии прекратить постоянные распри из-за дележа братских доходов, уменьшить число визитаций к прихожанам с молебнами, иметь «любовное, братское» отношение с мирянами¹⁴.

Вторым по важности источником материального обеспечения духовенства являлась церковная земля. По состоянию на 1890 г. подавляющее большинство храмов Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской епархий пользовались собственными земельными участками. В Воронежской епархии земель были наделены 91 % всех церквей, в Курской — 89 %, в Орловской — 81 %, в Тамбовской — 84 %¹⁵. Средний земельный надел, принадлежавший приходским церквам в 1890 г., составлял: в Воронежской епархии — 51,7 деся-

¹³ РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Разд. 3. Д. 75. Л. 66.

¹⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2325. Л. 48–48 об.

¹⁵ *Любинецкий Н.А.* Землевладение церквей и монастырей Российской империи: Ч. 2. Санкт-Петербург, 1900. С. 4–5; 10–11; 14–15; 20–21.

тин, в Курской — 48,5 десятин, в Орловской — 78,4 десятин, в Тамбовской — 48,7 десятин¹⁶. Земля могла приносить священнослужителям значительный доход, в случае если храмы наделялись плодородными участками, а служители алтаря уделяли хозяйственной работе серьезное внимание. Однако в рассматриваемое время земля воспринималась многими священнослужителями как источник материального обеспечения, не вполне совместимый с пастырским призванием.

Клирикам, часто единственно грамотным людям в селе, приходилось значительное время уделять богослужению, просветительской деятельности. Работа на земле заставляла забывать о своем пастырском служении. Причт Покровской церкви села Грязная Потудань Новооскольского уезда Курской губернии во главе с иереем Иоанном Логгиновым в 1863 г. писал в Синод о трудностях, возникающих при использовании земли в качестве источника материального обеспечения: «Как вообще сельские священно-, церковнослужители живут мирским подаванием за отправление треб, которое бывает так ничтожно, что даже и священник, не говоря уже о причте, не в состоянии бывает нанять для себя работника для обработки земли и нередко бывает, что сам должен пахать, косить и вообще обрабатывать оную, что лишает его возможности не только жить прилично званию его сана, но и назидать в свое время в церкви прихожан своих объяснением Слова Божия»¹⁷.

Государство, понимая, что материальное положение духовенства нуждалось в улучшении, постепенно увеличивало ассигнования на выплату клирикам жалованья. Число причтов, получавших денежные суммы от государства во второй половине XIX — начале XX в., значительно выросло. Так, например, с 1866 г. по 1901 г. численность церквей, духовенству которых полагалось жалованье, увеличилась в Воронежской епархии с 3 до 203, в Курской — с 13 до 223, в Орловской — с 30 до 200, в Тамбовской — с 53 до 306¹⁸. Однако, вплоть до революции 1917 г. подавляющее большинство клириков не получало никакого жалованья, хотя именно в нем священники видели решение многих насущных проблем. Несмотря на то что размер жалованья был невелик (священник получал 300 руб. в год, дьякон — 150 руб., псаломщик — 100 руб.)¹⁹, данный источник дохода не ставил пастырей в зависимость от прихожан, являясь стабильным и надежным средством обеспечения.

Таким образом, материальная обеспеченность священнослужителей в конце XIX — начале XX в. вызывала особую озабоченность. Средний размер

---

¹⁶ *Любинецкий Н.А.* Землевладение церквей и монастырей Российской империи: Ч. 2. С. 4–5; 10–11; 14–15; 20–21.

¹⁷ РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Разд. 3. Д. 188. Л. 127 об.

¹⁸ Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1866 г. С. 114–115; Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1901 г. Санкт-Петербург, 1905. С. 33–34.

¹⁹ *Иконников С.А.* О трудностях в материальном обеспечении приходского духовенства Российской Православной Церкви во второй половине XIX — начале XX в. (по материалам Воронежской епархии) // Труды Института российской истории РАН. 2014. № 6 (61). С. 60.

дохода священника Воронежской епархии со всех источников по состоянию на 1891 г. составлял 450–500 руб.²⁰ Учитывая традиционную многодетность семей духовных лиц, запросы жизни, продиктованные статусом (как уже говорилось, священник порой являлся единственным образованным лицом среди своей паствы, что, естественно, ставило его на более высокую социальную ступень), можно сказать, что подобные суммы не могли удовлетворить порой даже самые необходимые потребности. Воронежский священник Михаил Аполосов утверждал, что для нормального безбедного существования пастыря необходимо было в год получать не менее 1 000 руб.²¹

Однако к началу 1917 г. подобными доходами могли похвастаться лишь только клирики некоторых городских и богатых сельских приходов. Ситуация значительно ухудшилась после начала мировой войны, так как обедневшие прихожане старались платить за требы своим пастырям как можно меньше. Архиепископ Тамбовский и Шацкий Кирилл (Смирнов) в отчете Синоду за 1914 г. отмечал: «Материальное обеспечение духовенства в отчетном году было ниже среднего. Духовенство, существуя на добровольные пожертвования прихожан, лишилось в отчетном году главного источника своих доходов — платы за браки, так как молодые люди отобраны были на войну и венчать было некого»²².

В целом накануне 1917 г. материальное положение священно- и церковнослужителей Центрального Черноземья оставалось крайне неудовлетворительным. Нередким было нежелание выпускников духовных семинарий принимать священный сан и служить алтарю. Это, в свою очередь, приводило к ситуации, когда в епархии десятки штатных мест оставались незамещенными. Священноначалию приходилось прибегать к публикации в епархиальных ведомостях списков вакантных мест²³. Из среды духовенства все чаще раздавались негативные отзывы о положении дел как в Церкви, так и в империи в целом. Государство, рассматривая пастырей как важную опору самодержавного строя, не сделало никаких кардинальных шагов к улучшению благосостояния духовных лиц. Авторитет царской власти стремительно снижался. Бездействие коронной администрации привело к тому, что к началу 1917 г. степень недовольства государством со стороны приходских клириков достигла своего апогея. Поддерживать власть у приходского духовенства не оставалось ни малейшего желания. Этим обстоятельством, на наш взгляд, и объясняется достаточно резкая позиция, занятая духовными лицами в начале Февральской революции.

---

²⁰ Там же. С. 156–168.

²¹ Аполосов М., свящ. Реформа церковной жизни нашего Отечества // Воронежские епархиальные ведомости. 1908. № 4. С. 126.

²² РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2734. Л. 45.

²³ См., например: Список вакантных священнических и псаломнических мест // Воронежские епархиальные ведомости. 1912. № 40. С. 631–634.

ФОТОКОЛЛЕКЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1917–1922 гг.)

*Ильязова Рената Витальевна
(Государственный архив новейшей истории
Ульяновской области)*

2017 год — год столетия революционных событий 1917 г., ставших наиболее неоднозначными в российской истории. В связи с этим внимание исследователей снова приковано к самым различным аспектам анализа документов этого периода. В государственных архивах Российской Федерации хранятся многочисленные текстовые документы, повествующие о причинах, предпосылках, событиях, действующих лицах и результатах революции: делопроизводственные документы государственных органов власти, ячеек и групп РКП(б), агитационные листовки, эпистолярные источники, воспоминания, материалы периодической печати и др. Однако в 1960-х гг. все более распространенной становится тенденция введения в научный оборот фотодокументов¹.

Предметом настоящего исследования стал значительный пласт фотодокументов, отложившийся в фондах Государственного архива новейшей истории Ульяновской области, посвященный революционным событиям 1917 г. и установлению Советской власти в Симбирской губернии, — 283 фотографии фондов № 5968 — Коллекция фотодокументов партийного архива Ульяновского обкома КПСС и в № 57а — ОГБУ «Государственный архив новейшей истории Ульяновской области». Большая часть фотографий представляют собой образцы любительской съемки XX в., запечатлевшей события, происходившие в 1917–1922 гг. как в Симбирской губернии, так и, в случае отдельных снимков, на территории других регионов. Так, к примеру, в фондах архива хранятся фотокопии снимков крестьянского митинга по вопросам о мире и земле весной 1917 г. в Кременской волости Самарской губернии², заседания Совета рабочих и солдатских депутатов в Доме Свободы в декабре 1917 г., оригиналы фотографий первомайского митинга у здания Губернского комитета РКП(б) предположительно 1919 г., антирелигиозного митинга весной 1918 г. в с. Промзино Симбирской губернии, оригиналы и фотокопии

---

¹ *Магидов В.М.* Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. М., 2005. С. 8.

² Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (ГАНИУО). Ф. 57а. Оп. 2. Д. 317. Л. 14.

портретных снимков как лидеров симбирского революционного движения: М.А. Гимова, Е.Н. Аблова, А.В. Швера, М.Д. Крымова, — так и рядовых участников установления Советской власти на территории края. Всего в состав тематической коллекции вошли 111 портретных снимков, 56 — групповых, 80 — событийных и видовых, 23 фотокопии документов и 13 фотокопий рисунков.

Большинство портретных и групповых снимков вошли в состав фонда 57а архива в качестве приложений к воспоминаниям участников Февральской и Великой Октябрьской Социалистической революции об установлении Советской власти в различных уголках Симбирской губернии, а также участию в событиях эпохи Гражданской войны. При проведении экспертизы данного комплекса фотографий следует помнить о том, что в 1950–1960-х гг. сотрудниками Партийного архива Ульяновского обкома КПСС велась подготовка к празднованию 40-летнего и 50-летнего юбилеев Великой Октябрьской Социалистической революции 1917 г. В этой связи в рамках проведения научно-исследовательской работы был объявлен сбор текстов воспоминаний. Так, в архив попали рукописные и машинописные воспоминания участников подпольных большевистских кружков, членов Советов Рабочих депутатов, крестьян, железнодорожников, солдат, рабочих³. Поскольку преобладающее количество воспоминаний было написано значительно позднее революционных событий, приложенные фотографии участников зачастую датированы более поздним периодом: от 1930-х⁴ до 1960-х гг. Стоит отметить, что фотографии 50-х гг. XX в. чаще подвергались ретуши, вероятно, в процессе подготовки к печати в том или ином издании, что в условиях советской действительности было довольно частым явлением⁵. К портретным снимкам Василия Соколова — члена солдатского дивизионного комитета, участника демократизации «старой армии», Алексея Шигаева — участника боев за Симбирск в 1918 г. приложены дубликаты портретов на газетной бумаге, что свидетельствует об их публикации в материалах прессы⁶.

К сожалению, лишь немногие портретные фотографии революционных лет являются оригиналами⁷, большая их часть — фотокопии⁸. Вероятно, это связано с тем, что планомерная работа по комплектованию фондов Ульяновского партийного архива текстовыми и фотографическими документами периода Великой российской революции 1917–1922 гг. началась значительно позже описываемых событий. Некоторые из оригинальных фото представлены лишь фрагментарно, как вырезка из групповой фотографии: фото члена Симбирского уездного исполнительного комитета С.А. Кашеварова, датированное 1918 г.⁹, фото З.И. Маслова — участника Сызранского революционного движения¹⁰ (рис. 1).

---

³ ГАНИУО. Ф. 57а. Оп. 2. Д. 51–167.

⁴ Там же. Д. 81.

⁵ Там же. Д. 80, 82, 85, 86, 89, 91, 95, 124, 136, 337.

⁶ Там же. Д. 115, 397.

⁷ Там же. Д. 109, 121, 124.

⁸ Там же. Д. 68, 96, 101, 335.

⁹ Там же. Д. 80. Л. 19.

¹⁰ Там же. Д. 89. Л. 60.

Рис. 1. Захар Иванович Маслов — участник Сызранского революционного движения. Год неизвестен. Сепия, фрагмент. (ГАНИУО. Ф. 57а. Оп. 2. Д. 89. Л. 60.)

Значимость фотоколлекции Государственного архива новейшей истории Ульяновской области заключается еще и в том, что в состав фонда входят фотографии участников установления власти в Москве, Петрограде, Уфе и других городах. Примечательны фотокопия фотографии, датированная 12 марта 1917 г., с изображением Т.А. Сергунина¹¹, служившего в 144 запасном батальоне 13 роты, впоследствии члена уфимского, а затем и симбирского исполнительного комитетов, подлинная фотография Никиты Гавриловича Самойлова — комиссара I армии Симбирской группы войск с Т. Карташевым — участником февральских революционных событий в Москве¹² (рис. 2).

Оригиналы групповых и событийных фотографий, датируемых 1917–1918 гг., также редко встречаются в фондах архива. Тем не менее это не умаляет значимости и достоверности представленной на них информации. В материалах воспоминаний хранятся фотокопии групповых фото членов оперативного Штаба обороны при подавлении кулацкого вооруженного мятежа в с. Промзино в марте 1919 г.¹³, фотографии группы делегатов II-го съезда профсоюза текстильщиков представителей суконных фабрик Симбирской губернии с участием 1-го председателя правления профсоюза текстильщиков Симбирского промышленного района Петра Харитоновича Гладышева¹⁴, оригиналы фотографий 1917 г., на которых изображены красногвардейцы отряда Симбирского Патронного завода¹⁵, фотокопия снимка участников Октябрьского переворота в Симбирске, датируемого 1927 г., и многих других¹⁶. Интерес также представляют фотографии, которые лишь условно можно отнести к групповым, — фотоколлажи: участники революционного движения в Мелекессе: на снимке фото погибших в 1917–1920-х гг. в борьбе за установление Советской власти¹⁷.

Видовые фотографии фотоколлекции представлены оригинальными фотоснимками зданий, где была установлена Советская власть по всей Симбирской губернии: Симбирск, Мелекесс, Карсун, Алатырь, Ардатов, Сызрань¹⁸, а также фотографии зданий, где жили участники революционного движения. Все фотографии являются типичными позитивами 1950–1960-х гг. В эти

¹¹ ГАНИУО. Ф. 57а. Оп. 2. Д. 342. Л. 39.

¹² Там же. Д. 337. Л. 32.

¹³ Там же. Д. 96. Л. 79, 80.

¹⁴ Там же. Ф. 5968. Оп. 1. Д. 1265. Л. 1.

¹⁵ Там же. Ф. 57а. Оп. 2. Д. 70. Л. 37, 38.

¹⁶ Там же. Д. 61. Л. 8.

¹⁷ Там же. Ф. 5968. Оп. 1. Д. 162. Л. 1.

¹⁸ Там же. Оп. 2. Д. 4, 9.

Рис. 2. Никита Гаврилович Самойлов — командир сводного Симбирского батальона, участник боев против белогвардейцев. Год неизвестен. Черно-белая печать, фотобумага, ретушь. (ГАНИУО. Ф. 57а. Оп. 2. Д. 110. Л. 1.)

годы начиналась подготовка Ульяновской области к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина, а значит, и массовая застройка Ульяновска и районных центров новыми монументальными зданиями, что, несомненно, стало причиной появления значительного количества подобных фотографий — как стремления зафиксировать внешний облик города времен революции.

Историческую ценность представляют фотокопии текстовых документов — удостоверений, благодарностей, телеграмм. В число уникальных документов Государственного архива новейшей истории Ульяновской области включена фотокопия Удостоверения Якова Михайловича Свердлова об изъятии согласия баллотироваться в Учредительное собрание¹⁹. Несмотря на значительное количество текстовых документов, представляющих собой законодательные акты местных органов власти, в фондах архива не имеется аналога на бумажной основе Обязательного постановления Совета Крестьянских, Рабочих и Солдатских депутатов за подписью Председателя Симбирского Совета В.Н. Ксандрова о выплате жалованья и денежной платы за продукты в форме государственных процентных бумаг²⁰. Подлинник документа находился в личном архиве П.Н. Солонко, занимавшего должность Чрезвычайного комиссара в Симбирской губернии в начале 1918 г., предоставившего в фонды архива фотокопию данного документа хорошего качества.

Несмотря на то что преобладающее количество фотографий представляют собой позитивы в черно-белом цвете, отпечатанные на фотобумаге, в фондах Государственного архива новейшей истории Ульяновской области также хранятся негативы фотоотпечатков таких документов, как телеграмма из Петроградского Совета Рабочих и Солдатских депутатов с текстом удостоверения Владимира Леонтьевича Вишняковского — делегата на Всероссийский Съезд Советов от Карсунской организации большевиков от 28 октября 1917 г.²¹, телеграмма Военно-революционного комитета Симбирского Совета в Карсун об установлении Советской власти в Симбирске от 12 декабря 1917 г.²², а также номер газеты «Симбирская правда» от 21 октября 1917 г.²³

Большое количество фотографий позволяет выделить тематические комплексы, достаточно полно освещающие отдельные исторические события, явления, посвященные деятелям исследуемого периода.

Значительный интерес для исследователей составляет комплекс документов Александра Швера — одного из руководителей Симбирской большевистской организации в 1917–1926 гг., редактора газеты «Известия Симбирского

¹⁹ Там же. Ф. 57. Оп. 1. Д. 225. Л. 1.

²⁰ Там же. Ф. 57а. Оп. 2. Д. 351. Л. 4.

²¹ Там же. Ф. 5968. Оп. 3. Д. 8. Л. 1.

²² Там же. Д. 9. Л. 1.

²³ Там же. Д. 6. Л. 1–2.

Губернского Совета Рабочих и Крестьянских депутатов». Красочные воспоминания, написанные в 1923 г., дополнены подлинными фотографиями дореволюционного времени и 1917–1930-х гг. В действительности уникальными являются кадры, запечатлевшие еще четырехлетнего Сашу Швера в 1902 г., его двух сестер и бабушку²⁴. Значительной ретуши подверглись два фото-портрета Швера, датированные приблизительно 1918 и 1923 гг.²⁵ Ценностью коллекции является групповое фото симбирских революционеров А. Швера, В. Новикова и Г. Каучуковского²⁶, датированное 1918 г., фото Швера за беседой с крестьянами Воронежской губернии 1930 г.²⁷, а также фотография, запечатлевшая Иосифа Варейкиса на реке Воронеж с детьми Швера в 1931 г.²⁸

Почти все фотографии, входящие в состав фотоколлекции, посвященной Великой Российской революции, не имеют четко установленной авторской принадлежности. Лишь некоторые, такие как гимназические фото Александра Швера, выполненные в типичной для дореволюционной России манере, на паспарту с подписью фотографа — А. Горбунова²⁹.

Тематику издательской деятельности в Симбирской губернии в годы Великой Русской революции дополняет фотоколлаж из отдельных снимков типографии Симбирского Совета рабочих и солдатских депутатов³⁰, что является прямым свидетельством поступательного развития фотоискусства в начале XX в.

Несмотря на то что формально установление Советской власти в губернском центре, г. Симбирске, произошло 12 декабря 1917 г., дальнейший процесс упрочения позиции Советов на территории губернии, как и во всей стране, не проходил спокойно. Внутренняя контрреволюция, а также иностранная интервенция прервали ход укрепления власти большевиков в стране.

Для борьбы с контрреволюционными силами в апреле 1918 г. была создана Симбирская губернская чрезвычайная комиссия, в обязанности которой входили ликвидация всех контрреволюционных заговоров и выступлений, предание суду Ревтрибунала саботажников и контрреволюционеров, борьба со спекуляцией. На оригинале группового фото, датированного 1919 г., можно видеть А.Н. Левина — первого председателя Симбирского губчека³¹ и более 30 человек молодых юношей и девушек, входивших в состав комиссии. Любопытно, что как на данном фото, так и на фото в рабочем кабинете чекистов Малюшина, Симонова, Боровкова³² сотрудники губчека не имеют единой формы, появившейся позднее эпохи Гражданской войны. Здесь же мы можем видеть молодых мужчин в военной форме, в гражданской одежде, девушек в блузах, юбках и платьях. А поскольку, видимо, последнее фото сделано зимой 1920 г., все трое и вовсе в шинелях разного типа, а Малюшин и Боровков вме-

---

²⁴ ГАНИУО. Ф. 57а. Оп. 2. Д. 137. Л. 6, 12.

²⁵ Там же. Д. 137. Л. 10, 11.

²⁶ Там же. Д. 137. Л. 8.

²⁷ Там же. Д. 137. Л. 13.

²⁸ Там же. Д. 137. Л. 7.

²⁹ Там же. Д. 137. Л. 2, 3.

³⁰ Там же. Ф. 5968. Оп. 1. Д. 88.

³¹ Там же. Д. 136. Л. 1.

³² Там же. Д. 170. Л. 1.

сто, казалось бы, привычной чекистской фуражки надели каракулевые меховые шапки на манер казачьей папахи.

В планах армии контрреволюции важное место отводилось деятельности чехословацкого корпуса, в ряды которого, кроме того, вливались белогвардейские офицеры, а также представители дворянского сословия. Поскольку Среднее Поволжье имело хозяйственное и стратегическое значение, естественным было стремление белочехов взять под контроль территорию Самарской и Симбирской губерний. Распространение мятежа было настолько стремительным, что уже к июню 1918 г., после захвата Сызрани и Самары непосредственная угроза нависла и над Симбирском.

В процессе работы по сбору воспоминаний участников Гражданской войны в архив поступило более 200 текстов с приложенными к ним фотографиями.

Немалое количество красногвардейцев были расстреляны войсками белочехов. В фонде архива хранится фотокопия дореволюционной фотографии Е.П. Кудряшова³³, погибшего в июне 1918 г. В Симбирске Егор Петрович вел партийную работу, 15 сентября 1917 г. был избран членом Симбирского комитета РСДРП(б). В 1918 г. во время боя с войсками белогвардейцев Кудряшов находился на станции Симбирск-I среди рабочих. Не успев эвакуироваться в Казань, Кудряшов вернулся домой, где и был расстрелян в присутствии членов семьи, как большевик. Фото Кудряшова является типичным образцом пикториализма, начавшего свое проникновение в Россию еще до революции. Художественная обработка позитивов нередко встречается в портретных снимках как царской эпохи, так и первых лет после Октябрьской революции.

Еще одной особенностью фотоискусства данной эпохи становится нанесение фотоотпечатков на бланки почтовых открыток. Жизнь в условиях войны, регулярное перемещение воинских подразделений, необходимость сообщить о себе родным стали толчком для развития данного направления. Так, в фондах архива хранится фотооткрытка 11 мая 1919 г., изображающая В.Н. Фомина с друзьями, служившими в автороте I революционной армии³⁴.

Постановлением Совнаркома 13 июня 1918 г. был создан Реввоенсовет Восточного фронта в составе главнокомандующего М.А. Муравьева, комиссара Г.П. Благоданова и народного комиссара П.А. Кобозева. В фондах архива хранится копия фото Петра Алексеевича, а также фото штаба Восточной армии, датированное 1919 г.³⁵

Укрепление Восточного фронта позволило Красной Армии перейти к широким наступательным действиям и нанести тяжелое поражение интервентам и белогвардейцам. Началось освобождение Поволжья. Войска VII армии во взаимодействии с Волжской военной флотилией 10 сентября освободили Казань. В фондах архива хранятся уникальные кадры парходов «Юрий Суздальский»³⁶ и миноносца «Расторопный»³⁷, датированные 1919 г. «Расто-

---

³³ Там же. Ф. 57а. Оп. 2. Д. 269. Л. 4.

³⁴ Там же. Д. 378. Л. 26.

³⁵ Там же. Д. 245. Л. 31.

³⁶ Там же. Ф. 5968. Оп. 1. Д. 149. Л. 1.

³⁷ Там же. Д. 148. Л. 1.

ропный» был собран в Петербурге в начале XX в., участвовал в боях Первой мировой войны, а затем в 1919 г. вошел в состав Волжско-Каспийской военной флотилии. Однако летом 1919 г. миноносец стоял под Волгоградом, а соответственно, не мог вести бои за Среднюю Волгу.

Согласно воспоминаниям А.С. Леонтьева — капитана грузо-пассажирского парохода «Юрий Суздальский», на котором располагался штаб Волжской военной флотилии, формировавшийся в Симбирске, удар под Симбирском держали боевые суда «Лев», «Братство» и «Ольга». В трюмы же «Юрия Суздальского» был принят большой груз боеприпасов, горючего и продовольствия, в цистерны — полная кладка мазута³⁸.

Легендой эпохи Гражданской войны стал бронепоезд «Свобода или смерть», командиром которого был А. Полупанов. Начав свой боевой путь на Украине, в июле 1918 г. бронепоезд прибыл на Восточный фронт в район Симбирска. В фондах архива хранится портрет командира и комиссара бронепоезда Н.Я. Гимельштена с явными следами ретуши. Оба портрета являются подлинными и датированы 1918 г. Помимо этого, интересна копия фотографии, оформленной в паспарту, запечатлевшей общий вид партизанского бронепоезда. Примечательно, что фотография имеет обведенный след фигур Полупанова и Гимельштейна. На само паспарту нанесена подпись с расшифровкой личности обведенных фигур. Вероятно, подобные «штрихи» были внесены сотрудниками истпартотдела губернского комитета ВКП(б) при получении фотографии в 1935 г., о чем позволяет судить сохранившаяся часть инвентарного номера.

Среди материалов, прилагаемых к воспоминаниям Н.Я. Гимельштена о пути следования бронепоезда, любопытен снимок наградного парабеллума с гравировкой от командира бронепоезда № 75 им. «Лейтенанта Шмидта» Г.П. Гавриша в память совместного пребывания в действующей Красной Армии³⁹.

Командование Восточного фронта поставило перед I армией задачу — освободить Симбирск от неприятеля. Войска Сводной Симбирской Железной дивизии под командованием Г.Д. Гая 9 сентября перешли в решительное наступление и после трехдневных ожесточенных боев 12 сентября освободили Симбирск.

Комплекс, объединяющий значительное количество фотодокументов, посвящен именно деятельности Железной дивизии. Безусловно, отдельного внимания в этой связи заслуживает сам начдив Гай. Среди прилагаемых к воспоминаниям материалов фотокопия портрета Г.Д. Гая с командиром эскадрона кубанским казаком В.Н. Осиповым⁴⁰. Фото датировано 1920 г. Подлинный интерес вызывает фотокопия письма Гая Дмитриевича боевому соратнику И.Ф. Долинскому, отправленное в марте 1935 г. Письмо написано на официальном бланке, штампа которого гласит: «Старший руководитель кафедры войн и военного искусства Г.Д. Гай», что служит дополнительным свидетельством того факта, что письмо было отправлено незадолго до начала опалы на легендарного военачальника. Известно, что осенью того же года Гай был

³⁸ ГАНИУО. Ф. 57а. Оп. 2. Д. 282. Л. 21.

³⁹ Там же. Д. 206. Л. 108.

⁴⁰ Там же. Д. 276. Л. 24.

уволен со всех постов, исключен из партии и приговорен по обвинению в причастности к контрреволюционной группе к 5 годам тюремного заключения.

В комплекс также вошли портретные снимки отдельных бойцов дивизии, как, например, фотокопия снимка И.А. Крохмана и Э. Ромса — бойцов интернационального полка дивизии, фрагмент общей фотографии с изображением А.А. Азамова — разведчика-пулеметчика. Д.Е. Перкин — политический комиссар 1-го батальона 2-го полка Симбирской Железной дивизии запечатлен сразу на трех снимках: два из них — портрет и групповое фото за работой нанесены на бланк почтовой открытки⁴¹.

12 сентября 1918 г. после нескольких дней боев и штурма Симбирск был захвачен Красной Армией. Симбирская Железная дивизия вошла в город. Известным является фотоснимок бойцов дивизии с П.А. Кобозевым со знаменем ВЦИК — наградой за освобождение города⁴². Следы ретуши можно обнаружить на групповом фото штаба дивизии, располагавшемся на Венце города, датированное сентябрём 1918 г.

Полезна для исследователей будет фотокопия карты-схемы боевых действий 1 армии Восточного фронта в августе—сентябре 1918 г. с изображением Симбирской операции⁴³. Боевые подвиги Железной дивизии отнюдь не ограничены освобождением родины В.И. Ленина. В фондах архива хранится фотокопия снимка, запечатлевшего разведчиков и связистов дивизии после освобождения Оренбурга в 1919 г.⁴⁴

Местные партийные организации развернули в это время напряженную работу, стремясь наладить всеобщее военное обучение трудящихся, а также хорошо поставить политическое воспитание рабочих, крестьян и красноармейцев. Для поднятия боевого и революционного духа, укрепления связи центральных органов Советской власти с массами, налаживания работы местных партийных и советских органов в 1919 г. по территории прифронтовых районов Поволжья курсировал агитационно-инструкторский поезд «Октябрьская революция» во главе с председателем ВЦИК М.И. Калининым. В фондах архива три фотографии, вероятно являющиеся результатом репортажной съемки. По пути в Симбирск Калинин останавливался на железнодорожной станции в Алатыре⁴⁵, выступал на митинге в Мелекесе, а также посетил раненых и больных красноармейцев в симбирском госпитале № 1107⁴⁶. Фото на станции содержит следы ретуши, а фото в госпитале следует отнести к образцам пикториализма: отпечатанный позитив фотографии напоминает скорее графическую зарисовку, нежели обычный фотоснимок.

В марте 1919 г. началось наступление колчаковских войск на Восточном фронте. Симбирская губерния сразу была объявлена на военном положении. Губком партии провел ряд частичных мобилизаций для пополнения V армии. В фондах архива хранится фотокопия группы учащихся Симбирской чувашской учительской семинарии, ушедших на фронт против Колчака 16 апреля

---

⁴¹ Там же. Ф. 5968. Оп. 1. Д. 93. Л. 1.

⁴² Там же. Д. 81. Л. 1.

⁴³ Там же. Ф. 57а. Оп. 2. Д. 276. Л. 39.

⁴⁴ Там же. Л. 32.

⁴⁵ Там же. Ф. 5968. Оп. 1. Д. 128. Л. 1.

⁴⁶ Там же. Д. 129. Л. 1.

1919 г.⁴⁷ 21 семинарист принимал участие в боевых действиях в составе 1-го Симбирского рабочего полка, командиром которого был И.С. Космовский.

Стоит отметить, что после установления Советской власти в Симбирской губернии в конце 1917 г., в течение всего периода Гражданской войны проходил процесс формирования новых местных органов власти. 26 января 1918 г. был создан Симбирский губернский Совет крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов, а также губернский исполнительный комитет Совета. В фондах архива хранится подлинная фотография Президиума Симбирского губисполкома, датированная маем 1918 г., с изображением В.Г. Пенъевского, М.А. Гимова, И.М. Варейкиса, Н.А. Карпухина⁴⁸. 1919 г. датировано фото всех двадцати пяти членов исполнительного комитета⁴⁹. Оформлено в паспарту и имеет печатную подпись фотография Президиума 8-го Съезда Советов рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов Симбирской губернии 16–19 октября 1919 г.⁵⁰ Тем не менее отсутствует традиционное для дореволюционных фото, указание на фотографа. В то же время подпись фотографии имеет орфографическую ошибку «Призидиум Съезда», что может являться указанием на низкий уровень общего образования исполнителя, а значит, можно предположить, что автором фото является непрофессиональный фотограф.

Обычным явлением в этот период стало и образование национальных ячеек ВКП(б). Так, Николай Данилов и Константин Арсентьев стали инициаторами создания партийной ячейки при чувашской учительской семинарии. На фото, датированном ноябрем 1918 г., запечатлена группа учащихся семинарии, вступивших в коммунистическую партию и положивших начало существованию ячейки ВКП(б) при семинарии⁵¹. Данная ячейка имела тесную связь не только с чувашской секцией при Симбирском губернском комитете партии, но и редакцией газеты «Сене пуранас», где было сделано фото, запечатлевшее группу первых семинаристов, отправившихся на фронт. Так сложилось, что во главе организации стояли братья Хамитовы — Герасим⁵² и Григорий⁵³. Портреты выдающихся деятелей-чувашей хранятся в фондах архива. Любопытна обработка фотографий. Оба позитива обработаны в цветную пикториалистическую картинку. Кроме того, печать выполнена на плотной бумаге. Подобное выполнение фотографий несвойственно для периода Гражданской войны, что дает основание датировать портреты ориентировочно 1960-ми гг.

Подобная деятельность была развернута и среди татарского населения. Широко известна личность С.С. Гафурова — заведующего отделом национальностей и мусульманской секции Симбирского губернского исполнительного комитета, руководителя симбирских большевиков-татар. В коллекции фотодокументов архива хранится портрет деятеля, выполненный не позднее 1937 г., а также фотокопия дактилоскопической карты Гафурова из матери-

---

⁴⁷ ГАНИУО. Ф. 57а. Оп. 2. Д. 401. Л. 14.

⁴⁸ Там же. Ф. 5968. Оп. 1. Д. 73. Л. 1.

⁴⁹ Там же. Д. 144. Л. 1.

⁵⁰ Там же. Д. 131. Л. 1.

⁵¹ Там же. Ф. 57а. Оп. 2. Д. 401. Л. 15.

⁵² Там же. Ф. 5968. Оп. 1. Д. 147. Л. 1.

⁵³ Там же. Д. 146. Л. 1.

лов Бакинского Губернского Жандармского Управления. Фотокопия выполнена А.И. Юсуповым из книги Г. Ибрагимова «Татары в революции 1905 г.», изданной в 1926 г.⁵⁴ Наличие в фондах архива подобных типовых дактилоскопических карт, хранящихся в Симбирском жандармском управлении, позволяет предварительно датировать документ началом XX в. Фотокопия же, соответственно, была выполнена позже.

Однако, как известно, восстание чехословацкого корпуса, действия белогвардейцев и интервентов были не единственным препятствием на пути установления Советской власти — в конце 1918 — 1919 гг. на территории сразу нескольких губерний развернулась Чапанная война. На территории Симбирской губернии главные события народного восстания, начавшегося 5 марта 1919 г., развернулись в Сенгилеевском и Сызранском уездах. Однако крестьянские восстания стали распространяться и на территории Карсунского уезда. В фонды архива поступили воспоминания четырех участников подавления восстания в Карсуне: С.Я. Прокофьева, А.А. Вишневого, П.М. Кривцова, Г.П. Кирюхина. К воспоминаниям троих последних приложены портретные снимки, являющиеся оригиналами 1918–1919 гг. Наличие на фотографии Вишневого следов официальной печати свидетельствует об использовании фотографии на каких-либо документах, подтверждающих личность⁵⁵.

В воспоминаниях Прокофьева С.Я. рассказывается о погибших революционерах — участниках подавления кулацкого мятежа, поэтому приложенные фотографии не связаны с личностью автора: фотокопии портретов Кобелькова В.И., казненного, по словам Прокофьева, сельским попом, Кобелькова М.С., погибшего подо льдом в р. Барыш. Семейное фото Кобельковых: трех братьев Якова, Матвея и Андрея с женами — сопровождается подписью автора о том, что помимо Матвея и Яков, и Андрей также были брошены кулаками под лед⁵⁶. После подавления восстания было сделано еще одно фото жертв кулацкого мятежа, запечатлевшее измученные тела красногвардейцев⁵⁷.

Становление советского государства представляется немислимым без серьезной идеологической работы, частью которой стали масштабные празднования годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции. Даже находясь в условиях внутренней раздробленности, ведения Гражданской войны, новая власть устраивала массовые митинги, демонстрации, пышные празднества. В фондах архива сохранились фотографии 1918–1920 гг., запечатлевшие митинги первых трех лет после свершения революции. Примечательно фото митинга 2-ой годовщины революции, проходившего на пересечении ул. Гончарова и ул. Московской (ныне ул. Ленина)⁵⁸. На фоне сооруженной пирамиды, выполнявшей, по-видимому, роль трибуны или сцены, виден еще существующий Спасо-Вознесенский собор, который впоследствии был уничтожен в рамках антирелигиозной кампании.

---

⁵⁴ Там же. Ф. 57а. Оп. 2. Д. 413. Л. 89.

⁵⁵ Там же. Д. 200. Л. 1.

⁵⁶ Там же. Д. 324. Л. 4.

⁵⁷ Там же. Ф. 5968. Оп. 1. Д. 91. Л. 1.

⁵⁸ Там же. Д. 132. Л. 1.

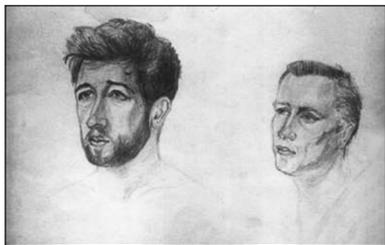

Рис. 3. Зарисовка П.Х. Гладышева из жизни заключенных в Самарской тюрьме в июне–июле 1918 г. (ГАНИУО. Ф. 5968. Оп. 1. Д. 74. Л. 1.)

Укреплению исторической памяти о свершившихся событиях способствовали не только массовые мероприятия, инициируемые советской властью, но и изобразительное искусство. В фондах архива сохранились фотокопии картин А.Н. Грошева «Убийство Муравьева»⁵⁹, «Взятие Симбирска»⁶⁰, а также проекта панорамы «Бой под Симбирском»⁶¹.

Интереснейшим источником о жизни заключенных, в том числе за политические преступления, в тюрьмах являются фотокопии зарисовок П.Х. Гладышева⁶². Главными героями зарисовок стали Н. Иванов — организатор красногвардейских отрядов, В. Пеньевский — командир Симбирской рабочей бригады, направленной на борьбу с Колчаком, А. Базжин — активный работник профсоюза текстильщиков (рис. 3).

Таким образом, подобранная по тематическому принципу, фотоколлекция из фондов Государственного архива новейшей истории Ульяновской области представляет собой видовое, качественное и информативное разнообразие фотодокументов. Важно отметить, что, несмотря на то что в основе выявления документов для проведения исследования стояло отнесение фотографий к событиям Великой Российской революции 1917–1922 гг., возможности данной фотоколлекции как исторического источника выходят за рамки предложенного периода: портретные фотографии позволяют судить как о жизни участников революции впоследствии, так и о тенденциях в фотоискусстве 1940–1960-х гг., групповые и событийные фотографии позволяют визуализировать события прошлого века, фотокопии текстовых документов решают проблемы ограниченности источниковой базы региональных государственных архивов, видовые фотографии Ульяновской области 1950–1960-х гг. дают возможность не только увидеть те самые «революционные тропы», но оценить архитектурный, исторический облик города в более поздние годы. Данное разнообразие позволяет использовать фотоколлекцию в выставочно-экспозиционной и исследовательской деятельности не только по истории революционных событий 1917 г., но и для привлечения их в качестве исторического источника в исследованиях, посвященных другим вопросам региональной истории.

⁵⁹ ГАНИУО. Ф. 57а. Оп. 1. Д. 119. Л. 1.

⁶⁰ Там же. Ф. 5968. Оп. 1. Д. 120. Л. 1.

⁶¹ Там же. Д. 121. Л. 1.

⁶² Там же. Д. 74–79.

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРАЖЕНИЯ ЛИБЕРАЛЬНЫХ ПАРТИЙ ПОСЛЕ ФЕВРАЛЯ 1917 г. В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

*Ковалев Максим Константинович
(Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова)*

Деятельность либеральных партий в начале XX в. оставила после себя огромный политический опыт и неразрешенные проблемы. В частности, почему виднейшие люди русской интеллигенции, представители крупного капитала, имевшие серьезное политическое влияние, проработанную программу и возглавившие страну в марте 1917 г., так быстро потерпели полное политическое поражение к октябрю 1917 г.

Прежде всего, необходимо выделить некоторые особенности партийной системы России начала XX века. Во-первых, в царской России отсутствовала какая-либо устойчивая парламентская традиция. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля среди определений слова «партия» отсутствует определение его как определенной политической организации, отражающей интересы определенных социальных слоев. Даже во второй половине XIX века под партиями понимали либо различные идейные течения социально-политической мысли, либо придворные группировки. Различные политические объединения создавались в виде союзов, обществ или кружков, и лишь организация «Народная воля» носила название партии¹.

Более того, на законодательном уровне политические партии были запрещены и даже после революции 1905–1907 годов и Манифеста 17 октября, который учредил Государственную Думу, политические партии не получили официального статуса ввиду отсутствия специального закона о партиях². Второй важной в контексте работы особенностью и, наверное, недостатком партийной системы России является «интеллигентский характер» политических партий, их формирование «сверху вниз» в среде интеллигенции. Исходя из этого, исследователь П.П. Марченя выделяет ряд особенностей и одновременно недостатков российских политических партий, среди них: «повышенная степень конфликтности и абстрактность идеалов, не соотношенных с реалиями страны»; «недостаточность как прямой, так и обратной связи с электора-

---

¹ *Тютюкин С.В.* Политическое пробуждение России на рубеже XIX–XX веков // Политические партии России: история и современность. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. С. 60.

² Там же. С. 67.

том»; «нахождение вне общественного контроля»; «герметичность»; «нетерпимость к инакомыслию как в собственной, так и в окружающей среде» и т. д.³

Еще жестче выразился относительно российских партий Булдаков: «Партии в России в концентрированном виде выражали набор интеллигентских утопий, доктринального прекраснотушия или сектантской оголтелости, а не являлись прагматичным оформлением интересов тех или иных социумов»; «российская многопартийность действительно выглядит воплощением своеобразной доктринальной шизофрении интеллигенции, а отнюдь не национально-консолидирующим, конструктивно-динамичным целым. Это своеобразный, порожденный имперским патернализмом “пустоцвет”, способный, однако, провоцировать смуту»⁴. Вышеописанные особенности относились и к либеральным партиям, особенно к партии кадетов, состоящей в основном из интеллигенции.

Также необходимо выделить важный фактор, серьезно повлиявший на развитие революции, — своеобразное политическое пробуждение масс. Но что считать «массой»? Как определить понятие «масса» или «революционная масса»? Прежде всего, это пролетариат. По официальным данным, во время Первой русской революции, с января 1905 г. по июнь 1907 г., бастовало не менее 4,6 млн человек, при этом многие рабочие участвовали в стачках по несколько раз. В 1905 г. 50 % из них поддерживали те или иные политические лозунги, в 1907 г. этот показатель достиг 70 %. К «массе» относится и крестьянство, которым было совершено небывалое число, в основном антипомещичьих, выступлений (примерно 26 тыс.).

В «революционную массу» входила и часть армии, тем более что большинство рядовых солдат были выходцами из крестьянства. В армии произошли сотни прямых антиправительственных выступлений. Особо, на примере революции 1905–1907 гг., необходимо выделить студенчество, а также волнения на национальных окраинах (Прибалтика, Украина, Закавказье, Царство Польское, Финляндия и др.)⁵.

Ленин так описал явление «революционных масс»: «Один из главных, научных и практически-политических признаков всякой действительной революции состоит в необыкновенно быстром, крутом, резком увеличении числа “обывателей”, переходящих к активному, самостоятельному, действительному участию в политической жизни... Так и Россия. Россия сейчас кипит. Миллионы и десятки миллионов, политически спавшие десять лет, политически забитые ужасным гнетом царизма и каторжной работой на помещиков и фабрикантов, *проснулись и потянулись* к политике»⁶. По мнению П.П. Марчени,

---

³ *Марченя П.П.* Политические партии и массы в России 1917 года: массовое сознание как фактор революции // Электронная библиотека Гражданское общество в России. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/March_polit_partii.pdf С. 87.

⁴ *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного нашествия. М., 1997. С. 40, 41, 203.

⁵ *Тютюкин С.В.* Политическое пробуждение России на рубеже XIX–XX веков // Политические партии России: история и современность. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. С. 66.

⁶ Цит. по: *Логинов В.Т.* Большевики: выбор 1917 года // Политические партии в российских революциях в начале XX века / под ред. Г.Н. Севостьянова; Ин-т рос. истории. М.: Наука, 2005. С. 332.

деятельность масс и массовое сознание являлись решающими факторами противоречивой эпохи революции⁷.

Одним из главных факторов поражения либеральных партий стала их программа по преобразованию России в либерально-демократическую капиталистическую страну. Например, согласно программе прогрессистов, власть должна была перейти в руки промышленной буржуазии. Отталкиваясь от опыта европейских стран, а также Соединенных Штатов, они утверждали, что «вся история доказывает одно. Как только наметилась противоположность интересов между классом землевладельцев и классом торгово-промышленным, знамя прогресса никогда не переходило в лагерь землевладельцев»⁸.

Либеральные деятели обращались к опыту западноевропейских стран, не учитывая социальных, политических и культурных особенностей России. Это послужило одной из причин того, что данная программа была отвергнута массами. Особого внимания заслуживает программа кадетов, т. к. в ней упоминается и раскрывается понятие «революция». Кадеты изначально делили революцию на политическую и социальную. Под политической революцией они понимали переход власти (желательно мирный) в руки либеральных буржуазных кругов. Однако социальная революция как резкое социальное переустройство общества в сторону социализма либералами считалась «музыкой весьма далекого будущего»⁹. Но именно этого и хотели массы, в которых были популярны антибуржуазные настроения. «После февраля 1917 г. Всероссийский съезд крестьянских депутатов, поддержав Временное правительство, потребовал немедленно запретить куплю-продажу земли»¹⁰.

Несмотря на значительные уступки населению в социальной сфере в своей программе, за которые кадетскую партию в деловых кругах называли «красной»¹¹, кадеты не реализовали их и не получили массовой поддержки. Как результат – противоречие: либералы совершали свою революцию, отличную от революции народа.

Еще одним фактором неудачи либеральных партий стала система двоевластия, сложившаяся после февраля 1917 г. С одной стороны – «либерально-буржуазное» Временное правительство, с другой – «социалистические» Советы. Стоит отметить, что сначала между Советами и Временным правительством противоречий не было, однако от февраля к октябрю антагонизм между ними нарастал, что вело к «дестабилизации политической обстановки»¹². «Параллельное существование двух общероссийских центров

---

⁷ *Марченя П.П.* Политические партии и массы в России 1917 года: массовое сознание как фактор революции // Электронная библиотека Гражданское общество в России URL: https://www.civisbook.ru/files/File/March_polit_partii.pdf С. 83.

⁸ *Шелохаев В.В.* Прогрессисты // Политические партии России: история и современность. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. С. 113–114.

⁹ *Шелохаев В.В.* Кадеты и революция в России // Политические партии в российских революциях в начале XX века / под ред. Г.Н. Севостьянова; Ин-т рос. истории. М.: Наука, 2005. С. 414–419.

¹⁰ *Кара-Мурза С.Г.* Партии в 1917 году. От Февраля к Октябрю // Там же. С. 296.

¹¹ *Тютюкин С.В.* Рождение российской многопартийности // Там же. С. 121.

¹² *Шелохаев В.В.* Политические партии России в свете новых источников // Там же. С. 419.

власти было невозможно. Оно неминуемо должно было завершиться единовластием одного из них». Кроме того, Советы имели ряд преимуществ перед Временным правительством, в котором ведущую роль играли кадеты.

Первое – стихийное возникновение и поддержка масс. Как пишет В.Т. Логинов: «Советы стали возникать сначала на заводах и фабриках, затем в районах, раньше, чем какая бы то ни было партия успела провозгласить этот лозунг. В определенном смысле это был спонтанный процесс воспроизводства знакомых форм организации и борьбы, ибо уроки 1905 г. прочно вошли в “стихию” народного сознания». «Общероссийским органом власти Петроградский Совет сделало давление снизу, те ожидания, которые питали рабочие и солдаты, посылая в Совет своих депутатов. И Советы сразу и повсеместно, не вдаваясь в дискуссии о рамках компетенции, заявили о себе как об органах власти. Они брали под контроль охрану порядка, продовольственное снабжение, работу транспорта и т. п.»¹³

Второе – «Советы представляли собой некий новый тип государственности, где не было классического “разделения властей”, т. к. «российский опыт “толчения воды в ступе”, полное бессилие против правящей бюрократии, в немалой мере, развеивал в глазах народа парламентские иллюзии»¹⁴. Третье – по мнению ряда историков, Советы являлись не просто стихийной, идущей «снизу», но традиционной формой самоорганизации масс. В частности, С.В. Перевезенцев считает «днем рождения советской власти» 30 июня 1611 года, «ибо именно в этот день в России возник первый «Совет всей Земли» как общенародное правительство. Вот и в феврале–марте 1917 года моментально по всей стране вновь образовались Советы.

В этом отношении Февральская революция доказала, что Советы – эта традиционная форма политической самоорганизации русского народа в тех случаях, когда происходит распад центральной государственной власти»¹⁵. Однако либеральные круги Временного правительства оттолкнули Советы как стихийное проявление прямой демократии, усматривая в них лишь «проявление бунта и анархии»¹⁶ и делая упор на созыв Учредительного собрания.

Еще одна причина поражения либералов заключалась в их позиции по продолжению войны. Требование мира было одним из главных требований масс и солдат в том числе. Более того, «Приказ № 1» вывел многие части из подчинения Временному правительству. «...Во всех политических выступлениях воинские части подчинялись не офицерам, а только своим комитетам и Петросовету»¹⁷. Для наведения порядка у Временного правительства не хватало сил.

---

¹³ *Логинов В.Т.* Большевики: выбор 1917 года // Политические партии в российских революциях в начале XX века / под ред. Г.Н. Севостьянова; Ин-т рос. истории. М.: Наука, 2005. С. 327.

¹⁴ Там же. С. 330.

¹⁵ *Перевезенцев С.В.* Идея «гибели Руси» – это один из реальных страхов национального исторического сознания // Новая республика. [URL: <http://newrepublic.ru/sergej-perevezentsev-ideya-gibeli-rusi-eto-odin-iz-realnyh-strahov-natsionalnogo-istoricheskogo-soznaniya/>]

¹⁶ *Логинов В.Т.* Большевики: выбор 1917 года // Политические партии в российских революциях в начале XX века / под ред. Г.Н. Севостьянова; Ин-т рос. истории. М.: Наука, 2005. С. 327.

¹⁷ Там же. С. 328.

Важной вехой политического краха либеральных партий после февраля 1917 г. стал их уклон «вправо», в сторону военной диктатуры. В.В. Шелохаев пишет: «Усилившийся натиск леворадикального крыла социалистической демократии на “буржуазную демократию” способствовал нарастанию консервативных тенденций в руководстве Партии народной свободы»¹⁸. В.В. Шульгин в своих воспоминаниях пишет: «Пулеметов – вот чего мне хотелось. Ибо я чувствовал, что только язык пулеметов доступен уличной толпе и что только он, свинец, может загнать обратно, в его берлогу, вырвавшегося на свободу страшного зверя... Увы – этот зверь был... его величество русский народ»¹⁹. «Милоков еще в начале июля 1917 г. вступил в переговоры с А.В. Колчаком о возможности установления в стране военной диктатуры»²⁰.

20 августа, после событий 4–5 июля, на заседании кадетского ЦК «большинство его членов высказалось за немедленное установление военной диктатуры»²¹. Однако после провала корниловского мятежа позиция кадетов еще больше ослабла. «Колеблющиеся элементы городской демократии» перешли на сторону леворадикальных партий, одновременно обострились отношения с умеренными социалистами, в частности с Керенским²².

После Февральской революции либералам также не удалось оказать влияния на массовое сознание. По мнению П.П. Марчени, данный фактор был одним из ключевых факторов успеха той или иной политической силы во время революции 1917 г. «Политический успех той или иной партии в условиях русской смуты определялся тем, насколько ее практическая деятельность отвечала психологии масс, насколько ее тактика корреспондировалась с их поведенческими стереотипами, насколько лозунги этой партии были понятны русскому мужику и согласованы с его базовыми мировоззренческими установками, а также со спецификой их преломления в массе»²³. С этой задачей либеральные партии не справились. В народе кадетов называли «буржуями», их выступления, программы и проекты решения проблем были непонятны и неприемлемы для большинства населения. «Кадет в массовом сознании становится конкретным воплощением образа врага». Кадеты не сумели адаптировать свою пропаганду к ее целевой аудитории.

Вот несколько характерных эпизодов. «В атмосфере “митинговой демократии” кадетские интеллигенты практически не имели шансов на понимание толпы. “Ты не вилай как собака хвостом, говори прямо! Есть у вас трудящиеся крестьяне, рабочие – в вашем списке? Нет у них, братцы, трудовых людей –

---

¹⁸ Шелохаев В.В. Политические партии России в свете новых источников // Там же. С. 420.

¹⁹ Шульгин В.В. Дни. Белград, 1925. С. 183.

²⁰ Шелохаев В.В. Политические партии России в свете новых источников // Политические партии в российских революциях в начале XX века / под ред. Г.Н. Севостьянова; Ин-т рос. истории. М.: Наука, 2005. С. 420–421.

²¹ Там же. С. 421.

²² Там же. С. 422.

²³ Марченя П.П. Политические партии и массы в России 1917 года: массовое сознание как фактор революции // Электронная библиотека Гражданское общество в России. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/March_polit_partii.pdf С. 88.

все у них кушцы, помещики али их сынки или прихвостни их – кричат солдаты-большевики с разных сторон”, – передает в своих воспоминаниях картину обычного солдатского митинга бывший солдат. На попытки ораторов заговорить о конституционном пути решения наболевших проблем, о том, что “без закона нельзя”, тотчас раздавалось: “Морду тебе разбить за такие речи!.. Морду ему набить надо! Дай ему в зад и чтобы летел с трибуны головой вниз!..”

Один из кадетских активистов так вспоминал о соперничестве с большевиками на митинге в казармах лейб-гвардии Гренадерского полка: “Увы! Зиновьев “побил” и старого Дейча, и А.И. Шингарева, отважившегося выступить со своими кадетскими тезисами в этом осином гнезде. Наши крики, наши аплодисменты и свистки не могли ничего изменить в “соотношении сил”, а солдаты обложили нас нецензурной бранью, из которой мы должны были понять, что буржуазные сынки последний раз уносят ноги целыми с митинга “сознательных” гренадер. Уходя (надо сказать, очень поспешно) с этого ристалища, мы уносили все то же чувство злобы и бессилия и желание от слов перейти к действиям”²⁴. П.Н. Милюков признавал: «Никто не будет отрицать, что партии до сих пор не удалось проникнуть по своим идеям в широкие слои населения»²⁵. П.П. Марченя отмечает: «Конституционно-демократическая партия... не имела никаких шансов на победу в борьбе за массы в условиях войны и смуты 1917 г., так как просто не имела ничего общего ни с самим народом, ни с его пониманием “свободы”»²⁶. Эту позицию частично разделяет С.В. Тютюкин: «...“Своей”, “народной” партией рабочие и крестьяне их никогда не считали, относя их к числу не заслуживающих доверия “господских” политических организаций»²⁷.

Против либерального блока играл и культурный фактор. Тот же Тютюкин задается вопросом: «...Почему в начале XX в. россияне не пошли за либералами, рисовавшими такие заманчивые картины цивилизованной жизни под девизом: свобода, собственность, закон»? И отвечает: «Идеи социализма... во многом созвучны радикально-бунтарским, общинно-уравнительным, коллективистским и в целом антибуржуазным настроениям основной массы россиян и вдобавок вполне корреспондировались с христианскими и мусульманскими заповедями, которые веками жили в их сознании как символ справедливости и добра»²⁸.

Наконец, одной из основных причин поражения либеральных партий после 1917 г. считают откладывание решения главных вопросов революции – о мире, хлебе и земле. В.Т. Логинов констатирует: «Неспособность буржуазного правительства решить вопросы о мире, хлебе и земле, попытки установить военную диктатуру вызывали в массах такую бурю отчаяния и ненависти, которая в любой момент могла привести к неизбежному стихийному взрыву»²⁹.

---

²⁴ *Марченя П.П.* Политические партии и массы в России 1917 года... С. 90.

²⁵ Там же. С. 89.

²⁶ Там же.

²⁷ *Тютюкин С.В.* Рождение российской многопартийности // Политические партии в российских революциях в начале XX века / под ред. Г.Н. Севостьянова; Ин-т рос. истории. М.: Наука, 2005. С. 122.

²⁸ Там же. С. 114–115.

²⁹ *Логинов В.Т.* Большевики: выбор 1917 года // Там же. С. 336.

По его мнению, несмотря на особенности революционных процессов в разных странах, для них характерны некие общие тенденции их развития. Для всех революций характерно нарастание, когда «революционная волна набирает все большую силу», до определенного момента.

Этим моментом является удовлетворение основных революционных требований. «Лишь удовлетворив их, можно добиться умиротворения и направить вырвавшуюся наружу энергию и инициативу масс не на разрушение, а на созидание...» «Если же требования народа не будут удовлетворены, тогда кровавая смута и анархия неизбежны. Поскольку удельный вес сознательных элементов в этой многомиллионной массе недостаточен, движение будет приобретать все более буйный характер. Вот откуда исходила опасность настоящего русского бунта и реальной пугачевщины. Тогда страна действительно могла пойти вразнос». Исходя из этого он делает вывод: «Складывался таким образом исторический парадокс: те, кто громче всех твердил о своем стремлении предотвратить смуту, избежать междоусобия и распада, по существу, вели именно к такому исходу»³⁰.

Почему же опыт Февральской и Октябрьской революции, в частности однако, оказавшийся неудачным опыт либерального блока в управлении страной, вызывает интерес и широкие дискуссии среди историков и специалистов-обществоведов и в наши дни?

Во-первых, до сих пор не решен ряд дискуссионных вопросов. Что считать революцией, Февраль или Октябрь? Или же и то, и другое? Являлись ли Февраль и Октябрь или одно из этих событий государственным переворотом? Были ли данные явления частью одного единого революционного процесса? Являлся ли Октябрь логичным продолжением Февраля или же противоречил ему? Была ли неизбежна Октябрьская революция 1917 г.? Список нерешенных вопросов можно продолжать. Опыт (пусть и неудачный) либеральных партий в этом отношении является ключевым, т. к. именно либералы находились «у руля» страны в революционный период между февралем и октябрём 1917 г.

Во-вторых, трудно отрицать, что сегодня отношение к революции 1917 г. раскалывает российское общество. Существует множество точек зрения и мнений на события того времени, формируется множество исторических и политических мифов, взаимно исключаящих друг друга и вступающих в непримиримый конфликт.

До сих пор на государственном уровне не решено, каким образом отмечать 100-летие Октябрьской революции и надо ли его праздновать. Одни считают революцию 1917 г. величайшей трагедией, другие – величайшим благом. Раскол идет также по линии «февралисты» – «октябристы».

Одно можно сказать определенно. Революция 1917 г. – это одно из центральных и ключевых явлений в истории России, к которому сложно относиться без эмоций. Как же предотвратить обострение раскола и попытаться достичь общественного консенсуса? На наш взгляд, фундаментом для конструктивного обсуждения может стать строгий научный, беспристрастный подход в изучении событий революции.

Этим должны заниматься в первую очередь обществоведы в целом и историки в частности. Именно научное гуманитарное сообщество может помочь

---

³⁰ Там же. С. 335.

ввести общественную дискуссию в некоторые рамки, снизить «градус напряжения» между различными мнениями и, возможно, в конечном итоге, достигнуть общественного согласия по данному вопросу.

В-третьих, опыт либеральных партий в 1917 г. может быть использован современными либералами для корректировки своей политики и программы. Это можно видеть на примере статьи Г. Явлинского, который в целом соглашается с вектором курса Временного правительства, однако и замечает, пытается переосмыслить их ошибки³¹.

В целом, можно наблюдать, что после февраля 1917 г. либеральные партии потерпели поражение под натиском как объективных, так и субъективных факторов. Однако их опыт, хоть и отрицательный, актуален до сих пор, т. к. его изучение имеет научную и общественную ценность для современности.

---

³¹ Явлинский Г.А. Февральские параллели // Григорий Явлинский. URL: <https://www.yavlinsky.ru/works/fevralskie-paralleli>

СОЮЗ ОСВОБОЖДЕНИЯ УКРАИНЫ И ГЕРМАНСКАЯ ПОЛИТИКА «ДЕКОМПОЗИЦИИ» РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ в 1914–1917 гг.

Косован Елена Анатольевна, к.и.н.

(Российский государственный гуманитарный университет)

В 1916 г. немецкий ученый и публицист Пауль Рорбах писал: «Без Украины нет России: нет угля, нет железа, зерна, выхода к морю... С чего следует начать завоевание России? С Санкт-Петербурга? Или, может быть, ей можно нанести смертельный удар лишь в Москве? Да, если только завоеватель дойдет до Москвы. А Киев находится гораздо ближе к западной границе и тот, кому сдастся этот город, получит выход к побережью и портам Черного моря. Если враг захватит Украину, Россия будет повержена»¹. Эту цитату можно считать квинтэссенцией концепции «декомпозиции» – раздробления Российской империи путем стимулирования внутренних этнополитических противоречий.

Всего через год П. Рорбах мог лицезреть плоды своего труда – Российская империя распалась, и отколовшаяся от нее Украина пустилась в самостоятельное плавание под австро-германским флагом. Таков был итог неумелой национальной политики Санкт-Петербурга и систематического, многолетнего использования «национального вопроса» государствами – противниками России.

Несмотря на то что Германия была лидером среди сил, сделавших максимальную деструктивизацию «украинского вопроса» одним из векторов своей внешней политики, в российской исторической науке украинское измерение политики «декомпозиции» было и остается маргинальной темой. После И.М. Кулинич и И.М. Теодоровича, которые начинали работать над ней еще в 1960–1970-е гг., сколько-нибудь значимые исследования треугольника «Германия – Украина – Россия» накануне и во время Первой мировой войны в нашей стране не предпринимались². И хотя в украинской и немецкой историографии украинскому направлению в «восточной политике» Германии, напротив, посвящено немало работ³, прикладная сторона концепции

---

¹ *Rohrbach P.* Weltpolitisches Wanderbuch 1897–1915. Leipzig, 1916. S. 49.

² *Кулінич І.М.* Україна в загарбницьких планах німецького імперіалізму (1900–1914 рр.). Київ, 1963; *Теодорович І.М.* Розробка правительством Німеччини програми завоювань на Восток в 1914–1915 гг. // Первая мировая война 1914–1918. М., 1968. С. 108–120.

³ См., например: *Remer C.* Die Ukraine im Blickfeld deutscher Interessen. Ende des 19 Jahrhunderts bis 1917/18. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien, 1997; *Borowsky P.* Deutsche Ukrainepolitik 1918 unter besonderen

«декомпозиции», то есть ее воплощение во внешнеполитическом курсе Германской империи в отношении России по-прежнему остается недостаточно изученной.

То же касается и одной из движущих сил «декомпозиции» – Союза Освобождения Украины (Спілка/Союз визволення України, СВУ). В 1990–2000-е гг. в украинской историографии был создан обширнейший пласт работ, посвященных различным аспектам деятельности этой организации. Однако украинскими учеными обычно акцентировалась самостоятельность СВУ, а не его взаимодействие с германским дипломатическим и военным ведомством. Кроме того, они практически не использовали российские архивы, которые могут предоставить важнейшую информацию относительно восприятия российскими властями сотрудничества украинского национального движения с Берлином.

Данное исследование – попытка хотя бы отчасти восполнить этот пробел и на основе материалов, отложившихся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), попытаться проанализировать теоретическое и прикладное значение концепции «декомпозиции» и ее взаимосвязь с политикой «революционизирования» Российской империи в 1914–1917 гг. на примере деятельности Союза Освобождения Украины.

Итак, что же такое концепция «декомпозиции»? Первоначально это был феномен, зародившийся в немецкой политической публицистике конца XIX – начала XX в. в рамках пангерманского дискурса, точнее – либеральной версии пангерманизма, которая ассоциируется с именами «политических профессоров» – Пауля Рорбаха, Теодора Шимана, Отто Хётча, Эрнста Ревентлова и др.⁴

Либеральный пангерманизм, как и радикальный его вариант, был плодом того «комплекса национальной неполноценности и чувства обиды на “европейский концерт” враждебного окружения»⁵, которые в последней трети XIX в. разрослись в немецком обществе необычайно. Он подпитывал стремление молодого немецкого государства, опоздавшего к разделу «колониаль-

---

Berücksichtigung von Wirtschaftsfragen. Historische Studien. Lübeck; Hamburg, 1970; *Bruch R.* Wissenschaft, Politik und öffentliche Meinung. Gelehrtenpolitik im Wilhelminischen Deutschland (1890–1914). Nusum, 1980; *Чорновол І.* Галицька шляхта і проект «Київського королівства» Отто Бісмарка // Сучасність. 1997. № 3. С. 65–71; *Ветров І.* Україна в експансіоністських планах Німеччини під час Першої світової війни // Перша світова війна і слов'янські народи: Матеріали міжнар. наук. конф., 14–15 травня 1998 р. Київ, 1998. С. 41–48; *Кураєв О.* Ідея української держави і нові засади «східної політики» Німеччини (1914–1916) // Розбудова держави. 2000. № 7–12. С. 160–170; *Троян С.* Нове бачення Європи: німецькі плани територіального переустрою початку XX ст. // Перша світова війна: історичні долі народів Центральної та Східної Європи: Матеріали міжнар. наук. конф., присвяченої 80-річчю Буковинського народного віча (Чернівці, 22–24 вересня 1998 р.). Чернівці, 2000. С. 89–103 і мн. др.

⁴ *Bruch R.* Wissenschaft, Politik und öffentliche Meinung. Gelehrtenpolitik im Wilhelminischen Deutschland (1890–1914). Nusum, 1980. S. 5, 8.

⁵ *Цимбаєв К.Н.* Славянський вопрос в німецькій політичній мислі початку XX століття // Петербургські славянські і балканські дослідження / *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2015. № 1. С. 42.

ного пирога», получить свое «место под солнцем» (Platz an der Sonne), но не только и не столько силой оружия, сколько при помощи дипломатии, культурной политики и т. п.

Идеологическим ядром обеих версий пангерманизма был антагонизм панславянским идеям, а также различные вариации на тему «Drang nach Osten» и «Срединной Европы» (Mitteleuropa). Их смысл сводился к необходимости дать отпор России – стране, обладающей огромными ресурсами, но дикой, непредсказуемой, агрессивной, одержимой бесами панславизма и склонной к непрерывной экспансии как на восток, так и на запад, а значит, представляющей настоящую цивилизационную угрозу для Европы⁶. Остановить этого монстра могла лишь Германия, окруженная «междивилизационным поясом» государств-вассалов, которые должны были возникнуть на отторгнутых от России западных окраинах и выполнять обязанности буфера, амортизирующего распространение на запад русского влияния.

Отличие либерального пангерманизма от его радикальной версии заключалось в том, что либералы предлагали не только и не столько военные методы борьбы с «русской угрозой», сколько акцентировали идеологическую и дипломатическую обработку объекта нападения, в идеале – доведение его до состояния упадка и разложения, когда необходимые территории со всей инфраструктурой отпадут от него сами и останутся их только подобрать. По мнению сторонников такого метода, сделать это будет легко, поскольку Россия – не единое государство и никогда им не была. Это лоскутное одеяло, «сшитое» из территорий, которые присоединила к себе Московия в своем стремлении покорить пространства от Константинополя до Владивостока, от Вены до Пекина. Захваченные земли и народы объединяет лишь неограниченная власть царя. И стоит поощрить уже существующие между центром и окраинами противоречия, как они примут форму непреодолимой вражды, которая и приведет к распаду русского колосса («Zerlegung des russischen Kolosses»)⁷.

Очевидно, все эти планы не были оригинальным изобретением «политических профессоров», они впитали в себя идеи, носившиеся в воздухе по крайней мере с середины XIX в. и укреплявшиеся по мере того, как Германия превращалась в единое государство, быстро растущее экономически и остро нуждающееся в новых территориях. Наконец, в течение первого десятилетия XX в. они перестали быть сугубо теоретическим явлением и проникли во внешнеполитическую доктрину империи.

В этот период в ходе общеевропейских политических трансформаций произошла резкая активизация Германии, Австро-Венгрии, Британии, Франции и России на региональном уровне, что привело к стремительному вовлечению в круговорот европейской политики малых стран и народов, не имевших своих государств. Среди последних были и украинцы Российской империи – один из самых многочисленных народов державы, который в XIX – начале XX в. находился в начале пути нациотворения.

В теле украинского этноса в это время начали происходить сложные, неоднозначные, нелинейные «культурные, политические, психологические

---

⁶ Rohrbach P. Deutschland unter den Weltvölkern. Stuttgart, 1921. S. 161–162.

⁷ Rohrbach P. Rußland und wir. Stuttgart, 1915. S. 19.

процессы, направленные на выработку специфических национальных черт и признаков»⁸, и во главе этих процессов встало украинское национальное движение. Происходящее было в основном результатом естественного развития украинцев как этноса в составе Российской империи, и управление этими процессами требовало большой политической деликатности со стороны государства.

Российские власти такой деликатностью не обладали, что было отчасти обусловлено спецификой государственной модели империи, отчасти – тем местом, которое украинцы занимали в ее идеологии и концепции внутренней безопасности. «Малороссы» считались неотъемлемой частью русской нации, и любые попытки обособления с их стороны воспринимались и российским обществом, и властями как «прямая угроза национальной и государственной целостности России»⁹. Географическая же и этнокультурная близость украинских земель к Польше напоминала о том, что тлеющий польский пожар может перекинуться и на Украину, заставляла смотреть на «украинский вопрос» как на польскую интригу (причем, не всегда безосновательно) и принимать «санитарные меры», направленные на подавление украинского национально-общественного движения в его культурных и тем более политических проявлениях.

Результат оказался прямо противоположным ожидаемому: украинофильское движение не умерло, но было вытеснено из России в Австро-Венгрию, где начало быстро «мутировать» и приобретать ранее не свойственный ему взрывоопасный потенциал. Если первоначально оно имело преимущественно этнокультурную форму, то к началу XX в. политизировалось и взяло на вооружение идеи отделения Украины от Российской империи. Среди украинофилов распространились антироссийские и антирусские настроения. И, наконец, из чисто внутренней проблемы Российской империи «украинский вопрос» превратился в проблему международную, и в этом качестве был воспринят германскими политическими элитами.

В середине 1900-х гг., на фоне неудачных попыток германской дипломатии возобновить союзнические отношения с Россией и оформления Тройственного соглашения в составе Франции, Великобритании и России, резко возрос интерес германского правительства к способам дестабилизации внутрисоюзной ситуации в России. По личному поручению германского императора Т. Шиман, О. Хётч и П. Рорбах приступили к изучению возможностей сотрудничества с украинским национальным движением и апробации на нем «политики революционирования» (*Revolutionierungspolitik*).

Хётч, а затем и Рорбах приезжали в Россию и познакомились с представителями движения «младоукраинцев» и его лидером Михаилом Грушевским¹⁰. Поездки эти, однако, показали, что революционирование Украины – проект сложный, для воплощения которого потребуется много времени и усилий, а главное – помощь русинского национального движения. Дело в том, что основная масса украинского населения Российской империи еще не

---

⁸ *Марчуков А.В.* Украинское национальное движение. УССР. 1920–1930-е годы. Цели, методы, результаты. М., 2015. С. 28.

⁹ Там же. С. 55.

¹⁰ *Куряев О.О.* Український чинник у системі політичних інтересів Відня та Берліна (1848–1914) // Український історичний журнал. 2006. № 1. С. 47.

мыслила национально-политическими категориями и не принимала самостийнические идеи. Упомянутые процессы нациотворения затрагивали в этот период в основном интеллигенцию, которая была тесно связана с национальным движением в Галиции. Концепция соборности украинских земель, Руси-Украины, увязывание национальных и социалистических идей, антироссийские и антирусские импульсы – все это в основном рождалось в Галиции и уже оттуда проникало в Россию.

Поэтому в Берлине был сделан вывод, что революционизирование Надднепрянщины будет наиболее быстрым и результативным, если оно произойдет через единение галицийского и надднепрянского национального движения. В качестве же идеального медиума была выбрана возникшая в начале XX в. в Галиции крупная община украинцев-социал-демократов, эмигрировавших из России. Перейдя на позиции радикального «самостийничества», они возненавидели Российскую империю вплоть до готовности воевать с нею. Первоначально, правда, они рассчитывали на союз с Веней, но, так как для Вены приоритетным всегда оставался польский вопрос, симпатии эмиграции стали склоняться на сторону Берлина.

Судя по документам российской полиции, к 1914 г. в результате германо-украинского сотрудничества была создана декомпозиционная матрица, основными «ячейками» которой стали политэмиграция в Европе, «мазепинские» и сочувствующие им силы в России, а также организации типа «Просвіти», «Січі», сокольских объединений. Проиллюстрировать работу этой сети мы попытаемся на примере Союза освобождения Украины (СВУ).

СВУ был тем идеальным союзом надднепрянцев и галичан, о котором мечтали в Берлине. Он был создан 4 августа 1914 г. во Львове и официально прекратил свою работу в 1918 г. Первоначально Союз возглавляли Дмитрий Донцов и Николай Зализняк, которых позже сменил президиум в следующем составе: А. Жук, Д. Донцов, В. Дорошенко, Н. Зализняк, М. Меленевский, А. Скоропис-Йолтуховский. До 1915 г. организация располагалась в Вене и финансировалась австрийским МИДом, а в 1915 г. переехала в Берлин и перешла в ведение Прусского военного министерства, германского МИДа и Общества по содействию внутренней колонизации. Представительства Союза помимо Германии и Австро-Венгрии были созданы в Швейцарии, Италии, Болгарии, Румынии, Турции, Швеции и Норвегии. Эмиссары СВУ работали также в США и Канаде.

СВУ подавался как «беспартийная организация», «орган представительства украинского народа, живущего в пределах русской Украины», главной целью которого является «образование независимого правительства и свободного украинского государства»¹¹. В его деятельности, следовавшей принципам «политики революционизирования», можно выделить несколько ключевых направлений: работа с военнопленными, работа непосредственно с населением украинских земель в составе России и дипломатическая деятельность.

Наиболее значимой была работа СВУ в лагерях для военнопленных. Надо сказать, что пленные солдаты и офицеры российской армии практически сра-

---

¹¹ ГА РФ. Ф. Р-5325сч. Оп. 4. Д. 33. По поводу инсинуаций Н. Троцкого в газете «Голос». 1914 г. Л. 11.

зу стали объектом пристального внимания германских военно-политических служб. По мнению Генштаба Германии, «вне зависимости от того, будут ли достигнуты германские цели войны, в интересах империи поддерживать центробежные силы в России», для чего представители различных национальностей должны настроиваться против существующего «автократически-деспотического режима»¹².

Уже в начале 1915 г. МИД Германии определил украинцев «в качестве народности, подлежащей отделению от русских военнопленных»¹³, и весной того же года их стали помещать в специальные лагеря, условия содержания в которых считались привилегированными. В этих лагерях СВУ совместно с немецкими чиновниками занимался культурно-просветительской и гуманитарной деятельностью, направленной на пропаганду идей «самостийничества».

Обычно эта работа велась по одной схеме: в лагерях создавались библиотеки и читальные залы, музыкальные коллективы, различные курсы (в первую очередь – украинского языка, литературы и истории для неграмотных) и типографии, в которых печатались лагерные журналы. Все вместе это должно было способствовать «формированию национального самосознания солдат-украинцев»¹⁴, поднятию «украинского патриотического, антироссийского духа» и распространению среди пленных «идеи политической самостоятельности украинской нации»¹⁵.

Фактически в лагерях для военнопленных при помощи СВУ удалось создать настоящие фабрики, специализировавшиеся сначала на производстве просто «свідомих українців», а с 1917 г. – украинских солдат, так называемых синежупанников и серожупанников, которые должны были стать основой украинской национальной армии и защищать независимую Украину от большевиков¹⁶. Однако их боевой путь оказался достаточно скромным.

Результаты работы СВУ в лагерях для военнопленных можно оценить двояко. С одной стороны, СВУ удалось превратить эти лагеря в места интенсивнейшей стимуляции национального самосознания, просвещения и воспитания в радикально патриотическом духе. Но сформировать в них целый социальный слой, который был бы опорой власти в независимой Украине и одновременно проводником колониальных интересов Германии, так и не удалось. С другой стороны, пропаганда сепаратизма в лагерях стала одним из ключевых факторов появления украинского националистического движения.

---

¹² Колоницкий И.Б. Эмиграция, военнопленные и начальный этап германской политики «революционирования» России (август 1914 – начало 1915 г.) // Русская эмиграция до 1917 года – лаборатория либеральной и революционной мысли: Сб. ст. / ред.: Ю. Шеррер, Б. Ананьич. СПб., 1997. С. 201.

¹³ Нагорная О.С. Другой военный опыт: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). М., 2010. С. 168.

¹⁴ Магурчак А.М. Андрій Жук і Фрайштадський табір полонених вояків-українців: невідомі сторінки // Гуманітарний журнал. 2012. № 4. С. 46.

¹⁵ Там же.

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-5889. Оп. 1. Д. 9. Краткий отчет о деятельности Военно-Санитарной Комиссии Украинского Военного министерства по делам военнопленных в Германии за время председательствования в ней К. Новохацкого. 1918 г. Л. 5–13.

Помимо «революционизирования» пленных на СВУ была возложена задача революционизирования собственно Юго-Западного края Российской империи. Сеть созданных Союзом или дружественных ему ячеек, филиалов и студенческих кружков распространяла воззвания «с призывом к мятежу», расхваливала Германию и разъясняла ее намерение даровать Украине свободу. Но особенно опасным было распространение на Левобережной Украине так называемых «украинских милитарных организаций» («Сокіл», «Січ» и других), очагом распространения которых была восточная Галиция и которые снабжались из Австрии контрабандным оружием¹⁷. Наибольшее беспокойство вызывали у российских властей «сечевые» организации, о сотрудничестве которых с украинскими эмигрантами было известно еще до войны¹⁸. Однако, похоже, в российском МВД не представляли истинного масштаба такого сотрудничества и сути связей между СВУ и «сечевиками». Объяснить это можно тем, что наиболее тесное сотрудничество между «Сечью» и СВУ осуществлялось на территории Германии и Австро-Венгрии.

Негативные последствия этой деятельности были очевидны: они революционизировали украинскую интеллигенцию, особенно молодых людей, дезориентируя ее политически, прививая сепаратистские настроения и надежду на решение «украинского вопроса» с помощью внешних сил. Несмотря на то что к германофилам население Украины в своем большинстве относилось скептически, призывы «оказывать Германии всяческое содействие к окончательной победе над Россией, так как только Германия даст угнетенному украинскому народу полную независимость»¹⁹, все же находили сочувствующих. В любом случае, разработка проекта «Самостийная Украина»²⁰, пусть даже и не в откровенно прогерманской форме, вполне укладывалась в контекст политики «декомпозиции» и объективно способствовала реализации именно германских интересов, не имевших ничего общего с интересами украинского народа.

Наконец, еще одним, важнейшим, направлением деятельности Союза Освобождения Украины стала дипломатия. Основной целью дипломатической работы СВУ были Германия, Австро-Венгрия и Турция, но ими международная деятельность СВУ не исчерпывалась.

Стараясь довести свою версию истории «украинского вопроса» до политиков и общественности как можно большего числа европейских стран, Союз в самом начале своей работы направил в ряд дипломатических представительств и пресс-агентства крупных газет, находившиеся в Вене, воззвания. В них сообщалось, что «СВУ берет на себя великое историческое обяза-

---

¹⁷ Там же. Ф. 5325. Оп. 4. Д. 35. Отношение Начальника Варшавского Охранного Отделения Начальнику Полтавского Губернского Жандармского Управления, 14 июня 1914 года № 4247. Л. 1–2.

¹⁸ Там же. Д. 34. Агентурные сведения Полтавского Губернского Жандармского Управления по украинскому движению, 17 марта 1914 г. № 168. Записка № 1. 16 марта 1914 г. Л. 16–17.

¹⁹ Там же. Д. 36. Отношение Департамента Полиции Начальнику Киевского Губернского Жандармского Управления, 16 марта 1916 года, № 102774. Л. 1–2.

²⁰ Там же. Отношение Начальника Полтавского Губернского Жандармского Управления Директору Департамента Полиции, 4 июня 1916 года № 3005. Л. 8.

тельство разоблачить брехню московского панславизма, защитить культуру, спокойную, обеспеченную жизнь Европы, европейский мир от московского варварства, решить судьбу Украины»²¹. Клеймя «империалистическую» политику России по отношению к украинцам, СВУ призывал братьев-болгар, чехов, румын, турок, шведов к «выступлению против России, как державы, преследующей завоевательные цели... исключительно для порабощения народов»²². Статьи аналогичного содержания также публиковались печатным органом Союза – «Вестником СВУ», который распространялся регулярно с 1914 по 1918 г. Кроме того, за годы своей деятельности СВУ выпустил отдельную массу книг, журналов, брошюр, листовок, воззваний на украинском, немецком, французском, английском, венгерском, турецком и других языках, посвященных тому же предмету.

Вообще международная информационно-пропагандистская деятельность СВУ была поставлена хорошо, имела значительные масштабы и невозможно не признать, что она значительно повысила интерес Европы к «украинскому вопросу» и усилила его международное звучание. Правда, при этом сколь-нибудь значимую поддержку проекту «Самостийная Украина» по-прежнему оказывали только Германия и ее союзники. Несмотря на то что СВУ пытался охватить и страны Антанты, их интерес к «украинскому вопросу» оставался довольно слабым. Это дает повод предположить, что вне германского декомпозиционного курса эффективность СВУ была все же не столь высокой, как полагают украинские исследователи.

Об этом свидетельствует и собственно дипломатическая работа, которую Союз освобождения Украины вел помимо международной информационно-пропагандистской деятельности. Ее целью было обретение широкой военно-политической поддержки «украинского национально-освободительного движения» на практике. В первую очередь, это было втягивание новых государств в войну против России. Особое значение в связи с этим придавалось Балканским государствам – Румынии и Болгарии, а также Турции, поддержка которых, по мысли членов СВУ, значительно укрепила бы позиции «надднепрянского» эмигрантского и галицкого движений за самостийность, слишком уже зависящих от доброй воли Германии и Австро-Венгрии²³. На Турцию возлагались особые надежды – как-никак сам министр внутренних дел Османской империи Талаат-бей во время встречи с эмиссаром СВУ М. Меленевским одобрительно высказался о борьбе украинцев с «душителницей народов» Россией и пообещал содействовать этой борьбе²⁴. Однако планы создания украинского легиона, который должен был совместно с турецкими войсками

---

²¹ *Патер І.* Міжнародна діяльність Союзу Визволення України (1914–1918 рр.) // Галичина. 2013. Ч. 22–23. С. 174.

²² ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 4. Д. 33. Доклад переводчика при агентуре в Турции М. Мамедова начальнику жандармского управления г. Одессы, 22 сентября 1914 года. Л. 2.

²³ *Патер І.* Указ. соч. С. 176.

²⁴ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 4. Д. 33. Рапорт Начальника Жандармского Управления г. Одессы Начальнику Штаба Одесского Военного Округа от 4 декабря 1914 года за № 3511. Л. 6.

высадиться на Черноморском побережье и развернуть «повстанческое движение» на юге Украины, так и не были реализованы²⁵.

Постепенно германский вектор в международно-дипломатической деятельности СВУ стал доминирующим. Имел место и встречный процесс – рост интереса к «украинскому вопросу» в Германской империи. Создание союза сторонников украинского национально-освободительного движения «Ukraine», начало настоящей кампании в средствах массовой информации, нацеленной на популяризацию «украинского вопроса» внутри страны и создание для него определенного, выгодного для Германии имиджа – все это свидетельствовало о том, что планы Берлина по отношению к Украине, в течение долгого времени довольно расплывчатые, приобрели к 1916 г. четкие контуры. Речь шла уже не просто о максимальной дестабилизации края, но о придании ему нового политико-правового статуса.

Вопрос о характере этого статуса решили революционные события 1917 г. Летом этого года Украина превратилась в автономию в составе России, что, впрочем, не устраивало ни российскую, ни украинскую сторону. СВУ приложил все силы для того, чтобы автономия трансформировалась в суверенное государство под эгидой Германии и Австро-Венгрии. Союз стал посредником в налаживании контактов между Центральной Радой УНР и немецким правительством и приложил максимум усилий, чтобы украинская сторона, вступив в брестский переговорный процесс, заключила сепаратный мирный договор с Центральными державами, тем самым помешав России выступить «в качестве единственного правомочного правительства бывшей Российской империи»²⁶. Комментируя эти события, один из лидеров СВУ Андрей Жук писал: «Теперь судьба нашего народа тесно связана с судьбой немецкой нации. И нас наполняет удовлетворением то обстоятельство, что мы были... пионерами этой идеи в годы войны, что наша организация – Союз освобождения Украины не только подняла знамя государственной независимости, но и отважилась пойти с этим знаменем в стан врагов. И теперь мы дожили до победы... дожили до жатвы того, что было посеяно»²⁷. Но жатва оказалась горькой.

Украинская Народная Республика – суверенное национальное государство, создания которого добивался Союз освобождения Украины, – просуществовала менее четырех лет. Как родившийся раньше времени ребенок, оно оказалось нежизнеспособным. Искусственная, внешняя стимуляция сепаратизма, которым занимался СВУ под эгидой Германии, привела к закреплению прогерманского вектора сначала национального движения, потом «украинской национальной революции» 1917–1921 гг. и первого украинского национального государства, но не повысила готовность народа Украины к самостоятельному существованию. Собственно, этого самостоятельного существования и не было, поскольку сразу после объявления независимости УНР оккупировали войска Германии и Австро-Венгрии, и в стране было фак-

---

²⁵ Патер І. Указ. соч. С. 177.

²⁶ Михутина И.В. Украинский Брестский мир // Восточная Европа после Версаля. СПб., 2007. С. 20.

²⁷ Цит. по: Патер І. Міжнародна діяльність Союзу Визволення України... С. 184.

тически введено внешнее управление. Все это только усиливало экономический и политический хаос в молодом украинском государстве, препятствуя его нормальному развитию. После поражения стран Четверного союза в Великой войне начался беспорядочный дрейф УНР, за которым последовала его «декомпозиция» – распад и раздел украинских земель между соседними государствами.

«И теперь мы дожили до жатвы того, что было посеяно. Но найдутся ли жнецы, сумеют ли они выйти на поле по-хозяйски?»²⁸ Вопрос остается открытым до наших дней.

---

²⁸ *Патер І. Міжнародна діяльність Союзу Визволення України... С. 184.*

«ОКОНЧЕН РОМАНОВСКИЙ СЕАНС»: ЭКРАННЫЙ ОБРАЗ НИКОЛАЯ II В 1917 ГОДУ

*Лиманова Светлана Андреевна, к.и.н.
(Архив Российской академии наук)*

Ах, если бы наша жизнь была похожа
на послушную кинематографическую ленту!..
Повернул ручку назад – и пошло-поехало...¹

В Российской империи рубежа XIX–XX вв. происходила все нарастающая «борьба за умы» – за информационное и идеологическое пространство. Возникавшие по мере развития революционной деятельности технологии дискредитации власти во многом выстраивались интуитивно, а показателем их эффективности становилась реакция городской столичной публики. Свой вклад в создание «революционной ситуации на местах» внесли и те, кто методично распространял изобличающие самодержавие подпольные листовки, брошюры, воззвания, нелегальные журналы, и те, кто способствовал циркуляции всевозможных городских слухов и сплетен². В 1917 г. этот процесс стал легальным и достиг своего апогея. К потоку «сенсационных новостей» на страницах газет и журналов присоединился и подцензурный ранее кинематограф.

Появившийся на исходе XIX в. в виде «царских хроник» кинематограф в первые десятилетия XX в. сумел занять почетное место среди досуговых развлечений горожан. Демонстрация новых документальных картин и игрового кино начиналась со столиц, распространяясь затем в провинциальные синема. К концу 1916 г. по всей империи насчитывалось около четырех тысяч кинотеатров, которые ежедневно посещали порядка двух миллионов человек³. Кинематограф находился на самоокупаемости, поэтому ради собственного процветания кинопрокатчики вынуждены были подстраиваться под вкусы зрителей. Правда, на определенном этапе была предпринята попытка «скорректировать» эти вкусы, превратив кино в один из способов репрезентации монархии, но в силу разных причин он оказался не настолько действенным, как ожидалось⁴. В годы Первой мировой войны вопрос о монополизации ки-

¹ Аверченко А.Т. Кубарем по заграницам. М., 2013. С. 97.

² См.: Листовки из собрания Центрального музея революции СССР. 90-е гг. XIX в. – 1904 г. Каталог. М., 1984; Андреев Д.А. Технологии дискредитации: опыт «Освобождения» П.Б. Струве // Свободная мысль-XXI. 2003. № 11 (1537). С. 67–77.

³ Ханжонков А.А. Первые годы русской кинематографии. М., 1937. С. 102.

⁴ См.: Лиманова С.А. «Царская кинохроника» и экранный образ Николая II // Неприкосновенный запас. 2016. № 3 (107). С. 33–44.

ноиндустрии неоднократно поднимался, однако царское правительство так и не приступило к его решению.

В 1917 г. столичный репертуар насчитывал 514 фильмов, половину из которых составляли импортные кинокартины⁵. Как вспоминал монтажер Л.Б. Фелонов, наибольшей популярностью у зрителей пользовались в то время любовные сюжеты и фильмы с трагическим концом. Если какие-то иностранные картины, завершившиеся, например, счастливым поцелуем, казались недостаточно трагическими, «русские прокатчики от себя снимали трагические концы: она его убивала или он ее убивал. Публика жаждала крови...»⁶ Что же касается кинохроник, интересное свидетельство дает известный кинопромышленник и режиссер А.А. Ханжонков: «Февральская революция была встречена кинематографистами радостно. Однако все растерялись, и первые дни революции 26–28 февраля так и не были засняты»⁷. Впрочем, в дальнейшем кинематограф проявил поразительную приспособляемость к политической конъюнктуре. В частности, на скорую руку снимались сюжеты, внесшие свою лепту в развенчание «священного образа» императора Николая II.

История дореволюционного киноискусства и советского кино хорошо изучена с точки зрения репертуара, финансирования, прокатных технологий и конкурентной среды, в гораздо меньшей степени – сами экранные образы, причины их притягательности, степень влияния на формирование личностных взглядов зрителей, а также другие взаимосвязанные аспекты – появление спроса на определенные сюжеты, пределы вариативности тех или иных образов, их уникальность и сохраняющаяся востребованность. Подобные характеристики приобретают особую значимость в переходные периоды общественно-политической жизни, тем более когда речь идет о воплощении на киноэкране не вымышленных героев, а всем хорошо известных, реальных действующих лиц.

Вместе с тем сложность такого анализа фильмов за 1917 г. заключается в том, что большинство из них утрачены или сохранились лишь частично. Вот почему обращаться приходится к так называемым «вторичным» источникам – анонсам кинокартин и заметкам о них в периодике, рецензиям, записям и воспоминаниям самих деятелей киноиндустрии, работам ранних исследователей кино. Совокупность этих источников дает представление об особенностях экранного образа последнего императора в 1917 г. и его влиянии на последующие киновоплощения.

2 марта Николай II подписал отречение от престола, 8-го был арестован, а уже 12 числа на экраны вышла первая «сенсационная картина» «Темные силы – Григорий Распутин и его сподвижники». Появление нового киногероя (антигероя) по времени совпало с известием о прекращении расследования дела об убийстве Распутина и слухами об осквернении его могилы, а по сути являлось продолжением многочисленных сплетен и похабных карикатур последних лет царской власти, которые будто «ожили» на киноэкране. «Святой

---

⁵ Подробнее см.: *Росоловская В.С.* Русская кинематография в 1917 г. М.; Л., 1937. С. 100–101.

⁶ *Фелонов Л.Б.* «Всю свою жизнь я без конца перематываю куски пленки...» // Киноведческие записки. 1999. № 4. С. 359.

⁷ *Ханжонков А.А.* Первые годы русской кинематографии. С. 104.

«черт», «лучший друг» и «главный советчик» императора – такими эпитетами награждали Распутина. В демонизации его образа, намеренном утрировании «способностей» и «влияния» проглядывало не что иное, как продолжение уничтожения свергнутого монарха.

Кинокартина пришлась кстати и оказалась востребована публикой. Менее чем через месяц вышло ее продолжение, а затем еще целая серия фильмов аналогичного содержания – «Любовные похождения Гришки Распутина», «Таинственное убийство в Петрограде 16 декабря» и т. п. Образ Распутина, воплотивший весь мрак и безнадежность царского режима, занял прочное место в ассоциативном ряду рядом с Николаем II. Аллегоричность сравнения была замечена не только в России. Быстро и надолго забытый у себя на родине, киногерой Распутин стал крайне популярен в западном кинематографе⁸.

Успех фильмов о Распутине во многом обеспечивался тем, что помимо банального игрового сюжета включал кадры кинохроники. В конце 1916 г. кинофирме А.О. Дранкова удалось заснять поиск полиции трупа Григория Распутина и само место убийства у Юсуповского дворца. Использование кинохроники придавало большую убедительность всему, происходящему на экране, проецируя иллюзию достоверности и на сцены, сыгранные актерами. «Распутинское кино» совместило в себе злободневность (действующие лица – реальные люди), трагичность (убийство Распутина) и наличие любовной линии («Гришка и Александра», «Николай и Балерина»), иными словами, все то, что так любил зритель того времени. (И, похоже, не только того. В 1927 г. уехавшим в Америку А.О. Дранковым была предпринята первая попытка развить сюжет «Николай и Балерина», сняв фильм о Николае II и Матильде Кшесинской. Но тогда проект не был реализован.)

Желая реабилитировать нравственность зрителей, газета «Петроградский листок», разместила обличительную статью «Гришка на экране». Начиналась она утверждением, что «наскоро испеченная белиберда о Гришке Распутине» провалилась в больших кинематографах, однако приведенные в статье подробности свидетельствовали скорее об обратном – толчея в кинотеатре из-за большого количества желающих посмотреть, громкое обсуждение, смакование отдельных сцен и т. д. Образ «единодержавного мужика» явно затмевал образ монарха. Вслед за надписью «сеанс окончен» послышались реплики: «Да, окончен романовский сеанс, триста три года длился!»⁹

Между тем показ подобных кинокартин мог бы вообще не состояться. С просьбой об этом еще до начала проката выступила инициативная группа актеров, опубликовавшая открытое письмо. Однако представители Временного комитета по регламентации театральной жизни Москвы (Г. Бурджалов, А.М. Самарин-Волжский, Л.Н. Штенфильд) не нашли в представленных сюжетах ничего предосудительного. Убрана была только одна сцена, якобы «оскорбляющая» нравственные и религиозные чувства зрителей.

Это была сцена, в которой Распутин учил смирению¹⁰. Исследователи советского кино, бывшие невысоко мнения о художественной ценности такого

---

⁸ См.: Федоров А.В. Трансформация образа России на западном экране. М., 2015. С. 62–67.

⁹ Петроградский листок. 1917. № 71. С. 14.

¹⁰ Летопись Российского кино. 1863–1929. М., 2004. С. 212, 214; см. также: Вишневский В.Е. Художественные фильмы дореволюционной России. М., 1945; Он же. Документальные фильмы дореволюционной России. М., 1996.

рода кинокартин, называли их «псевдоразоблачительными». Они сходились во мнении, что дальше показа на экране порочности правящей верхушки дело не шло: Временному правительству выгодно было очернить личность Николая II, но не саму систему, т. к. после Февральской революции продолжали существовать «буржуазные порядки»¹¹. По этой же причине фактически проигнорированным осталось и обращение.

Вскоре к «распутинскому циклу» добавились фильмы о покушениях террористов на царских чиновников и представителей династии Романовых – «В борьбе обрешь ты право свое», «Вы жертвою пали в борьбе роковой», «Софья Перовская» и др., а также кинокартины, выводящие разных одиозных персонажей недавнего прошлого, – «Люди греха и крови», «Георгий Гапон», «Торговый дом Романов, Распутин, Сухомлинов, Мясоедов, Протопопов и Ко» и т. д. Обилие такого рода кинокартин привело к тому, что Временное правительство все же было вынуждено вернуться к частичной цензуре.

Новый подход в изобличении проблем и противоречий завершившегося царствования был продемонстрирован в фильме «Царь Николай II, самодержец всероссийский». Это был первый опыт нового прочтения «царских кинохроник», впоследствии неоднократно использовавшийся кинематографистами. «Царские кинохроники» снимались на всем протяжении правления Николая II, начиная с торжества коронации в 1896 г., и включали все самые яркие, в основном церемониальные события из жизни царского двора. Их показ должен был работать на престиж монархии. В фильме же, снятом по сценарию А. Вознесенского режиссером А. Ивониным при участии публициста В. Бурцева, им отводилась совсем иная роль.

Картина строилась на чередовании кадров «царской хроники» с игровым сюжетом, согласно которому крестьянский мальчик Петя Горелов попадал в большой город и, увидев все ужасы царской власти, становился революционером. Контраст роскоши и нищеты, бесполезно-однообразных высочайших выходов и элементарных нужд простых людей – вот что должен был увидеть зритель. В рекламных объявлениях фильм обозначался как «народная трагедия», а рецензенты называли его «агитационной брошюрой на экране». На афишах размещалось шаржированное изображение Николая II в короне, со скипетром и державой в руках на фоне виселиц с повешенными¹². Примечательно, что фильм выпустило московское отделение Скобелевского комитета – той самой организации, которая прежде должна была отвечать за популяризацию положительного образа монарха.

Для публики, которой «царская кинохроника» демонстрировалась ранее исключительно с соблюдением особых предписаний (отдельно от развлекательных картин, при соблюдении тишины, без музыкального сопровождения или с исполнением гимна, маршей и т. д.), это могло стать уникальным зрелищем. Однако картина вышла незадолго до октябрьских событий, поэтому ее практически никто не видел. Зато, по сведениям «Кине-журнала», показ «некорректированной копии» заинтересовал американских инвесторов, и якобы даже был заключен контракт на продажу негатива фильма в Европу и

---

¹¹ Гинзбург С.С. Кинематография дореволюционной России. М., 1963. С. 352–353.

¹² Россоловская В.С. Русская кинематография в 1917 г. С. 140.

Америку¹³. В настоящее время фильм считается утраченным. По его подобию были сняты киноагитки «Бог правду видит, да не скоро скажет», «Так было, но так не будет» и др.

Трудно сказать остались ли бы востребованными такого рода кинокартины, равно как и то, насколько широко они успели распространиться по стране за непродолжительный период с марта по октябрь 1917 г. Вполне вероятно, что столичная публика потеряла бы к ним интерес так же быстро, как когда-то к официальной «царской кинохронике». Советская власть выбрала другой путь: 27 августа 1919 г. В.И. Ленин подписал декрет о национализации кинодела. В память о 1917 г. были смонтированы и сохранились такие фильмы, как «Великие дни Российской революции», «Хроника революции в Петрограде», «Похороны жертв революции» и др., послужившие в дальнейшем созданию культа Октябрьской революции. Однако огромный успех кинокартины Э. Шуб «Падение династии Романовых» (1927 г., к 10-летию Октября) и более позднего фильма Э. Климова «Агония», задуманного к 50-летию юбилею Октября, но выпущенного на экраны только в 1975 г., свидетельствовал о том, что тема дореволюционного прошлого по-прежнему вызывала интерес зрителей, несмотря на все попытки «замолчать» и «забыть».

Один из рецензентов фильма «Агония», известный киновед Р. Юренев, не желавший выхода данной киноленты в прокат, дал яркое и развернутое объяснение своей позиции, отразившее и связь времен, и страхи советских деятелей перед возможными аллюзиями: «Фигура Распутина – грязная, страшная, по-своему очень яркая и колоритная, как нельзя лучше характеризует разложение правящей верхушки царской России, приведшей ее к гибели. Недаром Распутин стал главным героем кинематографии Временного правительства, когда отмена царской цензуры и мелкобуржуазная спекулятивная “революционность” дали возможность протаскивать порнографию под видом разоблачительства. Недаром в истории советского кино фигура Распутина не была использована: моральная чистота, скромность советского кино не позволяли вытаскивать на экран эту грязь даже в целях разоблачения царизма... Посмеяться над прогнившим царизмом к пятидесятилетию его падения? ...Мне не хотелось бы видеть эту “клубничку” в советской картине»¹⁴. Парадокс заключался в том, что «распутинщина» на киноэкранах той поры с легкостью могла стать «метафорой брежневского разложения» – в этом была сила и магия кино.

Таким образом, все столичные киноленты 1917 г., посвященные деятелям и событиям правления Николая II, способствовали выведению на широкий экран и закреплению в сознании зрителей резко негативного образа отрекшегося императора. Попустительство Временного правительства в этом вопросе и жажда наживы кинопрокатчиков сыграли свою роль в окончательной десакрализации образа монархии и дискредитации династии. На протяжении веков создаваемый и поддерживаемый облик «помазанника божьего» заменила жалкая экранная копия царя, зависимого от своего окружения и наплевательски относившегося к подданным, а наиболее пикантные сюжеты того времени остались «живучими» вплоть до наших дней.

---

¹³ Летопись Российского кино... С. 227.

¹⁴ Цит. по: *Фомин В.* Как снималась «Агония» // *Родина.* 2005. № 2. С. 52–53.

ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИИ С ПОЛИТИЧЕСКИМ РУКОВОДСТВОМ ФИНЛЯНДИИ В МАРТЕ–ОКТЯБРЕ 1917 г.

*Лысенков Николай Александрович, к.и.н.
(Российский государственный архив
социально-политической истории)*

Финляндия вошла в состав Российской империи в 1809 г. на условиях личной унии, когда император Александр I стал одновременно великим князем финляндским. Великое княжество Финляндское было особой частью империи, почти независимым государством, у которого были свои сословно-представительные учреждения, валюта (правда, финляндская марка появилась не сразу, до нее ходил русский рубль), таможня и вооруженные силы. Управлял Финляндией от имени императора генерал-губернатор, который был также главой сената. Функции правительства выполнял хозяйственный департамент сената, председателем которого тоже формально считался генерал-губернатор. Фактически его главой был вице-председатель хозяйственного департамента сената, который назначался генерал-губернатором по согласованию с сеймом (парламентом). Кроме того, в Санкт-Петербурге находился статс-секретариат по делам великого княжества Финляндского, который выполнял как функции министерства по финляндским делам, так и функции представительства Финляндии в империи. Статс-секретарь должен был, по финляндским законам, назначаться из числа финляндцев.

В правление Николая II предпринимались попытки существенно ограничить автономию Финляндии и привести финляндские законы в соответствие с общеимперским законодательством. Финляндия в этот период также лишилась своей армии. Все это существенно подорвало доверие к России в финляндском обществе, способствуя появлению движения за независимость, а в годы первой мировой войны – германофильских настроений.

Февральская революция означала поворот в политике по отношению к Финляндии на 180 градусов. Вместо прежнего курса на русификацию, новая власть с первых же дней своего существования стала делать шаги навстречу финнам. Уже 3 (16) марта командующий Балтийским флотом А.И. Непенин пригласил финляндских политических деятелей на флагманское судно «Кречет» и сообщил им о революции в России, образовании Временного правительства и об аресте генерал-губернатора Ф.А. Зейна и его помощника М.М. Боровитинова¹ (оба были вскоре отпущены). На следующий день

---

¹ Новикова И.Н. Финская карта в немецком пасьянсе: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб., 2002. С. 136.

Временное правительство отменило общеимперское законодательство в Финляндии².

Решением Временного комитета Государственной думы от 1 (14) марта комиссаром в статс-секретариат по делам великого княжества Финляндского был назначен Ф.И. Родичев. В качестве помощников он привлек депутата Государственной думы И.М. Рамота и депутата первой Государственной думы Д.Д. Протопопова³. Существует изображение министров Временного правительства первого состава, на котором Родичев назван «министром по делам Финляндии». Родичева собирались назначить на эту должность, но этого не произошло по следующей причине: когда был утвержден состав правительства, выяснилось, что у Финляндии уже есть свой министр статс-секретарь, который курирует ее дела, не входя при этом в состав правительства. Новым министром статс-секретарем стал К. Энкель⁴ вместо прежнего В.И. Маркова⁵ (Родичев не мог быть назначен статс-секретарем, так как он не был финляндцем⁶).

После своего назначения Родичев отправился в Гельсингфорс для переговоров с финляндскими политическими деятелями (одновременно в Петрограде делегация финляндских политиков вела переговоры с его помощником Протопоповым). В интервью журналистам комиссар по делам Финляндии так изложил программу Временного правительства⁷: «Я уверен, что Фин-

---

² Постановление Временного правительства об отмене общеимперского законодательства в Финляндии от 4 (17) марта 1917 г. // Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. Март–апрель 1917 г. М., 2001. С. 29.

³ *Николаев А.Б.* Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 года. СПб., 2005. С. 319.

⁴ Выбор Карла Йохана Энкеля (в России – Карл Карлович), по-видимому, был обусловлен его обширными деловыми связями в России, а также происхождением: Энкель был потомственным офицером русской армии (см. *Витухновская-Кауттала М.А.* Карл Энкель, последний министр статс-секретарь Финляндии (апрель–ноябрь 1917 г.) и его российские политические контакты // Петербургский исторический журнал, 2015. № 3 (7). С. 119).

⁵ *Юссилла О.* Великое княжество Финляндское. 1809–1917. Хельсинки, 2009. С. 745.

⁶ Речь. 1917. 14 (27) марта.

⁷ Первый состав Временного правительства в национальном вопросе исходил из программы партии кадетов, которая на своем учредительном съезде в октябре 1905 г. обещала гарантировать всем населяющим Россию народам культурную автономию, а также восстановить территориальную автономию Польши и Финляндии (см. *Анисимова И.В.* Политика Временного правительства в решении «национального вопроса»: подходы и методы реализации региональных вариантов // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 2 (90). С. 16–17; *Трунов К.Н.* Партия кадетов и финляндский вопрос (1905–1917 гг.) // Клио. 2015. № 1 (97). С. 101–105). Однако утверждение К.Н. Трунова, что «именно в финляндском вопросе кадетская партия полностью оправдала свое второе название – Партия народной свободы», является верным только применительно к периоду до прихода кадетов к власти, когда они выступали против ограничения автономии Финляндии императорским правительством. После февраля 1917 г., как мы увидим ниже, партия кадетов во Временном правительстве стала проводить другую политику.

ляндия оценит ту позицию, на которой стоит Временное правительство, и проникнется полным доверием к нему. Я полагаю, что все зависит от линии нашего поведения. А она ясна: мы должны питать полное доверие к финляндцам и помнить, что доверие рождает – доверие»⁸.

Воплощением этой программы стал манифест Временного правительства от 7 (20) марта, которым была подтверждена автономия великого княжества, отменены законы, противоречащие финляндскому законодательству, объявлена политическая амнистия. Временное правительство также обещало созвать сейм (который был избран в 1916 г., но так и не был созван) и внести в него проект новой формы правления для великого княжества Финляндского (основного закона), которым будут расширены его полномочия. «Мы торжественно сим актом подтверждаем финляндскому народу, на основе его конституции, незыблемое сохранение его внутренней самостоятельности, прав его национальной культуры и языков. Мы выражаем твердую уверенность, что Россия и Финляндия будут отныне связаны уважением к закону, ради взаимной дружбы и благоденствия обоих свободных народов», – такой фразой завершался манифест⁹. В тот же день, 7 (20) марта, Временное правительство приняло еще два постановления, касающихся великого княжества: о созыве сейма и о назначении генерал-губернатором М.А. Стаховича¹⁰.

Как записал в своем дневнике финляндский социал-демократ К. Вийк, участник переговоров с Родичевым и Протопоповым, текст манифеста 7 (20) марта составлялся финляндскими политическими деятелями – представителями буржуазных партий и социал-демократами, которые представили Д.Д. Протопопову два проекта манифеста. После консультаций представителей финских партий, они договорились между собой об окончательном проекте манифеста и об образовании сената, который сформировали социал-демократы как партия большинства сейма. «Токой предложил решение, сказал (поскольку я могу это вспомнить в 1939 г.¹¹), он противится решению, чтобы русское правительство образовало [финское] правительство из большинства в ландтаге¹². Протопопов был, видимо, не подготовлен для ответа на этот вопрос, он ответил: не может быть возражений, мы не вмешиваемся в ваши дела, мы чисто формально будем придерживаться решения о назначении сената. Это, действительно, очень интересный эксперимент, эксперимент может быть опасным, но лаборатория не наша, а ваша», – писал Вийк¹³.

13 (26) марта Временное правительство утвердило новый состав сената, в который вошли шесть социал-демократов (О. Токой, В. Таннер, В. Войонмаа,

---

⁸ Речь. 1917. 14 (27) марта.

⁹ Манифест об утверждении конституции великого княжества Финляндского и о применении ее в полном объеме от 7 (20) марта 1917 г. // Вестник Временного правительства. № 3. 1917. 8 марта.

¹⁰ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. Март–апрель 1917 г. М., 2001. С. 45.

¹¹ Вийк отредактировал свои дневники в 1939 г.

¹² Шведское название сейма.

¹³ Дневники К.Х. Вийка за 1917–1918 гг. (перевод со шведского на русский) // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 4. Оп. 1. Д. 113а. Л. 15.

В. Вуолиоки, М. Паасивуори и У. Айлио) и шесть представителей буржуазных партий (старофинны А. Туленхеймо и А. Серлакиус, младофинны Е. Сетяля и Р. Холсти, шведоман Э. Эрнрот и аграрий К. Каллио). Вице-президентом хозяйственного департамента сената стал Токой¹⁴.

Вскоре после этого социал-демократы (Э. Гюллинг, К. Вийк и О.В. Куусинен) неофициально обратились к министру юстиции А.Ф. Керенскому с предложением расширить автономию Финляндии и заключить договор «о государственно-правовом отношении Финляндии к России»¹⁵. Обращение именно к Керенскому было вызвано его речью в Гельсингфорсе 16 (29) марта, когда он заявил, что «отныне нет места взаимному недоверию» между Россией и Финляндией¹⁶.

В письме социал-демократов говорилось, что в Финляндии из-за предыдущей политики русификации возникло недоверие к русской государственной власти, и поэтому автономия Финляндии должна быть гарантирована в форме «государственного договора между Россией и Финляндией». В этом договоре авторы письма предлагали записать, что Финляндия как «самостоятельное в своих делах государство» входит в «нерасторжимую унию с Россией», дела внешней политики относятся к компетенции России (кроме торговых договоров, касающихся Финляндии), дела внутренней политики – к компетенции Финляндии. Социал-демократы также предлагали уравнивать в правах русских подданных с финляндскими (что было предметом острых дебатов в финляндском обществе, так как принятый прежним правительством закон от 20 января 1912 г. об уравнивании в правах с финляндскими гражданами других русских подданных финляндские юристы считали посягательством на автономию Финляндии)¹⁷.

В заключение авторы письма просили Керенского высказать свои замечания на предложенные ими пункты договора. Об ответе министра на это письмо ничего не известно, но надежды на установление взаимного доверия между Временным правительством и финляндскими политиками развеялись быстро. Вийк записал в своем дневнике, что, встретившись с Лениным в апреле в Петрограде, он ему «рассказывал, что в Финляндии недовольны Временным русским правительством и рассматривают его как империалистическое»¹⁸.

Что касается Керенского, то он, по воспоминаниям Энкеля, был настроен неоднозначно. 30 марта (12 апреля) Керенский поехал в Финляндию на лечение (ранее ему сделали там операцию на почках). Он оказался в одном вагоне с Энкелем, и последний спросил его, что он думает по поводу ответной речи, которую произнес тальман¹⁹ в ответ на речь генерал-губернатора

---

¹⁴ Новикова И.Н. Указ. соч. С. 138.

¹⁵ Письмо Э. Гюллинга, К. Вийка и О.В. Куусинена А.Ф. Керенскому от 17 (30) марта 1917 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 6978. Оп. 1. Д. 814. Л. 1–8.

¹⁶ Известия Гельсингфорского совета. 1917. 19 марта.

¹⁷ Письмо Э. Гюллинга, К. Вийка и О.В. Куусинена А.Ф. Керенскому...

¹⁸ Дашков Ю.Ф., Орлова-Чернышева Н.В. К истории переписки В.И. Ленина с К.Х. Вийком // Вопросы истории КПСС. 1978. № 2. С. 115.

¹⁹ Тальманом (спикером) сейма был лидер социал-демократов К. Маннер, так как социал-демократическая партия получила абсолютное большинство голосов на выборах 1916 г.

при открытии сейма. Керенский прочел текст речи и возмущился тем, что в ней «нет благодарности Временному правительству за то, что оно сделало на благо Финляндии»²⁰. Тем не менее Керенский все же посетил сейм (сделать это его уговорил Энкель, рассказавший ему, что в Финляндии к Керенскому особое отношение и что от него многого ждут), и даже обнимался с Токоем. Керенский также предложил Энкелю свою помощь во всех сложных ситуациях в Петрограде²¹.

Взаимные обиды вскоре переросли в конфликт между финляндскими властями и Временным правительством, который развивался на почве разграничения полномочий. Сенат представил Временному правительству проект закона о передаче решения некоторых дел финляндскому сенату и генерал-губернатору (т. н. законопроект А. Туленхеймо, руководителя юридического департамента сената, в котором он был разработан²²), суть которого сводилась к тому, что решение всех вопросов, не относящихся к взаимоотношениям России и Финляндии, передавалось бы сенату²³.

Перед тем как передать законопроект на рассмотрение Временного правительства, Энкель обсудил его с министром иностранных дел и лидером кадетов П.Н. Милоковым. Встреча состоялась 1 (14) апреля, и, по словам Энкеля, Милоков принял его очень холодно. «Мы дали вам в Манифесте все права, которыми вы должны обладать. А теперь вы требуете большего. У нас нет права давать вам больше, поскольку Временное правительство является высшим органом власти России лишь до созыва Учредительного собрания, которое должно решить вопрос формы правления, а также вопросы отношений с Финляндией, Польшей и всеми другими странами. У Временного правительства нет никаких прав изменять что-либо, это – прерогатива Учредительного собрания. Мы должны сохранить Россию в том же виде, в котором она была, когда император отрекся от власти», – приводит Энкель слова Милокова²⁴.

Законопроект был затем передан для экспертизы в Юридическое совещание при Временном правительстве²⁵, которое решило, что Временное правительство получило все полномочия императора, в том числе как великого князя Финляндского, и вопрос о перераспределении этих полномочий может быть решен только Учредительным собранием²⁶.

---

²⁰ Витухновская-Кауппала М.А. Указ. соч. С. 123.

²¹ Это свое обещание Керенский не выполнил: когда Энкелю понадобилась помощь в согласовании проекта закона о расширении полномочий сената (см. ниже), он даже не смог встретиться с Керенским (Там же. С. 124).

²² Витухновская-Кауппала М.А. Указ. соч. С. 123–124.

²³ Предложение правительства сейму Финляндии о передаче решения некоторых дел финляндскому сенату и генерал-губернатору // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1792. Оп. 1. Д. 29. Л. 7–10 об.

²⁴ Витухновская-Кауппала М.А. Указ. соч. С. 124.

²⁵ Его председателем тогда был кадет Ф.Ф. Кокошкин, до революции – убежденный сторонник восстановления автономии Финляндии (Трунов К.Н. Указ. соч. С. 103).

²⁶ Запись Юридического совещания при Временном правительстве от 8 апреля 1917 г. // ГА РФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 29. Л. 16–17.

Об отрицательном заключении Юридического совещания министр-председатель Г.Е. Львов сообщил Энкелю неофициально и договорился с ним о том, что сначала Энкель сообщит о нем сенату, и только потом заключение будет передано на рассмотрение Временного правительства. Ознакомившись с заключением Юридического совещания, Токой 10 (23) мая приехал в Петроград и на личной встрече со Львовым высказал ему свое недовольство тем, что правительство до сих пор не рассмотрело проект Туленхеймо. Токой вручил Львову проект социал-демократов, более радикальный, чем проект, составленный сенатом, чем, в свою очередь, возмутил Львова, и Энкелю пришлось оправдываться, объясняя, что это партийный, а не сенатский проект²⁷ (очевидно, под предложением социал-демократов имеется ввиду письмо, отправленное Керенскому).

Проект Туленхеймо и проект социал-демократов не были согласованы между собой из-за политического соперничества между социал-демократами и буржуазными партиями²⁸. Еще до поездки Токоя в Петроград сейм, в котором абсолютное большинство было у социал-демократов, решил, что Временное правительство не имеет права решать внутренние дела Финляндии, поскольку не является правопреемником великого князя Финляндского, и поэтому сенат не имел права вносить на утверждение Временного правительства упомянутый выше проект закона о передаче решения некоторых дел финляндскому сенату и генерал-губернатору²⁹. Таким образом, проект расширения автономии Финляндии повис в воздухе, так как был отвергнут обеими сторонами: и русским правительством, и сеймом Финляндии.

Переработав проект закона о передаче решения некоторых дел финляндскому сенату и генерал-губернатору в желаемом духе (чтобы не было сомнений, кто унаследовал права великого князя Финляндского), Временное правительство в конце мая внесло его в сейм³⁰. Последний, однако, не принял этот законопроект и, ободренный полученной на Первом Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов поддержкой³¹ (где особенно

---

²⁷ *Витухновская-Кауттала М.А.* Указ. соч. С. 124–125.

²⁸ И те, и другие стремились к расширению автономии Финляндии путем соглашения с Временным правительством, однако если первые видели в расширении автономии гарантию сдерживания революции в самой Финляндии, то вторые, наоборот, рассчитывали с помощью автономии провести социальные реформы, которые блокировались как русским правительством, так и консервативной частью финляндской политической элиты (Новикова И.Н. Указ. соч. С. 142). Кроме того, буржуазные партии хотели противопоставить сенат, где у них была половина мест, сейму, в котором доминировали социал-демократы, отсюда их противодействие расширению прав последнего (Там же. С. 145).

²⁹ Отношение комиссии основных законов сейма Финляндии в хозяйственный департамент сената от 10 мая (27 апреля) 1917 г. (перевод) // ГА РФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 29. Л. 24–25 об.

³⁰ Журнал заседаний Временного правительства. Т. 2. Май–июнь 1917 года. М., 2002. С. 140–141.

³¹ Один из лидеров финляндских социал-демократов Ю. Сирола писал в августе 1917 г., что социал-демократы ошибочно воспринимали съезд советов как парламент, решения которого обязательны для Временного правительства, поэтому принятая съездом резолюция по национальному вопросу была восприня-

активно выступали в защиту финнов большевики), вместо него принял предложенный имевшими абсолютное большинство в сейме социал-демократами «Закон об осуществлении верховной власти в Финляндии», согласно которому все полномочия великого князя во всех внутренних делах переходили к сейму (за русским правительством оставались внешняя политика и военные дела)³². Этот закон не был направлен на утверждение Временного правительства.

Как вспоминал Энкель, 11 (24) июля его принял Керенский, теперь уже министр-председатель, и заявил ему следующее: «Ага, что это вы, финны, в самом деле, творите? Вы объявили независимость, говорите, что вы свободны от России, не хотите одалживать нам денег³³. Хотите ли вы привести дело к тому, что Россия начнет военные действия против вас и закроет границу между нами?»³⁴ Тем не менее Энкелю удалось успокоить Керенского. Когда в Петроград приехал генерал-губернатор Стахович, Энкель и он посоветовались, и решили распустить парламент и назначить новые выборы³⁵.

Манифестом Временного правительства от 18 (31) июля, которое подписал Керенский, сейм был распущен и назначены новые выборы. Основанием было то, что, как говорилось в манифесте, сейм не имеет права присваивать полномочия великого князя, которые перешли к Временному правительству³⁶. Наиболее твердые союзники финских социал-демократов в России, большевики, в тот момент находились на нелегальном положении, и поэтому оказать поддержку социал-демократическому сейму не могли. Неоднократные попытки социал-демократов созвать сейм, несмотря на запрет Временного правительства, и организовать всеобщую забастовку, закончились неудачей. А на внеочередных выборах, состоявшихся 1 и 2 (14 и 15) октября, социал-демократы получили меньше голосов и, таким образом, утратили большинство. Решение судьбы Финляндии перешло в руки буржуазных партий.

До созыва нового сейма, Временное правительство опубликовало грамоту о передаче некоторых дел на окончательное решение финляндского сена-

---

та как одобрение их планов по расширению автономии Финляндии: *Sirola Y. The Constitutional Conflict Between Finland and Russia // РГАСПИ. Ф. 525. Оп. 1. Д. 69. Л. 130.*

³² Закон об осуществлении верховной власти в Финляндии от 5 (18) июля 1917 г. // ГА РФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 29. Л. 54.

³³ Речь идет о займе, который Временное правительство пыталось получить у Финляндского банка. Последний в займе отказал, и Временному правительству пришлось расплатиться валютой, чтобы купить на нее финляндские марки и выдать жалованье размещенным в Финляндии военным служащим. Необходимость займа была вызвана быстрым падением курса рубля к марке, которое шло на протяжении всего 1917 г. (см. Отношение Финляндского банка к кредитную канцелярию министерства финансов Временного правительства по поводу займа от 13 (26) июля 1917 г. // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7733. Оп. 1. Д. 8018. Л. 26).

³⁴ *Витухновская-Кауттала М.А. Указ. соч. С. 126.*

³⁵ Там же.

³⁶ Вестник Временного правительства. № 110. 1917. 21 июля.

та³⁷. Данный документ был подготовлен в период наступления Корнилова на Петроград: посоветовавшись с Керенским через Энкеля, сенат отправил во Временное правительство письмо о расширении своих полномочий, которое Керенский подписал³⁸. В финляндской прессе, поддерживавшей буржуазные партии, грамота была встречена сочувственно, тогда как социал-демократическая пресса отрицательно отозвалась о нем, поскольку Временное правительство таким образом расширяло права сената в ущерб правам сейма³⁹.

Комиссия основных законов сената Финляндии⁴⁰ разработала новые законопроекты о форме правления Финляндии⁴¹ и о взаимных правовых отношениях России и Финляндии⁴², которые обсуждались на совместных заседаниях членов Юридического совещания и Комиссии основных законов 2 и 3 (15 и 16) октября⁴³. Совещания проходили в Гельсингфорсе под председательством сенатора Ю.К. Паасикиви⁴⁴.

В центре дебатов снова оказался вопрос о том, кто же осуществляет верховную власть. В отличие от социал-демократов, желавших передать власть сейму, в котором они имели большинство в прошлом и рассчитывали на большинство в будущем, представители буржуазных партий хотели установить в Финляндии «твердую власть» в лице правителя (президента), находящегося в Гельсингфорсе⁴⁵. Юридическое совещание в то же время осталось на своей старой точке зрения, что верховная власть в Финляндии может принадлежать до созыва Учредительного собрания только Временному правительству⁴⁶.

Переговоры не привели к какому-либо результату, поскольку их участники не имели полномочий что-либо решать и могли только обозначить свои позиции. Более того, на последнем заседании Паасикиви заявил, что комиссия основных законов уже внесла обсуждаемые законопроекты в сенат, таким образом, высказанные русскими юристами замечания не могут быть в

---

³⁷ Грамота о передаче некоторых дел на окончательное решение Финляндского сената от 30 августа (12 сентября) 1917 г. // ГА РФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 29. Л. 5–6.

³⁸ *Витухновская-Кауттала М.А.* Указ. соч. С. 126–127.

³⁹ Речь. 1917. 5 (18) сентября.

⁴⁰ Комиссию основных законов возглавлял К.Ю. Стольберг, она была создана сенатом 18 (31) марта для разработки указанных законопроектов (Юссила О. Указ. соч. С. 752).

⁴¹ Предложение правительства сейму Финляндии о форме правления Финляндии // ГА РФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 29. Л. 125–139 об.

⁴² Предложение правительства сейму Финляндии с законом о взаимных правовых отношениях России и Финляндии // ГА РФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 29. Л. 140–146.

⁴³ Публично эти проекты не были обнародованы, в связи с чем в прессе циркулировали слухи, что сенат уже провозгласил Финляндию независимой республикой во главе с президентом. Статс-секретариат Финляндии по этому поводу выступил со специальным опровержением (Речь. 1917. 23 сентября (6 октября)).

⁴⁴ Совместное совещание членов Юридического совещания с членами образованной Финляндским сенатом комиссии основных законов 2 октября 1917 г. // ГА РФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 29. Л. 91.

⁴⁵ Там же. Л. 101.

⁴⁶ Там же. Л. 94.

данный момент учтены (их может учесть только сам сенат при рассмотрении законопроектов)⁴⁷.

Юридическое совещание обсуждало финляндский вопрос еще на трех своих заседаниях, состоявшихся 13, 15 и 17 октября. На заседании 13 октября финляндский генерал-губернатор Н.В. Некрасов (назначенный в сентябре вместо Стаховича) сообщил, что буржуазные партии готовы пойти на сговор с Временным правительством: сейм избирает «правителя» Финляндии⁴⁸, которому затем, до Учредительного собрания, Временное правительство своим манифестом передает всю полноту власти во внутрифинляндских делах⁴⁹.

Очевидно, такая мера усилила бы буржуазные партии в их политическом противостоянии с социал-демократами. Некрасов откровенно говорил, что «партии эти мечтают о твердой власти, они боятся правящего сейма, который бы стоял в зависимости от социалистически настроенных масс населения»; что касается России, то он объяснял необходимость принять его предложение тем, что оно позволит избежать восстания в Финляндии и возможной высадки там германских войск⁵⁰. Еще одной причиной, почему буржуазные партии не были готовы провозгласить независимость Финляндии и хотели договориться с Временным правительством, был страх перед потерей поставок продовольствия из России и Америки⁵¹.

Обсуждая проект Некрасова, Юридическое совещание так и не пришло к единому мнению⁵². Как сказал сам Некрасов, «политическая конъюнктура принуждает русское правительство по возможности тянуть дело окончательного разрешения вопроса о взаимных правовых отношениях России и Финляндии»⁵³.

Тем не менее 23 октября (5 ноября) разработанные комиссией Стольберга законопроекты были все же представлены Энклеем на утверждение Временного правительства. По его воспоминаниям, министрам было не до Финляндии, они были заняты подготовкой к ожидающемуся выступлению большевиков. На заседании правительства были представлены поправки, внесенные в проекты Юридическим совещанием, они были приняты без обсуждения, несмотря на протесты Энклея⁵⁴.

---

⁴⁷ Совместное совещание членов Юридического совещания с членами образованной Финляндским сенатом комиссии основных законов 3 октября 1917 г. // ГА РФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 29. Л. 124.

⁴⁸ В интервью журналистам Некрасов говорил, что этим правителем должен быть вице-президент, избираемый сеймом и утверждаемый русскими властями, тогда как президентом Финляндии должен быть «будущий президент или вообще глава Республики Российской» (Речь. 1917. 7 (20) октября).

⁴⁹ Запись Юридического совещания. Заседание 13 октября 1917 г. // ГА РФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 29. Л. 184.

⁵⁰ Там же. Л. 185 об.

⁵¹ Запись Юридического совещания. Заседание 17 октября 1917 г. // ГА РФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 29. Л. 190 об.

⁵² Там же. Л. 195.

⁵³ Там же. Л. 191.

⁵⁴ Юссила О. Указ. соч. С. 769–770.

«В одном из пунктов этих изменений упоминался носитель верховной власти, однако особо не уточнялось, что имеется в виду власть российская. Когда я указал на эту неточность, А.Ф. Керенский, вспыхив, воскликнул: “В Финляндии нет другого носителя верховной исполнительной власти”. Услышав, что в законопроекте шла речь о президенте Финляндии, он сразу же уступил», – писал Энкель в своих воспоминаниях. Законопроекты были приняты, но ввести их действие уже не успели⁵⁵.

Временное правительство проводило в финляндском вопросе противоречивую политику, стремясь, с одной стороны, восстановить и расширить автономию Финляндии, с другой – сохранить ее в составе России. Свою роль играли и военные соображения, связанные с возможным германским десантом в Финляндии и угрозой Петрограду, которую этот десант бы создал. Эта противоречивость не способствовала укреплению доверия к Временному правительству в Финляндии и усиливала стремление финляндского общества к независимости. Конфликт Временного правительства и руководства Финляндии возник вследствие проводившейся Временным правительством политики и разворачивался на фоне острого политического противостояния как в России, так и в Финляндии. Компромиссное решение было все же найдено, но реализовать его не удалось: фактор политического противостояния вышел на первый план, на смену Временному правительству пришел Совет народных комиссаров, который исходил из других принципов решения национального вопроса, выдвинутых В.И. Лениным.

---

⁵⁵ Там же.

**НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ
ПО ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В РГАВМФ
ИЗ СОБРАНИЯ ОБЩЕСТВА ОФИЦЕРОВ
РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ФЛОТА В АМЕРИКЕ¹**

Мажара Петр Юрьевич

(Российский государственный архив Военно-Морского Флота)

11 мая 1923 г. в Нью-Йорке (США) состоялось собрание русских эмигрантов – морских офицеров, на котором было учреждено «Общество бывших русских морских офицеров в Америке» (с 1953 г. – Общество офицеров Российского Императорского флота в Америке). У истоков этой организации стояли такие военно-морские деятели, как начальник белогвардейского Морского училища во Владивостоке М.А. Кितिцын, братья А.Р. и Н.Р. Вирены, В.С. Макаров. В разное время должность председателя общества занимали М.А. Кितिцын, Н.Р. Вирен, С.В. Гладкий, Ю.К. Дворжицкий, А.Н. Заев, Н.Н. Крыжановский, Ю.В. Соловьев, П.Е. Стогов, А.М. Чернушевич, М.Н. Яненко и другие. Общество занималось оказанием помощи русским эмигрантам (в первую очередь, офицерам Российского императорского флота, участникам Белого движения и членам их семей), а также издательской и просветительской деятельностью.

В 1943 г. при Обществе была учреждена историческая комиссия во главе со старшим лейтенантом Сергеем Владимировичем Гладким (1886–1966). С этого времени, когда дальнейшая судьба эмигрантских архивов в Европе оставалась неясной, началось формирование собственного архива Общества, который долгое время бережно хранился на частной квартире С.В. Гладкого в Нью-Йорке. Исторические документы и реликвии, связанные с историей флота, поступали в коллекцию Общества не только из семей эмигрантов в США, но со всего света. Многие члены «морской семьи» в эмиграции опасались, что архивы в Европе может постигнуть участь Русского Зарубежного исторического архива в Праге, вывезенного органами НКВД в СССР. Поэтому исторические ценности переправлялись за океан, в Америку, которая казалась более защищенной, чем Европа.

Коллекция разрасталась, а потому острым стал вопрос об организации ее хранения. В 1963 г. был заключен договор о перевозке и устройстве музея, архива и библиотеки Общества офицеров Российского Императорского флота в Америке (название общества с 1953 г.) в помещениях общества культурно-просветительского и благотворительного общества «Родина» (эмигрантская организация, возникшая в США в 1954 г.)

---

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ (РФФИ) 15-31-01267.

12 ноября 1967 г. состоялось торжественное открытие объединенного «Национально-исторического музея» в Лейквуде (штат Нью-Джерси). Коллекция Общества офицеров Российского Императорского флота стала основой для отдельного подразделения – Русского морского музея имени адмирала Степана Осиповича Макарова. Значительную финансовую помощь при организации музея оказал сын Степана Осиповича, Вадим Степанович (1892–1964), участник Белого движения в Сибири, сумевший запатентовать большое количество изобретений, создать свою компанию Makaroff & Co и стать в США успешным предпринимателем.

В 1990-е гг. началась передача материалов, собранных в музее общества «Родина», в Россию. Согласно уставу организации все исторические ценности должны были вернуться в освободившуюся от власти коммунистов страну², но сохранить при этом единство сложившихся архивной, библиотечной и музейной коллекций не удалось. Некогда единое собрание оказалось рассредоточено по нескольким учреждениям культуры (Центральный музей вооруженных сил, Центральный военно-морской музей, Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки, Центральная военно-морская библиотека, Российский фонд культуры и др.). В РГАВМФ документы также поступали разными путями в несколько этапов: в 1999 г. – 2004 г. поступили документы при посредничестве Российского фонда культуры и Н.П. Рождественской; в 2005–2010 гг. поступила большая часть документов при посредничестве Росархива и Росохранкультуры. Значительная часть материалов, переданная в 1999–2004 гг., была описана П.В. Петровым и составила опись № 1 фонда Р-2246 «Материалы по истории флота, поступившие из-за границы» (190 единиц хранения).

Среди этих архивных документов есть и относящиеся к революционным событиям 1917 г. (копии приказов по Свеаборгскому порту того времени³, собранные служившим на Балтийском флоте Г.К. Графом материалы по истории Моонзундской сухопутной оборонительной операции 1917 г.⁴, собранные офицером-подводником В.А. Меркушовым материалы по истории Ревельского укрепленного района в начале 1918 г. с интересными сведениями о революционных процессах в Прибалтике⁵ и др.). В настоящее время архив завершает работы по научному описанию большей части материалов, поступивших позднее, составлена опись № 2 к фонду Р-2246 (порядка 500 единиц хранения).

Среди новых для отечественного исследователя архивных документов есть и те, что были созданы в революционную эпоху 1917 г. или несут информацию о ней. О некоторых из них автор уже сообщал широкой публике в Петербурге на конференции, посвященной Первой мировой войне⁶. В на-

---

² Леонидов В.В., Землякова О.К. Княжна Вера Константиновна и общество «Родина» // Княжна Вера Константиновна: К 100-летию со дня рождения. СПб., 2007. С. 91.

³ РГАВМФ. Ф. Р-2246. Оп. 1. Д. 3.

⁴ Там же. Д. 8.

⁵ Там же. Д. 93.

⁶ Мажара П.Ю. Новые материалы по истории Первой мировой войны в РГАВМФ из собрания Общества офицеров Российского Императорского флота

стоящей статье мы остановимся на сюжете, связанном с информационными возможностями, которые дают эти архивные документы для изучения революционных процессов в России.

В архиве исторической комиссии Общества офицеров Российского Императорского флота в Америке сохранились документы из личного архива Дмитрия Иосифовича⁷ Дарагана (1884–1978), которые он сам прислал в США из Хельсинки, где жил в эмиграции. Эти документы проливают свет на обстоятельства ухода этого офицера со службы на флоте в конце 1917 г. – начале 1918 г. Попытка увольнения по собственному желанию со службы вызвала его конфликт с Центробалтом (ЦКБФ)⁸ и даже привела к аресту на некоторое время. Следует отметить, что случай с капитаном 2 ранга⁹ Дараганом, ветераном Русско-японской и Первой мировой войн, на момент конца 1917 – начала 1918 г. был ещё в числе единичных¹⁰, а потому вызвал пристальное внимание Центробалта и породил интересную переписку. После игнорирования первого заявления¹¹ об увольнении со службы Д.И. Дараган 21 декабря 1917 г. подал повторное заявление с жесткими и категоричными формулировками: «Позор и предательство, нависшие над Родиной, и непонятное для меня отношение к этому демократических организаций и лиц, мнящих себя законной властью, заставляют меня, не ожидая ничего более, отстраниться от своей бывшей службы и сдать корабль следующему по старшинству офицеру»¹². Эти же слова были повторены им в приказе по вверенному ему эсминцу «Автроил» от 22 декабря 1917 г.

Случай с Дараганом вызвал недовольство Центробалта, т. к. его действия отражали настроение значительной части недовольного преобразованиями

в Америке // Елагинские чтения. Вып. VIII / под ред. В.Г. Смирнова. СПб., 2016. С. 13–20.

⁷ Следует отметить, что Дмитрий Иосифович часто именовал себя «Дмитрием Осиповичем», этот вариант написания отчества нередко встречается в источниках.

⁸ Центральный комитет Балтийского флота (Центробалт, ЦКБФ): коллегиальный выборный орган, созданный для координации деятельности комитетов судов и соединений моряков-балтийцев. Был создан по инициативе матросской секции Гельсингфорского совета депутатов армии, флота и рабочих. На первом заседании 28 апреля 1917 г. в Гельсингфорсе председателем Центробалта был избран большевик П.Е. Дыбенко. После переворота 25 октября 1917 г. П.Е. Дыбенко вместе с В.А. Антоновым-Овсеенко и Н.В. Крыленко вошел в состав Комитета по военным и морским делам (позднее СНК по военным и морским делам). К декабрю 1917 г. Центробалт достиг максимальной власти над кораблями и соединениями Балтийского флота. (*Назаренко К.Б.* Балтийский флот в революции. 1917–1918. М.; СПб., 2017. С. 210, 228, 252, 282–284; Протоколы и постановления Центрального комитета Балтийского флота: 1917–1918 / под ред. Д.А. Чугаева. М.; Л., 1963. С. 8, 10, 14, 18, 20, 24, 30, 105, 274, 344–345, 406, 421).

⁹ 2 октября 1919 г. был произведен в капитаны 1 ранга генералом Е.К. Миллером. (Лобыцын В.В. Мартиролог русской военно-морской революции: По изданиям 1920–2000 гг. М.; Феодосия, 2001. С. 52.)

¹⁰ *Назаренко К.Б.* Балтийский флот в революции... С. 134.

¹¹ От 7 декабря 1917 г.

¹² РГАВМФ. Ф. Р-2246. Оп. 2. Д. 79.

на флоте офицерства. В ответ на решения I Всероссийского съезда военного флота (18–25 ноября 1917 г.) и распоряжения Верховной морской коллегии о полном переходе руководства флотами и флотилиями к центральным комитетам флотов и флотилий офицерство Балтийского флота 4 декабря 1917 г. приняло резолюцию о неприятии этих решений с угрозой отказа от званий и занимаемых должностей¹³. Упорство Д.И. Дарагана привело к взятию его под стражу. Следственная секция ЦКБФ потребовала предоставления письменных разъяснений к 10 января 1918 г. Как видно из машинописной копии представленных офицером разъяснений, резкость тона была им существенно сбалансирована. Дараган утверждал, что «никаких определенных лиц в заговоре для “продажи родины и флота” не обвинял», продолжая далее разъяснять, что, тем не менее, «многие мероприятия правительства <...> являются полезными для врага и вредными для родины». Завершал свои разъяснения Дараган не лишённой горькой иронии фразой о том, что его слова выражают «частный отрицательный взгляд на государственные мероприятия, что, конечно, позволительно всякому гражданину свободной страны»¹⁴.

12 января 1918 г. Д.И. Дараган был уволен без права на пенсию. На заседании Центробалта 16 января 1918 г. председатель следственной секции В.А. Гнедин доложил о ходатайстве об освобождении Д.И. Дарагана для преподавательской работы в штурманских классах. Это предложение вызвало споры, но в итоге через некоторое время офицер был отпущен на свободу¹⁵. Уже после выступления автора настоящих строк на конференции большая часть документов, о которых идет речь, увидела свет на страницах петербургского журнала «Звезда» в рамках серии публикаций к столетию событий 1917 года¹⁶.

«Бедное, бедное офицерство, но ведь не совсем же даром так враждебны к тебе все», – записал в своем дневнике 21 ноября 1919 г. один из умнейших офицеров Балтийского флота контр-адмирал Владимир Константинович Пилкин¹⁷. Трагедия отсутствия взаимопонимания между представителями офицерской корпорации и нижними чинами на флоте¹⁸, выплеснувшаяся в

---

¹³ Протоколы и постановления Центрального комитета Балтийского флота: 1917–1918 / Под ред. Д.А. Чугаева. М.; Л., 1963. С. 25.

¹⁴ РГАВМФ. Ф. Р-2246. Оп. 2. Д. 79.

¹⁵ Протоколы и постановления Центрального комитета Балтийского флота... С. 368.

¹⁶ «Мой частный отрицательный взгляд на государственные мероприятия...»: Документы из личного архива Д.И. Дарагана об обстоятельствах его ухода со службы на флоте. Публикация, вступительная заметка и примечания Петра Мажары // Звезда. 2017. № 3. С. 99–106.

¹⁷ Пилкин В.К. В белой борьбе на Северо-Западе: Дневник 1918–1920. М., 2005. С. 221. Отметим, что в Ревеле в дни февральской революции, где флотом командовал В.К. Пилкин, обошлось без тех кровавых эксцессов, которые имели место в Гельсингфорсе и Кронштадте.

¹⁸ О социальных корнях этого явления см.: Бажанов Д.А. Щит Петрограда: Служебные будни балтийских дредноутов в 1914–1917 гг. СПб., 2007. С. 71 и особенно обстоятельно в работах профессора Назаренко: Назаренко К.Б. Балтийский флот в революции. 1917–1918 гг. М.; СПб., 2017. С. 166–197; *Его же*. Флот, революция и власть в России 1917–1921. М., 2011. С. 84–86, 89, 144–145.

серию кровавых расправ, а со временем – в полномасштабную Гражданскую войну, находит свое отражение и в других архивных документах из коллекции Общества офицеров Российского Императорского флота, создававшихся уже позднее, в эмиграции.

Так, в воспоминаниях старшего лейтенанта¹⁹ Максимилиана Оскаровича фон Кубе (1885–1955) «На голубом Дунае», посвященных службе автора на Дунайской речной флотилии в 1916–1917 гг., можно найти описание неприятия офицерской корпорацией революционных преобразований в России: «...Никто не ощущает никаких восторгов перед “зарей свободы” и прочими трескучими шаблонами революционной фразеологии... В душе звучит похоронный звон...»²⁰. Мемуары фон Кубе были написаны спустя 30 лет после описываемых событий в лагере Дабендорф для перемещённых лиц, что, возможно, создало эффект экстраполяции представлений пережившего две мировые войны автора о революции в 1940-е гг. на более раннюю эпоху, но несомненно неприятие офицерством знаменитого приказа Петроградского совета № 1, новых форм самоорганизации внутри армии и флота (формирования гарнизонного совета).

Картину отчуждения офицерства и нижних чинов особенно яркой делает следующий приводимый фон Кубе факт: в марте 1917 г. начальник штаба Отдельного отряда обороны устьев Дуная и дунайских гирл Е.И. Доставалов прилюдно избил писаря за неуважительные отзывы об офицерстве. Не выдержав унижений, несчастная жертва застрелилась. Гарнизонный совет потребовал привлечения подполковника Генерального штаба Доставалова к ответственности за поединок и доведение до самоубийства. Но, как писал фон Кубе, офицерская корпорация встала на защиту своего члена и не допустила никаких разбирательств в отношении него. При этом мемуарист указывает, что ему «до сих пор непонятно», почему не было ни одного покушения на Доставалова, чье поведение, по всей видимости, было демонстративно пренебрежительным по отношению к нижним чинам²¹.

Не столь трагичной предстает картина взаимоотношений между офицерством и матросами в описании деятельности Николаевского совета рабочих и солдатских депутатов, содержащемся в письме от 17 апреля 1968 г. старшего лейтенанта Петра Петровича Баля (1885–?) старшему лейтенанту Юрию Всеволодовичу Соловьеву. Баль, служивший в 1917 г. флаг-офицером при командире Николаевского порта вице-адмирале А.Г. Покровском, одобрительно отзывался о председателе совета матросе Печенкине, бывшем сельском учителе. «Я несколько раз приходил на эти собрания. Дисциплина замечательная! Матрос должен сначала поднять руку и просить разрешения говорить. Во всех случаях Печенкин всегда защищал офицеров и объяснял, что флот без офицеров не может существовать»²². Все это, конечно, не означало, что в Николаеве не было социальных конфликтов, и город оставался в стороне от

---

¹⁹ По некоторым данным, в эмиграции был произведен в капитаны 2 ранга по Корпусу Императорских армии и флота (КИАФ). Сообщено канд. ист. наук А.Ю. Емелиным (РГАВМФ).

²⁰ РГАВМФ. Ф. Р-2246. Оп. 2. Д. 91.

²¹ Там же.

²² Там же. Д. 309.

общего движения. Но, тем не менее, участник Белого движения Баль пишет о революционном движении во флоте хотя и иронично, но в целом беззлобно, завершая свое повествование следующей фразой: «А потом в 1918 году пришли в Николаев немцы, и все рабочие и солдатские депутаты разбежались во все стороны»²³.

О деятельности Николаевского совета рабочих и солдатских депутатов известно немного, его документы в основном пропали ещё в период немецкой оккупации 1918 г., поэтому мемуарное свидетельство П.П. Баля представляется особенно интересным. В эмиграции Баль, подобно многим другим офицерам-черноморцам, жил в Северной Африке. Ещё в 1917 г. он всерьез увлекся пчеловодством. Работа на пасеке и занятия живописью стали основным содержанием его жизни в эмиграции, в архиве сохранилась копия его членского удостоверения синдиката пчеловодов Туниса²⁴.

Интересной страницей из истории флота, связанной с 1917 г., стал сюжет, связанный с организацией учебной корабельной практики для воспитанников Морского училища, Отдельных гардемаринских классов, Корпуса гардемарин флота и Школы мичманов военного времени. В условиях Первой мировой войны заниматься обеспечением корабельной практики должна была Сибирская флотилия. После октябрьского переворота 1917 г. практиканты и их наставники оказались фактически предоставленными сами себе, поэтому им пришлось заниматься коммерческими перевозками между различными тихоокеанскими портами.

Судьбы участников плавания на учебном вспомогательном крейсере «Орел» сложились по-разному: так, флагман РККФ 2 ранга Иван Кузьмич Кожанов был расстрелян в 1938 г.; а агент Абвера и мичман врангелевского производства Сергей Сергеевич Аксаков окончил свои дни набожным стариком в Буэнос-Айресе в 1986 г., замаливая грехи²⁵. Но плавание 1917–1918 гг., каким бы сложным оно ни было, навсегда запомнилось его участникам. В коллекции Общества офицеров Российского Императорского флота в Америке сохранилось много интересных фотографий, сделанных на борту вспомогательного крейсера «Орел», в различных портах и городах Азии. Некоторые из этих фотографий были опубликованы в изданном архивом фотоальбоме, посвященном истории Первой мировой войны²⁶.

Во время учебного плавания вспомогательным крейсером «Орел» командовал старший лейтенант Михаил Митрофанович Афанасьев (1884–1950). В составе фонда Р-2246 сохранились его отчет о плавании²⁷ и альбом с разны-

---

²³ Там же.

²⁴ Там же. Д. 309.

²⁵ *Зирин С.Г.* Из записок С.С. Аксакова // Сайт Белое Дело: Мемориально-просветительский и историко-культурный центр. URL: <http://www.belodedelo.ru/researches/article/?2272> (дата обращения: 28.07.2017). В составе фонда Р-2246 «Материалы по истории флота, поступившие из-за границы» находятся и материалы из личного архива С.С. Аксакова, переданные его вдовой при посредничестве С.Г. Зирин (Оп. № 5).

²⁶ Первая мировая война в фотографиях из фондов Российского государственного архива Военно-Морского Флота / отв. ред. М.Е. Малевинская. Вып. 2. Коллекции. СПб., 2016. С. 276–280.

²⁷ РГАВМФ. Ф. Р-2246. Оп. 1. Д. 9.

ми записями, относящимся к разным периодам его жизни, завершившейся в Китае²⁸. Афанасьеву пришлось нелегко в тех условиях, в которых проходило плавание. Он был довольно строг к своим воспитанникам, поэтому в эмиграции они отдавали предпочтение капитану 1 ранга Михаилу Александровичу Кितिцыну (1885–1960), который в дальнейшем стал наставником для многих из них в Морском училище белого Владивостока²⁹.

История русской эмиграции в XX в. оказалась во многом predetermined революционными событиями 1917 г. И в этом смысле, пользуясь метафорой Юрия Трифонова³⁰, отблески костра революции продолжают играть на страницах документов, собранных моряками-эмигрантами. Хочется верить, что их труды не останутся напрасными и послужат отечественной историографии для лучшего понимания трагической и грозной истории России в XX в.

---

²⁸ РГАВМФ. Ф. Р-2246. Оп. 2. Д. 58.

²⁹ См. номер журнала «Морские записки», делавшийся к его 75-летию, но ставший посмертным: Морские записки. 1961. Vol. XIX. No. 1–2 (54).

³⁰ Трифонов Ю.В. Отблеск костра // Собр. соч. М., 1984. Т. 4.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО ЛИДЕРСТВА В МЕКСИКАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Манухин Алексей Анатольевич, к.и.н.

*(Московский государственный технический университет
имени Н.Э. Баумана)*

Всякая революция ставит вопрос о лидерах, их способности апеллировать к различным социальным слоям в своей стране и во внешнем мире. Для революций в развивающихся странах в XX в. была характерна значительная роль региональных политических сил. Их военно-политическая борьба с конкурентами, проекты социальных преобразований неизбежно сопровождалась контактами с внешними силами. Одним из ярких примеров является мексиканская революция. Мексика с колониальных времен отличалась сильной региональной и локальной обособленностью. Большое значение имело понятие «малой родины» (*patria chica*), с которой себя идентифицировали как рядовые жители, так и представители политических и имущественных элит¹. Эта модель вступала в противоречие с идеалом Мексики как национального государства². В результате складывались уникальные модели политического поведения, социальной и военно-политической борьбы. Характерная почти для всей Латинской Америки проблема милитаризма и каудильлизма приобрела особую остроту.

Мексиканская революция началась в ноябре 1910 г. восстанием Партии противников переизбрания (*el Partido Anti-Reeleccionista*) во главе с крупным либеральным помещиком Франсиско Мадеро из северного штата Коауила против многолетней диктатуры Порфирио Диаса (1877–1911 гг.). «Сьентификос» («ученые»), группа политиков, предпринимателей, интеллектуалов, были главной опорой Диаса в проведении экономической, культурной, внешней политики, заключавшейся в «открытии» Мексики для внешних игроков с целью модернизации. Одним из пунктов программы мадеристов было поощрение занятости мексиканцев в бизнесе и сокращение привилегий иностранных компаний. Однако в начале своей политической карьеры Диас обещал то же самое, в то время как его правление создало в Мексике исключительно благоприятные возможности для иностранцев³.

---

¹ *Knight A.* Peasants into Patriots: Thoughts on the Making of the Mexican Nation // *Mexican Studies*. 1994. Vol. 10. No. 1. P. 144–145.

² *Morris S.D.* Reforming the Nation: Mexican Nationalism in Context // *Journal of Latin American Studies*. 1999. Vol. 31. No. 2. P. 370–371.

³ Политическая история стран Латинской Америки в XIX веке. М., 2012. С. 251, 255.

Отказ администрации президента Уильяма Говарда Тафта оказать решительную поддержку, позволить мадеристами закупить оружие для захвата важного пограничного г. Сьюдад-Хуарес сыграли существенную роль в быстром падении «порфириата» в мае 1911 г. Семью Мадеро нельзя было назвать националистами, их деятельность зависела от поддержки американского бизнеса. Уже во время сенатского расследования 1912–1913 гг. появились красноречивые свидетельства их связи с крупной нефтяной компанией “Waters Pierce”⁴. Тем не менее отдельные сторонники Мадеро не были чужды национализму. Так, губернатор штата Чиуауа Абрахам Гонсалес в интервью американской прессе пообещал, что положение иностранного бизнеса в стране ухудшится⁵.

Значительной проблемой как для самой Мексики, так и для внешних сил стало то, что революционный лагерь начал «дробиться». Не добившиеся воплощения в жизнь своих надежд политики, в том числе члены временного кабинета министров, который работал до выборов в ноябре 1911 г., повторяли сценарий самого Мадеро, переходя границу и объявляя о начале собственных «революций». Такую же тактику вели «фрондерствующие» представители старой элиты. Наиболее яркой фигурой среди них был генерал Бернардо Рейес, бывший губернатор штата Нуэво-Леон, который до революции был союзником Диаса, но затем пытался соперничать с ним⁶. Главной базой для подготовки восстаний стал штат Техас, где услуги всевозможным оппозиционерам оказывали местные американские политики мексиканского происхождения. Такое положение дел зачастую приводило американские власти в замешательство, порождая конфликты штатного и федерального уровней, также таких ведомств, как госдепартамент, военное министерство, министерство юстиции⁷.

«Без особых успехов американские военные и агенты Бюро расследований министерства юстиции пытались препятствовать набору волонтеров для участия в боевых действиях на американской стороне и переходу границы революционерами, что являлось их обязанностью в рамках двусторонних договоров между США и Мексикой. Положить конец закупкам оружия и боеприпасов у них не было легальных оснований⁸. Наиболее крупные движения пытались открыто апеллировать к помощи США. Генерал Паскуаль Ороско, герой мадеристской революции, был недоволен тем, что пост губернатора Чиуауа достался не ему. Ороскисты обвинили Вашингтон в предвзятости, когда тот наложил эмбарго на все поставки оружия в Мексику, кроме заказов ее

---

⁴ U.S. Congress. 62nd Congress, 3rd session. Senate. Hearing before a Subcommittee of the Committee on Foreign Relations. *Revolutions in Mexico*. Wash. (D.C.), 1913. P. 763–764.

⁵ *Commercial and Financial Chronicle*. 1911. Vol. 92. Part 2. P. 1598.

⁶ *Ulloa Ortiz B.* *La Revolución intervenida: relaciones diplomáticas entre México y los Estados Unidos de América, 1910–1914*. México, 1971. P. 24.

⁷ *Coerver D.M., Hall L.B.* *Texas and the Mexican Revolution, 1910–1920: A Study in State and National Border Policy*. San Antonio, 1984. P. 16–32.

⁸ *Unlawful Recruiting*. Report by C.D. Hebert. May 21–July 7, 1912 // National Archives and Records Administration. *Investigative Reports of the Bureau of Investigation, 1908–1922*. Mexican Files (далее: NARA). M 1085. Roll 852. P. 1–16.

правительства, и стали третировать американских граждан⁹. Ороско гневно требовал от Тафта признать его временным президентом и снять эмбарго¹⁰.

«Мадеристы» были крайне непрочной политической группой. Даже в штатах, где правили дружественные им губернаторы, их позиции были шаткими. Президент Мадеро и его окружение оказались неспособными оформить прочные альянсы со сторонниками прежнего режима, а своими половинчатыми реформами оттолкнули от себя крестьян, пеонов и даже городских рабочих¹¹. Неспособность восстановить порядок и попытки ограничить права отдельных иностранных собственников восстановили против него ведущих зарубежных игроков. В феврале 1913 г. в столице произошел военный мятеж под руководством артиллерийского генерала Мануэля Мондрагона, известного изобретателя первой самозарядной винтовки. Мятеж получил фактическое одобрение иностранной дипломатии. Американский посол Генри Лейн Уилсон объединил усилия с английским посланником Френсисом Стронгом и германским посланником Паулем фон Хинтце в оказании давления на Мадеро и поддержке заговорщиков¹².

В результате пост временного мексиканского президента получил главнокомандующий армией, генерал Викториано Уэрты, а его соперник, генерал Феликс Диас, племянник свергнутого президента, занял пост министра внутренних дел. Переворот стал возможен из-за большого количества сторонников «старого порядка» в министерствах и конгрессе. Однако надеявшихся вернуть себе утраченные позиции «порфиристов» стали теснить представители ближайшего окружения Уэрты. Мондрагон был вынужден уйти с поста военного министра, а Диаса отправили в «почетную ссылку» в Японию с формальным дипломатическим поручением¹³. Постепенно правление Уэрты все больше приобретало черты диктатуры, особенно после ареста почти половины членов Палаты депутатов¹⁴.

Претензии на общенациональное руководство борьбой против диктатуры Уэрты заявил губернатор Коауэйлы, Венустиано Карранса, который объявил себя «первым вождем армии конституционалистов». Его идеология представляла собой обновленную версию мексиканского либерализма, но содержала в себе большой элемент национализма, особенно в том, что касалось формаль-

---

⁹ U.S. Congress. Senate. 66th Congress, 1st session. Hearing before a Subcommittee of the Committee on Foreign Relations. Investigation of Mexican Affairs. (далее: Investigation of Mexican Affairs). In 2 Vols. Vol. 1. Wash. (D.C.), 1920. P. 2727.

¹⁰ Pascual Orozco to William Howard Taft. April 6, 1912 // William Howard Taft Papers. Microform. Library of Congress. Manuscript Division. Series 6. File 3130. P. 1875.

¹¹ *Cumberland Ch.* Mexican Revolution: Genesis under Madero. Austin and L., 1952. P. 211, 224–228.

¹² *La France D.G.* Germany, Revolutionary Nationalism and the Downfall of President Madero: the Covadonga Killings // Mexican Studies. Vol. 2. No. 1 (Winter 1986). P. 77–82.

¹³ *Henderson P.V.N.* Felix Diaz, the Porfirians, and the Mexican Revolution. Lincoln, 1981. P. 91–99.

¹⁴ *Grieb K.* The United States and Huerta. Lincoln, 1969. P. 106.

ного соблюдения национального суверенитета Мексики¹⁵. В поддержку Каррансы выступило множество «полевых командиров» северных штатов. Самыми успешными формированиями стали Северная дивизия Франсиско Вильи в Чиуауа и Северо-Западная дивизия Альваро Обрегона в Соноре. Именно в этих районах Мексики была наиболее велика прослойка населения с прочными традициями самоорганизации¹⁶. В большем подчинении у Каррансы находилась Северо-Восточная дивизия под командованием близкого к нему генерала Пабло Гонсалеса.

Однако не следует забывать о том, что эти военные и политические деятели не пользовались поддержкой во многих других частях страны. Существовало множество локальных очагов борьбы, которая велась местными харизматическими вождями, заинтересованными в общенациональной революции лишь постольку, поскольку она отвечала их «местичковым» интересам. Например, аграристское движение Эмилиано Сапаты в штате Морелос действовало совершенно независимо от конституционалистов. Карранса был вынужден предоставлять большую свободу действий своим командующим¹⁷.

Гражданские и военные деятели, объединившиеся вокруг фигуры Каррансы, унаследовали от мадеристов важные связи в американских деловых и политических кругах. Они сразу же стали искать средства для получения финансовой и политической поддержки США. Большие надежды возлагались ими на нового хозяина Белого дома, президента Вудро Вильсона, еще во время избирательной кампании обещавшего пересмотр внешней политики США в Латинской Америке в сторону большего сотрудничества и меньшего давления¹⁸. В Нью-Йорке в апреле 1913 г. было открыто Агентство партии конституционалистов, сотрудники которого встречались с членами Национального комитета правящей Демократической партии, сенаторами и конгрессменами, передавали свои документы с изложением взглядов на необходимые для страны реформы¹⁹.

Между консулами режима Уэрты в США и агентами конституционалистов развернулась острая конкуренция за контракты по американским вооружениям и боеприпасам, и первоначально поддержка местных представителей федерального правительства была на стороне Мехико²⁰. В результате

---

¹⁵ *Richmond D.W.* Venustiano Carranza's Nationalist Struggle, 1893–1920. Lincoln, 1983. P. 28–35.

¹⁶ *Ramos M.E.* La elite militar revolucionaria en México, sus orígenes socioculturales y ligas personales // Estudios de la Historia Moderna y Contemporánea de México. 1988. Vol. 11. P. 222–223.

¹⁷ *Knight A.* Mexican Revolution. In 2 Vols. Vol. 2: Counter-revolution and Reconstruction. N.Y., 1986. P. 103–108.

¹⁸ Heriberto Barrón a Juan Sanchez Azcona. 16 de noviembre de 1912 // Documentos históricos de la Revolución Mexicana (далее: DHRM). En 20 tomos. T. 4. Revolución y regimen maderista. México–Buenos Aires, 1964. P. 199–200.

¹⁹ Agente del Partido constitucionalista en los Estados Unidos a Ignacio Pesqueira. 8 de octubre de 1913 // DHRM.T. 20, parte 1: Relaciones internacionales en la Revolución y Regimen constitucionalista y la cuestión petrolera. México, 1970. P. 26–35.

²⁰ *Arturo M.* Elías al Secretario de Relaciones Exteriores de México. 9 de abril de 1913 // DHRM.T. 14: Revolución y régimen carranzista. México, 1968. P. 163–166.

сложного сочетания соображений материального расчета и идеологических убеждений дипломатия американской администрации президента Вудро Вильсона стала оказывать поддержку конституционалистам, не признавая режим Уэрты дипломатически и оказывая на него мощное финансовое и военное давление. Попытки последнего противопоставить отсутствию американской помощи получение займов и обещаний предоставления выгодных концессий Великобритании, Франции, Германии и Японии не дали ожидаемого результата²¹.

В 1913–1915 гг. Вильсон направил в Мексику целую когорту своих «личных представителей», работавших в отдельных частях страны с представителями политических и военных групп. Самой важной фигурой из них был Джон Линд. Он постоянно контактировал с каррансистами, а в марте 1914 г. достичь через него хоть какого-то компромисса с США пытался министр иностранных дел Уэрты, Хосе Лопес Портильо-и-Рохас²². Во многом вследствие влияния Линда Белый дом довел свои отношения с режимом Уэрты до крайней черты. 21 апреля 1914 г. американский флот захватил важнейший порт Мексики – Веракрус. Карранса подверг действия США резкой критике, но не намеревался отказываться от их поддержки в свержении режима Уэрты²³.

Выработать формулу нового мексиканского правительства была призвана конференция в Ниагара-фоллс, председателями на которой были дипломаты Аргентины, Бразилии и Чили. Противоборство между политическими силами Мексики оказалось интернационализировано. Однако назначенные Каррансой делегаты США не приняли участия в переговорах. Когда федеральная армия была разбита, Карранса, сославшись на отказ командующих подчиненными ему войсками на любые сделки с уэртистами, не санкционировал подписания ими итогового соглашения²⁴.

15 июля 1914 г. генерал Уэрта бежал в эмиграцию. Мексика оказалась в руках революционеров. Однако революционный лагерь претерпел глубокий раскол. В октябре 1914 г. в г. Агуаскальентес начал свою работу Суверенный Революционный Конвент. Преобладающим влиянием в нем обладали вильсисты, в блок с которыми вступили сапатисты. Карранса не намеревался отступать от своего первоначального плана встать во главе Мексики в качестве временного президента так называемого «доконституционного режима». К концу ноября 1914 г. каррансисты и Конвент оказались в состоянии гражданской войны²⁵. Оплотом Каррансы стал освобожденный американцами Веракрус, в то время как столица переходила из рук в руки.

---

²¹ Katz F. *The Secret War in Mexico: Europe, the United States, and the Mexican Revolution*. Chicago and L, 1981. P. 156–195, 203–232.

²² John Lind to Woodrow Wilson. January 19, 1914; John Lind to William Jennings Bryan. March 10, 1914 // *The Papers of Woodrow Wilson* (далее: PWW). In 69 Vols. Vol. 29. Princeton, 1978. P. 118–127; 328–329.

²³ Marion Letcher to William Jennings Bryan. April 25, 1914 // PWW. Vol. 29. P. 495.

²⁴ Venustiano Carranza a los mediadores del ABC. 20 de junio de 1914 // DHRM.T. 3: Carranza, Wilson y el ABC. México–Buenos Aires, 1962. P. 138–139.

²⁵ Quirk R.E. *Mexican Revolution, 1914–1915: the Convention of Aguascalientes*. Bloomington, 1960. P. 91–127.

США уже с начала 1914 г. все пристальнее присматривались к Вилье, чьи военные победы популяризировались им самим²⁶. Он установил широкие связи с американским бизнесом, взяв под контроль работу значительной части рудников и ферм, что давало ему доход для снабжения своей армии²⁷. Вокруг Вильи объединились ряд видных либеральных политиков и военных из лагеря Мадеро, в том числе братья убитого президента. Главный агент Вильи в США, Ласаро де ла Гарса был вхож в госдепартамент, чего не могли добиться официальные представители Конвента²⁸. Эмиссары Вильсона отмечали, что власть Вильи признается на большей части территории северной и центральной Мексики и ему удается обеспечивать порядок²⁹. Сапатисты также пытались заручиться поддержкой США, обратившись к Вильсону с просьбой принять их делегацию в Вашингтоне, рассчитывая на помощь в решении аграрной проблемы³⁰.

Военных и административных успехов добился Карранса, который последовательно придерживался тактики «национального мышления», в отличие от Конвента, не сумевшего примирить внутренние противоречия³¹. В то же время велика была роль революционных губернаторов, которые издавали более радикальные по содержанию декреты, чем те, что был готов одобрить Карранса. Например, губернатор Веракруса Кандидо Агилар уравнил иностранных собственников в правах с мексиканцами, а губернатор Соноры и будущий президент Плутарко Элиас Кальес наложил временный запрет на совместное ведение бизнеса мексиканцами и иностранцами³². «Первый вождь» настаивал на прерогативах в решении вопросов, касающихся внешней политики³³. Однако положительных результатов добивался далеко не всегда.

В экономически важные районы, где были слабы революционные традиции, Карранса осуществлял «экспорт революции», назначая туда энергичных губернаторов и предоставляя им свободу действий. Наиболее яркий пример являл собой штат Юкатан в правление губернатора Сальвадора Альварado (1915–1918 гг.), называвшего себя социалистом. Юкатан издавна был одним из самых традиционалистских и изолированных регионов, имевший отчетливо выраженную местную идентичность. Юкатанцы считали себя едва ли не

---

²⁶ *Anderson M.A.* Pancho Villa's Revolution through Headlines. Norman, 2005. P. 7–11.

²⁷ *Katz F.* The Life and Times of Pancho Villa. Stanford, 1998. P. 301.

²⁸ *Valadés J.C.* *História general de la Revolución mexicana*. En 10 tomos. T. 5. P. 22, 37, 215.

²⁹ The Villa Government. Memorandum by Duval West Submitted to the President // PWW. Vol. 32. Princeton, 1980. P. 386–392.

³⁰ Emiliano Zapata to Woodrow Wilson. August 23, 1914 // Josephus Daniels Papers. Library of Congress, Manuscript Division (далее: LC MD). Container 653: Mexico–U.S. Relations Reference Material. P. 1–5.

³¹ *Córdova A.* La ideología de la Revolución Mexicana: formación del nuevo régimen. México, 1973. P. 349.

³² Leon José Canova to Robert Lansing, February 8, 1916 // Henry Prather Fletcher Papers. LC MD. Container 4. P. 45–46, 70–71.

³³ V. Carranza a los jefes militares y gobernadores. 12 de febrero de 1915 // DHRM. Tomo 20, parte 1. P. 170–171.

отдельной нацией и ранее предпринимали попытки отделиться от Мексики и даже войти в состав США. Альварado развернул бурную деятельность по развитию социальных программ³⁴. «Импорт» революции привел помимо других важных направлений работы и к созданию Регулирующей комиссии по экспорту хенекена, важнейшей технической сельскохозяйственной культуры, что столкнуло его не только с местной олигархией, но и американскими скупщиками³⁵.

Вопросы национального суверенитета не казались для Конвента первостепенными, в отличие от каррансистов. Он проявил готовность пойти на создание коалиционного правительства «из всех партий», предложенного администрацией Вильсона в июле 1915 г. Как и годом ранее, Вашингтон заручился посреднической поддержкой других стран Латинской Америки. Еще активнее в пользу подобного урегулирования высказывались полунезависимые правительства юга страны, например «Суверенное правительство штата Оахака», которое заявило о готовности предоставить свою территорию для конференции по примирению³⁶. Оахака была родным штатом Порфирио Диаса, долго остававшимся в стороне от революционной борьбы. Революция сюда пришла в той же форме, что и в Юкатан, – на штыках каррансистов. Несколько раз местное ополчение изгоняло присланных Каррансой губернаторов³⁷. К осени 1915 г. каррансисты смогли окончательно захватить столицу. «Первый вождь» и его приближенные отвергли предложение посредничества, обосновав отказ тем, что «перемены к лучшему... никогда не достигаются путем компромиссов», а переговоры с представителями других политических сил послужат на пользу «реакции»³⁸. 19 октября 1915 г. США признали режим Каррансы де-факто, взяв на вооружение тактику поддержания той группировки, чьи военные позиции сильнее всего на текущий момент.

Нападение Вильи на пограничный американский г. Колумбус (штат Нью-Мексико) 9 марта 1916 г. стало поводом к вводу в Мексику «карательной экспедиции» генерала Джона Першинга. Несмотря на опасность, которую присутствие контингента американских войск представляло для каррансистов, они сумели вынудить Вашингтон играть практически на равных, тем самым укрепить свои позиции в качестве национального правительства Мексики. Интервенция не помешала прохождению в г. Керетарь конституционного Конвента, на котором была выработан и принят новый Основной закон страны³⁹. В день ее промульгации, 5 февраля 1917 г., экспедиция Першинга полностью покинула Мексику.

---

³⁴ Carey J.C. The Mexican Revolution in Yucatan, 1915–1924. Boulder and L., 1984. P. 73–88.

³⁵ Salvador Alvarado a Venustiano Carranza. 26 de septiembre de 1916 // DHRM.T. 17: Revolución y régimen constitucionalista. México, 1969. P. 130–134.

³⁶ Papers relating to the Foreign Relations of the United States. 1915. Wash. (D.C.), 1924. P. 742–743.

³⁷ Bell E.I. The Mexican Problem. Article III: Restricted Intervention – the True Solution // Outlook. October 6, 1915. Vol. 111. P. 424.

³⁸ Venustiano Carranza a la prensa; Cándido Aguilar a los mediadores del ABC. 28 de septiembre de 1915 // DHRM. T. 3. P. 241–244, 255–256, 281–283.

³⁹ Niemeyer E.V. Revolution at Querétaro: the Mexican Constitutionalist Convention, 1916–1917. Austin and L., 1974. P. 119–124.

В то же время местный партикуляризм никуда не исчез, а стремление апеллировать к иностранной поддержке не ослабевало. На мексикано-американской границе продолжали свою деятельность вильисты, несмотря на разгром основных сил Вильи к концу 1915 г⁴⁰. В той же зоне действовала достаточно неопределенная по своему социальному составу и источникам финансирования группировка «легалистов», предположительно пользовавшаяся поддержкой видной мексиканской консервативной эмиграции в США и Европе⁴¹. Даже дядя покойного президента Эрнесто Мадеро, по сообщениям американского Бюро расследований, хотел попытаться счастья, организовав свою «революцию» с целью вернуть семейную собственность в Мексике⁴². Для борьбы с деятельностью враждебных «партий» правительство Каррансы создало на границе свою агентурную сеть, которую контролировал генеральный консул Андрес Гарсия⁴³.

Фактически всякая оппозиционная центральному правительству группа могла либо стремиться овладеть столицей, тем самым взяв на себя обязательства побежденных перед иностранными правительствами и собственникам, либо создать подконтрольную себе территорию, сохраняя свободу изыскания средств и установления внешних связей. Примером первого подхода может служить попытка Феликса Диаса вернуться к власти. Воспользовавшись фондами «порфиристов» в США и на Кубе, в 1916 г. он проник в Мексику, попытавшись организовать «революции» в штатах Чьяпас, Веракрус и родной Оахаке. В опубликованной им программе он обещал развитие мелкого землевладения, честные выборы, гарантии жизни и собственности иностранцам. Однако он не сумел добиться широкой поддержки, в течение нескольких лет совершая эпизодические нападения на войска каррансистов⁴⁴. Бюро расследований и военно-морская разведка США регулярно получали информацию об отправке добровольцев, грузов оружия медикаментов для «фелисистов», но США сохраняли их как средство давления на каррансистов, не принимая последовательных мер пресечения⁴⁵.

Ярким примером другой тактики является поведение генерала Мануэля Пелаеса в нефтеносном районе Тукспама и Уастеки (север штата Веракрус) Пелаес стал символом вмешательства крупного американского капитала во внутренние дела Мексики. Постоянно появлялись сообщения о том, что американская “Mexican Petroleum Company”, британская “El Águila” и другие содержат его войска, не позволяя правительству Каррансы проводить в жизнь

---

⁴⁰ Report by Victor Weiskopf: Supposed Villista Activities. April 20, 1917 // NARA. M1085. Roll 866. P. 1–5.

⁴¹ Protesta del llamado Partido Legalista Mexicano... 2 de noviembre de 1916 // DHRM. T. 17. P. 170–171.

⁴² Ernesto Madero. April 19, 1917 // NARA. M1085. Roll: boi_mexican_851–874_0004. P. 1.

⁴³ *Smith M.M.* Andrés G. García: Venustiano Carranza’s Eyes, Ears, and Voice on the Border // *Mexican Studies*. Vol. 23. No 2 (Summer 2007). P. 355–386.

⁴⁴ *Henderson P.V.N.* Op. cit. P. 124–150.

⁴⁵ Proposed Felicista Revolutionary Expedition. March 22, 1918 // NARA. M1085. Roll 870. P. 1–10.

декреты о регулировании нефтедобычи, в духе новой Конституции⁴⁶. В то же время, по заявлениям самих промышленников, пелаисты вымогали денежные средства у иностранных нефтяных компаний под угрозой нанесения ущерба месторождениям⁴⁷. Нуждаясь в финансовой помощи, Пелаес выступал покровителем, но не останавливался перед шантажом. Именно поэтому американские и британские компании и консулы часто выступали против активной поддержки пелаистов⁴⁸.

Такое состояние страны не могло не создавать шаткое положение стоящей у власти группы. Правительство Каррансы пыталось идти тем же путем, что в свое время Порфирио Диас и Уэрта, играя на противоречиях между США и Германией⁴⁹. Однако его германофильство (в реальности далеко не последовательное) настроило враждебно по отношению к нему дипломатию США, Великобритании, печать и общественное мнение этих стран. Декларируя политику «революционного национализма» и защиты суверенитета Мексики, но не контролируя всей территории страны, Карранса все чаще воспринимался и изображался за рубежом как злонамеренный политикан, управляющий ордой грабителей. Региональные вожди, напротив, представляли в выгодном свете, как конструктивные и патриотичные мексиканцы, желающие по-настоящему работать для улучшения жизни местного населения и готовые уважать права иностранцев⁵⁰.

В 1920 г. в Мексике должны были пройти президентские выборы, и подготовка к ним выявила в качестве фаворита генерала Обрегона. Карранса выдвинул кандидатом непопулярного гражданского политика, посла Мексики в США Игнасио Бонильяса. Революционная армия к тому времени стала полноценным субъектом мексиканской политической жизни и не желала сдавать позиции⁵¹. Сторонники Обрегона в штате Сонора подняли «революцию Агуа-Приеты» против Каррансы. Во время бегства из столицы лидер конституционалистов был убит. В Мексике установилось временное правительство во главе с генералом Адольфо де ла Уэртой. Выступая под лозунгом «национального примирения», Обрегон сумел привлечь на свою сторону большинство региональных вождей, которые сложили оружие⁵².

Одним из пунктов их политики было достижение компромиссов с иностранными интересами в Мексике. В своей предвыборной кампании Обрегон неоднократно подчеркивал значение иностранных инвестиций для развития

---

⁴⁶ Ignacio Bonillas a Venustiano Carranza. 17 y 19 de abril de 1919 // DHRM. T. 20, parte 1. P. 346–347.

⁴⁷ Investigation of Mexican Affairs. Vol. 1. Wash. (D.C.), 1920. P. 279–280.

⁴⁸ Brown J.C. Oil and Revolution in Mexico. Berkley–Los Angeles–Oxford, 1993. P. 254–291.

⁴⁹ Katz F. The Secret War in Mexico. P. 348–364, 432–450, 516–517, 522.

⁵⁰ Gates W. The Four Governments of Mexico // World's Work. 1919. Vol. 37. February–April. P. 385–393, 570–580, 654–665.

⁵¹ Lieuwen E. Mexican Militarism: the Political Rise and Fall of the Revolutionary Army, 1910–1940. Albuquerque, 1968. P. 41–55.

⁵² Шишков А.С. Идейная борьба в политической элите Мексики в 1920-е гг. М., 2009. С. 52–53.

страны⁵³. Вопрос о займе для Мексики решался в Нью-Йорке «социалистом» Альваро, которого обвиняли в «проповеди большевизма»⁵⁴. В своих переговорах с госдепартаментом США Международным комитетом банкиров по Мексике временное правительство проявляло гибкость, но не сдавало позиций сразу, особенно в том, что касалось внесения изменений в конституцию⁵⁵.

Переговорный процесс затянулся вплоть до 1923 г., когда были заключены знаменитые Букарельские соглашения, признававшие, что статьи мексиканской конституции не будут иметь обратного действия для иностранных собственников. В то же время местные инициативы во внешней политике сохранялись. Например, последователь Альваро, губернатор Юкатана Фелипе Каррильо Пуэрто в 1923 г. выступил с инициативой налаживания торговли с СССР⁵⁶. Мятеж, поднятый против Обрегона в конце того же года его бывшим союзником Де ла Уэртой, в котором приняла участие значительная доля революционного генералитета, потерпел поражение не только вследствие поддержки Обрегона крестьянскими и рабочими организациями, но и поставок правительству оружия из США.

Мексиканскую революцию можно рассматривать как национальный опыт движения к модернизации, с другой стороны, в самом этом процессе неизменно выделяется региональное или локальное «измерение». По замечанию Ф. Тернера, призывы к «национальному единению» чаще всего подразумевали «единение в поддержке нашего лидера»⁵⁷. Однако перед внешним окружением вставал серьезный вопрос: какие политические силы в Мексике способны обеспечить в ней стабильность или конструктивные перемены, которые не вступают в противоречие с иностранными интересами?

Отчасти революция, не дав на этот вопрос прямого ответа, создала лучшее средство для защиты страны от чрезмерного иностранного вмешательства, вынуждая крупные державы и корпоративные группы лавировать между отдельными течениями. Решение извечного мексиканского противоречия между «централизмом» и регионализмом было найдено путем взятия на себя влиятельной корпорацией (революционной армией) функции арбитра. Параллельно с этим внутренние изменения в Мексике постепенно вели к укрупнению позиций страны на международной арене.

---

⁵³ Discursos del general Álvaro Obregón. En 2 tomos. T. 2. México, 1926. P. 70–71.

⁵⁴ New York Tribune. July 21, 1920.

⁵⁵ Norman Davis to Woodrow Wilson. July 21, 1920 // PWW. Vol. 65. Princeton, 1992. P. 534; Roberto Pesqueira to Bainbridge Colby. October 24, 1920 // PWW. Vol. 66. Princeton, 1992. P. 285–286.

⁵⁶ Д. Дубровский – С.И. Братман-Бродовскому. 5 марта 1923 г. // Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0110. П. 101. Оп. 2. Д. 2. Л. 5–6.

⁵⁷ Turner F.C. The Dynamic of Mexican Nationalism. Chapel Hill, 1968. P. 163.

РЕФОРМИСТСКИЙ КУРС МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ И РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г.

*Милованов Константин Юрьевич, к.и.н.
(Институт стратегии развития образования РАО)*

К началу 1917 г. система народного образования России находилась в ожидании кардинальной модернизации, были определены ведущие фундаментальные принципы поступательного системного развития в сторону дальнейшей либерализации национальной образовательной системы (с опорой на традиции классической русской педагогики и передовой зарубежный опыт).

В 1915–1916 гг. после осознания того факта, что Первая мировая война может затянуться надолго, в кругах здравомыслящего и патриотически настроенного высшего петербургского чиновничества возникли идеи по подготовке нового прорывного реформационного проекта в сфере образования, эффект от реализации которого был бы аналогичен значению «Брусиловского прорыва» на театре военных действий. Знаковой исторической фигурой, государственным деятелем новой формации и ярким представителем национально ориентированного истеблишмента стал министр народного просвещения Российской империи в 1915–1916 гг. граф П.Н. Игнатьев (1870–1945). Характерно, что «мозговой штаб» проектируемой реформы возглавил крупнейший отечественный педагог, психолог и гуманист П.Ф. Каптерев (1849–1922). Либеральная образовательная реформа П.Н. Игнатьева была ориентирована на создание и консолидацию национальной системы образования в общем русле отечественных модернизационных проектов, реализуемых в различных сферах общественной и государственной жизни. Перво-наперво в рамках реализации реформационного образовательного курса необходимо было решить злободневный и многолетний, переходящий от одного министра народного просвещения к другому «вопрос о всеобщем начальном образовании, которое теперь должно было стать обязательным»¹.

Под руководством П.Н. Игнатьева был подготовлен масштабный проект реформы средней школы при активном участии экспертной группы из числа демократически настроенных педагогов и общественных деятелей (Всероссийский Учительский союз, Лига образования и др.), стремившихся учесть все достижения современной им отечественной и зарубежной педагогической науки. В перспективе намечалось создание единой общеобразовательной школы (гимназии) с семилетним сроком обучения. Реализация реформы системы среднего образования связывалась с актуальными и насущными потребностям общественно-политического развития и интересами отечествен-

---

¹ Андреев А.Л. Российское образование: социально-исторические контексты. М.: Наука, 2008. С. 172.

ной экономики. Важной составляющей планируемой реформы стала либерализация и модернизация системы управления народным просвещением. В период игнатьевских преобразований стали формироваться содержательно новые, более демократические, отвечающие духу времени подходы к построению эгалитарной бессловной модели структурно единой системы отечественной школы. В игнатьевском реформационном дискурсе нашли свое воплощение «прогрессивные для своего времени идеи отечественной и зарубежной педагогической мысли, а также передовой опыт экспериментальных учебных заведений»².

В области высшего профессионального образования П.Н. Игнатьев, учитывая здравую и конструктивную критику кадетов и октябристов, указывавших на раздробленность высшей школы по ведомственному признаку и отсутствие какого-либо перспективного и стратегического планирования, сформировал состав ведомственного Совета по делам профессионального образования с кооптацией в него представителей педагогического движения, финансовых кругов и торгово-промышленных групп. Таким образом, была доведена до ума и реализована старая идея П.А. Столыпина по созданию единого полномочного органа стратегического планирования в области профессионального образования.

Граф П.Н. Игнатьев заложил фундамент полноценной общенациональной реформы образования и заявил о готовности открытого сотрудничества с педагогической общественностью. Российская система народного просвещения, руководимая министром-реформатором, была полностью подготовлена к последовательной модернизации без форсированных и волюнтаристских трансформаций, были созданы все условия для эволюционного демократического развития отечественной школы. Нельзя не согласиться с тем, что «по масштабу и глубине идей, заложенных в разработанной программе преобразований, она может быть поставлена в один ряд с самыми значительными образовательными проектами, которые известны российской истории»³.

В это время российский парламент – Государственная дума четвертого созыва, превратилась в ведущий рупор непримиримой либеральной оппозиции, настроенной уже не на проведение реформ, а на формирование так называемого «общественного министерства», а во второй половине 1916 г. вставшая на путь свержения правящего монарха путем верхушечного или дворцового переворота. Деятельность данного законодательного учреждения не оправдала чаяний ни государственных деятелей новой формации, ратующих за обновление политического режима, ни прогрессивного общественного движения. Поскольку была пройдена историческая точка невозврата и «опозиционные круги, готовившие смену власти, берут курс на моральную изоляцию правительства... нагнетается обстановка подозрительности, недоверия к власти и ее всемерной дискредитации, оказывавшая сильное психологиче-

---

² *Богуславский М.В.* Реформирование российского образования XVIII–XX веков: социокультурный контекст // Вестник Института теории и истории педагогики РАО. 2007. № 1. С. 40.

³ *Андреев А.Л.* Российское образование: социально-исторические контексты. М.: Наука, 2008. С. 173.

ское воздействие даже на вполне лояльных трону людей»⁴. Безусловно, что Первая мировая война также сыграла свою негативную роль в судьбе многих прогрессивных начинаний в сфере народного просвещения, дестабилизировав внутривластную обстановку и ухудшив социально-экономическую ситуацию в стране.

Анализ программ общероссийских политических партий данной эпохи отчетливо показывает, что вопросы народного просвещения и школьного образования занимали одно из важнейших мест в публичных программных материалах различных политических организаций и общественно-политических движений. Так, две ведущие политические партии умеренно либерального толка, широко представленные в Государственной думе Российской империи различных созывов, – «Союз 17 октября» (октябристы) и Партия народной свободы или Конституционно-демократическая партия (кадеты) выдвигали и отстаивали прогрессивные демократические требования в сфере образования, направленные на полномасштабную реализацию модернизационной программы. В политической программе партии «Союз 17 октября» был сделан акцент на реформистский курс в области народного просвещения. Отдельно оговаривалось, что «в области государственных реформ октябристы требуют установления всеобщего обучения»⁵.

Более детально и логично были сформулированы и прописаны требования и доминантные идеи конституционных демократов (кадетов) в сфере народного просвещения. В программе Партии народной свободы декларировалось, что система народного просвещения должна быть реорганизована, опираясь на принципы свободы, демократизации и децентрализации. Кадетская программа реформирования образования призывала к ликвидации всех препятствий к поступлению в школу, связанных с полом, происхождением и религией. Гарантировались свобода частной и общественной инициативы в открытии и организации учебных заведений всех типов, а также в области внешкольного просвещения. Подчеркивалась преемственность и неразрывность различных звеньев системы образования, в рамках которой между различными ступенями школ всех типов должна быть установлена прямая связь для облегчения перехода от низшей ступени к высшей.

В области высшего профессионального образования кадетами гарантировались: полная автономия и свобода преподавания в университетах и других высших школах, а также увеличение их числа; уменьшение платы за слушание лекций; организация просветительной работы высшей школы для широких кругов населения; легализация различных студенческих союзов и организаций. В сегменте среднего образования декларировалось, что «количество средних учебных заведений должно быть увеличено соответственно общественной потребности; плата в них должна быть понижена»⁶. Земским

---

⁴ Там же. С. 174.

⁵ Программа Союза 17 октября 1905 г. // Программы главнейших русских партий. М.: Библиотека свободного народа, 1917. С. 50.

⁶ Программа партии Народной Свободы или конституционно-демократической партии (выработанной съездом партии 12–18 октября 1905 г. и дополненной и измененной в марте 1917 года) // Программы главнейших русских партий. М.: Библиотека свободного народа, 1917. С. 48.

учреждениям, общественным объединениям и общественно-педагогическим союзам предоставлялось право широкого участия в организации учебно-воспитательного процесса. В программе кадетской партии содержалось характерное для всех ведущих российских политических партий имперского периода основополагающее требование по введению всеобщего, бесплатного обязательного обучения в начальной школе. Также в области начального образования предполагалась передача начальной школы в сферу ответственности органов местного самоуправления и организация земствами постоянной материальной помощи нуждающимся учащимся. В области дополнительного и внешкольного образования конституционными демократами было запланировано создание образовательных и культурно-просветительских учреждений для взрослого населения – элементарных школ, народных библиотек, музеев, мобильных читален и народных университетов. Также был сделан существенный акцент на поддержку стратегического развития учреждений профессионально-технического образования.

Политическая программа Национальной демократическо-республиканской партии в области народного образования предполагала «спешно провести всеобщее обязательное бесплатное обучение, согласование ступеней школы и развитие внешкольного и профессионального образования»⁷.

Партия народных социалистов (Народно-социалистическая партия), или знесы, и союзная им парламентская фракция Трудовой группы требовали отделения Церкви от государства и школы. В программе народных социалистов утверждалось, что в области народного образования партия «будет добиваться равного для всех граждан права на образование; бесплатности его на всех ступенях; общедоступного и обязательного образования в начальной народной школе на родном языке учащихся; передачи средних и низших школ в заведывание местных органов самоуправления; автономии учебных заведений, свободы частной и общественной инициативы в области школьного и внешкольного образования; свободы преподавания; широкого развития профессионального и специального образования на основе общего»⁸. Характерно, что образовательную платформу народных социалистов, вошедшую затем в состав их политической программы, разработал член Центрального комитета Народно-социалистической партии, крупнейший представитель отечественного общественно-педагогического движения В.И. Чарнолуский.

Программные установки Партии народных социалистов по вопросам народного просвещения нашли свое отражение в деятельности одной из крупнейших общественно-педагогических организаций – Лиги образования. Еще в 1907 г. народными социалистами были подготовлены два думских законопроекта – «Проект основных положений государственного органического закона по народному образованию» и «Проект временных правил по народному образованию». Представители Трудовой парламентской группы особо выде-

---

⁷ Программа Национальной демократическо-республиканской партии // Программы главнейших русских партий. М.: Библиотека свободного народа, 1917. С. 60.

⁸ Народно-социалистическая партия. Программа народно-социалистической партии // Программы главнейших русских партий. М.: Библиотека свободного народа, 1917. С. 32.

ляли вопрос об обязательном посещении молодыми рабочими дополнительных занятий в вечерних и воскресных школах.

Социалистические партии принципиально выступали против какого-либо сотрудничества с царским правительством в области народного образования, вплоть до решения вопроса о судьбе самодержавного политического режима.

Программа одной из крупнейших и влиятельнейших в тогдашней России политических партий, наследницы социальных и просветительских принципов народничества – Партии социалистов-революционеров (эсеров) призвала к введению «обязательного, всеобщего и равного для всех общего образования на государственный счет»⁹. Центральным направлением деятельности Партии социалистов-революционеров являлась просветительская и пропагандистско-агитационная работа в народных массах. Через широкую общенациональную сеть первичных организаций в городах и особенно в сельской местности помимо распространения эсеровской идеологии ставились задачи по обучению крестьян и рабочих грамоте, реализовывались программы общего и политического воспитания, а также проводились культурно-просветительские мероприятия.

Ведущая марксистская политическая партия – Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП) в рамках своей единой партийной программы (без фракционного деления на большевиков и меньшевиков) приоритетным считала «право населения получать образование на родном языке, обеспечиваемое созданием на счет государства и органов самоуправления необходимых для того школ»¹⁰. Также программа РСДРП содержала характерное для всех тогдашних партий левого и левоцентристского фланга требование отделения Церкви от государства и школы от Церкви. РСДРП активно поддерживала профессионально-техническое образование, видя в нем основное средство повышения образованности пролетариата, как, впрочем, и важный стимул для технического прогресса.

Однако при подготовке второй программы РСДРП в революционном 1917 г. поднялась волна активной внутрипартийной критики по вопросу о делении школы «на школу “для белой кости”, т. е. общеобразовательную, и для “черной кости”, т. е. профессиональную как форму выражения классовых интересов»¹¹. Социал-демократы придавали огромное значение деятельности легальных просветительских и общественно-педагогических организаций, активно сотрудничая с ними¹². Одним из важнейших условий для осуществления радикального переустройства системы народного образования социал-демократами называлось свержение абсолютистского политического режима и провозглашение демократической республики.

---

⁹ Программа партии социалистов-революционеров // Программы главнейших русских партий. М.: Библиотека свободного народа, 1917. С. 20.

¹⁰ Программа Российской Социал-демократической Рабочей Партии // Программы главнейших русских партий. М.: Библиотека свободного народа, 1917. С. 11.

¹¹ История профессионального образования в России. М.: Ассоциация «Профессиональное образование», 2003. С. 75.

¹² Коржихина Т.П., Степанский А.Д. Из истории общественных организаций // Историка спорят. 13 бесед / под общ. ред. В.С. Лельчука. М.: Политиздат, 1988. С. 410.

В канун революционных событий по инициативе политических партий, учительских союзов и представителей профильных ведомств создаются и проводятся общероссийские съезды, совещания педагогической и родительской общественности. Подготавливаются многочисленные законопроекты демократического характера по обновлению системы народного образования, разработанные профессиональным сообществом и крупнейшими представителями общественно-педагогического движения.

Безусловно, что для реализации реформационной образовательной программы требовалась прежде всего внутривластная стабильность и демократизация фундаментальных основ общественной жизни. Государственная политика имперского периода в сфере образования по сравнению с западными странами существенно запаздывала с пониманием судьбоносного значения образования как важнейшего социокультурного института, что в значительной мере и способствовало возникновению общенационального кризиса, породившего революционную смуту. Не вызывает сомнения то обстоятельство, что процесс создания многоуровневой структуры отечественного образования так и не был завершен вплоть до краха российской государственности в 1917 году. Однако передовые образовательные проекты начала XX в. были использованы уже в ранний советский период, что доказывает определенную преемственность дореволюционной и советской систем образования¹³.

В период нахождения у власти различных составов Временного правительства Российской республики министерство народного просвещения последовательно возглавляли: профессор А.А. Мануйлов (март–июль 1917 г.), академик С.Ф. Ольденбург (июль–август 1917 г.), профессор С.С. Салазкин (сентябрь–октябрь 1917 г.). С самого начала министр народного просвещения А.А. Мануйлов фактически утратил контроль над аппаратом министерства и территориальными структурами – учебными округами, тем самым парализовав систему управления народным образованием в центре и на местах. Нахождение на посту главы образовательного ведомства С.Ф. Ольденбурга завершило развал вертикали управления народным образованием, так как министр вообще не проявлял интереса ни к школьной реформе, ни к самой школе, а занимался в период жесточайшего социального и политического кризиса вопросами международного научного сотрудничества и российско-французскими культурными связями.

Лишь третий министр народного просвещения Временного правительства С.С. Салазкин тщетно пытался в условиях революционной ситуации выправить положение и следовать реформистской «игнатьевской» линии. Находясь на прогрессивной образовательной платформе кадетской партии, он активно поддерживал работу министерского Государственного комитета по народному образованию. С.С. Салазкин отстаивал ведущие базовые демократические принципы в области народного просвещения – введение бесплатного начального и общего среднего образования, децентрализацию системы управления, «автономизацию» высшей школы, внедрение институтов государственно-общественного контроля и др.

---

¹³ Преемственность и новаторство в развитии основных направлений в отечественной педагогической науке (конец XIX – XX в.): монография / М.В. Богуславский, Т.Н. Богуславская, В.М. Лобзаров; под ред. М.В. Богуславского. М.: ФГНУ ИТИП РАО, 2012. С. 38.

Весной 1917 г. Государственный комитет по народному образованию при Министерстве народного просвещения Временного правительства начал подготовку реформы системы общего среднего образования в духе министерского проекта П.Н. Игнатьева. Одним из организаторов и лидеров Государственного комитета стал В.И. Чарнолуский. Помимо него в Комитет вошли десятки прославленных ученых, педагогов и общественных деятелей, а в их числе В.П. Вахтеров, В.А. Герд, Я.Я. Гуревич, А.У. Зеленко, Н.Н. Иорданский, А.П. Пинкевич, Н.В. Чехов и др. Идеино-теоретическую основу деятельности Государственного комитета по народному образованию при Министерстве народного просвещения Временного правительства составила еще дореволюционная программа образовательных реформ В.И. Чарнолуского «Основные вопросы организации свободной демократической школы в России» (1908 г.). В структуре Комитета В.И. Чарнолуский играл ключевую роль, став ведущим координатором реформаторской деятельности и фактическим руководителем аппарата. Он был главою Бюро, а также председателем двух основных комитетских комиссий (общих вопросов и комиссии по объединению разноведомственных школ под общим управлением).

В экстраординарных условиях «напряженной работы (7 сессий, около 70 сессионных заседаний, а число заседаний подготовительных и исполнительных органов выражается в сотнях) за пять месяцев Комитетом было разработано около сорока вполне законченных законопроектов»¹⁴. Знаменательным итогом плодотворной работы стали стратегические документы – «О единой общественной общеобразовательной школе» и «Временное положение о единой общественной общеобразовательной школе» (октябрь 1917 г.), вызвавшие бы в случае их плановой реализации существенные демократические изменения в системе народного просвещения.

В данных законодательных проектах содержались: гарантии фундаментальных прав на образование всех народов Российской республики; принципы преемственности ступеней школы и децентрализации системы управления народным образованием; поддержка на официальном уровне государственно-общественного управления в средней школе и др. Но в связи с революционными событиями в октябре 1917 г. данные документы так и не вступили в силу после их опубликования, а уже в ноябре Совет народных комиссаров упразднил и сам Государственный комитет по народному образованию. Следует отметить, что параллельно с преобразовательной деятельностью в области общего среднего образования протекала активная работа по реформированию высшей школы в рамках Комиссии по реформе высших учебных заведений при Министерстве народного просвещения (при фактическом руководстве министра С.С. Салазкина).

Высшее руководство РСДРП(б) активно включилось в деятельность по решению насущных проблем образования, видя в них решающее значение для судеб революции и социалистического государства. Изменения в области народного образования последовали почти сразу же после взятия власти большевиками. 26 октября 1917 г. декретом Второго съезда Советов был создан Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос) Российской респу-

---

¹⁴ Дедловская М.Ю. Рыцарь народного просвещения // Инициативы XXI века. 2009. № 1. С. 76.

блики. 29 октября 1917 г. народный комиссар просвещения А.В. Луначарский в обращении «К гражданам России» сформулировал основные направления государственной образовательной политики новой власти. Сущность большевистской политики в области народного образования заключалась в реализации партийной программы РСДРП(б), а именно планировалось введение всеобщего начального обучения (обязательного и бесплатного); отстаивался светский принцип реализации программ образовательной деятельности; учитывалась национальная и региональная специфика в деле организации учебного процесса; обеспечивалась общедоступность школы всех ступеней; существенно увеличивался бюджет системы народного образования.

9 ноября 1917 г. был опубликован совместный декрет Всероссийского Центрального Исполнительного комитета и революционного правительства – Совета народных комиссаров о создании Государственной комиссии по просвещению, которой поручалась общая организация школьного дела в Советской республике. Во главе правительственной Комиссии встал А.В. Луначарский, а в ее состав вошли авторитетные профессиональные революционеры Н.К. Крупская, П.Н. Лепешинский, М.Н. Покровский. Исходя из содержания нормативно-правового документа видно, что Комиссия должна была не руководить образовательными учреждениями, а координировать финансовую, хозяйственную, идеологическую и методическую деятельность различных учебных заведений в масштабе всей страны. В связи с этим центральный аппарат бывшего Министерства народного просвещения становился своеобразной структурой по административному сопровождению, научно-методическому и материально-техническому обеспечению образовательных учреждений. Уже в декабре 1917 года, отстаивая принцип светскости образования, Советское правительство принимает постановление «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Народного Комиссариата по просвещению».

Стратегия государственной образовательной политики в начале XX века была направлена на создание единой, но дифференцированной системы образования, включающей различные типы и виды учебных заведений, базирующейся на принципе оптимальной управленческой децентрализации и умеренно консервативных ценностях. Характерными особенностями государственной политики в сфере модернизации российского образования (с конца XIX в. по октябрь 1917 г.) были крайняя непоследовательность правящей элиты в деле по практической реализации проектов образовательных реформ; мозаичность и незавершенность самих преобразований; межпартийная и внутривнутрипартийная борьба; политическая незрелость и непрофессионализм российского двухпалатного парламента; перманентная «министерская чехарда» в Министерстве народного просвещения (чередование министров-«реакционеров» и министров-«либералов»); сильнейшая зависимость от внутренних и внешних политических и социальных факторов (революций, войн, кризисных явлений в экономике и социальной сфере и др.).

Таким образом, на начало 1917 года система народного просвещения России была полностью готова к кардинальной модернизации. И тому яркое подтверждение, реализация пилотного стратегического проекта в 1915–1916 гг. – образовательной реформы П.Н. Игнатьева. Были созданы базовые условия для эволюционного развития в контексте дальнейших преобразований национальной образовательной системы. Замещение либерально-демократиче-

ской линии внутриполитического развития на радикально-революционную (октябрь 1917 г.) привело к демонтажу сложившейся (традиционной) системы отечественного образования. Данное обстоятельство способствовало формированию новой концепции модернизации народного образования на иной законодательной основе, иными методами и средствами, с вновь созданной структурой управления образованием в центре и на местах (Наркомпрос РСФСР и Государственная комиссия по просвещению, губернские, уездные и волостные отделы народного образования), и в уже изменившихся политических и социально-экономических условиях. Решительно отвергнув официальную «государственную педагогию» эпохи самодержавия, «буржуазную» педагогику периода Временного правительства, большевики создавали свою «новую педагогику» и «новую школу», напрямую увязывая успех данного дела с достижениями всего масштабного стратегического проекта общегосударственного социалистического строительства в молодой Советской республике.

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА ГЛАЗАМИ ДЖОНА РИДА

*Миронова Ольга Юрьевна
(Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова)*

Несмотря на множество дискуссий, разворачивающихся вокруг Революции 1917 года, споров касательно её оценки, один факт всё же остается бесспорным: эта Революция явилась значительным поворотным моментом в истории российской государственности. Смена власти и общественного строя, сдвиги в сословном устройстве – всё это мы привыкли видеть с отечественной точки зрения, перечитывая учебники, очерки, труды наших земляков, чья принадлежность к стране, в которой и разворачивались описываемые ими события, неизбежно накладывала отпечаток на их восприятие. На этот счёт Н.К. Крупская заметила, что русские авторы «иначе пишут об Октябрьской революции: они или дают оценку её, или описывают те эпизоды, участниками которых они являлись»¹.

В этой связи попытка взглянуть на Революцию и её последствия глазами иностранцев, носителей иного культурного кода представляет для нас особый интерес.

«Иностранцы иначе пишут о Советской России. Они или вовсе не понимают совершающихся событий, или берут отдельные факты, не всегда типичные, и их обобщают», – рассуждает Крупская и тут же делает оговорку: «Правда, очевидцами революции были очень немногие»².

Одним из таких свидетелей коренных перемен в Российском государстве стал американский журналист Джон Рид, зафиксировавший и отразивший всё, увиденное им, в книге «Десять дней, которые потрясли мир» (1919). В статье Артема Кречетникова для BBCRussian.com «Перечитывая Джона Рида» отмечается его пылливость, желание докопаться до самой сути: «Он был настоящим репортером, и несколько дней почти не спал, постоянно находясь в местах главных событий и разговаривая с огромным количеством русских – от министров и партийных вождей до швейцаров и извозчиков»³. Лев Выготский в рецензии на труд Джона Рида называет автора «художником правды»⁴, а о книге пишет: «Верный перечень событий и фактов, еще очень

---

¹ Рид Д. Десять дней, которые потрясли мир // Неизвестная революция. Сборник произведений Джона Рида. СПб., 2015. С. 13.

² Там же.

³ Кречетников А. Перечитывая Джона Рида. BBCRussian.com

⁴ Выготский Л. Десять дней, которые потрясли мир // «Полесская Правда», 23 декабря 1923. № 1081. С. 3.

сложная и тонкая композиция сцен, диалогов, описаний, рассказов, которая читается как роман»⁵.

Как отмечает Третьяченко Е.А., «Десять дней, которые потрясли мир» считается одним из самых содержательных и достоверных источников, в котором сделана попытка не только воссоздать события, но и передать характер толпы, воздух улиц, общую атмосферу тех дней»⁶.

«Он в те дни кропотливо собирал номера газет, прокламации и брошюры, плакаты и афиши, которые документально подкрепили бы всё то, что он наблюдал; он повез затем в ньюйоркскую гавань огромную коллекцию материалов, чтобы засесть с ними в небольшой комнатке Нью-Йорка и написать там свою книгу»⁷. Так описывается работа журналиста М. Живовым в книге «Глазами иностранцев» под редакторством Л. Гасвиани.

Таким образом, все единодушны в том, насколько профессионально Джон Рид подошел к своей задаче зафиксировать сдвиги в устройстве целого государства со всех сторон, запечатлеть каждый нюанс, дополняющий целую картину.

Сам Джон Рид в предисловии определяет свою миссию так: «...Я старался рассматривать события оком добросовестного летописца, заинтересованного в том, чтобы запечатлеть истину»⁸.

Хотя всё же мы не можем не учесть: абсолютно беспристрастным Джону Риду остаться не удалось. Впрочем, и сам автор понимает это: «В борьбе мои симпатии не были нейтральны»⁹. Артём Кречетников обращает наше внимание: «Он был левым, не столько даже политически, сколько эстетически»¹⁰. Действительно, американский журналист перед тем, как приступить к описанию событий Революции, на страницах своей книги пытается заранее оправдать большевизм. «...Когда большевики разбили в прах все пустые компромиссы, меньшевики и эсеры оказались участниками борьбы на стороне буржуазии... В настоящее время то же самое можно видеть почти в любой стране мира»¹¹, – фиксирует Рид. «Большевики, представляется мне, это не разрушительная сила, а единственная в России партия, обладающая созидательной программой и достаточной властью, чтобы провести её в жизнь. Если бы им в тот момент не удалось удержать власть, то, по-моему, нет ни малейшего сомнения в том, что уже в декабре войска императорской Германии были бы в Петрограде и Москве и Россия снова попала бы под иго какого-нибудь царя...»¹² – таково мнение автора. Также он пишет: «После целого года существования Советской власти всё ещё модно называть восстание большевиков

---

⁵ Там же.

⁶ Третьяченко Е.А. Образ Советской России в творчестве американских писателей и публицистов в историко-культурном контексте 1917–1991 гг.: диссертация ... доктора философских наук: 24.00.01. Шуя, 2010.

⁷ Живов М. Друзья и враги о СССР // Глазами иностранцев / под ред. Л. Гасвиани. М., 1932. С. 15.

⁸ Рид Д. Указ. соч. С. 22.

⁹ Там же.

¹⁰ Кречетников А. Указ. соч.

¹¹ Рид Д. Указ. соч. С. 21.

¹² Там же.

“авантюрой”. Да, то была авантюра, и притом одна из поразительнейших авантюр, на какие когда-либо осмеливалось человечество, – авантюра, бурей воорвавшаяся в историю во главе трудящихся масс и всё поставившая на карту ради удовлетворения их насущных и великих стремлений»¹³.

Однако Джон Рид оправдывает не столько лидеров большевистского движения, сколько простых рабочих, рядовых солдат. Интересно его замечание буквально на первых страницах: «Народные же массы желали подлинной рабочей и крестьянской демократии»¹⁴, в отличие от имущественных классов, в настроениях которых журналист обнаруживает совершенно противоположные настроения: «Значительная часть имущих классов предпочитала немцев революции – даже Временному правительству – и не колебалась говорить об этом. В русской семье, где я жил, почти постоянной темой разговоров за столом был грядущий приход немцев, несущих “законность и порядок...”»¹⁵. Примечательно, что в данном случае законность и порядок взяты автором в кавычки. В противовес народу, желающего демократии, Рид рисует образ зажиточной прослойки, которая пытается получить как можно больше выгод из сложившейся ситуации, занять максимально комфортное положение, сколь безнравственным оно бы ни казалось: «В одном провинциальном городе я знал купеческую семью, состоявшую из спекулянтов-мародеров, как называют их русские. Три сына откупились от воинской повинности. Один из них спекулировал продовольствием. Другой сбывал краденое золото из Ленских приисков таинственным покупателям в Финляндии. Третий закупил большую часть акций одной шоколадной фабрики и продавал шоколад местным кооперативам, с тем чтобы они за это снабжали его всем необходимым. Таким образом, в то время как массы народа получали четверть фунта черного хлеба в день по своей хлебной карточке, он имел в изобилии белый хлеб, сахар, чай, конфеты, печенье и масло...»¹⁶

Представителей этого класса Джон Рид описывает с колкой иронией, с едкой усмешкой, словно крупными мазками вырисовывая карикатурное изображение. «В полдень дамы из второразрядного чиновничьего круга ездили друг к другу на чашку чая, привозя с собой в муфте маленькую серебряную или золотую сахарницу ювелирной работы, полбулки, и при этом они вслух мечтали о том, как бы было хорошо, если бы вернулся царь или если бы пришли немцы, или если бы случилось что-нибудь другое, что могло бы разрешить наболевший вопрос о прислуге... Дочь одного из моих приятелей однажды в полдень вернулась домой в истерике: кондукторша в трамвае назвала ее “товарищем”!»¹⁷

«Ну не нравились ему хорошо одетые, воспитанные и упитанные русские, похожие на людей, “какие в полдень заполняют тротуары Пятой авеню”! Его сочувствие – на стороне “обносившихся солдат, измазанных рабочих и крестьян”»¹⁸, – восклицает Артем Кречетников в своей статье.

---

¹³ Рид Д. Указ. соч. С. 21.

¹⁴ Там же. С. 18.

¹⁵ Там же. С. 44.

¹⁶ Там же. С. 45.

¹⁷ Там же. С. 49.

¹⁸ Кречетников А. Указ. соч.

Нет, эти люди к Революции, по мнению Джона Рида, не имели никакого отношения, не их изнеженными муфтами руками свершился переворот. Это же замечает Лев Выготский: «Революцию сделали не Ленин и Троцкий, а рабочие и солдатские массы, революционные народные низы – вот о чем говорит каждая строка книги Рида. И героизм, безымянный, безвестный, неловимый героизм масс, улавливает и рисует она прежде всего»¹⁹.

Это трепетное отношение к простому народу, мнению, что именно рабочие массы проложили дорогу к Революции, проявляется сразу же в предисловии к «Десяти дням...», где Джон Рид приводит цитату Уильяма Инглиша Уоллинга: «Русский рабочий – революционер, но он не насильник, не догматик и не лишён разума. Он готов к боям на баррикадах, но он изучил их, и – единственный среди рабочих всего мира – изучил на собственном опыте. Он готов и горит желанием бороться со своим угнетателем, капиталистическим классом, до конца»²⁰.

Это же видно и из самого повествования Рида. Можно, например, вспомнить высказывание рядового солдата: «Если мне докажут, что я защищаю революцию, то я пойду и буду драться, и меня не придется подгонять расстрелами»²¹. Можно вспомнить также эпизод, где у автомобиля, в котором ехали Антонов и Дыбенко, лопнула шина, и Антонов попытался отобрать машину у проезжающего мимо солдата: «Мне нужна эта машина», – заявил Антонов. «Не дам!» – ответил солдат. «Да вы знаете, кто я такой?» – и Антонов показал бумагу, в которой значилось, что он назначен главнокомандующим всеми армиями Российской республики и что все и каждый обязаны повиноваться ему без всяких разговоров. «Хоть бы вы были сам дьявол, мне всё равно! – с жаром ответил солдат. – Эта машина принадлежит первому пулемётному полку, и мы везём в ней боеприпасы. Не видать вам этой машины...»²²

Лев Выготский делает вывод: «...Не будь этого упрямого, никому не подчиняющегося сознания, этой воли к победе, к отстаиванию своего у рядового солдата – не было бы и самой революции. Солдат не уступит самому чорту то, что принадлежит его первому пулеметному полку. Все дело вождей было только согласовать, слить воли этих отдельных полков, но революционная воля шла снизу вверх, от сердца к мозгам революции, как кровь в теле, от солдата к главнокомандующему, а не наоборот»²³.

Также вспомним эпизод, где член Викжеля отказывался пропускать вооружённых матросов на поезд, повторяя: «Товарищи, мы не можем везти вас в Москву. Мы нейтральны. Мы не перевозим никаких войск»²⁴. Однако затем «в здании вокзала широко открылась другая дверь. В ней стояло двое или трое кондукторов, кочегар или кто-то ещё. «Сюда товарищи! – кричали они. – Мы повезём вас в Москву, во Владивосток – куда хотите! Да здрав-

---

¹⁹ *Выготский Л.* Указ. соч. С. 3.

²⁰ *Рид Д.* Указ. соч. С. 18.

²¹ Там же. С. 57.

²² Там же. С. 214.

²³ *Выготский Л.* Указ. соч. С. 3.

²⁴ Там же. С. 243.

ствует революция!»²⁵. Лев Выготский подводит весьма поэтичный итог: «И он – этот многомиллионный кочегар повез революцию в Москву, во Владивосток, – куда вы хотите. А вожди были нейтральны: они сразу оказались вне событий – растерянные и жалкие»²⁶.

Впрочем, такая негативная оценка вождей скорее преувеличена. К описанию того же Ленина Джон Рид подходит очень аккуратно, тактично, уважительно, не переставая подчеркивать то влияние на публику, которым тот обладал.

Так какой же Ленин глазами Рида?

«Невысокая коренастая фигура с большой лысой и выпуклой, крепко-посаженной головой. Маленькие глаза, крупный нос, широкий благородный рот, массивный подбородок, бритый, но с уже проступавшей бородкой, столь известной в прошлом и будущем. Потертый костюм, несколько не по росту длинные брюки. Ничего, что напоминало бы кумира толпы, простой, любимый и уважаемый так, как, быть может, любили и уважали лишь немногих вождей в истории. Необыкновенный народный вождь, вождь исключительно благодаря своему интеллекту, чуждый какой бы то ни было рисовки, не поддающийся настроениям, твердый, непреклонный, без эффектных пристрастий, но обладающий могучим умением раскрыть сложнейшие идеи в самых простых словах и дать глубокий анализ конкретной обстановки при сочетании pronounced гибкости и дерзновенной смелости ума».

Здесь мы не видим растерянного и жалкого вождя, о котором высказался Лев Выготский. Здесь представлен удивительный контраст внешней простоты и внутренней силы. Джон Рид не скрывает своего мнения о развитом интеллекте Ленина, о его талантах.

«Ленин говорил, широко открывая рот и как будто улыбаясь; голос его был с хрипотцой, не неприятной, а словно бы приобретенной многолетней привычкой к выступлениям – и звучал так ровно, что, казалось, он мог бы звучать без конца... Желая подчеркнуть свою мысль, Ленин слегка наклонялся вперед. Никакой жестикуляции. Тысячи простых лиц напряженно смотрели на него, исполненные обожания»²⁷.

Но не стоит думать, что «Десять дней, которые потрясли мир» – чисто коммунистический манифест. Артем Кречетников пишет: «Рид был коммунистом, но, кроме того, человеком, рожденным в свободной стране, и занимался журналистикой, а не пропагандой. Он не скрывал своих симпатий и антипатий, но твердо придерживался древнеримского правила: выслушаны должны быть обе стороны»²⁸. Поэтому в книге звучат слова, например, Керенский, Карелина, Мартова... Интересно, однако же, взглянуть, какими эти герои предстают пред внимательным журналистским взором Джона Рида.

Так, Мартов, выступавший в Совете, производит на журналиста явно удручающее впечатление: «Мне пришлось слышать выступление Мартова против кадетов. Сгорбившись над трибуной, точно смертельно больной, каким он и был, показывая пальцем на правых, он говорил хриплым, еле внят-

---

²⁵ *Выготский Л.* Указ. соч. С. 243.

²⁶ Там же. С. 3.

²⁷ *Рид Д.* Указ. соч. С. 159.

²⁸ *Кречетников А.* Указ. соч.

ным голосом»²⁹. Тем не менее все слова Мартова Джон Рид передаёт, демонстрируя, что тот был за прекращение войны, за установление мира.

Выступал и Керенский, и его журналист тоже не обделил вниманием, хотя не этот раз дословно речь его не переписывает, удовлетворяясь лишь описанием реакции на неё: «Сам Керенский дважды выступал со страстными речами о национальном единстве, причем в конце одной из этих речей расплакался. Собрание слушало его холодно и часто прерывало ироническими замечаниями»³⁰. Подобный комментарий никак не способствует восприятию Керенского как волевого человека, скорее как излишне и неприемлемо эмоционального. Особенно контрастно это выглядит с появлением Ленина: «На трибуне появился Ленин. Его встретили громовой овацией. Он предвостил мировую социалистическую революцию»³¹. В противоположность эмоциональности Керенского, которая всё равно не находит соответствующего отклика, Рид приводит спокойствие Ленина, обладающее мощной энергией: «От его слов веяло спокойствием и силой, глубоко проникавшими в людские души. Было совершенно ясно, почему народ всегда верил тому, что говорит Ленин»³².

Конкретные слова Керенского, наконец, встречаются позже, и они тоже не поддерживают образ сильного и прозорливого лидера: «Я человек обреченный, мне все равно, что со мной будет, и я имею смелость заявить, что все загадочное в событиях объясняется невероятной провокацией, созданной в городе большевиками»³³. И вновь интересно взглянуть на описание Ленина: «стоял незыблемо, как скала»³⁴, который «стоял, держась за края трибуны, обводя прищуренными глазами массу делегатов, и ждал, по-видимому не замечая нарастающую овацию, длившуюся несколько минут. Когда она стихла, он коротко и просто сказал: “Теперь пора приступать к строительству социалистического порядка!”³⁵ под оглушительные аплодисменты».

Но Джон Рид не только приводит какие-то выражения и поступки Керенского, он и сам пытается дать им свою оценку, провести некоторый анализ: «Я думаю, что если Керенский отменил смертную казнь на фронте, то этот поступок внушен ему не идейными соображениями. Я полагаю, что Керенского убедил петроградский гарнизон, который отказался повиноваться ему...»³⁶ Что тоже не особо лестно.

И всё же мы не можем сказать, что «Десять дней» заполнены коммунистической пропагандой от корки до корки. Так, например, упоминаются такие эпизоды, которые идут совершенно вразрез с последующими советскими учебниками. Так, «в Смольном до переворота уже появилась отдельная столовая для членов ЦИК, где отпускали хлеб с маслом и “неограниченное

---

²⁹ Рид Д. Указ. соч. С. 54.

³⁰ Там же. С. 67.

³¹ Там же. С. 120.

³² Там же. С. 163.

³³ Там же. С. 82.

³⁴ Там же. С. 156.

³⁵ Там же. С. 158.

³⁶ Там же. С. 105.

количество стаканов чая”»³⁷, а сама Революция во многом приобретает вид военного путча: «Митингуют и берут власть исключительно люди в серых шинелях»³⁸.

Лев Выготский подводит итог всего произведения: «Едва ли не самая трудная проблема в истории – это вопрос о соотношении массы и героев в великих событиях. Книга Рида вскрывает правду этой проблемы: горячее сердце, посылающее кровь во все артерии революции, отточенный мозг, подчиняющий эту кровь математически – точной мысли»³⁹. Отточенный мозг – это, несомненно, Ленин, увлекающий, поражающий, указывающий направление горячей крови и сердцу – простому русскому народу. Лишь в сочетании они смогли наполнить организм Революции жизнью.

Так, на примере «Десяти дней, которые потрясли мир» американского журналиста и очевидца событий 1917 году Джона Рида мы смогли увидеть Революцию его глазами – глазами иностранца. Что же предстало перед нами? Становление «единственно возможной»⁴⁰ в сложившихся условиях власти, осуществление неслыханно смелой авантюры, противоречивость взглядов на происходящее, контрастное сочетание простоты и силы Владимира Ленина, его способность воздействовать на публику.. И простой народ во всех своих проявлениях: честный, страстный, решительный и потому оказавшийся способным потрясти мир.

---

³⁷ *Кречетников А.* Указ. соч.

³⁸ Там же.

³⁹ *Выготский Л.* Указ. соч. С. 3.

⁴⁰ *Рид Д.* Указ. соч. С. 21.

ИСТОКИ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА: ОТ ПРОМЫШЛЕННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ К НОВЫМ СОЦИАЛЬНЫМ СИЛАМ ЧЕРЕЗ КРИЗИСЫ ВЛАСТИ

*Оборский Евгений Юрьевич, к.и.н.
(Северо-Кавказский федеральный университет)*

В огромном массиве исторической литературы важное место занимают споры об истоках революции 1917 г. Научный анализ определяет сложный комплекс причин, охватывающий все части российского общества начала XX века.

Модернизация и промышленная революция привели к сосуществованию новейших капиталистических элементов (начало плавной индустриализации, динамичное развитие отдельных отраслей промышленности, образование монополий, становление финансового сектора) с элементами феодализма (помещичье землевладение, абсолютная монархия, сословные привилегии). Описать состояние России в это время можно термином «многоукладность», предложенным К.Н. Тарновским¹. Он отталкивался от мнения В.И. Ленина, последовательно доказывавшего тезис о российском империализме и его до-капиталистических элементах и называвшего состояние советской России в 1919 г. как «составленную из разнородных частей действительность», доставшуюся большевикам от прошлого².

Историографический спор в СССР долгое время приводил к преобладанию одной точки зрения, основанной на трудах В.И. Ленина, затем трактовках «Краткого курса истории ВКП(б)», потом снова на апологетическом отношении к В.И. Ленину. Только в 90-е гг. XX в. стало ясно, что политизация истории, критика отдельных концепций, не укладывавшихся в идеологию партии в каждый конкретный период, не помогают объективному изучению причин российской революции. Даже в 1988 г. В.И. Бовыкин, анализируя предпосылки революции, в пух и прах «разносил» теорию многоукладности. Критиковались К.Н. Тарновский, П.В. Волобуев, М.Я. Гефтер и все их сторонники. В.И. Бовыкину верилось, что «перестройка в советской исторической науке не пойдет по пути реанимации старых догм... а будет важным качественным шагом вперед в направлении подлинно научного познания прошлого»³. В итоге, теория многоукладности на самом деле оказалась тем

---

¹ *Тарновский К.Н.* Советская историография российского империализма. М.: Наука, 1964. С. 226.

² *Ленин В.И.* Полн. Собр. соч. 5-е изд. М., 1969. Т. 38. С. 155.

³ *Бовыкин В.И.* Россия накануне великих свершений. К изучению социально-экономических предпосылок великой Октябрьской социалистической революции. М.: Наука, 1988. С. 151.

новым шагом, который все же совершила советская историческая наука в отношении анализа причин российской революции 1917 г. Теория учитывает множество факторов, которые в разной степени воздействовали на российское общество в начале XX века. Именно многофакторность, комплексный анализ разных тенденций, обобщение различных теорий дают приближение к объективной исторической реальности.

Еще одним историографическим спором является столкновение «теории заговора» и всех остальных точек зрения. Начиная с 20-х гг. в эмигрантской литературе активно продуцировалась точка зрения об ответственности отдельных личностей, наибольших групп или зарубежном влиянии на российскую революцию. Говорилось о немецких, английских, американских деньгах, шпионах-большевиках, предателях-генералах, заговоре банкиров и депутатов Думы. Наиболее концентрированно эту версию выразил Г.М. Катков⁴. Советские ученые постоянно опровергали подобные теории, однако, после распада СССР, они стали выдаваться за очередное новое слово в исторической науке. Ученые-пропагандисты писали апологетические труды, воспевая Николая II и всю дореволюционную Россию⁵. Более серьезные ученые, оказываясь в плену собственных догм, привлекали многочисленный теоретический исторический инструментарий и массовые источники⁶. Б.Н. Миронов, говоря о росте доходов российского крестьянства и повышении их уровня жизни в начале XX века, относит причины революции к заговору либерально-радикальной интеллигенции, привлечшей на свою сторону народ. Он игнорирует множество свидетельств о стихийном характере революционных событий в Петрограде зимой 1917 г. Как считает С.А. Нефедов, и зарубежные, и отечественные историки убедительно доказали нежизнеспособность любых вариаций теории заговора⁷. Слабое место такой теории – акцент только на одну группу причин, как правило, личностного характера. Остальные обстоятельства обычно противоречат излагаемой теории и поэтому опускаются. Между тем только обобщение и анализ ВСЕХ теорий и подходов может дать более или менее объективную картину.

В начале XX века внесла серьезные коррективы в сложившийся уклад урбанизация. Города и горожане активно пробивали себе нишу в сложившемся обществе. Городская среда разрушала крестьянский патриархальный менталитет, отрывала «новых» горожан от привычных условий обитания. По мнению С. Московичи, «дал трещины и начал разваливаться устойчивый мир семьи, соседских отношений, сел. В своем падении он увлек за собой традиционные религиозные и политические устои, а также духовные ценности. Вырванные из городских мест, из своей почвы люди, собранные в нестабильные городские конгломераты, становились массой. С переходом от традиции к

---

⁴ Катков Г.М. Февральская революция. М.: СП «Рус. Путь», 1997.

⁵ Мультатули В.П. «Дай Бог, только не втянуться в войну!». Император Николай II и предвоенный кризис 1914 года. Факты против мифов. М.: РИСИ, 2014.

⁶ Миронов Б.Н. Наблюдался ли в поздней имперской России мальтузианский кризис? Доходы и повинности российского крестьянства в 1801–1914 гг. // О причинах Русской революции. М.: Издательство ЛКИ, 2010. С. 61–111.

⁷ Нефедов С.А. Россия в плену виртуальной реальности // О причинах русской революции. С. 358–361.

модернизму на рынок выбрасывается множество анонимных индивидов, социальных атомов, лишенных связей между собой»⁸.

Основоположник социологической науки П. Сорокин, будучи современником этих процессов, отмечал, что «люди в течение тысячелетий адаптировались к деревенской среде обитания, а не к городской. Перенесенный, однако, волею истории со всем своим багажом старых инстинктов в город, человек ощущает себя лежащим на “кровати из гвоздей”, к которой его рефлекторная система отнюдь не приспособлена»⁹. За последнюю треть XIX века городское население России удвоилось и составляло к началу XX века 16,8 млн человек. Жители городов становились новой социальной силой, которая изменила положение в стране. Именно в это время складывается прообраз массового общества не в классическом марксистском понимании – рабочая масса, крестьянская масса, а как объединение совершенно разных людей в ограниченном пространстве.

Города становятся источниками культурного и духовного разлома всей страны. Все революционные импульсы исходили именно из городов. Если в XIX веке давление на власть и всю государственную систему идет из села, от нерешенности крестьянского вопроса, от надоевших всем феодальных пережитков, то уже в начале нового века горожане берут на себя инициативу перемен. Митинги и шествия проходят в городах. Газеты печатаются там же и рассылаются по ближайшим селам. Первыми возникают городские партийные ячейки и только потом малочисленные сельские подразделения.

К началу XX века несомненно повышение уровня жизни крестьян. В быту местного сельского населения самодельные предметы домашнего обихода, одежда, транспорт постепенно заменялись товарами промышленного производства. В этой сфере крестьяне испытывали мощное воздействие городской культуры с ее стремлением к улучшению жилищно-бытовых условий, проникновением в дом различных технических изобретений. Стереотипы городского массового сознания, негативно воспринимаемые сельским сознанием, тем не менее, медленно отвоевывали пространство в умах крестьян.

Влияние города сказывалось и в открытии бесплатных библиотек-читален. Некоторые зажиточные крестьяне даже выписывали газеты и журналы, в селах стали показывать кино, привозили граммофоны. Таким образом, в село быстрее и объемнее стала поступать информация извне, что являлось прямым следствием активной экспансии городской культуры.

Модернизация начала века заставляла людей искать постоянный источник доходов, который можно было получить преимущественно в городах. Этот поток захлестывал и подминал многих жителей окрестных сел и станиц с их стабильным образом жизни и устоявшимися представлениями.

В условиях начавшейся войны Российская империя получила многомиллионную армию, которая в совокупности с новой для России социальной общностью – горожанами и составила главную силу революции. Пролетариат был молодым классом, без устоявшихся ценностей. Солдаты и рабочие, довольно большая часть населения России, чаще всего не обладали собственно

---

⁸ *Московичи С.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. С. 44.

⁹ *Сорокин П.А.* Социология революции // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 287.

стью, и поэтому были социально и политически мобильны. Фактически они находились в маргинальном положении, между классами. Российская империя не выдержала напора новых социальных сил.

Отмеченный современниками всплеск патриотизма 1914 года мог стать основой для сплочения разных слоев и групп населения. Посол Великобритании в России Дж. Бьюкенен писал, что «война теснее связала государя и народ. Рабочие объявили о прекращении забастовок, а различные политические партии оставили в стороне свои разногласия. Объединяясь... вокруг трона, либеральные и прогрессивные партии были одушевлены надеждой, что война, вызвавшая такое тесное соприкосновение царя с народом, послужит началом новой эры конституционных реформ»¹⁰.

Участник Первой мировой войны Н.Н. Головин оценивал несколько иначе этот порыв: «Внутренне строение, т. е. строение психологическое, русского патриотизма было другое, нежели внутренне строение патриотизма любого из западноевропейских народов. Русский патриотизм был значительно более примитивен, он был – если можно так выразиться – лишь сырой материал, из которого в условиях культурной жизни и вырастают более сложные виды “патриотизмов”, которые можно было наблюдать во Франции, в Великобритании и в Америке. В примитивных формах патриотизма отсутствует социальная его осознанность; ближайшее следствие этого – отсутствие внутриобщественного контроля»¹¹. Формула «За Веру, Царя и Отечество» представлялась генералу Н.Н. Головину не идеологическим стержнем русского народа, а простым обрядом, в который верят всей силой души. При кризисе обряда – политического или религиозного – должна теряться его сила, и он разрушается. Поэтому в феврале 1917 г. российская монархия исчезла за несколько дней.

Воинскую массу предреволюционного периода в России можно условно разделить на фронтовиков и тыловиков. Такое разделение играло роль при воздействии на солдат политической агитации – фронтовики легче поддавались пропаганде, содержавшей эмоциональные лозунги, наиболее крайние политические позиции, что обуславливалось постоянным и непосредственным ожиданием смерти. В стрессовой ситуации очень трудно следовать разуму, первыми в действиях солдат проявлялись бессознательные, интуитивные способы принятия решений. Соответственно, и агитация воздействовала на эту часть сознания. Солдаты тыловых частей, принимая постоянное участие в политической жизни региона, вносили свои коррективы в политическую и общественную жизнь страны. Они были сосредоточием анархических начал, очень часто выражали недовольство направлением их на позиции. Именно тыловики постоянно инициировали собрания и митинги, на которых принимались популистские решения о дополнительных призывах в армию, ликвидации всевозможных отсрочек, переосвидетельствовании лиц призывного возраста, находящихся в тылу¹².

На описанные проблемы наслаивался глубокий системный кризис государственного управления страной. Самодержавная власть оказалась неспо-

---

¹⁰ Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М.: Гос. изд-во, 1925. С. 134.

¹¹ Головин Н.Н. Россия в Первой мировой войне. М.: Вече, 2006. С. 377.

¹² См.: Сенявская Е.С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М.: ИРИ РАН, 1997.

собна преодолеть системный кризис, вызванный попытками трансформации её цивилизационных основ. В России не было такого социального института, который при всех противоречиях и конфликтах смог бы удержать политическую систему и общество от разрушительных процессов. Монархия, являвшаяся на протяжении всей её истории фундаментом Российской государственности, лишилась в начале XX века массовой социальной базы и стала утрачивать контроль над обществом. Утрата властью доверия и морального авторитета вела к усилению деспотических, репрессивных методов управления.

Происходила стремительная десакрализация царской власти. Все беды в своей жизни русский народ стал связывать с именем Николая II. В его глазах он перестал быть заместителем Бога на земле, стал объектом насмешек, карикатур, массовой критики¹³. Наиболее корректные примеры стихов выглядят так:

«Царь посеял чечевицу,
А царица – виноград,
Царь продал всю Россию,
А царица – Петроград».

Или:

«Людам вид, Алеше – драма,
В вечном трауре дворец:
Наши бьют – горюет мама,
Наших бьют – смущен отец»¹⁴.

Серьезно подпортил авторитет царя Г. Распутин. Фигура святого старца, вне зависимости от того, что он делал, превратилась в олицетворение коррупции и неразберихи в руководстве. Дж. Бьюкенен, искренне уважая императора и его жену, с которыми был знаком задолго до своего назначения, отмечал, что с 1915 года царица оказывала серьезное влияние на управление страной, поскольку император был поглощен военными делами в Ставке. «Общее недовольство ведением войны само собой перешло в нападки на царскую семью. Несмотря на то что царица, по ее собственным словам, порвала все связи с Германией, ее называли “немкой”. В то же время Распутина обвиняли в шпионаже в пользу Германии»¹⁵.

Впоследствии для обозначения кризиса верхов был заимствован и широко распространен термин «камарилья», обозначавший разные группы крупных чиновников и влиятельных личностей, которые воздействовали на императора. Это была практика вневедомственных влияний во внешней и внутренней политике Николая II. Ученые относят сюда не только Г. Распутина, но и А.М. Безобразова, М.М. Андроникова, С.П. Белецкого, А.Н. Хвостова. Распутин оказывал серьезное влияние на назначение разных чиновников: премьер-министр Б.И. Штюрмер был назначен на свой пост при активном участии И.Ф. Манасевича-Мануйлова. В основе назначений лежали не про-

---

¹³ См.: *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое лит. обозрение, 2010.

¹⁴ 1917 в сатире. М.; Ленинград: Гос. изд-во, 1928. С. 9–10.

¹⁵ *Бьюкенен Дж.* Указ. соч. С. 151.

фессиональные качества претендентов, а личная преданность Распутину¹⁶. Несмотря на то что камарилья не стала теневым правительством и оказывала на самом деле незначительное воздействие на жизнь страны, само ее существование, связанные с ней склоки и сплетни, разъедали священный статус императора.

После обобщения своих впечатлений в Чрезвычайной Комиссии для расследования противозаконных по должности действия бывших министров об этой ситуации образно написал А.А. Блок: «На исходе 1916 года все члены государственного тела России были поражены болезнью, которая уже не могла ни пройти сама, ни быть излеченной обыкновенными средствами, но требовала сложной и опасной операции»¹⁷. Императора Николая II она называл «упрямым, но безвольным, нервным, но притупившимся ко всему, задержанным и изверившимся в людях, переставшим понимать положение». Уже после первых месяцев работы в докладе для Первого Всероссийского съезда советов рабочих и солдатских депутатов председателем комиссии был сделан вывод о том, что получены документальные доказательства «одной тезы, что русской революции не могло не быть, что русская революция неизбежно должна была прийти и неизбежно должна была победить»¹⁸.

Два с половиной года Первой мировой войны до предела обострили экономические проблемы страны. Перестройка промышленности для военных нужд привела к заметным перекосам в структуре экономики: почти две трети продукции всех видов промышленного производства уходила в армию, и только треть оставалась на нужды народного хозяйства в тылу¹⁹. Это вызвало дефицит товаров народного потребления и, как следствие, неудержимый рост цен. Катастрофическое положение сложилось в сфере металлургии. Металлов всех видов (чугун, сталь, проволока, цветных металлов) не хватало с самого начала войны. К 1917 году ежемесячно не хватало до 8 млн пудов, что вызвало предложение закупать металлы за границей и экономить на гражданских нуждах, поскольку произведенного металла не хватало и для армейских нужд²⁰. Сократилась производительность труда, в связи с чем многие промышленные предприятия всё чаще срывали военные заказы. В крупных городах, прежде всего в Петрограде и Москве, обострился продовольственный кризис. На улицах у магазинов появились длинные очереди.

Главнейшей причиной такого положения стал транспортный кризис. По мнению Н.Г. Васильева, уже в начале Первой мировой войны можно было фиксировать «отсталость русского транспорта по сравнению с транспортом

---

¹⁶ Россия в Первой мировой войне. 1914–1918: Энциклопедия: В 3 т. М.: Политическая энциклопедия, 2014. Т. 2. К–П. С. 29–32.

¹⁷ Блок А.А. Последние дни императорской власти. Петербург: Алконост, 1921. С. 7.

¹⁸ Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. М.; Л.: Госиздат, 1926. Т. 1. С. 6.

¹⁹ Сидоров А.И. Экономическое положение в годы Первой мировой войны. М.: Наука, 1973. С. 371.

²⁰ Там же. С. 377–378.

других воевавших государств на фоне общей отсталости экономики России»²¹. Виды транспорта развивались неравномерно, главная тяжесть перевозок легла на железные дороги и гужевой транспорт. Техника строительства новых дорог была крайне примитивной и требовала значительного количества рабочих рук. Грунтовые дороги получались некачественными, зависели от погодных условий. Для строительства железных дорог не хватало металла. Попытки рационализации организации транспортной системы не увенчались успехом. Транспорт так и не справился с резко возросшим объемом перевозок, с эвакуацией населения, доставкой топлива, сырья, продовольствия.

Еще до войны Россия испытывала сложности с топливом. Многие предприятия работали на угле, причем достаточно много его приходилось завозить из-за границы. Цены на уголь и нефтепродукты постоянно росли. Прекращение ввоза угля после начала войны, выросшая потребность в топливе, изменившиеся условия производства и распределения топлива привели к топливному кризису. Отягчали обстановку неудовлетворительная логистика вывоза готового топлива, плохое снабжение металлом, низкая заработная плата и сокращение рабочих рук²². Для угольной промышленности последнее обстоятельство оказалось наиболее важным, поскольку была зафиксирована прямая зависимость между количеством рабочих на шахтах и производимыми объемами угля. Положение не спасали и военнопленные, которых массово стали прикреплять к шахтам.

Разруха ухудшала и без того тяжёлое положение народных масс, подталкивая их к все более активным формам протеста. В деревне постоянные реквизиции хлеба, скота, лошадей провоцировали крестьянские волнения. Сокращение посевных площадей привело к постепенному сокращению производства хлеба. Опасным для власти становилось антивоенное движение в армии и на флоте. На некоторых участках фронта российские солдаты устанавливали перемирие с противником, отказывались подчиняться офицерам, идти в наступление и т. п.

Важнейшей проблемой для России стала нерешенность аграрного вопроса. Решить его, не затрагивая помещичьего землевладения, было нельзя. А самодержавие, даже реформами, всячески поддерживало эту важную прослойку. Простые подсчеты показывают, что при численности крестьянского населения к 1914 году 139,6 млн человек и общей площади частновладельческих земель 101,7 млн десятин, а также казенных земель 39,5 млн десятин простое разделение этих земель между всеми крестьянами дало прибавку всего одну десятину²³. Это, конечно же, не решало бы проблему безземельных крестьян. По сути, аграрная проблема России начала XX века носила не материальный характер, а психологический. Ненависть крестьян к помещикам не смогли преодолеть ни реформы, ни образование слоя кулаков.

Головную боль у правительства вызывала возросшая активность либеральной оппозиции. В Думе лидеры «Прогрессивного блока» резко критиковали царских министров за их неспособность привести страну к победе, до-

---

²¹ *Васильев Н.Г.* Транспорт России в войне 1914–1918 гг. М.: Гос. воен. изд-во Наркомата обороны Союза ССР, 1939. С. 254.

²² *Сидоров А.Л.* Указ. соч. С. 516.

²³ Посчитано по: *Тюкавкин В.Г., Щагин Э.М.* Крестьянство России в период трех революций: кн. для учителя. М.: Просвещение, 1987. С. 30, 35–36.

ходя при этом до прямых обвинений в измене. В то же время, убедившись в нежелании царя идти на какие-то бы ни было уступки блоку, либералы стали разрабатывать планы свержения Николая II с престола. Например, А.С. Керенский еще с 1915 года мечтал о заговоре и к зиме 1917 г имел контакты с разными группами, планировавшими свержение императора. Это были и представители политических кругов, и масоны, и военные²⁴. П.Н. Милоков писал о заговоре парламентского большинства как мирной альтернативе назревшей революции. Он также отмечал группу военных во главе с генералом Крымовым, намечавшую на февраль 1917 года переворот и назначение императором царевича Алексея при регентстве князя Михаила. Однако всем надеждам на осуществление заговора не суждено было сбыться, поскольку «переворот произошел не сверху, а снизу, не планомерно, а стихийно»²⁵.

Развитие журналистики как следствие политической модернизации в стране также стало важным фактором воздействия на население в Центре и на местах. Это проявилось в численном росте центральных и местных периодических изданий. Возросший поток информации требовал большего количества ретрансляторов, которыми были представители интеллигенции. Через газеты, библиотеки, избы-читальни, художественные произведения распространялась самая различная информация, увеличилось масштабы массовой коммуникабельности, что ощутимо расшатывало и радикализовало сознание населения страны. Не случайно, что именно писатели и журналисты были наиболее политизированными и активными членами общества.

Постоянно вспоминалась в общественном сознании революция 1905–1907 гг., которая еще была свежа в памяти народа и давала образцы протестного поведения. Петросовет был образован по образцу советов первой революции.

На окраинах империи – в Польше, Финляндии, Закавказье – существовала национальная напряженность, связанная со свертыванием автономий и политикой русификации и осложненная непростым положением евреев. Это вызвало образование множества национальных политических партий: Всеобщий еврейский союз Литвы, Польши и России (Бунд), Белорусская революционная партия, Латышский социал-демократический союз, Народная лига (Лига народов) в Польше, Армянский революционный союз (Дашнакцутюн). Много было партий на Украине: Революционная украинская партия (РУП), Украинская народная партия (УНП), первые кружки украинских эсеров, Украинская демократическая партия (УДП), Украинская радикальная партия (УРП). Представители всех национальных партий, как правило, были настроены крайне радикально к существовавшей империи и вели постоянную сепаратистскую агитацию.

Указанный комплекс тенденций и условий привел к революционному взрыву 1917 года. Многие из этих проблем были решены только после кровопролитной Гражданской войны.

---

²⁴ Колоницкий А.Б. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народов» (март–июнь 1917 года). М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 80.

²⁵ Милоков П.Н. История второй русской революции. Т. 1. Борьба буржуазной и социалистической революции. Вып. 1. Противоречия революции. Киев: Лепетис, 1919. С. 21.

ВОСПРИЯТИЕ ЭЛИТОЙ ГЕРМАНИИ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. В РОССИИ

Пименов Олег Владимирович
(Волгоградский государственный социально-педагогический
университет)

В 2017 г. отмечается столетие Февральской революции в России. Февральская революция сыграла важную роль в истории России и мира. В результате революции в России была свергнута династия, правившая страной более трехсот лет, также была изменена форма правления, которая направила нашу страну по иному историческому пути. Февральская революция произошла во время Первой мировой войны в тот момент, когда начиналась одна из последних кампаний войны, которая могла сыграть судьбоносную роль в противостоянии Антанты и Центральных держав. Однако в результате революционных потрясений Россия упустила инициативу в войне, которая стала переходить к ней после Брусиловского прорыва.

Революционные события привели к упадку боевого духа и боеспособности российской армии и подарили Германии надежду на благоприятное завершение войны на два фронта. В связи с этим появилось множество теорий о ведущей роли Германии в подготовке революции в России. Это породило множество вопросов в оценке революционных событий 1917 г. Особое место среди них занимает вопрос восприятия Февральской революции 1917 г. Германией. Вызывает интерес, как эту революцию оценивали общественные группы, отвечающие за принятие решений в Германии, а именно правящая элита и военное командование. Воспринимали её как само собой разумеющееся событие или были удивлены? Рассматривали её в качестве шанса для победы или боялись повторения подобного сценария в Германии?

Объектом исследования является Февральская революция 1917 г. в России.

Предметом выступает восприятие германскими элитами Февральской революции в России.

Цель исследования: выявить отношение германских элит к Февральской революции в России 1917 г.

В соответствии с целью, предполагается решение следующих задач:

- проанализировать воспоминания германских политиков и военных о Февральской революции;
- выявить оценку Февральской революции германскими политическими и военными кругами;
- рассмотреть эволюцию взглядов германской элиты на революционные события в России и их значение.

Первоначально новости о революции в России вызвали в Германском обществе воодушевление. Это касалось как политических, так и военных кругов. Революцию в России ждали с нетерпением, но не думали, что она случится уже зимой 1917 г.

Император Вильгельм II, узнав о революционных событиях, отмечал, что необходимо как можно скорее установить контакт со сторонниками мира во Временном правительстве и оказать им поддержку. Кайзер в Февральской революции видел возможность для разрешения проблемы войны на два фронта. Впоследствии он утверждал, что Февральская революция стала одной из важнейших предпосылок Брестского мира.

Рейхсканцлер Т. Бетман-Гольвег полагал, что революция в России существенно облегчила положение Германии на Восточном фронте и в скором времени появится возможность для переброски войск на западный фронт. Кроме того, по мнению рейхсканцлера, теперь правящие круги России будут стремиться к установлению перемирия с Центральными державами, маскируя его под временное бездействие¹.

Особую активность в оценке и реакции на Февральскую революцию проявили представители германского внешнеполитического ведомства. Статс-секретарь иностранных дел А. Циммерман указывал на необходимость оказания поддержки радикальному крылу русских революционеров². Германские дипломаты указывали, что революционные события в России дают шанс на заключение мира, но для этого необходимо ещё сильнее дестабилизировать обстановку на территории противника. Добиться этого предполагалось поддержкой радикальных элементов и содействием возвращения в Россию революционеров-эмигрантов, желающих завершить войну как можно скорее. При этом германский посол Брокдорф-Ранцау рекомендовал сделать это в течение трех месяцев для обеспечения скорейшего краха России³. К слову уже через несколько недель барон фон Ромберг, который являлся послом Германии в Швейцарии, интересовался отношением правительств Центральных держав к возможному социалистическому правительству в России⁴.

Вильгельм II положительно отнесся к данной инициативе, и в скором времени начались подготовки к транспортировке эмигрантов в Россию. Вместе с большевиками было решено отправить проантантовских меньшевиков, чтобы на большевиков не пало подозрение как на германских агентов. В то же время не скрывался факт их проезда через Германию. Таким образом, подозрения всё же пали, что было в некоторой степени выгодно Германии.

Вероятно, что Германия, открыто пропуская революционеров через свою территорию, стремилась к дестабилизации всей политической системы России: и Временного правительства (руками революционеров) и революцион-

---

¹ *Чернин О.* В дни мировой войны. Мемуары министра иностранных дел Австро-Венгрии. СПб.: Издательство СПбГУ, 2005. С. 172.

² *Хальвег В.* Возвращение Ленина в Россию в 1917 году. М.: Международные отношения, 1990. С. 68.

³ *Уткин А.И.* Первая мировая война. М., 2001. С. 340.

⁴ Телеграмма посланника в Берне барона фон Ромберга в Министерство иностранных дел // *Хальвег В.* Возвращение Ленина в Россию в 1917 году. М., 1990. С. 58.

ной оппозиции, поскольку она попадали в Россию из Германии. Тем самым происходила дискредитация всей политической системы, народу, и самое главное армии, должно было стать ясно, что никому нельзя верить во власти. Кроме того, в России появлялась сила, противостоящая правительству изнутри, что должно было значительно усложнить возможность продолжения новым российским правительством войны, в связи с чем оно должно было стать более сговорчивым в ходе мирных переговоров.

Стоит отметить, что не все представители внешнеполитического ведомства Германии поддерживали данную идею. Б. Бюлов, который в годы Первой мировой войны занимал пост посла Германии в Италии, утверждал, что в связи с Февральской революцией было необходимо как можно скорее заключить мир с Россией. Это позволило бы Германии сосредоточить свои силы на западном фронте или же вовсе заключить общий мир со странами Антанты. Однако, поскольку Германия поддержала идею создания независимой Польши, шансы на мир с Россией были чрезвычайно малы. В связи с этим Б. Бюлов полагал, что необходимо было вернуть России все германские завоевания в Польше⁵. При этом Б. Бюлов выступал против каких-либо территориальных приобретений по итогам мирных переговоров, поскольку это могло отрицательно сказаться на отношении других держав к Германии и усложнить мирные переговоры.

В результате революционных потрясений в политической системе России сформировались два сосуществующих независимо друг от друга органа власти: с одной стороны, Временное правительство, а с другой – Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов.

Германское политическое и военное руководство положительно расценивало двоевластие в России, считая его отвечающим интересам Германии, так как сложившаяся ситуация оказывала дестабилизирующее влияние на Россию: в то время как Временное правительство обязалось продолжать войну, Петроградский Совет осуждал внешнеполитическую линию Временного правительства.

Первоначально правящие круги Германии не исключали возможности заключения мира с Временным правительством. В связи с этим германское правительство в своих официальных документах заявляло о полном невмешательстве в дела России и своей заинтересованности установить с ней мирные отношения. Перед Германией стоял выбор условий мира. По сути, было два варианта договора: жесткий, с аннексиями и контрибуцией, и мягкий, который предусматривал бы отказ от существенных претензий.

28 марта 1917 г. в своем обращении к рейхстагу рейхсканцлер Т. Бетман-Гольвег заявил, что Германии не следует вмешиваться во внутренние дела России и необходимо отказаться от идеи восстановления монархии. Кроме того, рейхсканцлер утверждал, что с Россией стоит заключить мир, который не унизит её честь⁶. Данные заверения были связаны, во-первых со стремле-

---

⁵ Бюлов Б. Воспоминания. М.; Л., 1935. С. 501.

⁶ Т. фон Бетман-Гольвег о влиянии Февральской революции в России на Германию. Из выступления в рейхстаге (28 марта 1917 г.) / История Германии: В 3 т. / под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова М., 2008. Т. 3: Документы и материалы / отв. ред. С.А. Васютин, Ю.В. Галактионов, Л.Н. Корнева. С. 303.

нием германского правительства скорейшего подписания мира на Востоке, а во-вторых, с желанием в будущем восстановить партнерские отношения с Россией, поскольку некоторыми политиками она рассматривалась как возможный союзник Германии после Первой мировой войны. Вильгельм II поддерживал свое правительство в этом вопросе. При этом Кайзер в ходе совещания 20 апреля 1917 г. призывал сохранять бдительность и быть готовыми к применению оружия для достижения искомых результатов на востоке.

После этого на фронте в российской армии стали распространяться листовки, в которых германское правительство заявляло, что готово вести переговоры о мире с российскими военачальниками. Тем самым подтверждалось то, что германскому правительству были не интересны политические ориентиры российского правительства и оно готово вести переговоры со сторонниками мира в России.

Официальная позиция правительства не соответствовала интересам германского командования, которое придерживалось более жесткой политики в вопросе заключения мира и видело в революции возможность нанесения завершающего удара по России не только на время Первой мировой войны, но и на многие последующие годы.

В апреле 1917 г. штаб генерала Э. Людендорфа выпустил брошюру «Будущее Германии», в которой изображалась карта России с объяснениями возможности колонизации её территории. По мнению генерала, в связи с революционными потрясениями российская армия значительно ослабла и больше угрозы не представляла. Поэтому было бы целесообразно захватить российские территории, богатые углем, рудой и нефтью. Германское командование, видело в революции возможность нанесения завершающего удара по России. Э. Людендорф полагал, что теперь Россия ослабла окончательно и не сможет провести успешное наступление на Восточном фронте⁷. Генерал М. Гофман называл Февральскую революцию событием, имевшим всемирно-историческое значение и дарившим Германии шанс на скорую победу⁸. По мнению германских генералов, революция привела к снижению боеспособности российской армии и успешное наступление Германии на востоке может привести к скорейшему заключению мира на выгодных для Германии условиях.

Взгляды военных и политиков также различались и в вопросе о дальнейшем сосуществовании Германии и России. Если политики не исключали мирного и даже союзнического характера отношений, то военные полагали, что в будущем может произойти ещё несколько конфликтов с восточными соседями. Поэтому военные видели в Февральской революции средство для ослабления России, которое позволит в будущем исключить ее из числа серьезных противников.

Однако с течением времени в Германии стали оценивать революцию в России несколько иначе. Временное правительство показало, что собирается и впредь выполнять свои союзнические обязательства. Вильгельм II начал сомневаться в том, что новая власть в России пойдет на заключение мира с

---

⁷ Уткин А.И. Указ. соч. С. 327.

⁸ Гофман М. Война упущенных возможностей. СПб.: Лимбус Пресс, 2016. С. 159.

Германией. Кайзер связывал это с сервильностью членов Временного правительства в отношении Антанты⁹.

В Германии начали осознавать, что Февральская революция 1917 г. несет не только благо для немцев, но и определенные риски. Германское правительство стало опасаться того, что революционные события в России могут вылиться в патриотический подъем российского народа.

Кроме того, правящие круги в Германии опасались повторения «российского сценария» в своей стране. В связи с этим германскому руководству пришлось выступить с обещаниями демократических перемен, которые наступят после войны¹⁰.

Летом 1917 г. произошли два события, повлиявшие на окончательную оценку Февральской революции Германией. Сначала Временное правительство отвергло предложение сепаратного мира, а затем российские войска начали наступление на западном фронте. Эти шаги российской стороны продемонстрировали, что революция не надломила окончательно стойкость России. В связи с этим в Германии стали осознавать необходимость активных действий как на военном, так и на политическом фронтах для подавления сопротивления России.

В это же время в германском правительстве произошло несколько перестановок, которые также сказались на осмыслении элитой Германии Февральской революции в России.

Р. Кюльман, который был назначен статс-секретарем иностранных дел вместо А. Циммермана, полагал, что мир необходимо искать на западном направлении. В то же время он поддерживал тактику поддержки революционными элементами в России. В частности, он оказывал финансовую помощь большевистской газете «Правда», которая после Февральской революции в России выступала за незамедлительный выход России из войны. При этом он полагал, что приход большевиков к власти в Германии не только позволит вывести Россию из-под влияния Антанты, но и существенно сблизит Германию и Россию в будущем¹¹.

В июле 1917 г. новым рейхсканцлером в Германии был назначен Г. Михаэлис. Его отношение к революции в России отличалось от мнения бывшего главы правительства Т. Бетман-Гольвега. Г. Михаэлис считал, что Февральская революция давала Германии шанс на окончательный разгром России и исключения её из числа конкурентов Германии. Г. Михаэлис утверждал, что для дезинтеграции России необходимо было добиться независимости Литвы, которую бы возглавил германский герцог. Также он поддерживал идею отрыва Украины, Финляндии и Ливонии от России¹².

Таким образом, после отказа Временного правительства от мирных переговоров, германское правительство стало иначе оценивать Февральскую революцию. Поначалу представители политический элиты Германии были

---

⁹ Уткин А.И. Указ. соч. С. 381.

¹⁰ Т. фон Бетман-Гольвег о послевоенных реформах в Германии. Из выступления в рейхстаге (14 марта 1917 г.) / История Германии: В 3 т. / под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова М., 2008. Т. 3: Документы и материалы. С. 303.

¹¹ Гофман М. Указ. соч. С. 220.

¹² Уткин А.И. Указ. соч. С. 388.

готовы заключить умеренный мир с Временным правительством, а некоторые политики и вовсе рассматривали Россию как возможного союзника в будущем. При этом Февральская революция, по мнению германской элиты, давала шанс на дестабилизацию ситуации в России, и этой возможностью Германия всячески старалась воспользоваться. Но после отказа России от мирного предложения Германии немецкое правительство стало во многом соглашаться с мнением военного руководства и теперь уже ставило целью не просто заключение мира, но и получение значительных территориальных приобретений на Востоке.

Как следствие, германское правительство стало более активно поддерживать большевиков, которые были яркими представителями сторонников мира, с которыми 3 марта 1918 г. и был подписан мирный договор в Брест-Литовске.

«И, КОНЕЧНО, ПАДАЛА МОНАРХИЯ ВЕСЬ ЭТОТ ВЕК...»: В.В. РОЗАНОВ О РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

*Пучнина Ольга Евгеньевна, к. полит. н.
(Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова)*

Имя Василия Васильевича Розанова (1856–1919) довольно часто встречается в современных исследованиях по истории отечественной мысли. Это закономерно, потому что оценки политических и социальных событий, современником которых являлся этот неординарный философ, глубоки, оригинальны, афористичны и противоречивы. Разумеется, Розанов не мог остаться в стороне от осмысления важнейшего события для нашей истории в XX веке. Задолго до свершения революции 1917 года философ уже предрекал исход и последствия, оценивал события, которые стали причинами революции, и размышлял о долговечности завоеванных ею позиций.

«Преисподним» фундаментом революции Розанов считал демократию. Он отрицал ее теоретическую обоснованность, видя в ней только выражение человеческого инстинкта, который не имеет права возводиться во всеобщий принцип. В то же время писатель отмечал, что в этом заключается и право демократии, которое отчасти может ее оправдывать. «Демократия имеет под собою одно только право... хотя, правда, оно очень огромно... проистекающее из голода... О, это такое чудовищное право: из него проистекает убийство, грабеж, вопль к небу и ко всем концам земли... “Голодного” нельзя вообще судить»¹, как нельзя голодного накормить теорией и морализаторством.

Розанов указывал, что демократия дает широкий простор для манипуляций и злоупотреблений, когда прикрываясь желанием помочь обездоленным, «демократы» сознательно добиваются только власти или богатства. Едва демократия «начинает морализировать и философствовать, как она обращается в мошенничество. Тут-то и положен для нее исторический предел»².

Однако Розанов, как выдающийся русский философ, шел дальше, ему интересны помимо внешних причин внутренние, психологические основания демократии. Причины если не самого явления, то его популярности, привлекательности для масс Розанов видел их во «всемирной психологичности». Человеку всегда то ближе и понятнее, что похоже на него самого. Служение вечным нравственным идеалам, непрерывное стремление к ним под силу только действительно волевым людям. Человек по природе своей слаб, а следовательно, апеллировать к его слабости и грешности, оправдывать такое положение, делать это если не нормой, то, во всяком случае, не чем-то постыдным,

---

¹ Розанов В.В. Опавшие листья. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. С. 176.

² Там же.

обещать избавление в будущем есть путь более простой и эффективный. Это хорошо видел Розанов в конце XIX в., это хорошо понимают в начале XXI в. Писатель чутко уловил психологию демократии, ее «выигрыш без проигрыша». Ведь «она вовсе не рождается “в золотых пеленках” морали; “с грешком”, как и все. Но она – “в нижнем положении”; и нравственный ореол привлек к ней все...»³.

К концу 1917 г. Василий Васильевич констатирует, что «демократия обманула Россию, и Россия теперь оставляет демократию. А если это больно, то надо было думать не теперь, когда больно, а когда плакала Россия...»⁴.

Если в демократии Розанов видел фундамент революции, то социализм выступал ее «вершиной». Еще в конце XIX в. автор чувствовал обреченность революционного процесса, потому что понял его истинную суть, социалистические силы и мотивы, которые питали революцию. Грядущий провал реального социализма Розанов видел в новом нежизнеспособном нелогическом устроении общества. «Из социализма, как он ни “преуспевай”... не может выйти гармонического порядка со временем». Новый строй порочен, поскольку “в самой душе социализма”... лежит ярость, гнев, клевета»⁵. И пресловутый социальный вопрос есть для Розанова лишь вопрос о «девяти дармоедах из десяти, а вовсе не о том, чтобы у немногих отнять и поделить между всеми. Ибо после дележа будет четырнадцать на шею одного трудолюбца и окончательно задавят его»⁶.

Заслуга Розанова состояла в «диагностировании» истинных основ новой революционной веры и в доказательстве ее примитивизма по сравнению с верой истинной. Как консерватор, Розанов отмечал, что коренной ошибкой новой революционной веры является ее принципиальный утопизм. Все столь рационалистично составленные революционные теории и программы страдают одним пороком – полным отрицанием сложившейся естественным образом жизни с Царем, Церковью, Семей. Все революционные «социальные системы» объединяет утопическое «неудержание в них чего-либо из строя существующего», писал Розанов. И это главная беда этих доктрин и одновременно – залог их конечного краха. «Потеря чувства действительности» – вот главнейшее основание всех революционных и социалистических теорий и программ. Поэтому этот отказ от действительной жизни по определению чреват закономерной «мстью», которая рано или поздно восстановит нарушенный исторический баланс⁷.

Еще одним печальным и неизбежным следствием «социалистической мечты» Розанов считал то, что из народа начинают вылезать самые худшие качества: подлость, слепота, глупость. В «Литературных изгнанниках» он пишет: «Наступил рак русской истории, который именуется социализмом и который заключается в равнодушии к общественным делам, нарушении рус-

---

³ *Розанов В.В.* Уединенное. Опавшие листья. Апокалипсис нашего времени. Статьи о русских писателях / сост. и коммент. В.Г. Сукач. М., 2001. С. 56.

⁴ *Розанов В.В.* Мимолетное. М.: Республика, 1994. С. 410.

⁵ Там же. С. 243.

⁶ Цит. по: *Гулыга А.В.* Творцы русской идеи. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 146.

⁷ *Шульгин В.Н.* Указ. соч.

ского и российского менталитета»⁸. Писатель считал, что чувство «русской души», «русского дома» в этой огромной стране сошло на нет. Русские теряют волю, вкус к хлопотам «над родимым гнездышком». В воздухе пахнет распадом, победой нигилистических настроений. Русская душа опустошается, лишается древнего содержания⁹.

Таким образом, заведомая гибель социалистического строя необходимо вытекает из двух его оснований – отказа от истинных основ целостной органической жизни и следования манящим ярким призрачным образам нового. Вторую причину Розанов склонен трактовать как «повреждение души», «психоз». Неизбежен, по мнению мыслителя, крах социализма как якобы всеобщего мира, довольства и гармонии, каким его представляют в утопических мечтах всех теоретиков. Розанов четко видел весь вред, который несут в себе социалистические теории. «Как раковая опухоль растет и все прорывает собою, все разрушает, – и сосет силы организма, и нет силы ее остановить; так социализм. Это изнурительная мечта – неосуществимая, безнадежная, но которая вбирает все жизненные силы в себя»¹⁰. И люди, завороченные этой мечтой, как мотыльки летят на огонь, на смерть. Розанов горько замечал: «Мечта общего счастья посреди общего несчастья. Да: но именно мечта о счастье, а не работа для счастья»¹¹. В пассивности, в созерцательности и в ожидании, что стоит только разрушить старое и прекрасное новое само выстроится, еще одна беда всех утопических идей, к сожалению, так характерная для нашей многотрадной истории.

Розанов, как человек, бесконечно близкий к природе, тонко чувствующий необходимую гармонию в мире и человека, ценивший и прославлявший все естественное и натуральное, не мог принять утопические идеи социального строительства еще по одной причине. Для него было очевидным, что все, что человеческий разум хочет сделать идеальным, совершенным, все это навсегда останется мертвым и механическим. «Все органическое – асимметрично. Между тем все постройки непременно будут симметричны. Планировать нельзя иначе, чем по линейке. А из живого – ничего по линейке»¹². Все в природе, начиная от мельчайших клеток и кристаллов до животных и растений, все во внешности и организме человека асимметрично и не бывает тождественным. А теоретики социальных утопий предлагают нам именно «строить», по плану, по мертвой схеме, симметрично, красиво. Розанов писал, что в таком случае «мировые силы, космогонические силы всегда и непременно это перекосят, растянут и испортят»¹³ и в реальности никому и никогда не удавалось завершить задуманное в точности и неизменности. Посему социалистическое безбожное здание не может быть ни прочным, ни долговремен-

---

⁸ Цит. по: *Философия и искусство Серебряного века в судьбе России: монография* / под ред. М.И. Панфиловой, Е.А. Трофимовой. СПб.: СПбГИЭУ, 2012. С. 70.

⁹ *Философия и искусство Серебряного века в судьбе России: монография* / под ред. М.И. Панфиловой, Е.А. Трофимовой. СПб.: СПбГИЭУ, 2012. С. 70.

¹⁰ *Розанов В.В.* Опавшие листья. С. 303.

¹¹ Там же. С. 303–304.

¹² *Розанов В.В.* Последние листья. СПб.: Кристалл, 2002. С. 93.

¹³ Там же. С. 93–94.

ным. Такой строй для Розанова пройдет как и всякая дисгармония, как буря, дождь, ветер – «взойдет солнышко и осушит все»¹⁴.

Розанов лишен инфантильной веры в необходимость совершенства во всем. Не отрицая важность стремления к идеалам, он отдает себе отчет, что «совершенство – на небесах и в мраморе»¹⁵. Это для него естественно, поскольку это наша судьба: «Нет хорошего лица, если в нем в то же время нет “чего-то некрасивого”. Таков удел земли, в противоположность небесному, – что мы все с чем-то неприятным»¹⁶. И это нормально, и это так должно быть – такие несовершенства, которые не должны исчезнуть. Мыслитель приходит к выводу, что такое положение необходимо должно сохраняться в природе для поддержания гармонии, для уравновешивания дурного и хорошего. «По-видимому (в историю? планету?) влит определенный % пошлости, который не подлежит умалению. Ну пройдет демократическая пошлость, и настанет аристократическая...»¹⁷, за ней еще и еще, и так бесконечно, потому что так устроено и так надо.

«Зоркий очевидец эпохи», как называет Розанова Фатеев, очень чутко улавливал колебания в общественных настроениях. Ощущение грядущей революции витало в воздухе, и мыслитель не мог не почувствовать скорое наступление перемен. Он писал, что поначалу почти все общество поверило в освободительный и очистительный пафос будущей революции, ее ждали даже с надеждой, рассчитывая на сплоченность народа перед угрозой, воодушевление, готовность к самопожертвованию, – все это выделось признаками духовного выздоровления общества. Причину такого положения дел Розанов увидел во «всемирной скуке» повседневной обывательской жизни предреволюционных лет, тягостном затхлом застое, мертвой точке, в которой находилась Россия на изломе веков. Василий Васильевич в свойственной ему «физиологической» манере писал, что все ощущали потребность «свежего воздуха», прогресса, но никто не знал, как этого добиться. И первое впечатление от революции у Розанова тоже было радужным и освещенным надеждой: «Кислород потек по улице»¹⁸.

Весть о создании парламента в России в 1905 г. была воспринята Розановым с энтузиазмом, чаемое «движение вод» началось. Апологией социальной свободы, верой в силу закона и права проникнута его статья этого периода «Исторический перелом». Можно, впрочем, отметить, что отрезвление от революционной восторженности прошло очень быстро и болезненно и позднее мыслителю было почти стыдно за высказанный либеральный пафос. Однако, будучи «барометром» общественного состояния, он очень точно передал атмосферу в стране. Период увлечения революцией пришелся для Розанова на 1905–1906 гг., результатом стал сборник его статей и фельетонов «Когда на-

---

¹⁴ Подробнее эти идеи Розанов развил в статье, посвященной разбору теории Леонтьева «Эстетическое понимание истории» // Русский вестник, 1892. № 1; «Теория исторического прогресса и упадка» // Там же. № 2, 3.

¹⁵ *Розанов В.В.* Опавшие листья. С. 189.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 188.

¹⁸ Цит. по: *Фатеев В.А.* С русской бездной в душе: Жизнеописание Василия Розанова. Кострома: ГУИПП «Кострома», 2002. С. 317.

чальство ушло...», яркая и необычная, живая книга, которая, однако, будучи опубликованной в 1910 г., когда Розанов уже прочно стоял на консервативных позициях, вызвала шквал непонимания и упреков в адрес автора.

Анализируя причины революции, он пришел к выводу, что история России XIX в. была «сплошным безумием». Это безумие заключалось в том, что все общество «чихало и хихикало», когда негодяи гонялись с пистолетами, ножами и бомбами за престарелым Государем, когда Россия, в сущности, отступила перед «гнуснейшими самозванцами» – самодовольным Желябовым, его любовницей Софьей Перовской, «заблудившейся гулящей девчонкой» Верой Фигнер и др.¹⁹ Розанов отмечал, что «интеллигенция, в муке на дворянство, в злобе – “почему оно – не дворянин”, рвала последние клоки его, вырывала “свинным рылом” последние корни того дуба, который начала шатать царская власть»²⁰, когда не обеспечила себя верными и преданными благородными людьми, не успела окружить себя «защитным лесом»²¹.

«Со времени декабристов, – пришел к выводу Розанов, – Россия была вся революционна... И, конечно, падала монархия весь этот век, и только в феврале “это кончилось”»²². И все это революционное разорение России, по мнению писателя, началось с «неблагородного хрюканья», когда пришел разnochинец. «Пришел со своею ненавистью, пришел со своей завистью, пришел со своей грязью»²³. Но все это, однако, имело силу, и окружило его ореолом «мрачного демона отрицания»; «но под демоном скрывался просто лакей. Он был не черен, а грязен. И разрушил дворянскую культуру от Державина до Пушкина»²⁴.

Когда радостное ощущение грядущей свободы сменилось тревогой по поводу нарастающей анархии, падения авторитетов и попрании принципа законности, философ попытался разобраться в истинных движущих силах революции. Розанов вскрыл главный порок революции – в ней слиты две стихии: во-первых, народническая, бунтарская, до известной степени оправданная, во-вторых, чисто интеллигентская, «идеологическая». Однажды писатель заметил, что революция права на 1/100 часть именно в силу своей народной стихийности. «А голодные так голодны, и все-таки революция права. Но она права не идеологически, а как натиск, как воля, как отчаяние»²⁵. И Розанов видел, что вторая составляющая революции – идеологическая – является абсолютной ложью, поскольку революционеры-идеологи разъяряют народ против старого строя, заботясь не о благе «трудящихся», а о своем захвате власти на волне «народного гнева»²⁶. Именно отказывая революции в идейной обоснованности, писатель противопоставляет ее старому строю. Для

---

¹⁹ *Сохряков Ю.И.* Национальная идея в отечественной публицистике XIX – начала XX в. М.: Наследие, 2000. С. 106.

²⁰ *Розанов В.В.* С вершины тысячелетней пирамиды. Размышления о ходе русской литературы / А.Л. Налепин, Т.В. Померанская, В.В. Розанов. М., 2011. С. 372.

²¹ Там же.

²² *Розанов В.В.* Мимолетное. С. 370.

²³ *Розанов В.В.* Опавшие листья. С. 85.

²⁴ Там же.

²⁵ *Розанов В.В.* Уединенное. С. 35.

²⁶ *Шульгин В.Н.* Указ. соч.

Розанова такое противопоставление есть просто «дряхлость» и «еще крепкие силы». «Но это – не идея, ни в каком случае – не идея!»²⁷.

Более того, Розанов писал, что «всякая революция есть до некоторой степени час мести. В первом азарте – она есть просто месть. И только потом начинает “строить”. Поэтому именно первые часы особенно страшны»²⁸.

В революции, как и в социализме, для Розанова нет жизненных сил, нет никакого позитивного начала, это сплошь ненависть и отрицание. «Самолюбие и злоба – из этого смешана вся революция»²⁹. А значит, при всей масштабности, кровавости, радикальности, мощи революция не сможет привести общество к какому-нибудь прочному основанию. Розанов отмечал, что, хотя революция имеет длину и ширину, она не имеет третьего измерения – глубины. «И вот по этому качеству она никогда не будет иметь спелого, вкусного плода; никогда не “завершится”»³⁰. Мыслитель видел обреченность революции, ту великую боль, которую она принесет России. Он, как никто другой, понимал, какое огромное разочарование она таит для своих же «свершителей». Революция «всегда будет расти в раздражение: но никогда не достигнет в ней того окончательного, когда человек говорит: “Довольно! Я – счастлив! Сегодня так хорошо, что не надо завтра”... Революция всегда будет с мукою и будет надеяться только на “завтра”... И всякое “завтра” ее обманет и перейдет в “послезавтра”»³¹.

И самое горькое, что эта революция перечеркнула разом всю тысячелетнюю историю России так, что «Русь слиняла в два дня. Самое большее – в три»³² и «Россию нужно строить с начала»³³.

Розанов считал, что победа революционеров, или их 50-летний успех, основывается на том, что они – бесчеловечны, а «старый строй», которого «мерзавца» они истребляют, помнит «крест на себе» и не решается совлечь с себя образ человеческий. «Они – голые. Старый строй – в одежде»³⁴. Писатель воспринимал революцию как величайшую трагедию, несущую русскому народу неисчислимые бедствия. «Ленин и социалисты оттого и мужественны, что знают, что их некому будет судить, что судьбы будут отсутствовать, так как они будут съедены»³⁵.

По Розанову, суть революции – самовлюбленность и тупая вера в свою правоту и непогрешимость. В революции люди теряют наслаждение сегодняшним днем, осознание действительности и живут «завтрашней» радостью, которая становится стимулом человеческой жизни и которой в итоге они никогда не узнают. «В революции нет радости. И не будет. Радость – слишком

---

²⁷ Розанов В.В. Уединенное. С. 35.

²⁸ Цит. по: *Фатеев В.А.* С русской бездной в душе: Жизнеописание Василия Розанова. Кострома: ГУИПП «Кострома», 2002. С. 584.

²⁹ Розанов В.В. Опавшие листья. С. 205.

³⁰ Там же. С. 28.

³¹ Там же.

³² Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2000. С. 6.

³³ Цит. по: *Николюкин А.Н.* Розанов. М.: Молодая гвардия, ЖЗЛ, 2001. С. 468.

³⁴ Розанов В.В. Уединенное С. 359.

³⁵ Цит. по: *Николюкин А.Н.* Розанов. М.: Молодая гвардия, ЖЗЛ, 2001. С. 468.

царственное чувство и никогда не попадет в объятия этого лакея»³⁶. Всех людей революция делает нереальными – тенями. Введя при этом каждого человека в пустоту относительно «сегодня», революция, говорил Розанов, бесконечно «огорчила и сквасила» людей и «прокисла» целый век.

Отмечая «бездуховность» революции, Розанов сделал вывод, что она «умрет разом и вся, как только душа человеческая, наконец, пресытится зрелищем этого монотонного вранья, хвастовства и самовлюбленности. Она умрет эстетически. Ну, а таковые вещи не воскресают. Людям будет вообще гадко глядеть на эту ораву хвастунов, лгунов и политических хлыщей»³⁷.

Исходя из этого, мыслитель предвидел уже в 1911 г. и победу Революции, и конечный крах созданного ею строя. Хотя радикалы и возьмут власть и «битой посуды будет много», но «нового здания не выстроится», (то есть революционная цивилизация, в конечном счете, рухнет). Розанов продолжал: «Ибо строит тот один, кто способен к изнуряющей мечте; строил Микеланджело, Леонардо да Винчи: но революция всем им “покажет прозаический кукиш” и задушит еще в младенчестве, <...> когда у них вдруг окажется “свое на душе”. Революция этим творческим натурам попеняет за отрыв от коллектива и скажет: “Имеете какую-то свою душу, не общую душу... Умрите”»³⁸.

Размышления писателя оказались пророческими, новый послереволюционный строй не оказался прочным – «и «новое здание», с чертами ослиного в себе, повалится в третьем-четвертом поколении»³⁹. Но с глубиной скорбью писатель писал о последствиях революционного разорения нашей родины. «Дана нам красота невиданная. И богатство неслыханное. Это – РОССИЯ. Но глупые дети все растратили. Это РУССКИЕ»⁴⁰.

Примечательно, что при этом Розанов не подался в эмиграцию, даже не сделал попыток уехать, невозможно представить его где-нибудь в Париже вместе с Мережковским и Гиппиус, ему просто не для кого было бы там писать. Знакомый Розанова А.М. Ремизов позже так писал об этом: «Русскому человеку никогда, может быть, так не было необходимо, как в эти вот годы /1917–1921/ быть в России...»⁴¹ Еще лучше об этом сказал сам писатель: «Россия дала мне язык, она дала мне талант, она дала мне судьбу. Что такое “я” вне “России”?»⁴²

---

³⁶ Цит. по: *Николюкин А.Н.* Указ. соч. С. 29.

³⁷ *Розанов В.В.* Мимолетное. С. 195.

³⁸ Цит. по: *Шульгин В.Н.* Русский пророк – консерватор Розанов // Золотой лев. Издание русской консервативной мысли. М., 2006. № 97–98.

³⁹ *Розанов В.В.* Уединенное. С. 36.

⁴⁰ *Шульгин В.Н.* Указ. соч.

⁴¹ Цит. по: *Сидоренко Ф.Ф., Сугрей Л.А.* Русская идея в отечественной философской мысли (научно-популярные очерки). Пятигорск: ПГГТУ, 2012. С. 164.

⁴² Серебряный век. Л., 1991. С. 123.

**ЛИСТОВКА КАК ФОРМА АГИТАЦИОННОЙ БОРЬБЫ
ЗА ЭЛЕКТОРАТ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-
РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ НА УРАЛЕ в 1917 г.
(по материалам Государственного архива административных
органов Свердловской области)**

*Семенова Татьяна Алексеевна
(Государственный архив административных органов
Свердловской области)*

«В борьбе обретешь ты право свое»

Больше ста лет прошло с тех пор, как в России стали возникать разнообразные политические партии, группы, течения. В январе 1902 года на исторической арене Российской империи появилась партия социалистов-революционеров – эсеров, за короткое время ставшая одной из крупнейших партий того периода. В мае 1904 г. был опубликован проект программы партии, а окончательный ее вариант был утвержден первым съездом партии в начале января 1906 г.

За короткий срок партия становится одной из самых популярных в России. Это объясняется тем, что эсеры являлись прямыми наследниками старого народничества, основу которого составляла идея о возможности перехода России к социализму некапиталистическим путем. Созданную партию эсеров историки характеризуют как неонародническую партию. Они обновили устаревшее народничество применительно к ситуации начала XX века. Социалисты-революционеры уже не отрицали развитие капитализма в России, как прежде народники, но утверждали, что капиталистические отношения мало затронули крестьянство.

Эсеры призывали к установлению в России народной демократической республики с широкой автономией областей и общин; право наций на самоопределение, федеративные отношения между нациями; утверждение политических свобод и прав граждан; введение прогрессивного подоходного налога; принятие демократического рабочего законодательства, утверждение 8-часового рабочего дня, права создавать профсоюзы и т. д.¹

Народническим ядром программы было требование социализации земли – ликвидации частной собственности на землю без выкупа, обращение ее в общенародное достояние с правом пользоваться ею тем, кто на ней трудится,

---

¹ Полный сборник платформ всех русских политических партий. С приложением высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. и всеподданнейшего доклада графа Витте. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2001. 132 с.

передачи ее в распоряжение центральных и местных органов самоуправления, на самом низу – сельским общинам для уравнилельно-трудоого пользования ею крестьянами. Социализацию земли эсеры считали основой социализма в деревне, предполагали через кооперацию вести крестьян к более совершенному социализму. Аграрная программа партии позволяет считать эсеров крестьянской партией, выражающей интересы общинного крестьянства.

До февральской революции 1917 г. положение партии по всей России было нелегальным. На Урале эсеры вели активную подпольную деятельность, но использовали любую возможность в официальных организациях трудящихся для пропаганды, укрепления связи с массами: проводили собрания, читали лекции, распространяли как легальную, так и нелегальную литературу. Именно поэтому в большинстве Советов рабочих и солдатских депутатов, образовавшихся в феврале–марте 1917 г., преобладали эсеры вместе с меньшевиками. К лету 1917 г. численность партии эсеров на Урале достигала 40 тысяч человек.

На фоне царившего хаоса одной из первостепенных задач, стоявших перед партией социалистов-революционеров, была победа на выборах во Всероссийское Учредительное собрание, которая давала возможность реализации в жизнь требования программы-минимум, учреждению республики и осуществления социализации земли.

Выборы в Учредительное собрание явились первым опытом проведения всеобщих выборов в России. Все, что было наработано в ходе прежних избирательных кампаний, в том числе выборов в Государственную думу, в новых условиях вряд ли могло пригодиться. Своеобразной репетицией выборов в Учредительное собрание стала кампания по выборам в органы местного самоуправления, проходившая летом–осенью 1917 г. Именно их результат в регионах предсказывал итоги выборов в Учредительное собрание.

Подготовка выборов во Всероссийское учредительное собрание началась сразу после Февральской революции, не дожидаясь официального положения о выборах, которое было готово только к концу лета. 7 августа 1917 г. приступила к работе Всероссийская по делам о выборах в Учредительное собрание комиссия («Всевыборы») – исторический прообраз современного коллегияльного органа. Началась активная агитационная борьба.

Партия эсеров располагала достаточным количеством средств для реализации предвыборной кампании, что позволяло проводить широкую агитационную работу среди всех слоев населения и выгодно выделяло её на фоне остальных, менее обеспеченных, партий. Она обладала мощной прессой, опиралась на развитую сеть комитетов и организаций. Только в Пермской губернии выходили три газеты (в Перми, Екатеринбурге, Камышловe) и насчитывалось около 100 организаций. Кроме того, во многих уездных центрах издавались газеты земствами или Советами крестьянских депутатов, как правило эсеровской направленности. В Екатеринбурге эсеры имели собственную типографию, что позволяло им печатать агитационную литературу практически в неограниченном количестве.

С первых чисел марта потоки митинговых речей, газетных статей, листовок о выборах хлынули на жадно слушающую и читающую публику. Одной из популярных форм агитации была листовка, кратко и доступно разъясняющая народу основные положения партии, цели и задачи, которые она ставит перед собой. Особо популярными в плане использования у уральских эсеров-

ских организаций были листовки-разъяснения, которые могли распространяться и в виде расклейки, но в основном выпускались в виде раздаточного информационного материала, представляющего собой нечто среднее между собственно листовкой и информационным бюллетенем. Собственно информационные бюллетени содержали еще более объемную информацию идеологического характера и элементы разъяснения по разным вопросам.

Переживая переломный момент в истории своего Отечества и зачастую не осознавая этого, народу нужно было понять, зачем необходим созыв Учредительного собрания, что оно может дать народу и почему важно принимать участие в выборах. Екатеринбургский комитет партии социалистов-революционеров выпустил ряд информационных листовок с целью разъяснить вопросы: «Что такое Учредительное собрание?», «Что должно дать народу учредительное собрание», «Что делать в Учредительном собрании?» и другие². «Итак, для того, чтобы народ мог обеспечить себя от всякого насилия, от порабощения в будущем, чтобы он, наконец, стал хозяином своей земли, которую он тысячи лет поил своим потом и кровью, он должен сам учредить основы будущей жизни, так именно, чтобы уже никогда не выпустить власть из своих рук; тогда только у народа будут законы справедливые, выгодные для всего народа. А для этого нужно созвать Учредительное собрание, которое должно состоять из представителей народа, избранных всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием»³ – именно так видит цель созыва Всероссийского Учредительного собрания Либин Владимир Борисович, один из членов партии, председатель губернского комитета партии социалистов-революционеров.

«Учредительное собрание соберется для того, чтобы сломать, захерить все старые, несправедливые законы. На их место оно должно установить новые, справедливые, чтобы заложить тот фундамент, на котором будет строиться великолепный светлый хрустальный храм свободной России», – пишет Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская⁴.

Перед будущими избирателями подробно раскрываются предпочтительность установления формы правления в виде демократической республики, механизмы управления, в том числе и местного самоуправления, и смысл основных гражданских свобод. «Правление без царской власти называется республикой и когда народ через своих избранных становится действительным хозяином своей страны, республикой демократической или народной». Проводится параллель с западными странами, которые было принято считать более прогрессивными и развитыми. Создание государственной думы по западному образцу в представлении эсеров видится живым воплощением демократии в России. «В Демократической Республике все совершеннолетние граждане, мужчины и женщины, выбирают таким же порядком, как и в Учредительное собрание, т. е. всеобщим, равным прямым и тайным голосованием, своих выборных или депутатов в самое важное и главное учреждение страны – Государственную думу. Во Франции это учреждение называется Собрание депутатов, в Англии – Парламентом. Государственная Дума в ре-

---

² ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 21650. Л. 13, 21, 22, 45.

³ Там же. Л. 22 об.

⁴ Там же. Л. 13.

спублике ведает всеми важными государственными делами». Авторами подробно раскрывается смысл слов всеобщие, равные, прямые и тайные, а также основные перспективные направления деятельности для работы Учредительного собрания. Это текст одной из базовых листовых партии эсеров, она была напечатана на Покровском проспекте в доме Поклевского, где располагался Екатеринбургский комитет партии, но авторами этого сильнейшего по воздействию на общественное мнение средства агитации были виднейшие эсеровские деятели общероссийского масштаба Анатолий Буланов, Екатерина Брешковская, Герман Лопатин. Листовки с подобным содержанием издавались на территории всей России и носили массовый характер. В данной листовке авторы дают местным партийным организациям мощную агитационную базу, которую вполне можно приспособить к разнообразным местным условиям⁵.

«Да здравствует учредительное собрание, которое установит новые порядки!» – гласит один из заголовков листовки комитета партии при Мотовилихинском заводе. Текст обращен к жителям глухих сел и деревень от рабочих фабрик заводов с призывом установить новые порядки: «Учредительное собрание должно выстроить фундамент, на котором весь народ уже сам будет устраивать свою жизнь дальше; поэтому фундамент должен быть сделан крепкий, как гранит; такое дело будет по плечу только людям, избранникам от всего народа». Крестьянам объясняется, почему была свергнута старая власть. «Вся высшая власть, которая на днях еще была в руках царицы-немки и ее приятеля Григория Распутина, у генерала Сухомлинова-изменника, у царя Николая, – вся эта власть рухнула, а кучка этих руководителей заточена под крепкие замки. Кучка этих людей давно всю Россию с помощью многочисленной толпы холопов, кучка эта продавала врагам кровь наших воинов на фронте, обессиливала армию, путала и расстраивала весь порядок в государстве, чтобы потом, после войны, в союзе с немецким императором, укрепить свои цепи над народом». Подчеркивается важность голоса каждого избирателя, его незаменимая роль в выборах. «От вашего разума будет зависеть ваша же судьба», – уверяют авторы⁶.

Понятным для крестьянского большинства языком обосновывается важность сохранения до выборов в Учредительное собрание стабильности и порядка, опасность погромов и других антиобщественных действий. Тем самым эсеры изначально позиционируют себя как партия демократическая, признающая созданную временную политическую систему и призывающая своих будущих избирателей воздержаться от действий.

Также можно выделить листовки, разъясняющие программу партии и тактику достижения поставленных целей. Как правило, Екатеринбургским комитетом партии социалистов-революционеров на листовках была напечатана программа-минимум, кратко и лаконично отражающая основные направления деятельности, такие листовки стали печататься почти сразу после Февральской революции. Это связано с тем, что медлить было нельзя, а печать и проработка полномасштабной программы требовало времени. В мартовской листовке 1917 года, выпущенной тиражом 5000 экземпляров, выделяются направления в политической и правовой области и народной хозяйственной

---

⁵ Там же. Л. 21, 21 об.

⁶ Там же. Д. 69811. Л. 104, 104 об.

области. Вместе с программой была напечатана и резолюция Петроградской областной конференции социалистов-революционеров, а также выдержки из постановления конференции московского комитета партии, касающиеся вопроса об отношении к временному правительству и задачам партии⁷. Подобные листовки выпускались по всей стране, в Государственном архиве административных органов Свердловской области города Екатеринбурга в одном из архивно-следственных дел имеется листовка с программой-минимум, напечатанная организационной комиссией партии социалистов-революционеров города Кушва⁸.

Многие листовки содержат выдержки работ членов партии, например «Бабушки русской революции», одной из создательниц партии эсеров Екатерина Константиновны Брешко-Брешковской.

Немаловажной для простого русского народа, который являлся опорой партии эсеров, была религия. Свою позицию социалисты-революционеры Екатеринбургского комитета партии излагают в листовке «Речь о религии “Бабушки русской революции” Е.К. Брешко-Брешковской к крестьянам села Шунги Костромской губернии». Её можно отнести к листовке-обращению. Екатерина Константиновна объясняет, что гонений на церковь не предвидится, а приверженцы старого порядка «возбуждают крестьянство нелепыми слухами», она обращается к крестьянам, используя такие обращения, как: подумайте, просите же, не сгуйте же граждане милые, сестры дорогие. Тем самым она ставит себя рядом с народом, указывает на свое неравнодушие к нему. Эсеры выступают за свободу вероисповедания: «свобода дана для того, чтобы каждый, веря в Творца небесного, мог соблюдать сою религию, согласно своей совести, своему разумению». Истинно верующий тот, кто своими поступками доказывает это своими жертвами. «Подумайте, граждане и гражданки, кто ближе к Христу: тот ли, кто каждый воскресный день ходит в церковь и кладет поклоны, или тот социалист, который жизнь свою положил за друзей своих?» – задают вопрос социалисты-революционеры. «Храните веру, религию свою в душе вашей и практикуйте ее в жизни вашей. Тот истинно верующий, истинно праведный, кто в жизни поступает по завету Христа»⁹.

К библейской теме, а именно к сюжету о распятии Иисуса Христа, обращаются эсеры в листовке Екатеринбургского комитета партии с заголовком «Народ – не толпа», утверждая, что Христос был распят толпой, «волею первосвященника и начальников народа предан был отдавший жизнь свою за людей». Голос толпы не всегда является голосом народа, толпой управляют, ведут за собой красивыми словами, «льстят самолюбию, и, закрепив за собою доверие, начинают подталкивать ее к решениям, которые для чего-либо им нужны». Не толпой должен быть русский народ, «всякий гражданин, рабочий, крестьянин и солдат, в котором живо чутье жизненной правды, будет останавливать всех этих непрошенных вожаков толпы и будет помогать демократии служить великому делу революции, освобождающему народ». Тем самым эсеры подчеркивают, что они вместе с народом пресле-

---

⁷ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 36695. Л. 3, 3 об.

⁸ Там же. Д. 21650. Л. 56, 57.

⁹ Там же. Л. 63.

дуют народные интересы, не считают его лишь средством для достижения своих целей¹⁰.

Осенью 1917 года борьба вокруг Учредительного собрания вступила в новую стадию и разгорелась с небывалой для прежних избирательных кампаний силой. Началось активное соперничество за каждого избирателя, ведь впервые в России были отменены цензы: имущественный, грамотности, оседлости, а также ограничения по национальному и религиозному признакам. «При всеобщем, равном прямом и тайном голосовании не может быть того, что было 300 лет тому назад, когда в Земском собрании участвовали лишь бояре, купцы»¹¹.

Позиционируя себя как крестьянская партия, эсеры в своей агитации большое внимания уделяют земельному вопросу, который составляет основу программы партии. Одной из задач партии являлась подготовка решения земельного вопроса к Учредительному собранию. Одна из листовок о социализации, распространяемых в Екатеринбурге, «*Вся земля – всему народу*» гласит: «Мы, Социалисты-революционеры, считаем, что вся земля должна быть передана в уравнительное пользование всему народу и чтобы частная собственность на землю была совершенно и навсегда уничтожена». В листовке, предлагаемой широкому кругу читателей, доступно и с пояснениями раскрываются основные положения программы партии, какие преимущества даст социализация земли для народа. «Закон о социализации земли должен быть вписан в число основных законов государства». Подчеркивается, что «социализация земли не есть еще социализм», она является лишь первоначальным этапом, одной из первых ступеней¹².

В своей предвыборной агитации эсеры не могли обойти второй вопрос об участии в Первой мировой войне, которая наносила огромный урон всей стране, тревожила население. Эсеры выступали за продолжение войны. В архиве административных органов не хранится листовки, затрагивающей только вопрос относительно войны, но в обобщенной листовке партии, напечатанной в Типографии Уральского союза потребительских обществ, этой важной теме уделено большое внимание. «Помните, товарищи, что на фронте, в окопах, вы стоите теперь на страже русской свободы. Вы защищаете российскую революцию, защищаете своих братьев – рабочих и крестьян». Они считали, что социалисты должны защищать родину против иноземного империализма, а выход из войны и подписание сепаратного мира – это огромная угроза прежде всего для самой России. «Будет то, что германские империалисты, германские помощники и капиталисты поставят тяжелую пядь на нашу шею, захватят наши города, села и земли, обложат русский народ данью. Так неужели для того свергли мы Николая, чтобы склониться к ногам Вильгельма?»¹³

Каждый голос был важен для партии, поэтому опираться, необходимо было на широкие слои электората. Свою поддержку эсеры видели в интеллигенции. «Товарищи учителя! – обращаются в мае 1917 года революционеры с призывом поддержать их на выборах. – Вы плоть от плоти, кровь от кро-

---

¹⁰ Там же. Д. 21650. Л. 61.

¹¹ Там же. Л. 21.

¹² Там же. Л. 46.

¹³ Там же. Л. 19.

ви трудового народа, вы, воспитавшиеся на народные деньги, должны в этот исторический момент исполнить свой гражданский долг». Революционеры утверждают: «Школьное обучение было только орудием для бюрократического управления. Развитие же учащихся, их умственное и нравственное развитие было чем-то неважным. О нем не заботились». Эсеры обещают устройство народной школы и широкое развитие внешкольного образования в России¹⁴.

Ориентируемой на слой интеллигенции была листовка Нижнетагильского комитета партии социалистов-революционеров со стихами Л.И. Пламина «Не плачьте над трупами павших борцов», А.С. Пушкина «В сибирь», А.И. Одоевского «Ответ декабристов на послание Пушкину», В.Г. Тан-Богораза «Кончается царство постылой зимы» и других поэтов XIX века, изданная в пользу возвращающихся из Сибири амнистированных товарищей. Собранные на листовке произведения посвящены декабристам, хождению в народ, памяти известных русских революционеров, таких как И.П. Кляев, Ю.Н. Богданович, М.В. Куприянов, С.В. Балмашев, с краткой их биографией. На развороте большими буквами написано: «Вечная память, вечным борцам». Последним из стихов приведено «Завещание», оканчивающееся четверостишием: «Когда ж блеснит заря спасения, настанет братства светлый час, в счастливой жизни вспомните, друзья, и нас!»¹⁵

Широкая предвыборная агитация не прошла зря, партия социалистов-революционеров одержала победу на выборах во Всероссийское учредительное собрание в трех уральских губерниях: Уфимской, Пермской и Вятской. В Оренбургской губернии, где выборы состоялись на две недели позже, чем в целом по России, и уже произошла достаточно жесткая поляризация политических настроений, эсеры проиграли.

Успех эсеров на Урале в немалой степени обусловлен и активной предвыборной агитацией, использованию всех средств и методов политической борьбы, которые допускала существующая на момент выборов временная политическая система, это позволило привлечь на их сторону большинство крестьянства. Однако воспользоваться своей победой эсерам не удалось. 6 января 1918 года Учредительное собрание было распущено. В уральских губерниях так же, как и по всей стране, начался неуклонный процесс становления однопартийной диктатуры большевиков.

Листовка как способ доведения до населения актуальной политической информации остается актуальной для предвыборных кампаний современности, продолжая быть востребованной в век цифровых технологий.

---

¹⁴ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 21650. Л. 23.

¹⁵ Там же. Л. 15, 16.

«БОРЦЫ ОКТЯБРЯ, ЖИЗНЬ СВОЮ ОТДАВШИЕ ДЕЛУ РЕВОЛЮЦИИ...»: ОБРАЗ ГЕРОЕВ РЕВОЛЮЦИИ В МАССОВЫХ СОВЕТСКИХ ЖУРНАЛАХ 1920-х ГОДОВ

*Танцеева Анастасия Владимировна, к.и.н.
(Северо-Кавказский федеральный университет)*

Революция 1917 года стала не только знаковым событием в истории России и мира, но и отправной точкой формирования новой исторической памяти. Образ героев революции напрямую был связан с образом времени, осмыслением исторического прошлого. Революция представлялась как новый этап жизни, отделяющий прошлое от настоящего определенной чертой. Формирование образа Великого Октября, мифов, идеологием об Октябре началось сразу же после победы большевиков. Творцами нового советского исторического нарратива выступали вчерашние революционеры. Как отмечал В.П. Булдаков, люди «победившей революции» стали ее «первыми мифотворцами»¹. Это особенно наглядно видно на примере периодической печати первого десятилетия советской власти. Через образы, транслируемые на страницах прессы, формировались новые ценностные ориентиры в условиях складывания официальной идеологии советского государства.

В 1920-е гг. печать рассматривалась как важнейший инструмент формирования новой государственной идеологии. Именно через газеты и журналы осуществлялось влияние на общественное сознание посредством конструирования и отражения разных образов, в том числе и образа героев революции, которые содержали в себе новые ценности и идеи. Периодическая печать решала задачи социалистического строительства, пропагандировала новые ценности и являлась средством управления и обеспечения политических, экономических и социальных преобразований в стране, способствовала сплочению сторонников нового строя.

Тема «Великой Революции» получила широкое распространение на страницах массовых журналов 1920-х гг. «Красная Нива», «Огонек», «Прожектор». Задачей их являлась пропаганда нового советского строя, разъяснение цели социалистического строительства, оперативное освещение событий общественно-политической и культурной жизни страны, формирование советской идеологии. Все они стали выходить в 1923 году и, в отличие от других периодических изданий, были рассчитаны на массового читателя, имели фотоиллюстрации, экспериментировали с формами подачи материала.

---

¹ Булдаков В.П. Революция и мифотворчество: коллизии современного исторического воображения // Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории: Сборник научных статей (к 95-летию Февраля–Октября 1917 г.) / под ред. П.П. Марченя, С.Ю. Разина. М.: ООО «АПР», 2012. С. 60.

Журнал «Красная нива» выпускался в издательстве «Известия» ЦИК СССР и ВЦИК как приложение к газете «Известия», редактировался А.В. Луначарским. В нем содержался преимущественно литературно-художественный материал. Иллюстрированный, литературно-художественный и сатирический двухнедельный журнал «Прожектор» выходил в издательстве «Правда», органе Центрального и Московского комитетов РКП(б). Одним из первых редакторов его был А. Воронский, позже – Н. Бухарин, в редколлегию входили Е. Зозуля, К. Левин, Л. Шмидт и др. «Прожектор» относился к группе «дорогих» изданий, предназначенных для «квалифицированного читателя, служащего, партийного работника»², и являлся единственным в Советской России многокрасочным изданием 1920-х гг. Самым массовым и дешевым еженедельником Советской России был общественно-политический и литературно-художественный журнал «Огонек». Редактором его был талантливый журналист М.Е. Кольцов. В инициативную группу по изданию журнала входили писатель Е. Зозуля, журналист Л. Рябинин, издательский работник Э.Г. Голomb.

Несмотря на различия в издательствах и отчасти в задачах, стоящих перед данными еженедельниками, все они были нацелены на работу с массовым читателем, на освещение текущих событий и изменений, происходивших в обществе. Массовые журналы имели схожие тематические линии, формы подачи материала, использовали одинаковые социальные маркеры (советский, красный, рабочий, пролетарский, новый и т. д.) и выступали в первую очередь репрезентантами советской власти, что было характерно для советской журналистики 1920-х гг.

Тема «Революция и ее герои» стала освещаться в журналах уже с момента их издания. Так, уже в первых номерах журнала «Огонек» за 1923 год появляется рубрика, которую условно можно назвать «Из революционного прошлого». В ней рассказывалось об истории революции, ее участниках, о событиях Гражданской войны, печатались рассказы, очерки, воспоминания и выдержки из мемуаров участников октябрьских событий, в которых представлялся притягательный образ новых героев, героев революции. Для власти было важно, чтобы образ Октября остался в общественном сознании как важный момент новой истории, с присущей ему символикой и культом героев. Образ героев революции являлся многосоставным образом и включал в себя, как коллективный образ героев революции и Гражданской войны, отдавших жизнь за народную власть, так и делился на образы отдельных героев, конкретных личностей или представлял собой собирательный образ определенной социальной группы. Данный образ был тесно связан с образом власти.

Образ власти являлся основополагающим в советской идеологии, т. к. в переходный период большевикам необходимо было наделить его легитимными чертами, сформировать его положительное восприятие у населения, а главное – с его помощью удержать власть. Репрезентация образа власти была напрямую связана с политическими задачами, так как именно в политически нестабильные периоды истории власть «зависит от общественного мнения, быстрые колебания которого приобретают значение важнейшего

---

² Дискуссия о массовом журнале // Красная печать. 1925. № 17/18. С. 24.

политического фактора», влияющего на утверждение законности новой власти³.

Первоначально образ власти носил абстрактный характер, но с начала 1920-х годов он начинает приобретать персонифицированные черты и все чаще ассоциироваться с лидерами советской власти. Вопрос репрезентации власти был связан с процессом персонификации и развитием культа личности в образе вождя революции. Это нашло отражение в культе В.И. Ленина, появление которого было обусловлено тем, что его фигура достаточно быстро приобрела знаковый характер и сознательно начала ассоциироваться с образом власти.

В 1920-х годах перед печатью ставились определенные задачи: конструировать и транслировать образ В.И. Ленина как вождя мировой революции и пролетариата, мыслителя, с одной стороны, и как близкого друга, простого товарища каждого советского человека, с другой. Были выработаны определенные визуальные каноны изображения и преподнесения образа вождя, которые массово тиражировались печатью. Через отражение образа вождя и сама власть приобретала такие черты, как сакральность, почитаемость и одобрение. Ленинский образ постепенно становится олицетворением страны и всего советского строя. Как пишет В.П. Булдаков, «образ Ленина необходимо было превратить в образчик коммунистической нормы», и после смерти вождя он принимает поистине сакральный характер⁴.

На страницах журналов помещалось значительное количество фотографий Ильича, которые также влияли на формирование образа вождя революции. Юбилейный номер «Прожектора» в 1927 г., посвященный событиям Великого Октября, начинался с фотообложки – портрета вождя революции и подписи «В.И. Ленин – организатор Октябрьской победы, величайший учитель угнетенных классов и народов всего мира»⁵. Подобные публикации свидетельствуют о персонификации образа вождя в лице В.И. Ленина как главного героя революции.

Особое место отводилось в журналах воспоминаниям о вожде революции. Авторами их, как правило, были соратники вождя, люди, непосредственно работавшие с ним. Довольно часто публиковались в «Огоньке» воспоминания близкого соратника и биографа В.И. Ленина В.Д. Бонч-Бруевича. Как, например, очерк «Первый день Ленина» о приезде вождя в Петроград в апреле 1917 г.⁶ Его очерк-воспоминание «Гудки петроградского пролетариата», опубликованный в журнале «Огонек» в 1927 году, освещал обстановку, сложившуюся в стране к февралю 1918 года, борьбу пролетариата с иностранной интервенцией и контрреволюцией: «На зов нашей партии, на приказы исполнительных органов действующей диктатуры пролетариата – поднялся, весь, как один, рабочий класс... и мы ответим твердо, спокойно и ясно: –

---

³ Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб., 2000. С. 12.

⁴ Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика пост-революционного времени. Россия, 1920–1930 гг. М., 2012. С. 80–81.

⁵ Прожектор. 1927. № 20. Обложка.

⁶ Бонч-Бруевич В.Д. Первый день Ленина // Огонек. 1927. № 16. С. 1.

Всегда готовы!»⁷ Так постепенно создавался образ вождя, непререкаемого авторитета, образ, на который необходимо было равняться. Свои воспоминания В.Д. Бонч-Бруевич часто снабжал снимками из собственного фотоархива, о чем свидетельствует его переписка редакцией журнала «Огонек»⁸.

Значение для формирования новой исторической памяти имел десятилетний юбилей революции. Эта тема стала сквозной для всех журналов в 1927 году, ей были посвящены юбилейные октябрьские номера «Огонька», «Красной нивы» и «Прожектора»⁹. В журнале «Прожектор» с августовского номера за 1927 г. появилась специальная рубрика «Десять лет Октября», в которой публиковался цикл фотографических, художественных и литературных материалов, которые, по мнению редакции, «давали более ясную картину жизни, быта, основных видов строительства и картину фактического состояния СССР к моменту десятилетия величайшей на земле революции»¹⁰.

Актуализация образа героев революции в этот период была связана также и с осложнением международной ситуации. Увеличение числа материалов по военной тематике на страницах массовых еженедельников особенно заметно с 1927 года, они переплетались с темами революционной борьбы и культа героев революции. Образ героя революции и Гражданской войны репрезентовался в печати в противовес образу врага. В актуальных материалах, так называемых «на злобу дня», достаточно часто встречается отсылка к революционному прошлому, содержатся примеры героической борьбы с врагами. Образ героев революции – пример мужества и патриотизма, с помощью которых власть формировала необходимые ценностные установки общества, а образ Октября постепенно стал символом борьбы со всеми, кто выступал против Советского государства. Так, например, очерк начальника Военной Академии РККА Р. Эйдемана «Красная армия на чеку» в журнале «Огонек» заканчивается лозунгом-призывом: «Мы не демобилизовали и не сократили свою готовность по первому призыву правительства и партии готовы стать на защиту своего Октября...»¹¹ А очерк В. Холодковского, посвященный ленинградской юбилейной выставке Красной армии и флота, в журнале «Красная нива», назывался «Чем победила революция»¹². С помощью подобных материалов героизировалась революция и период Гражданской войны, а защита Советской страны становилась долгом каждого гражданина. Пропаганда защиты завоеваний революции была основным лейтмотивом публикаций на страницах массовых еженедельников.

Образ героев революции репрезентовался в печати с помощью различных пропагандистских форм и приемов. В 1920-е гг. в универсальных еженедельниках на первый план выходят визуальные жанры, ключевым компонентом

---

⁷ *Бонч-Бруевич В.* «Гудки петроградского пролетариата» // *Огонек.* 1927. № 8. С. 5–6.

⁸ НИОР РГБ. Ф. 369, картон № 271. Ед. хр. 11. Л. 2 (письмо от 16 марта 1926 года).

⁹ *Огонек.* 1927. № 45; *Красная нива.* 1927. № 45; *Прожектор.* 1927. № 20.

¹⁰ *Десять лет Октября* // *Прожектор.* 1927. № 16. С. 13.

¹¹ *Эйдеман Р.* *Красная армия на чеку* // *Огонек.* 1927. № 39. С. 1.

¹² *Холодковский В.* *Чем победила революция* // *Красная нива.* 1927. № 47. С. 16–17.

которых являлась фотография как отдельный смысловой элемент в тексте или без него: фотоочерк, фотозаметка, фотообложка, фотоколлаж. Визуальный способ подачи информации – это «особый путь реализации иерархически взаимосвязанных целей, для решения определенных задач... аудитория получает материал, способствующий как рациональному познанию действительности, так и эмоциональному сопереживанию отображаемых событий»¹³. Задача фотожанров была не в том, чтобы показывать конкретных людей или явления, а прежде всего в том, чтобы выполнить агитационную функцию – донести до читателя политический смысл происшедших событий (штурм Зимнего дворца, выстрел Авроры, взятие власти, митинги под Петроградом, и т. д.), оказать воздействие на массовое сознание с помощью трансляции определенных образов.

Основополагающим был фотоочерк. Он представлял собой многокадровый изобразительный ряд, объединенный одной темой и прокомментированный лаконичным текстом, который мог обобщать всю серию фотографий, либо пояснять только отдельные снимки. Снимки могли располагаться и в случайном порядке, но обязательно должны были быть связаны общей идеей или темой. Фотоочерк позволял сделать простое и наглядное повествование: завязка событий, их постепенное развитие, кульминация и некое резюме, финал. Минимальное количество слов, упор на иллюстративный ряд. Визуальный образ воздействовал на читателей куда эффективнее, чем просто текст. Набор фотографий передавал эмоции и определенные настроения, создавал образ, а текст кратко комментировал его. С помощью фотоочерка, используя в основном иллюстративный ряд с минимальным набором слов, редакция доступным языком освещала строительство новой жизни, разъясняла новые ценности и идеалы. Фотоочерк не был призван разъяснять и объяснять противоречия, он лишь освещал события и явления, акцентируя внимание на деталях, и тем самым конструировал и отражал необходимый власти образ. Фотографии в фотоочерке компоновались в зависимости от конкретной задачи и могли быть хронологически не связаны друг с другом, посвящены разным сюжетам. Нередко к фотоочерку подверстывались рисунки.

Фотозаметка – еще один визуальный информационный жанр, очень эффективный с точки зрения пропаганды: именно с его помощью единичные явления представлялись как повсеместная практика. К визуальному жанру подачи материала можно отнести и фотообложку. В журналах она в основном использовалась для трансляции образа власти, образа героев революции и раскрытия, актуальных на данный момент тем. В «Огоньке» это преимущественно фотообложка или фотоэтиюд, в «Красной ниве» – это репродукции картин или гравюр, а в «Прожекторе» – цветные рисунки.

Постепенно образ революции приобретал сакральные черты, отражавшиеся в почитании революционного прошлого и в формировании культа ее героев, которые нашли отражение в советском нарративе. Однако революция не оставалась в прошлом, революционный процесс продолжался. Десятилетний юбилей октябрьских событий стал еще и поводом для отражения на страницах периодической печати размаха революционного строительства и необхо-

---

¹³ Тертычный А.А. Жанры периодической печати. 4-е изд., испр. и доп. М., 2011. С. 5.

димости защиты первых преобразований, на пропаганду успехов в создании нового общества и одобрение реформ власти. Образ революции теперь ассоциировался не просто с советской властью, а прежде всего с ее преобразованиями во всех сферах жизни, и прежде всего с начавшейся индустриализацией.

Так, в год юбилея революции в «Огоньке» был напечатан фотоколлаж под названием «Десять лет строительства социализма в Советском Союзе», в котором разместили фотографии, иллюстрировавшие достижения советского народа за 10 лет в различных областях. Каждая из фотографий была снабжена небольшим пояснением: «Затрачено на индустриализацию около 4 млрд руб.», «В течение пяти лет будет вложено еще 8 млрд руб.», «7 млн человек ликвидировало свою неграмотность», «1.107.790 членов ВКП(б)», «На электрификацию затрачено 355 млн руб.», «2.266 млн рублей истрачено на строительство советской деревни»; «24 млн человек кооперировано» и т. д.¹⁴ Репрезентация достижений советского государства в различных сферах способствовала укреплению власти, одобрению обществом проводимых реформ, мобилизации трудовых ресурсов на осуществление процесса модернизации экономики и трансформации общественного развития.

Особо внимание в еженедельниках уделялось очеркам-воспоминаниям непосредственных участников революционных событий, в которых эмоционально и ярко отражались события недавнего прошлого. Несмотря на то что в воспоминаниях рассказ часто шел от первого лица, преподносился собирательный образ героя, акцент делался на роль народа в происходивших революционных событиях, тем самым обосновывалась легитимность власти как народной. Так, об отношении к советской власти, поддержке большевиков юнкерами накануне революции повествует рассказ революционера А. Арсеева «Перед революцией среди юнкеров», опубликованный в 1927 г. на страницах «Огонька». Автор пишет о близости взглядов с большевиками и о готовности идти за ними воспитанников юнкерского училища: «...Большевики хотят, чтобы правительство было рабочее и крестьянское, так как и вся наша страна есть трудовая... Да здравствует власть Советов, наших Советов!»¹⁵

Об участии рабочих в революционных событиях 1917 года повествует читателям очерк «Как мы брали Зимний», написанный в форме воспоминаний. В нем описывается не только сам штурм, но и содержатся оценки этого события, которое рассматривается как историческое. В простой и красочной форме, рассказывает о штурме Зимнего, как о справедливой борьбе, сын рабочего Духвинский, сам работавший в подполье партии РСДРП: «Я со своей группой тоже побежал к дворцу, но уже около главных ворот с винтовками наперевес бежали красногвардейцы и матросы... Некоторые матросы начали рассматривать находящиеся в помещении предметы, другие кричали: “Ничего не трогать и не забирать!”. Один матрос не вытерпел и саданул в портрет какого-то императора и разорвал его»¹⁶. О готовности идти до конца и об общем эмоциональном подъеме вспоминает в очерке товарищ Болбека: «Я от-

---

¹⁴ Десять лет строительства социализма в Советском Союзе // Огонек. 1927. № 45. С. 11–12.

¹⁵ Перед революцией среди юнкеров // Огонек. 1927. № 45. С. 12.

¹⁶ Как мы брали Зимний // Огонек. 1927. № 45. С. 5.

давал себе полный отчет, зачем я шел в рядах с другими тысячами боевиков победить или умереть («теперь или никогда»)¹⁷.

В журнале «Прожектор» за 1927 год под названием «Полтора дня» были опубликованы воспоминания другого революционера, врача И. Вегера¹⁸. Они были посвящены февральским событиям 1917 года и их последствиям, которые оценивались автором в русле развития революционного процесса. Вместе с воспоминаниями на развороте страниц была опубликована и фотозаметка «Февральские дни в Москве»,¹⁹ иллюстрирующая митинг на Скобелевской (Советской) площади в г. Москве против самодержавия и демонстрацию с популярными в те дни лозунгами «За землю и волю»²⁰.

О правомерном захвате власти и ее демократичном характере пишет в своих воспоминаниях на страницах «Красной Нивы» еще один участник штурма Зимнего дворца, член Петроградского ВРК К.С. Еремеев: «Съезд принял обращение к населению всей России, в котором заявил, что вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Советы должны обеспечить революционный порядок и не допустить контрреволюции. Родилась новая, не существовавшая еще в мире нигде, кроме Парижской коммуны, истинная власть трудящихся. Это были важнейшие исторические события, которые начали совершенно новую эпоху в жизни человечества на всем земном шаре»²¹. Воспоминания иллюстрировались фотоснимками десанта моряков к Зимнему дворцу и снимками юнкеров, которые охраняли Временное правительство в Зимнем дворце и рисунками известного художника Р. Френца «Октябрь 1917 г. Взятие Зимнего дворца»²². О решительном настрое моряков в борьбе за революцию читаем в воспоминаниях П. Дыбенко «Октябрьский штурм», опубликованных в том же номере «Красной Нивы»: «Моряки-балтийцы перед Октябрьским штурмом, отстояв подступы к революционному Петрограду, мрачные и суровые, но кипевшие желанием, как можно скорее покончить с отечественной контрреволюцией, ждали сигнала, на штурм, на баррикады. Только слепцы не видели гигантского роста революционных сил, требовавших немедленной передачи власти в руки Советов, сил, готовых ежеминутно ринуться в бой»²³.

В подобных очерках-воспоминаниях читается не только идея народной борьбы с контрреволюцией, но и возможность ее продолжения, если этого требуют обстоятельства. Таким образом, революция не осталась в прошлом, как героический сюжет начала советской истории, а продолжалась, являясь процессом-строительства нового пролетарского государства.

Воспоминания участников революционных событий публикуемые в журналах позволяли красочно и эмоционально воссоздавать героическое про-

---

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Вегер И.* Полтора дня (К десятилетию февральской революции) // *Прожектор.* 1927. № 4. С. 8.

¹⁹ *Февральские дни в Москве* // *Прожектор.* 1927. № 4. С. 10–11.

²⁰ Там же.

²¹ *Еремеев К.С.* Октябрьские дни // *Красная Нива.* 1927. № 45. С. 21–23.

²² *Френц Р.* Октябрь 1917 г. Взятие Зимнего дворца // *Красная Нива.* 1927. № 45. С. 25–26.

²³ *Дыбенко П.* Октябрьский штурм // *Красная нива.* 1927. № 45. С. 28.

шное, в которых не находили отражения факты больших потерь, голода и разрухи. Героем революции представлялся каждый, кто защищал и поддерживал власть большевиков в 1917 году, от простого рабочего и крестьянина до военачальника и партийного лидера. Тем самым персонифицированные образы героев революции становились коллективными, отражая в себе народную волю и борьбу за революцию.

В еженедельниках печатались и статьи, посвященные выдающимся военным деятелям периода революции. Например, в статье Г.Н. Геронского «Люди революции – Рокоссовский» был представлен образ нового героя, который подавляет контрреволюционные восстания и защищает интересы рабочих и крестьян²⁴.

О народной поддержке революции свидетельствовали не только воспоминания ее участников, но и красочная визуализация материалов с помощью рисунков и фотографий, на которых изображались народные массы солдаты и моряки, готовые сражаться за революцию: рисунок Д. Кардовского «Митинг под Петроградом в Октябрьские дни»²⁵, рисунок П. Шухмина «Товарищи»²⁶, картина А. Осмеркина «Октябрь 1917 г. – Победители»²⁷, рисунки П. Вильямса «Октябрь 1917 г. Крейсер Аврора обстреливает Зимний дворец»²⁸ и др.

Новые герои служили символами нового государства и новой эпохи. Образы героев революции рисовались в массовом сознании как наиболее притягательные, как те, на которые необходимо было равняться. В год десятилетия революции в журнале «Огонек» был опубликован фотоколлаж, занимающий целый разворот, под названием «Борцы Октября, жизнь свою отдавшие делу революции – их нет с нами! Нарождающийся коммунистический мир веками будет чтить их имена»²⁹. На фотографиях изображены революционеры В. Володарский, М. Урицкий, Я. Свердлов, Ф. Дзержинский и др. Центральное место в этой композиции занимала фотография В.И. Ленина. Его образ как вождя революции уже тогда начинает канонизироваться, превратившись со временем в явление под названием «лениниана». В журнале «Прожектор» был размещен аналогичный большой фотоколлаж «В годы героических боев. На фронтах Гражданской войны», иллюстрировавший фотохронику героической борьбы за советскую власть с характерной подписью: «Кто не помнит этих лет жестоких лишений и ни с чем несравнимого подъема масс! Стойкость, упорное стремление рабочих и крестьян отстоять первую в мире республику советов обеспечили нам побе-

---

²⁴ Геронский Г. Люди революции – Рокоссовский // Огонек. 1923. № 32. С. 11.

²⁵ Кардовский Д. Митинг под Петроградом в Октябрьские дни // Красная нива. 1927. № 45. С. 35.

²⁶ Шухмин П. Товарищи // Красная нива. 1927. № 45. С. 7.

²⁷ Осмеркин А. Октябрь 1917. Победители (Из заказов Совнаркома к 10-летию Октября) // Красная Нива. 1927. № 45. С. 1.

²⁸ Вильямс П. Октябрь 1917 г. Крейсер Аврора обстреливает Зимний дворец // Красная нива. 1927. № 45. С. 30.

²⁹ Борцы Октября, жизнь свою отдавшие делу революции // Огонек. 1927. № 44. С. 10–11.

ду на фронтах и те огромные достижения нашей жизни, которые Советский Союз имеет к 10-летию Октября»³⁰.

Образ героя с самого начала был вписан в нарратив и стал одной из важнейших мифотворческих и пропагандистских практик советской власти. С помощью печати власть транслировала в массовое сознание образы пролетария, восхваляла солдата-красноармейца, создавала образы вождей революции. С самого начала шла постоянная героизация и сакрализация революционного прошлого, так необходимого для репрезентации новой советской действительности. Образ героев революции в советском дискурсе занимал важное место и являлся составной частью образа власти. Для легитимизации власти широко использовалась тематика революции и Гражданской войны с резким противопоставлением величия Октября как народного движения Февралю, для которого подбирались сатирические краски. Это противопоставление как метод пропаганды наблюдается при сравнении «своих» и «чужих». Для формирования образа героев революции в массовых еженедельниках использовалась широкая тематика материалов, разнообразные приемы, формы и методы репрезентации различных сторон этого образа в соответствии с конкретными задачами исторического периода.

Создаваемые образы героев революции выступали ориентирами для поведения людей в новом советском обществе, а образ революции положил начало идеологическому обоснованию пути строительства социализма. Материалы, посвящённые революции и ее героям, обладали довольно значительным психологическим и эмоциональным воздействием, являлись важной частью дискурса советской власти, что было необходимым условием упрочнения советской политической системы и формирования советской идентичности.

---

³⁰ В годы героических боев. На фронтах Гражданской войны // Проектор. 1927. № 20. С. 20–21.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В СОВЕТСКИХ КОММЕМОРАТИВНЫХ ПРАКТИКАХ 1917–1920-х гг.

*Тихонов Виталий Витальевич, к.и.н.
(Институт российской истории РАН)*

Октябрьская революция 1917 года являлась ключевым событием в советском историческом нарративе. Она была началом нового государства и общества, а в любой идеологической системе миф о рождении является структурообразующим. Кроме того, именно Октябрьская революция должна была играть в советской идеологии легитимирующую роль, демонстрируя историческую обусловленность и неизбежность советской власти. Миф о революции был прочно вписан в идеологию, поэтому и трансформировался вместе с ней.

Приход к власти большевиков запустил процесс «мемориально-культурного строительства». Уже 10 ноября 1917 г. у Кремлевской стены был заложен Революционный некрополь, где похоронили 238 красногвардейцев, павших за советскую власть¹. Мемориал стал важным «местом памяти» страны Советов.

К первой годовщине Октябрьской революции (7 ноября 1918), несмотря на тяжелую обстановку, была организована серия мероприятий, включавших демонстрации, торжественные митинги (на крупнейшем выступил Ленин), а также установку целого ряда памятников, идейно связанных с большевиками². Проект монументальной пропаганды³ предполагал открытие многочисленных памятников революционерам и общественным деятелям, писателям и поэтам, философам и деятелям искусств.

1918 г. стал отправной точкой в формировании канона революционных торжеств. Подготовка к ним началась заранее. Годовщина рассматривалась как возможность вновь пережить Революцию. В газете «Известия» давалась следующая установка: «Праздник должен дать участникам возможность снова пережить всю пролетарскую борьбу (борьба – победа – ликование)»⁴. Таким образом, праздник-вспоминание должен был стать энергетической подпиткой в сложное время. Замыслы были грандиозными и организаторы просили 6 млн рублей на проведение мероприятий. Нашлось гораздо меньше:

---

¹ *Святославский А.В.* История России в зеркале памяти: Механизму формирования исторических образов. М., 2013. С. 336–337.

² *Еремеева С.А.* Памяти памятников: Практика монументальной коммеморации в России XIX – начала XX в. М., 2015. С. 175–212.

³ О нем см.: *Еремеева С.А.* Монументальные практики коммеморации в России XIX и начала XX века // *Образы времени и исторические представления.* Россия – Восток – Запад. М., 2010. С. 911–921.

⁴ Цит. по: *Еремеева С.А.* Памяти памятников. С. 216.

400 тыс. на украшения и 100 тыс. на фейерверк. Но и это по тем временам были немаленькие деньги.

Тогда же складывалась схема революционных торжеств: митинги, установка памятников, демонстрации. Причем новая власть стремилась контролировать идейное наполнение торжеств. В частности, именно тогда утвердилась традиция предварительной публикации лозунгов в газете «Правда». Учитывая непростое время, в 1918 г. доминировали мобилизующие на борьбу призывы. Заметную роль играли лозунги жертвенности во имя революции и ее завоеваний⁵. Отдельным элементом демонстрации стал проход с портретами павших борцов. Рекомендовалось дополнить их следующими стихами:

Не нужно ни песен, ни слез мертвецам:
Иной им воздайте почет!
Шагайте без страха по мертвым телам,
Несите их знамя вперед!⁶

Лозунги, предварительно публикуемые в «Правде», а затем выносимые на демонстрацию, всегда отражали актуальную политическую обстановку. В зависимости от ситуации усиливался то внешне-, то внутривластный блок.

7 ноября 1918 г. были открыты памятники К. Марксу и Ф. Энгельсу (ск. С.А. Мезенцев)* на площади Революции. На стене Кремля была установлена мемориальная доска «Павшим в борьбе за мир и братство народов»⁸. Было выпущено 4 млн открыток с изображением лидеров партии большевиков и событий Октябрьской революции. Для широкого проката подготовили фильм «Годовщина Революции», который должны были показывать в разных городах 10 поездов имени Ленина с киноустановками⁹. 7 ноября над Москвой летали аэропланы, с которых сбрасывали листовки с текстом «Что дала Октябрьская революция»¹⁰. Не были забыты и лозунги мировой революции. Заявлялось, что это только начало – революция свершится вскоре во всем мире.

Видимо, не менее эффектно с символической точки зрения выглядело и демонстративное массовое сожжение в Москве на Лобном месте (со времен картины В. Сурикова «Утро стрелецкой казни» оно ассоциировалось с ритуалом публичной казни) царских портретов, корон, орлов и т. д. Символические акты сожжения прошли в других городах Советской России¹¹.

---

⁵ По наблюдениям С.А. Еремеевой, праздник Октябрьской революции оформлялся как «праздник смерти», в то время как 1 мая – как «праздник жизни» (Еремеева С.А. Памяти памятников. С. 226).

⁶ Российский государственный архив новейшей истории (Далее – РГАНИ). Ф. 3. Оп. 22. Ед. хр. 214. Л. 1.

* Памятнику не повезло: его признали несостоятельным и вскоре убрали.

⁸ Святославский А.В. Указ. соч. С. 324.

⁹ Еремеева С.А. Монументальные практики коммеморации в России XIX и начала XX века. С. 921.

¹⁰ Окунев Н. Дневник москвича. URL: <http://prozhito.org/notes?date=%221917-01-01%22&diaries=%5B49%5D>

¹¹ Еремеева С.А. Памяти памятников. С. 241.

Уже первая годовщина показала, что символика Октябрьской революции тесно переплетается с фигурой Ленина¹². Покушение летом 1918 г. Фанни Каплан добавило ему ореола мученика за Революцию, чудом выжившего после выстрела.

Реакция на первые торжества, естественно, была разной. Противники большевиков признавали грандиозность и эффектность мероприятий, но замечали, что многие участники шествий были мобилизованы против своей воли¹³. Новую власть они считали «кровой», и ее символика была ей под стать. Историк А.В. Орешников записывал: «Стены домов имеют вид окрашенных в кровь от массы материй»¹⁴. У сторонников новой власти, что тоже естественно, настроения были другими, а годовщина действительно сыграла мобилизующую функцию.

Но растущие бытовые трудности и разруха мало способствовали духовному подъему граждан советской республики. Например, в Университете им. А.Л. Шанявского 27 ноября 1919 г. было предложено написать сочинение на тему «Москва в ноябре 1919 года». В сочинениях студентов можно обнаружить не радость (хотя пара работ и была написана в восторженном духе), а горькие рассуждения вроде: «Какая ужасная беспечная жизнь. Разрушены все планы, намеченные в моей юности»¹⁵. В условиях, когда человек был озабочен выживанием, становилось не до торжеств.

Первые годовщины отличались масштабностью и театрализованностью. Например, в 1920 г. на Дворцовой площади (переименованной в площадь Урицкого) прошла инсценировка взятия Зимнего дворца, в которой приняли участие до 6000 человек¹⁶. Но с наступлением НЭПа настала эпоха экономии, и средств на празднование годовщин революции отпускалось немного¹⁷.

Тем не менее именно в 20-е годы в советской культурной политике, благодаря в первую очередь А.В. Луначарскому, коммеморации приобретают функцию утверждения новых ценностей и приобщения к ним человека, советизация его мышления¹⁸. А.В. Луначарский был уверен, что именно в массовых празднествах воплощается революционная демократия. В статье 1920 г. он писал: «Является совершенно бесспорным, что главным художественным порождением революции всегда были и будут народные празднества. Во-

---

¹² Эннер Б. Формирование культа Ленина в Советском Союзе. М., 2011.

¹³ Там же.

¹⁴ Орешников А.В. Дневник. Кн. 1. М., 2010. С. 180.

¹⁵ Москва в ноябре 1919 года: Сочинения учащихся научно-популярного отделения Университета им. А.Л. Шанявского / публ. М.В. Катагощиной и А.В. Емельянова // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Т. I–II. М., 1992. С. 364.

¹⁶ Джурова Т.С. Театрализация действительности. «Взятие Зимнего дворца» Николая Евреинова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. № 43–1 (17). С. 104–107; Еремеева С.А. Мемориальные практики коммеморации в России XIX и начала XX века. С. 922.

¹⁷ Рольф М. Советские массовые праздники. М., 2009. С. 84.

¹⁸ Там же. С. 259–260.

обще всякая подлинная демократия устремляется естественно к народному празднеству»¹⁹.

В 1920-е гг. публичные практики воспоминаний о революции становятся все более насыщенными. Популярными становятся вечера воспоминаний о революции и гражданской войне. Работает Комиссия для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории Коммунистической партии (Истпарт) с многочисленными отделениями на местах. В эти годы особый акцент делался на личностное воспоминание и переживание Октября²⁰. Организовывались специальные вечера памяти, на которых бывшие участники и свидетели делились своими воспоминаниями. На них заново переживалось прошлое, причем зачастую «меланхолически и ностальгически: как безвозвратную утрату революции, молодости, здоровья»²¹.

Благодаря деятельности представителей русского авангарда формируется «революционный культурный код», включающий узнаваемые графические, визуальные, звуковые и текстовые образы²². Таким узнаваемым образом стал, например, поезд, мчащийся вперед.

На 5-летие закладывается еще одна традиция революционных коммемораций. На заседании Политбюро от 24 августа 1922 г. было решено подготовить и выпустить сборник по хозяйственному и административному строительству в Советской России, который должен был продемонстрировать достижения нового строя²³. В последующие юбилеи такие сборники стали традицией. А спустя несколько десятилетий их публикации часто уже вызывали иронию.

Минимализм эпохи НЭПа в праздновании годовщин революции в преддверии празднования её 10-летия, объявленного «Великим юбилеем», был признан неуместным. Критики указывали: революционные годовщины больше не вдохновляют людей, они скучны и незрелищны и т. д.²⁴ Теоретики массовой культуры видели в торжествах способ борьбы за повышение производительности труда и против пережитков старого мира. К организации 10-летнего юбилея решили подойти со всей ответственностью. В ноябре 1926 г. была образована Центральная праздничная комиссия по подготовке и проведению празднования, подчинявшаяся непосредственно ЦИК. Ее руководителем был назначен М.И. Калинин²⁵. Торжественные мероприятия воз-

---

¹⁹ Цит. по: *Еремеева С.А.* Памяти памятников. С. 234.

²⁰ *Corney F.C.* Telling October. Memory and the Making of the Bolshevik Revolution. Ithaca and London, 2004. P. 202–203.

²¹ *Тереженков Л.Е.* Деятельность Истпарта по формированию исторической памяти о революции 1917 г. и Гражданской войне // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени: Сборник материалов VI Международной конференции молодых ученых и специалистов. СЛОН–2016. М., 2016. С. 556.

²² *Савицкий Ст.* Поезд революции и исторический опыт // Анатомия революции: Сб. ст. М., 2009. С. 373–399; *Раку М.* «Музыка революции» в поисках языка // Там же. С. 400–432; и др.

²³ РГАНИ.Ф. 3. Оп. 22. Ед. хр. 214. Л. 4.

²⁴ *Рольф М.* Указ. соч. С. 91.

²⁵ Там же. С. 104–105.

главляли Сталин и Молотов²⁶. Было подготовлено специальное воззвание, в нем мы можем найти многие положения, впоследствии вошедшие в каноническое описание октябрьских событий. Помимо утверждения о руководящей роли партии в октябрьские дни, можно обнаружить и утверждение, что «в феврале 1917 г. она [партия] возглавляла рабочих и солдат, штурмовала вместе с ними царские чертоги»²⁷. Именно теперь большевистская революция, до этого чаще всего именуемая «переворотом», получила официальное название – «Великая Октябрьская социалистическая революция». Кроме того, был подготовлен манифест, оценивающий путь советской России за 10 лет – как прорыв из царства угнетения к новой жизни.

Юбилей сопровождался масштабной социальной программой. Было решено объявить широкую амнистию, включающую даже политических заключенных, ввести в эксплуатацию или начать строительство нового жилья. Студентам было решено учредить массовую стипендию в честь 10-летия Октября. Наконец, было решено выпустить массовую сувенирную продукцию для награждения участников революции и Гражданской войны²⁸. Большое значение придавалось обещанию в ближайшее время перейти на 7-часовой рабочий день. Руководство партии считало это самым зримым примером достижений советской власти в социальной сфере. Уже были запущены эксперименты на ряде предприятий, которые, как уверяли, доказали возможность этого шага. Для демонстрации утвердили особый лозунг: «Наступающий капитал на Западе удлинит рабочий день. Рабочие СССР завоевали в октябре 8-мичасовой день и идут к 7-мичасовому рабочему дню!»²⁹.

Для успешного проведения мероприятий были выработаны общесоюзные стандарты торжеств. Представителей провинции специально приглашали в Москву для обмена опытом и инструктажа. Юбилей должен был стать не только политическим триумфом большевиков, но и показать торжество нового мира над старым, стать смотром достижений нового строя, показать его материальные успехи, продемонстрировать изменения в сознании людей. Комиссией предписывалось: «...Внедрить празднование в быт, для чего надо проводить кампанию за генеральную уборку жилищ и улиц, покупку обновок... всему празднику придать характер проверки проверки...», «отказаться от спиртных напитков на праздничных столах»³⁰.

Особенностью юбилея стало то, что он совпал по времени с напряженной международной обстановкой. Во-первых, летом в СССР началась т. н. «военная тревога», связанная с обострением отношений с Великобританией и опасением начала полномасштабной войны с капиталистическими странами. В этой связи мероприятия приобрели заметный милитаризированный оттенок. Газетная информация о торжествах часто соседствовала с новостями о вводе в строй новой военной техники. Звучали лозунги о необходимости

---

²⁶ РГАНИ.Ф. 3. Оп. 22. Ед. хр. 214. Л. 54.

²⁷ Там же. Л. 56.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Л. 85.

³⁰ Цит. по: *Шановалов С.Н.* Празднование партийных и государственных юбилеев на Кубани в 1920-е гг. // Теория и практика общественного развития. 2012. № 5. С. 178.

гражданам СССР вступать в Осоавиахим. Во-вторых, революция в Китае (1925–1927) всколыхнула надежды на мировую революцию. Оптимистичные заявления о том, что социализм вскоре завоюет весь мир, вновь звучали с центральных трибун.

Непростой была и внутренняя обстановка. К тому времени стало ясно, что крестьяне сдадут заметно меньше хлеба, чем рассчитывали власти. Но главной головной болью оставалась оппозиция. Сторонники Троцкого активно, пусть и не всегда открыто, использовали для критики своих политических оппонентов метафору «преданной революции» и считали необходимым смелу действующего политического и экономического курса. Со стороны троцкистов опасались открытых действий: борьба за наследие Октября все еще не была завершена. Отнюдь не случайно в утвержденном перечне лозунгов встречалось что-то вроде этого: «Кто нарушает единство ВКП(б), тот изменяет Октябрю. Долой раскольников и дезорганизаторов!»³¹

Во время проведения самих торжеств 7 ноября 1927 г. в Москве на демонстрации вышло около 1 млн человек. По Красной площади прошли колонны военных (с духовым оркестром) и рабочих. Окрестные здания были украшены плакатами, на которых красовались цифры достижений советского строя за 10 лет. С речами выступили Калинин и Бухарин.

Юбилею старались придать и международное звучание. На празднике присутствовали иностранные делегации³². Советские газеты чутко фиксировали факты солидарности зарубежных трудящихся с СССР в день юбилея. Это было особенно важным в связи с «военной тревогой» и надеждой советской власти на поддержку рабочих зарубежных стран в случае войны с их правительствами.

В сценарий триумфа явно не вписывались выступления троцкистов, принявших участие в демонстрациях в Москве и Ленинграде с лозунгами «Выполним завещание Ленина», «Повернем огонь направо – против нэпмана, кулака и бюрократа», «За ленинский Центральный Комитет» и др. Демонстранты были разогнаны, вскоре прошли аресты³³.

Впрочем, если в крупных городах торжества более или менее удались (хотя часто на них не хватало средств), то в деревнях их встретили сдержанно. Понимая, что для крестьян советский праздник остается чуждыми, организаторы юбилея рекомендовали совместить его с Праздником урожая³⁴. Несмотря на это, в отчетах с сельских мест фиксировалось скорее равнодушие людей, чем энтузиазм³⁵.

В юбилейный год были выпущены и ряд фильмов, утвердивших канонический образ революционных событий 1917 года. В 1927 г. на экраны вышли фильмы «Конец Санкт-Петербурга» Вс. Пудовкина и «Москва в Октябре» Б. Барнета. Но самым масштабным проектом стала картина «Октябрь» С. Эйзенштейна. Премьера состоялась 7 ноября 1927 г. В этот же день, после ин-

---

³¹ РГАНИ.Ф. 3. Оп. 22. Ед. хр. 214. Л. 88.

³² Правда. 1927. 9 ноября.

³³ *Бордюгов Г.А.* Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. М., 2010. С. 35.

³⁴ *Шатовалов С.Н.* Указ. соч. С. 178.

³⁵ *Рольф. М.* Указ. соч. С. 189.

цидентов с разгоном оппозиционных демонстрантов, из фильма пришлось удалить все сцены с Троцким. Картина стала классической и заложила кинематографический канон показа революции 1917 года³⁶.

Несмотря ни на что, 10-летний юбилей Октябрьской революции стал эталоном для дальнейших коммеморативных торжеств³⁷. С этого года 7 и 8 ноября объявлялись нерабочими днями (до этого нерабочим был только один день – 7 ноября), что повышало значение праздника в глазах простых людей. В 1929 г. была проведена очередная реформа календаря, и помимо 7 и 8 ноября нерабочими днями были объявлены 1 мая и день смерти Ленина (22 января). Тем самым формировался «советский» годовой праздничный цикл. На протяжении всех 20-х гг. 12 марта (День низвержения самодержавия) также было нерабочим днем. Но реформа праздничного календаря привела к тому, что это событие, прочно ассоциирующееся с Февральской революцией, перестало быть нерабочим днем, и поэтому теряло свой статус и значение для масс. Таким образом, был запущен механизм «забывания» февральских событий.

Мемориализация Октябрьской революции 1917 года и коммеморативное воплощение этого процесса играли в первое десятилетие советской власти огромную роль в легитимации советской власти и формировании нового общественного сознания при помощи праздничных ритуалов и исторической мифологии. В эти годы происходит становление и закрепление революционного мифа, ставшего идеологической основой советской власти вплоть до ее падения.

---

³⁶ Романова О. «Октябрь» Эйзенштейна: между художественным изобретением и мифом о революции. URL: <http://urokiistorii.ru/learning/method/2549> (дата обращения: 20.12.2015).

³⁷ Рольф. М. Указ. соч. С. 8, 93.

МОСКОВСКИЕ ЛАГЕРЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ КАК МЕХАНИЗМ РЕВОЛЮЦИИ (1917–1923)

Удовенко Илья Витальевич
(Институт российской истории РАН)

До Февральской революции большинство мест лишения свободы в Российской империи находились в ведении Главного тюремного управления, входившего в состав Министерства юстиции.

Одним из первых юридических актов, изданных Временным правительством, стало распоряжение об амнистии всех политических заключенных. Лицам, осужденным по уголовным статьям, срок сокращался наполовину. Кроме того, перед новым правительством стояла проблема глобального пересмотра судопроизводства, уголовного законодательства, а также сокращения количества тюрем и арестных домов. В результате проведенной амнистии тюрьмы страны опустели, к сентябрю 1917 г. в местах заключения насчитывалось 34 083 человека¹.

5 марта была учреждена Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства, на которую возлагалась задача ведения допросов видных царских чиновников и генералов. Через неделю в стране была отменена смертная казнь, ликвидирована полиция и жандармерия. Временное правительство приступило к реформированию прежней пенитенциарной системы, ее руководителей объявили царскими приспешниками. Сил для создания нового централизованного карательного аппарата у Временного правительства не было, не хватало кадров, кроме того, революционная обстановка в стране полностью дискредитировала старую систему правопорядка.

Принципиально иное видение правовой системы было у Советской власти. В отличие от своих предшественников, большевики рассматривали государственную безопасность в качестве краеугольного камня своей внутренней политики.

26 октября 1917 г. согласно декрету «Об учреждении Совета Народных Комиссаров», принятому II Всероссийским съездом Советов, были учреждены республиканские наркоматы, в том числе Наркомат внутренних дел во главе с А.И. Рыковым и Наркомат юстиции. Кроме того, 7 декабря 1917 г. при СНК была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК) по борьбе с контрреволюцией и саботажем, которую возглавил Ф.Э. Дзержинский. В ближайшие пять лет именно эти три ведомства будут определять пенитенциарную политику в стране. Полномочия наркоматов и ВЧК были, с одной стороны, весьма расплывчатыми, с другой – весьма обширными. Например,

---

¹ Утевский Б.С. Советская исправительно-трудовая политика. М.: Советское законодательство, 1934. С. 84.

помимо роли исполнительного органа власти (розыск и поимка преступников) ВЧК имела судебную и законодательную функцию – право на арест, обыск и расстрел, право на ведение следствия и фактическое осуществление политики государственного террора. Юридическое понятие «контрреволюционная деятельность» было закреплено в УК РСФСР только в 1926 г., и ВЧК фактически самостоятельно определяла причастность того или иного лица к «врагам» революции.

Что касается мест заключения, в первые годы Советской власти при Наркомате юстиции существовало Главное управление мест заключения (ГУМЗ), которое было расформировано в апреле 1918 г., а на его основе создан Центральный карательный отдел. ЦКО предпринял решительную модернизацию мест заключения, основополагающие принципы которой были сформулированы во «Временной инструкции»:

1. Самокупаемость.
2. Перевоспитание заключенных².

Одновременно с деятельностью Наркомата юстиции в стране начинает зарождаться система мест заключения ВЧК, предназначенная для содержания активных противников советской власти. Такая система стала востребованной с переходом Гражданской войны в активную фазу летом 1918 г. Тюремных площадей ЦКО для содержания огромного числа враждебного элемента просто не хватало. Еще в апреле 1918 г. при Наркомате по военным делам была организована Центральная коллегия по делам пленных и беженцев – Центропленбеж³, которая имела в своем распоряжении довольно развитую сеть концлагерей для военнопленных, созданных в годы Первой мировой войны.

После подписания Брест-Литовского мирного договора в марте 1918 г. эти лагеря начали постепенно освобождаться, в них большевики стали размещать военнопленных гражданской войны. Таким образом, с весны 1918 года на территории РСФСР начинает формироваться сеть концлагерей ВЧК. Помимо уже существующих концлагерей в Западной Сибири губернской ЧК создавали свои лагеря на территориях, освобожденных от белогвардейских войск. 5 сентября 1918 г. вышел Декрет СНК «О красном терроре», в котором прямо указывалось: «Необходимо обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях»⁴.

В последующие годы система концлагерей неоднократно видоизменялась, переподчинялась, расширялась и усложнялась, но суть оставалась неизменной – изолирование классовых врагов Советской власти. В 1919 году к организации лагерей приступает НКВД РСФСР. 17 мая внутри наркомата был образован Отдел принудительных работ (ОПР), позже реорганизованный в Главное управление принудительных работ (ГУПР), а 24 мая и Центропленбеж был передан из Наркомата по военным делам в НКВД. Отныне все создаваемые лагеря ВЧК должны были переходить в ведение ОПР.

Такое тесное сотрудничество ВЧК с Наркоматом внутренних дел, вероятно, обусловлено тем, что с марта 1919 года у этих двух ведомств был один и

---

² ГА РФ. Ф. 4042. Оп. 8. Д. 1. Л. 21.

³ Там же. Ф. 3333. Оп. 1. Д. 3. Л. 35.

⁴ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 192. Л. 10.

тот же руководитель – Ф.Э. Дзержинский. Таким образом, все места лишения свободы в РСФСР к 1919 году были распределены по трем ведомствам: ЦКО НКЮ, ВЧК и ГУПР НКВД.

Места заключения ЦКО предназначались в основном для уголовников, а лагеря ГУПР–ВЧК – для контрреволюционеров и всех противников советской власти. Но из-за отсутствия в стране сформированной юридической системы и уголовного права в категорию «политических» преступников попадали рядовые граждане. Вполне объяснимо, что огромное количество таких «врагов революции» оказалось в крупных городах, в том числе и в Москве.

Еще в 1917 г., после принятия Декрета о земле, была отменена частная собственность на землю, а также начался процесс полного отчуждения церковных земель в пользу государства. В результате по всей стране бывшие монастырские территории опустели и стали использоваться по усмотрению местных властей, в том числе и под устройство в них концентрационных лагерей. Первые концентрационные лагеря в Москве начинают появляться осенью 1918 г. Для их размещения использовались известные московские монастыри: Рождественский, Ивановский, Покровский, Новоспасский и Андрониковский. Разоренные и опустевшие обитатели очень быстро становились местами массового заключения. Юридически создание лагерей принудительных работ было оформлено постановлением Президиума ВЦИК от 11 апреля и инструкцией от 12 мая, которая предписывала следующее:

«1. Организация лагерей принудительных работ возлагается на Губернские Чрезвычайные Комиссии, которым жилищный отдел местного Исполнительного Комитета предоставляет соответствующие помещения.

Примечание. В зависимости от местных условий, лагеря принудительных работ могут быть устраиваемы как в черте города, так и в находящихся вблизи него поместьях, монастырях, усадьбах и т. д.

2. По организации лагеря таковой передается в ведение отдела соответствующего Исполнительного Комитета, с разрешения Отдела Принудительных Работ Народного Комиссариата Внутренних Дел. <...>

4. Общее управление всеми лагерями принудительных работ на территории РС.Ф.С.Р. принадлежит отделу Народного Комиссариата Внутренних Дел»⁵.

Таким образом, два ведомства распределили между собой организацию лагерей (ВЧК) и их содержание (ГУПР НКВД РСФСР). Согласно отчету НКВД РСФСР, всего к концу 1920 г. на территории республики существовало 84 лагеря, а уже к середине 1921 г. – 122, не считая Украину и Киргизию. Из этого числа на РСФСР приходилось 108 лагерей, распределенных между 43 губерниями. В отчете также была предпринята попытка систематизации всех имеющихся лагерей по следующим категориям:

1. Лагерь особого назначения, каковы Андрониковский и Ивановский в г. Москве, в которых помещаются наиболее серьезные категории заключенных.

2. Концентрационные лагеря нормального общего типа.

3. Производственные лагеря, представляющие из себя фабрики, заводы, сельские хозяйства и т. п.

---

⁵ Известия ВЦИК. № 105. 17 мая 1919.

4. Лагеря для военнопленных в виде трудовых дружин с приданием им воинской организации.

5. Лагеря-распределители в крупных центрах, через которые проходят заключенные в ожидании размещения по другим лагерям⁶.

В первые годы советской власти как по количеству лагерей, так и по числу заключенных заметно выделялась Москва. Всего в Москве по различным данным существовало от 8 до 15 концлагерей. Преимущественно в них содержались военнопленные советско-польской войны 1919–1921 гг., белогвардейцы, дезертиры, иностранные граждане, поддерживавшие Белое движение, участники антисоветских восстаний (главным образом Антоновского восстания в Тамбовской области), а также заложники, проститутки, наркоманы и др. К 1919 г. сеть московских лагерей так сильно разрослась, что НКВД был вынужден создать отдельное Московское управление лагерей принудительных работ, входившее в систему ГУПР.

Московские лагеря отличались частой сменяемостью осужденных, что отражалось на составе заключенных и функциональном назначении лагерей. Из-за своего федерального значения как новой столицы молодой республики Москва, являющаяся крупнейшим транспортным узлом, была вынуждена принимать весьма существенную часть всех заключенных. Такая политика быстро привела к перенаселению московских лагерей, которые не могли вмещать растущий объем осужденных. Согласно переписке ВЧК с Центроплембежем за 1919 г., Москва стояла на втором месте (4700 чел.) по наполнению заключенными после Уральской области (5000 чел.). Для сравнения на этот же год в Воронеже содержалось 300 заключенных, в Вятке – 1000, в Вологде – 300. Всего на 1919 г. в лагерях ВЧК содержалось 42550 заключенных⁷. Несмотря на приказы и инструкции ВЧК и постановления ВЦИК, процедуры заключения и отправки в лагеря постоянно нарушались. Например, в октябре 1919 г. в Нижегородский лагерь принудительных работ из Московских лагерей (Кожуховского, Новопесковского и Покровского) были одновременно отправлены свыше 1000 заключенных без каких-либо сопроводительных документов и судебных приговоров.

Чтобы как-то урегулировать ситуацию, в конце 1919 г. Московским управлением лагерей принудительных работ был разработан перечень 16-ти категорий осужденных, подлежащих заключению в лагерях:

«1. Содержащиеся до окончания Гражданской войны или особого распоряжения заложники от крупной буржуазии.

2. Содержащиеся до окончания Гражданской войны или особого распоряжения заложники от мелкой буржуазии.

3. Содержащиеся до особого распоряжения заложники от иностранной буржуазии – государств, ведущих против нас враждебные действия.

4. Содержащиеся до особого распоряжения заложники из отдельных лиц, как то поручители или ближайшие родственники за совершивших те или иные преступления против Советской республики.

5. Содержащиеся до конца гражданской войны изолированная К.Р. (контрреволюция. – *И.У.*), бывшие высшие чины царской и буржуазной полиции.

---

⁶ ГА РФ. Ф. 393. Оп. 13. Д. 1в. Л. 112.

⁷ Там же. Оп. 89. Д. 18. Л. 36.

6. Содержащиеся до конца гражданской войны изолированная К.Р. (контрреволюция. – И.У.), бывшие чиновники царского и буржуазного строя; действительные статские советники...

7. Содержащиеся до конца гражданской войны изолированные бывшие чины полиции, городовые, жандармы, мелкие канцелярские служащие.

8. Осужденные на срок от 5 лет до 20 и выше за участие, соучастие и содействие контрреволюционной, шпионажной организации.

9. Осужденные на срок от 5 до 20 лет за уголовные преступления: зарегистрированные уголовные проститутки, совершившие побеги из-под стражи, участники вооруженных налетов, совершившие убийства с целью грабежа.

10. Осужденные на срок от 1 года до 5 лет за участие, соучастие или сочувствие контрреволюционным или шпионским организациям.

11. Осужденные на срок от 5 лет до 20 и выше за неумышленные уголовные преступления, спекуляции, преступления по должности, за злостное дезертирство.

12. Осужденные на срок от 1 до 5 лет за спекуляцию, преступления по должности и неумышленные уголовные преступления.

13. Осужденные на срок до 1 года за все преступления, кроме поименованных в п. 14.

14. Осужденные на все сроки, как тунеядцы, а именно: лица, не занимающиеся общепольным трудом, шулера, гадалки, проститутки, кокаинисты, низшее духовенство всех религий.

15. Содержащиеся до распоряжения все военнопленные солдаты и не злостные дезертиры.

16. Осужденные на все сроки и за всякие преступления несовершеннолетние до 17 лет»⁸.

В 1922 г. внутри Главного управления принудительных работ был образован Принкуст – бюро принудительного труда, задача которого заключалась в распределении трудовых ресурсов лагерей на различные виды работ. Целью создания такого ведомства являлось:

а) объединение и руководство местными предприятиями при лагерях на всем пространстве Республики...

б) рациональная постановка в них производства...

в) целесообразное использование труда заключенных...

г) наибольшее извлечение материальных выгод, обеспечивающее поступление средств на содержание лагерей и дальнейшее развитие производства...
...всемерное использование сил заключенных на находящихся в его ведении заводах, фабриках, совхозах и других предприятиях...

...открытие, заарендование и приспособление новых предприятий, постройка для них зданий, перестройка и достройка существующих...»⁹.

Этот документ, по сути, вводит принцип использования бесплатного принудительного труда как основу существующей лагерной системы. Этот же принцип впоследствии будет являться краеугольным камнем всей системы ГУЛАГа, когда в ведение НКВД начнут передаваться крупнейшие производственные и строительные объекты страны.

⁸ Там же. Д. 10а. Л. 1–3.

⁹ Там же. Ф. Р1726. Оп. 1. Д. 73.

Заклученные попадали в московские лагерь принудительных работ как в судебном, так и во внесудебном порядке – по решению революционных трибуналов или ВЧК. Значительное количество заклученных содержались в московских лагерях по приговорам народных судов «до окончания гражданской войны». Как особая территория, Москва имела свою собственную схему распределения заклученных по лагерям. Дела заклученных направлялись в Стол распределения по лагерям на территории г. Москвы Учетно-распределительного подотдела. Пока дело заклученного рассматривалось, человек находился в Ново-Песковском лагере-распределителе. Следующим шагом было определение заклученного по конкретным лагерям, которые делились на две группы:

1. Лагерь, подведомственные Главному управлению принудработ:
  - Ивановский лагерь для осужденных до конца войны и долгосрочных;
  - Андрониковский лагерь для осужденных до конца войны и долгосрочных;
2. Лагерь, подведомственные Московскому управлению принудработ:
  - Покровский лагерь для долгосрочных;
  - Новоспаский лагерь для женщин с разными сроками заключения;
  - Владыкинский лагерь для осужденных на различные сроки;
  - Ордынский лагерь для осужденных на разные сроки;
  - Рождественский лагерь для осужденных поляков;
  - Звенигородский лагерь для осужденных поляков¹⁰.

Лагерь отличались большой текучкой заклученных, сроки лишения свободы варьировались от нескольких месяцев до пожизненного¹¹. Например, за 1920 г. через Покровский лагерь прошло свыше 9000 человек, хотя единовременное число заклученных в лагере не превышало 1100 осужденных. Общая одномоментная численность московских лагерей редко превышала 5–6 тысяч человек. Состав заклученных также постоянно менялся. При этом московские лагерь из-за плохого снабжения и антисанитарных условий отличались довольно высокой смертностью – порядка 8 %. Также был весьма высокий процент освобожденных из лагерей, который составлял порядка 20–25 % всего населения лагерей. О половозрастном составе обитателей лагерей можно сказать следующее: в силу того что московские лагерь принимали большое количество военнопленных, подавляющее большинство заклученных являлись взрослыми мужчинами. В процентном соотношении гендерный состав московских лагерей можно определить как 10 к 1. Несовершеннолетние (15–18 лет) в основном попадали в лагерь как беспризорники, их число было незначительным.

Социальный состав заклученных также объяснялся большим количеством военнопленных. Лагерь были заполнены в основном крестьянами (65 %), мещанами (20 %), общее число дворян за все годы существования лагерной системы не превышало 5 %. По роду преступлений среди заклученных первое место занимали военнопленные и дезертиры, на втором месте были уголовные преступники, на третьем – осужденные за экономические престу-

---

¹⁰ ГА РФ. Ф. 4042. Оп. 1а. Д. 6. Л. 2.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5687. Л. 4.

пления, в основном за спекуляцию. Контрреволюционные преступления также были довольно частым явлением, на их долю приходилось 15–18 %. Как правило, в московских лагерях политическим заключенным предоставлялись помещения, отдельные от уголовников.

Деятельность московских лагерей принудительных работ отличалась высокой степенью неорганизованности, что объяснялось чрезвычайной бюрократической волокитой, а также постоянной перетасовкой заключенных. Переписка ГУПР с отдельными лагерями явно свидетельствует о факте полной дезорганизации в работе всей лагерной системы. Так, в 1919 г. Отдел принудработ направил начальнику Покровского лагеря следующий запрос: «Настоящим Отдел Принудработ предлагает Вам в срочном порядке сообщить, не находились ли во вверенном вам лагере заключенные, помеченные в прилагаемом списке. Если у Вас заключенные не содержатся, но содержались раньше и в настоящее время местонахождение их Вам известно, Отдел просит срочно сделать пометку о таковом против каждой фамилии заключенного»¹².

Организация труда заключенных происходила как непосредственно на лагерных территориях, так и на различных производственных объектах Москвы и ближайшего Подмосковья (как правило, погрузочно-разгрузочные работы различных хозяйственных складов). Согласно Правилам по использованию рабочей силы, находящейся в лагерях подведомственных Управлению г. Москвы за 1920 г., все заключенные лагерей, не занятые внутренними работами в лагере, посылались на внешние работы¹³. Согласно этому же документу, все заключенные получали аванс и заработную плату, кроме того, работодатель должен был предоставлять им квартиры либо другие жилые помещения на весь срок использования труда заключенных. Также на работодателя возлагалось выполнение требований по организации охраны заключенных и ответственность в случае побегов, которых, судя по отчетам лагерей, было предостаточно. Например, только за первое полугодие 1920 г. из Владыкинского лагеря было совершено 472 побега.

Внутри каждого лагеря организовывались типовые ремонтные, пошивочные, столярные, сапожные и другие мастерские. Отдельно выделялся лагерь принудительных работ № 1, организованный в 1920 г. при Московско-Казанской железной дороге. Сюда командировали заключенных из других лагерей для работ внутри вокзала и ремонта ж/д путей. Многие лагеря (например, Владыкинский или Кожуховский) организовывались непосредственно на местах промышленных или других производств. Из описания внутреннего устройства большинства лагерей известно о различных производствах, организуемых прямо на их территории. Организация и оборудование самих мастерских – это отдельный вид внутренних работ, на выполнение которых Главное управление принудительных работ старалось, по мере возможностей, рекрутировать профессиональных столяров, маляров и штукатуров. Помимо работы непосредственно в мастерских заключенные могли трудиться и по хозяйству – например, прокладывать канализацию и водопровод. Так было, например, 1 мая 1920 года, когда в честь праздника заключенные Андрони-

---

¹² ГА РФ. Ф. 393. Оп. 89. Д. 38а. Л. 11.

¹³ Там же. Ф. 4042. Оп. 1а. Д. 1а. Л. 1.

ковского лагеря по собственному желанию направились на внешние работы в различные учреждения.

В плане организации принудительного труда выделялись польские военнопленные, которые согласно постановлению СТО 1920 г. были переданы в ГУПР НКВД РСФСР, где из них сформировали трудовые дружины военного типа. Им полагались более комфортные условия проживания, усиленное питание наравне с тыловым питанием бойцов Красной армии¹⁴. Каждая дружина состояла из 360 военнопленных поляков и делилась на две роты. Командиры роты назначались из бывших офицеров. Всего, согласно инструкциям НКВД, предполагалось создать порядка 150 таких дружин с числом военнопленных не менее 54 000 человек. В Москве польские военнопленные содержались преимущественно в Андрониковском и Рождественском лагерях.

Наиболее скверные условия содержания, согласно многочисленным докладам инспекторов труда и комендантов лагерей, приходились на долю бывших белогвардейцев, которым отказывали в праве на работу вне территории лагеря, а также запрещали общение с родственниками. Подробно участь бывших белогвардейцев описывает комендант Андрониковского лагеря в своем докладе в Президиум ВЧК от 16 апреля 1920 г.: «Наблюдая непосредственно за содержащимися в лагере, в особенности за военнопленными перебежчиками белого фронта, я пришел к мысли, почему эту темную массу, более всего или почти исключительно крестьянскую, нигде не используя содержится в лагерях, и что скверно, это по всем лагерям, где она ничего не делает, поедает голодный паек, от недоедания болеет и мрет. Я полагаю, что содержать этих людей в лагерях не только нецелесообразно, но и преступно, я обращаю внимание особенно на Кожуховский лагерь, где исключительно содержатся военнопленные перебежчики, где благодаря темноте и невежеству этой массы, так много заболеваний и смертности от антисанитарного состояния лагеря»¹⁵. Такие же сведения можно найти в докладах самого коменданта Кожуховского лагеря, хотя и в гораздо, по понятным обстоятельствам, мягкой форме. Как правило, более здоровую крестьянскую массу перебежчиков из Белой армии, поступивших в московские лагеря, быстро переориентировали и отправляли в ряды действующей Красной армии. Так, за первые 6 месяцев 1920 г. через Кожуховский лагерь прошло 20 000 военнопленных, 70 % из которых (т. е. 14 000 человек) были направлены на фронт в Красную армию.

Необходимо заметить, что принудительный труд в лагерях 1920-х гг. не решал принципиальных экономических задач, как это будет после вступления в силу в 1929 году постановления СНК «Об использовании труда уголовно-заключенных». Принудительный труд в начале 1920-х гг. был направлен скорее на организацию рабочих будней заключенных с целью обеспечения содержания самого лагеря либо на краткосрочные физические работы в различных учреждениях. Из немногочисленных воспоминаний заключенных можно сделать вывод, что основной целью принуждения к обязательным работам было скорее унижение классового врага и его идеологическое перевоспитание. Чтобы получить рабочую силу из лагерей, заинтересованные учреждения и организации должны были предварительно подать соответствующие тре-

---

¹⁴ ГА РФ. Ф. 393. Оп. 89. Д. 55. Л. 1.

¹⁵ Там же. Д. 87. Л. 213.

бования в конкретный лагерь. В заявке помимо указания перечня необходимых работ определялись условия организации быта заключенных и оплата их труда. Таким образом, советская власть рассматривала существующую лагерную систему скорее как совокупность воспитательных трудовых коммун, объединенных по производственному признаку. В лагерях устраивались театры, певчие хоры, где играли как сами осужденные, так и приглашенные труппы.

Несомненно, в начале 1920-х гг. в системе лагерей принудительных работ существовал весьма либеральный режим содержания по сравнению с московскими тюрьмами и будущими исправительно-трудовыми лагерями. Заключенных навещали родственники, которые имели право приносить передачи. В Карательный отдел НКЮ и ГУПР поступали письма заключенных личного характера с просьбами о переводе из одного лагеря в другой, в некоторых монастырях вместе с заключенными оставались проживать небольшие монашеские общины. Больные заключенные проходили обязательное освидетельствование врача, после чего освобождались от обязательных работ. Наиболее жестким режимом отличались лагеря, содержавшие «иностранный элемент». В Ивановском концлагере основную часть иностранных заключенных составляли поляки, однако были и литовцы, британцы, сербы, греки и венгры. Все иностранные заключенные этого лагеря числились «долгосрочными», что означало, как правило, что их следственные дела будут пересмотрены после окончания Гражданской войны.

Отдельной задачей Главного управления принудительных работ являлась организация условий проживания и быта заключенных, которые оставляли желать лучшего. Так, одна из заключенных Андрониковского лагеря, княгиня Татьяна Георгиевна Куракина (урожденная баронесса Врангель), подробно описала в своих воспоминаниях условия содержания в лагере: «Нас, дам, поместили в особое здание – бывший архиерейский дом. Электрического освещения не было; ламп также не было, свечей тоже. И вот нас впихнули в совершенно темный дом, объяснив, что там три комнаты, в которых мы можем расположиться по собственному усмотрению. Было очень холодно, и каменный, давно необитаемый дом был до того сырой, что, когда я забралась на нары, я почувствовала, что доски не то что влажные, а совершенно мокрые. Проснувшись, почувствовала, что вся промокла, озлябла страшно. Но усталость брала свое, и я опять заснула. На следующий день нам были выданы сухие доски и одеяла. Кормили нас отвратительно – простыми словами, голодом морили. В день выдавали по 3/4 фунта скверного черного хлеба, 3 золотника сахара, обед в 12 часов состоял из бурды с замерзшим картофелем, или с гнилой капустой, или с пшеницей, как лакомство – иногда с чечевицей. Вечером на ужин то же самое. Жиров никаких – о мясе и думать нечего было. В нашей камере не было печки, так что совсем не топили – и это при двадцатиградусном морозе. Ночью температура в нашей камере спускалась ниже нуля. Вдобавок холод этот был сырой; подушка моя всегда была холодная и влажная. Днем мы сидели, накрывшись всем, что имели; ждали супа-бурды, как голодные собаки...»¹⁶

---

¹⁶ Куракина Т.Г. Воспоминания княгини Т.Г. Куракиной, урожденной баронессы Врангель, 1918–1921 гг. // Русская летопись. Париж, 1923. Кн. 5. С. 179–292.

В 1920 г. Народным комиссариатом рабоче-крестьянской инспекции было проведено обследование всех московских мест заключения, результаты которого были зафиксированы в подробном докладе, адресованном лично Сталину. Доклад изобилует описаниями множественных нарушений условий содержания заключенных, примерами халатности со стороны руководства и превышения должностных полномочий, бюрократическими путаницами:

«Владыкинский лагерь принудительных работ.

...Санитарные условия лагеря чрезвычайно неудовлетворительны. Отхожие места очень загрязнены. Нет ни водопровода, ни канализации... С января месяца были 2 вспышки сыпного тифа. За три месяца умерло 79 человек.

...Охрана ведется неудовлетворительно... был обнаружен спящий часовой, у которого была взята винтовка... Вследствие безобразной охраны в течение 5 мес. было 132 побега из лагеря...

Ивановский особого назначения лагерь.

...Некоторые заключенные с разрешения Отдела Принудработ отпускаются на праздники и на весь день и ночь домой...

...Питание весьма недостаточно; выдача ниже голодной нормы.

...Работами занято $\frac{1}{3}$ заключенных; остальные живут праздно»¹⁷.

В 1922–1923 гг. все московские лагеря принудительных работ были закрыты. Внутри наркоматов произошли принципиальные трансформации: все места заключения Наркомата юстиции были переданы в НКВД РСФСР, Центрально-исправительный трудовой отдел (ЦИТО) при НКЮ также перешел в ведение НКВД и был переименован в Главное управление мест заключения (ГУМЗ), куда также вошло Главное управление принудительных работ¹⁸. За НКЮ оставалось право прокурорского надзора по наблюдению за законностью содержания арестованных. Кроме того, на смену ВЧК пришло ГПУ, преобразованное в 1923 г., после образования СССР, в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ), которое получило большие привилегии в организации лагерей в отдаленных и малонаселенных регионах. Часть заключенных московских лагерей была освобождена, остальных перевели в Северные лагеря особого назначения ОГПУ. Советское руководство видело огромный потенциал в использовании труда заключенных, а именно – колонизации новых земель и пространств, самых отдаленных и труднодоступных уголков страны для добычи и обработки природных богатств, столь необходимых для утверждения режима новой власти. Поэтому содержание тысяч заключенных в столице и других губернских городах у всех на виду представлялось отныне бессмысленным.

---

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5687. Л. 3–5.

¹⁸ ГА РФ. Ф. 4042. Оп. 2. Д. 1. Л. 233.

**РАЗМЫШЛЯЯ О РЕВОЛЮЦИИ: ЯРОСЛАВСКИЙ
БОЛЬШЕВИК Н.Ф. ДОБРОХОТОВ О СОБЫТИЯХ 1917 ГОДА
В г. ЯРОСЛАВЛЕ И В СТРАНЕ
(по воспоминаниям из фондов ЦДНИ ГАЯО)**

*Шанина Ольга Николаевна, к.и.н.
(Центр документации новейшей истории
Ярославской области)*

Доброхотов Н.Ф. – делегат с правом решающего голоса II и III Всероссийских съездов Советов, председатель первого постоянного послереволюционного исполкома Ярославского городского Совета, председатель Ярославского губернского исполкома. Доброхотов Н.Ф. являлся активным участником революционных событий как в г. Ярославле, так и г. Петрограде, о чем оставил свои воспоминания. Они были собраны и оформлены за подписью автора сотрудниками ярославского губернского отдела истории ВКП(б) в 1927 году и с тех пор находятся на постоянном хранении в Центре документации новейшей истории (бывшем партийном архиве). Их изучение дает возможность понять расстановку сил и оценить роль большевиков в революционных потрясениях 1917 года, как на местном, так и на общероссийском уровне, а также взглянуть на события глазами представителя одной из основных политических групп, принимавших участие в революции.

Особенно актуальным это представляется в связи со столетним юбилеем российской революции, когда специалистами-историками поднимаются вопросы изучения регионального аспекта данного исторического явления. С одной стороны, все происшедшее в Петрограде в разное время повторилось по всей России. С другой стороны, Российская империя на момент февраля 1917 года являлась третьей по площади из когда-либо существовавших в истории империй, что естественным образом способствовало наличию большой региональной специфики, которая, в свою очередь, влияла на ход событий.

Николай Федорович Доброхотов родился 22 мая 1879 году в с. Рождественно Даниловского уезда Ярославской губернии в семье почетного гражданина Доброхотова Федора Степановича и его жены Анны Алексеевны. Н.Ф. Доброхотов окончил Ярославскую семинарию, до 1917 года работал народным учителем. Революционную деятельность начал еще во время своего пребывания в семинарии, участвуя в работе подпольных кружков. С 1905 года был членом нелегального учительского союза. В ряды РСДРП вступил в 1906 году. На подпольной работе был организатором и агитатором в Ярославской и Пермской губерниях.

За революционную деятельность неоднократно подвергался тюремному заключению. Февральскую революцию встретил рядовым 211-го запасного пехотного полка, расквартированного в г. Ярославле. Стал влиятельной фигу-

рой в Ярославском Совете рабочих депутатов. В мае 1917 года возглавил только что созданное губернское бюро Советов, которое занималось организацией Советов на местах. В августе, в период борьбы с корниловщиной, вошёл в состав городского комитета по охране революции. С марта по декабрь 1917 года Доброхотов Н.Ф. занимал должность председателя Ярославского Совета рабочих и солдатских депутатов, а с декабря 1917 года по июнь 1918 года – председателя Ярославского губисполкома и член губпарткома, что позволило многим краеведам называть его первым «советским губернатором»¹.

1. «Власть как будто не плохая, хотя бы потому, что жандарма и околоточного нет»...²

Свои воспоминания Доброхотов Н.Ф. начинает с февральской революции 1917 года. Известия о государственном перевороте в Петербурге достигло Ярославля утром 1 марта 1917 года. Вечером того же дня в помещении Губернской Земской Управы состоялось собрание из представителей волостей, рабочих организаций и интеллигенции, на котором был выбран Комитет общественной безопасности. На него были возложены функции охраны порядка и выполнения распоряжений Временного правительства. Параллельно с этим в том же здании произошло организационное оформление другой политической силы – Совета рабочих депутатов. 3 марта по распоряжению Комитета общественного порядка был арестован последний губернатор Н.Л. Оболенский, жандармы, охранники и полицейские. Ярославским губернским комиссаром от Временного правительства стал кадет генерал К.К. Черносивов³.

Размышляя о тех днях, Н.Ф. Доброхотов, прежде всего, отмечает слабое влияние большевиков (в отличие от меньшевиков и эсеров) в разворачивавшихся в г. Ярославле событиях. Говоря о причинах подобной ситуации, он объясняет этот факт тем, что процесс классовой дифференциации еще только начинался и рабочие еще не осознавали своего положения и влияния. «А тут еще манифестации, марсельеза, алый цвет и бутафорские речи эсеров и меньшевиков»⁴.

Даже в избранном в первых числах апреля Ярославском Совете рабочих и солдатских депутатов (после февраля Совет был организован явочным порядком без соблюдения норм представительства) было следующее партийное соотношение: 35 % большевиков (в основном за счет солдатской секции), 40 % меньшевиков (в основном за счет рабочей секции) и 25 % эсеров. Как отмечает Н.Ф. Доброхотов, заседания Совета проходили достаточно часто, но на повестке дня всегда стоял «текущий момент», что превращало их скорее в митинги. Однако для большевиков они стали хорошей политической школой. Советский орган печати «Власть Труда» также находился в руках меньшевиков⁵.

---

¹ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 17. Д. 1970; *Рязанцев Н.П.* Первый «советский губернатор» // Северный край. 2009. № 157 (28 августа).

² Там же. Д. 78. Л. 3.

³ Там же. Д. 22. Л. 1–3.

⁴ Там же. Д. 78. Л. 3.

⁵ Там же. Д. 78. Л. 3–4.

12 апреля произошло объединение Ярославского Совета рабочих депутатов и Ярославского Совета солдатских депутатов, на общем заседании был избран временный общий Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов, а также принято решение о необходимости празднования 1 мая (18 апреля по старому стилю)⁶. По мнению Н.Ф. Доброхотова, первомайская демонстрация стала первой «пробой пера» для большевиков. Толпа манифестантов из рабочих и солдат, хоть еще и не под большевистскими лозунгами, но уже приветствовала большевиков. А накануне 1 мая впервые удалось выпустить номер газеты «Власть Труда» с передовой об отношении большевиков к войне⁷.

«Первомайская манифестация прошла хорошо. Помню, на мое приветствие с балкона Дома народа учительскому союзу кто-то крикнул: «Долой ленинцев!», а рабочие и солдатские массы приветствовали наши лозунги. Днем я был свидетелем такого инцидента: около городского театра перед демонстрантами пленный солдат-венгерец говорил о пролетарской солидарности и неизбежности европейской революции. Толпа манифестантов срывала с домов оставшиеся эмблемы царизма»⁸.

Официальный раскол между ярославскими большевиками и меньшевиками произошел 19 мая на очередном собрании, когда большевики приняли решение о выходе из состава объединенной организации РСДРП. По воспоминаниям Н.Ф. Доброхотова, на тот момент численность большевистской группы составляла не более ста человек⁹. Однако все последовавшие затем события ярко свидетельствуют о планомерном и целенаправленном продвижении большевиков к власти на фоне развернувшегося всеобщего хаоса и растерянности других политических сил губернии.

В конце мая было создано Губернское бюро Советов, председателем которого в скором времени стал сам Н.Ф. Доброхотов. Главной задачей бюро была организация Советов на местах, но, по сути дела, оно стало проводить работу по организации большевистских ячеек и стало, по мнению Н.Ф. Доброхотова, фактическим «зародышем губернского партийного комитета большевиков»¹⁰.

Первой крупной победой Н.Ф. Доброхотов называет демонстрацию 18 июня 1917 года в г. Ярославле, прошедшую на фоне неудач русской армии на Юго-Западном фронте. По его воспоминаниям, меньшевики и эсеры не возражали против этого мероприятия, так как были уверены, что массы не пойдут за большевиками. Однако демонстрация была многочисленна и прошла уже под большевистскими лозунгами «Долой войну!», «Долой 10 министров-капиталистов!», «Да здравствуют Советы!»¹¹. А 23 июня на общем собрании ярославской организации РСДРП(б) была вынесена резолюция с протестом против наступления российских войск на фронте.

---

⁶ Там же. Д. 22. Л. 22.

⁷ Там же. Д. 78. Л. 5–6.

⁸ Там же. Д. 78. Л. 5–6.

⁹ Там же. Д. 78. Л. 3.

¹⁰ Там же. Д. 78. Л. 4.

¹¹ Там же. Д. 78. Л. 6.

С конца июня до начала августа в Ярославле проходила предвыборная кампания по выборам в городскую Думу. Как вспоминал Н.Ф. Доброхотов, «в руках наших противников были печать и деньги... Мы по крохам собирали средства на выпуск наших бюллетеней и наказа членам Думы»¹². По итогам выборов блок эсеров и меньшевиков получил 69 мест из 103, большевики – всего 12 мест, кадеты – 11. Председателем Думы был избран эсер Я.Т. Богачев. Как вспоминал Доброхотов Н.Ф.: «Сидели мы маленькой кучкой в заднем ряду зала. Хоры были переполнены городской аристократией, которая с любопытством смотрела на нас, как на зверей... Наша тактика в Думе заключалась в том, чтобы ставить основные политические вопросы и разоблачать перед массами соглашательскую, предательскую политику думского большинства»¹³.

Отличительной особенностью большевиков от других политических партий и групп было то, что они ставили перед собой четкую задачу достижения власти, к которой двигались хоть и медленно, но целенаправленно. Поэтому, как отмечает Н.Ф. Доброхотов, большевики по итогам голосования все равно посчитали кампанию успешной, так как прошли на выборы по гарнизону и по рабочим районам, а это означало, что у них уже начал формироваться свой электорат. И именно наличие собственного электората, по мнению Н.Ф. Доброхотова, позволяло большевикам при их немногочисленности вести себя достаточно свободно во время июльских событий в Петрограде и последовавшей вслед за ними реакционных мер, принятых Временным правительством.

Так, вслед за демонстрациями 4–5 июля в Петрограде в Ярославле произошли летучие митинги. Приказ об отправке на фронт получили расквартированные в городе 210 и 211 запасные полки. Полковые солдатские комитеты приняли решение в знак протеста выйти на демонстрацию 6 июля. В Ярославском Совете меньшевики выступили против демонстрации, среди большевиков не было единства. После продолжительных прений фракция большевиков все-таки приняла решение отложить демонстрацию на неопределенный срок. 6 июля на общем собрании солдат 209 полка была принята резолюция о подчинении решениям Ярославской организации РСДПР(б) и недопустимости выступлений без распоряжения бюро, тем самым солдаты высказали большевикам свою полную поддержку. По воспоминаниям Н.Ф. Доброхотова, вслед за преследованиями большевиков в столице он также получил предупреждение о возможности ареста от начальника ярославского гарнизона полковника Лебедева, что его не только не испугало, но даже рассмешило. «Мы ведь надеялись уже не на свои силы... наше влияние в рабочих районах и гарнизоне крепло»¹⁴.

Называя причины начавшихся после февраля неудач других политических сил, Н.Ф. Доброхотов, прежде всего, подчеркивает их нерешительность и демагогию. По его образному выражению, Ярославская ««демократическая» Дума бессильно барахталась в собственной говорильне», будучи не в состоянии решить даже такие простые вопросы, как вопрос о запрещении ин-

---

¹² ЦДНИ ГАЯО. Ф. 394. Оп. 5. Д. 78. Л. 8.

¹³ Там же. Л. 8.

¹⁴ Там же. Л. 10.

спекторам увольнять учителей¹⁵. Тем временем «рабочий по-прежнему был во власти хозяина», а «обездоленная деревня билась над разрешением своего исконного вопроса о земле»¹⁶.

Интересно отметить, что такие же ощущения были и у других участников событий 1917 года. Например, председатель завкома фабрики Смоляковых в Ярославле и член президиума Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов А.Е. Пчелин так писал о тех днях: «...В воздухе пахло порохом и кровью... атмосфера сгущалась, а меньшевики и эсеры, сидящие в Совете, мало обращали на все это внимания»¹⁷.

Похожая ситуация складывалась и на общегосударственном уровне. Так, например, организацию земельных комитетов Н.Ф. Доброхотов справедливо называет попыткой закрепления эсеров за счет привлечения на свою сторону крестьянских масс. Однако, по его образному выражению, «дальше словесных упражнений они не шли. Ждать учредилки мужики не пожелали и начали практически осуществлять тезисы Ильича, захватывая помещичьи и монастырские земли, начались “аграрные беспорядки”. “Демократическое” правительство Керенского приняло испытанные при Николае меры усмирения – начались аресты земельных комитетов. Деревня оштетинилась»¹⁸.

Именно предложение четкого и радикального решения двух главных на тот момент вопросов – вопроса о мире и о земле, по мнению Н.Ф. Доброхотова, и привело большую часть населения, пусть и не совсем осознанно, но под лозунги большевиков. «Все эти вопросы нашли свое выражение в лозунге Ленина: “Вся власть Советам!”»¹⁹

Действительно, если обратиться к документам ярославских большевиков, то станет очевидным тот факт, что данная партия (немногочисленная на тот момент и не имевшая поддержки большинства даже в пределах Ярославля) единственная в губернии сразу же после своего организационного оформления на 1 и 2 губернских конференциях в начале октября 1917 года поставила перед собой четко сформулированную цель захвата власти и не боялась ее достижения²⁰. А сразу же после октябрьского переворота на своей третьей губернской конференции 5 декабря 1917 года достаточно четко очертила свое отношение и к Учредительному Собранию, окрестив его «последней иллюзией народных масс». Ярославские большевики считали, что Учредительное Собрание не сможет удовлетворить народные требования, потеряет авторитет и будет вынуждено уступить место «истинно народной власти Советов»²¹. Тем самым большевики недвусмысленно показали, что они не собираются ни с кем делиться полученной властью и имеют четкое представление о том, что с ней делать.

---

¹⁵ Там же. Л. 10.

¹⁶ Там же. Л. 11.

¹⁷ Там же. Д. 82. Л. 113.

¹⁸ Там же. Д. 78. Л. 11.

¹⁹ Там же. Л. 11.

²⁰ Там же. Ф. 1. Оп. 27. Д. 1. Л. 17–18.

²¹ Там же. Д. 3. Л. 2.

2. «Победоносный Петроградский пролетариат открывает ворота настоящему хозяину Земли Русской – Второму Всероссийскому Съезду Советов и бьет ему челом»...²²

Основной причиной октябрьских событий Н.Ф. Доброхотов называет «преступную политику Керенского», окутанную ложью и бессилием. Самого Керенского он называет не иначе как «приспешником буржуазии», «фигляр-ром», который не постеснялся даже признать, что знал о заговоре Корнилова. По его мнению, временное правительство в сентябре–октябре 1917 года отдавало в пространство пустые приказы, само уже не веря в их исполнение, а тем временем страна захлебывалась от войны и разрухи²³.

Действительно, если обратиться к другим источникам, 20–21 сентября в Ярославле прошли продовольственные волнения с участием рабочих двух крупнейших предприятий – Норской фабрики и Ярославской Большой мануфактуры²⁴. А 28 сентября на заседании Губернского Продовольственного Комитета было озвучено, что запасов продовольствия в губернии имеется только до 4 октября²⁵.

В сложившейся в стране ситуации, как пишет Н.Ф. Доброхотов, «лозунг “вся власть Советам” был уже не достаточен: нужно было эту власть взять, а взять ее можно было только вооруженным восстанием»²⁶. Интересно отметить, что Доброхотов Н.Ф. в отличие от событий февраля 1917 года, названных им революцией, события октября 1917 года называет «переворотом»²⁷. Но истоки этого переворота он предлагает искать все-таки в глубоких пластах народных масс, апеллируя к тем фактам, что первые декреты советской власти о земле и мире полностью выражали народные чаяния и желания. «Эти декреты – не жалкие воззвания соглашателей “к чувствам”, это первые мощные слова, которыми заговорил Российский Революционный пролетариат со своими братьями и врагами». «Прочтите эти Декреты! Их писал Ильич в промежутках заседаний на клочках бумаги. Великие дела нашли свое выражение в простых, ясных, полных мощи словах»²⁸.

Н.Ф. Доброхотов говорит о предопределенности перехода власти к большевикам на момент октябрьского переворота. Для пущей убедительности он дополняет свои воспоминания отдельными зарисовками случайных встреч с представителями простого народа, чьи чаянья нашли выражение в наказе, данном ярославскими железнодорожными рабочими группе делегатов Второго съезда Советов перед отправкой в Петроград – «Ну, товарищи, без власти Советов не возвращайтесь!»²⁹. Вставляя подобные незначительные на первый взгляд факты в свои воспоминания, Н.Ф. Доброхотов тем самым еще раз подчеркивает, что большевики (в отличие от других политических сил) ехали в

---

²² ЦДНИ ГАЯО. Ф. 394. Оп. 5. Д. 78. Л. 21.

²³ Там же. Д. 78. Л. 12, 18.

²⁴ Там же. Д. 22. Л. 100.

²⁵ Там же. Л. 105.

²⁶ Там же. Д. 78. Л. 16.

²⁷ Там же. Л. 16.

²⁸ Там же. Л. 22–23.

²⁹ Там же. Л. 16.

Петроград с заранее очерченной четкой целью захвата власти и имели в этом вопросе поддержку широких народных масс.

Являясь делегатом Второго Всероссийского Съезда Советов, Н.Ф. Доброхотов весь конец октября 1917 года находился в самой гуще событий в Петрограде. Будучи незаурядным человеком, он дал простые, немного грубоватые, но вместе с тем очень яркие зарисовки октябрьских дней, которые в его воспоминаниях переплетаются с размышлениями о прошлом и будущем России. «Если сравнивать эти дни с революцией февральской или другими, то по внешности они казались будничными... Но кто имел уши, чтобы слышать и глаза, чтобы видеть, – тот слышал подземные раскаты, сотрясающие основы старого мира, и видел, как в глубоких пластах масс совершается великий исторический переворот»³⁰. Особое место в своих воспоминаниях он уделяет размышлениям насчет судьбы Смольного, давая ему меткую характеристику екатерининского «памятника феодализма», построенного на почве, «упитанной кровью и потом миллионов рабов», по иронии истории ставшего «горнилом революции», искры из которого разлетаются по всему миру. «В те дни Смольный начал штурм всего старого мира!»³¹

Как участник Второго Всероссийского съезда Советов, Н.Ф. Доброхотов также оставил меткие характеристики известных политических деятелей, творивших октябрьские события. Так, интересно отметить, что В.И. Ленин в своих воспоминаниях он называет не иначе как Ильич, тем самым подчеркивая его близость к народным массам, которая отражается не только в его мыслях и поступках, но даже и в его внешнем облике. Например, появление В.И. Ленина на заседании Второго Всероссийского Съезда Советов он описывает следующим образом: «В кургузом пиджаке, потрепанных брюках, он как-то незаметно появился на трибуне. Над морем голов блестит могучий череп с характерными линиями. Весь он внутренне собран»³².

В целом, давая штрихи к портретам большевистских лидеров, Н.Ф. Доброхотов подчеркивает их простоту, близость к народу, сдержанность, внутреннюю собранность и четкость их мыслей, ясное представление своих целей и стремление к ним. Так, он дает следующую характеристику Я.М. Свердлову: «Небольшого роста, в кожаной куртке, сквозь пенсне остро поблескивают умные глаза; он не суетиться – все движения его необычайно отчетливы и также четки слова. По тому, как он ведет заседание, чувствуется огромный организаторский талант. Это о нем говорил Ильич, что в его голове заключается весь организационный вопрос партии»³³.

Интересно отметить, что говоря об октябрьских событиях, Н.Ф. Доброхотов единственными противниками большевиков, способными оказать еще хоть какое-то сопротивление, называет только представителей других левых партий, считая, что к октябрю буржуазные политические силы уже полностью дискредитировали себя. А за гражданина премьер-министра Керенского даже буржуазия уже не даст и «ломаного гроша»³⁴. В то же время поведению

---

³⁰ Там же. Л. 17.

³¹ Там же. Л. 19.

³² Там же. Л. 22.

³³ Там же. Л. 19.

³⁴ Там же. Л. 18.

меньшевистских и эсеровских лидеров он дает одну, но очень четкую характеристику – растерянность, которая проявляется во всем от внешней бедности до «замогильного голоса»³⁵.

Известия об октябрьских событиях в Петрограде достигли Ярославля утром 26 октября, заставив различные политические силы по-разному отреагировать на произошедшее. Так, на состоявшемся в тот же день заседании Ярославской городской Думы городские гласные высказались за поддержку свергнутого Временного правительства. А 27 октября в Ярославле состоялось заседание Совета с участием рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, на котором большинство проголосовало за передачу всей власти Советам, после чего меньшевики и эсеры покинули зал заседания, тем самым обозначив будущий политический раскол³⁶.

Вспоминая о том, как устанавливалась власть большевиков в самом Ярославле, Доброхотов Н.Ф. также говорит о планомерном захвате городского и губернского аппарата управления на фоне растерянности и саботажа со стороны оппозиции³⁷. «Нужно было организовать власть, а для этого захватить весь аппарат и направить его по новому руслу. И нужно было немедленно ознакомить массы с происшедшими событиями... Мы образовали Военно-Революционный комитет и приступили к захвату губернского аппарата. Революционный комитет работал и день и ночь»³⁸.

По четко разработанному плану большевиками были взяты все стратегически важные объекты в городе: гарнизон, банки, продовольственный комитет, была разоружена милиция Керенского, которую заменили отрядами Красной гвардии и милиции. На фоне саботажа со стороны бывших работников была захвачена газета «Власть труда». Для того чтобы организовать выпуск новых номеров, были приглашены 12 печатников из Иваново-Вознесенска. По воспоминаниям Н.Ф. Доброхотова, наибольшие трудности возникли с Губернским комиссариатом и городской Думой. Но и там удалось решить вопрос миром. Явные саботажники были уволены, к остальным был найден подход. Так, например, в комиссариате представителям низших чинов предложили занять высшие, согласно их способностям, а не положению в обществе³⁹.

Главной ошибкой меньшевиков и эсеров на данном этапе, Н.Ф. Доброхотов считает именно отсутствие каких-либо четких действий с их стороны и занятие ими тактики саботажа. «Меньшевики и эсеры похаживали с гордым видом... и были уверены, что мы скоро полетим в трубу и придем к ним на поклон»⁴⁰. Большевики же имели четкую цель захвата власти и постоянно работали над ее достижением (хотя, как он признает, это было и не просто). «Постепенно укрепились партийные связи в рабочих районах и деревнях. Создались большевистские организации, Советы укрепились, всюду проникла большевистская “зараза”»⁴¹.

---

³⁵ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 394. Оп. 5. Д. 78. Л. 20.

³⁶ Там же. Д. 22. Л. 117–118.

³⁷ Там же. Д. 78. Л. 16, 25–32.

³⁸ Там же. Л. 25.

³⁹ Там же. Л. 25–30.

⁴⁰ Там же. Л. 30.

⁴¹ Там же. Л. 35–36.

Н.Ф. Доброхотов принадлежал к плеяде «старых» большевиков, лично прошедших революцию и гражданскую войну, имел свой взгляд на все события. 1917 год стал для него «моментом наивысшего энтузиазма, беззаветной решимости и веры в победу пролетариата»⁴². Однако по иронии судьбы в связи со своей принципиальностью он стал не удобен для новой власти, за которую в свое время так рьяно боролся. 22 июня 1937 года Николай Фёдорович Доброхотов был исключён из партии за участие в троцкистской оппозиции 1927 года, на следующий день – арестован, а 6 октября 1938 года по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР – расстрелян. Захоронен в братской могиле у деревне Селифонтово под Ярославлем. В 1958 году реабилитирован⁴³.

Безусловно, его мемуары являются субъективным историческим источником, и многие высказывания из них не являются бесспорными и выражают личное мнение автора. Однако они могут дать ценные дополнения к уже имеющейся в историографии событийной канве в плане понимания и трактовки спорных исторических моментов, дискуссии вокруг которых не утихают и по сей день.

---

⁴² Там же. Л. 24.

⁴³ *Рязанцев Н.П.* Первый «советский губернатор» // Северный край. 2009. № 157 (28 августа).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аксенова Екатерина Андреевна — аспирантка факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, ek.aksenova@gmail.com

Артамонова Жанна Владимировна — главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории, к.и.н., xoreks@yandex.ru

Борзых Наталья Евгеньевна — учитель истории школы № 64 г. о. Самара, net831@mail.ru

Будаева Лина Андреевна — соискатель аспирантуры кафедры истории общественных движений и политических партий исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, linabudaeva7@yandex.ru

Горшенин Александр Владимирович — старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Медицинского института РЕАВИЗ (Самара), aleksandr_gorshenin@rambler.ru

Григорьева Ольга Игоревна — старший научный сотрудник Аналитической службы МГУ имени М.В. Ломоносова, к.и.н., grig@rector.msu.ru

Добровольский Евгений Сергеевич — аспирант кафедры истории и философии Череповецкого государственного университета, учитель истории школы № 30 г. Череповца, jekeedee@mail.ru

Елисеев Алексей Борисович — заместитель директора по учебной работе Минского филиала Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (Республика Беларусь), к.и.н., alexcom@mail.ru

Ермаков Вадим Андреевич — доцент Московского финансово-юридического университета (МФЮА), к.и.н., fact-476@yandex.ru

Иконников Сергей Анатольевич — старший преподаватель кафедры истории, философии и русского языка Воронежского государственного аграрного университета имени императора Петра I, к.и.н., ikonnikovsergey88@mail.ru

Ильязова Рената Витальевна — ведущий архивист Государственного архива новейшей истории Ульяновской области, аспирантка Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова, renaiyazova@mail.ru

Ковалев Максим Константинович — студент факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, maxim6972@gmail.com

Косован Елена Анатольевна — доцент кафедры стран постсоветского зарубежья Института постсоветских и межрегиональных исследований РГГУ, к.и.н., ekkade@gmail.com

Лиманова Светлана Андреевна — младший научный сотрудник Архива РАН, к.и.н., serovasvetlana@mail.ru

Лысенков Николай Александрович — главный специалист РГАСПИ, к.и.н., nlysenkov@gmail.com

Мажара Петр Юрьевич — ведущий специалист РГАВМФ, к.и.н., pmazhara@mail.ru

Манухин Алексей Анатольевич — доцент кафедры истории Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана, к.и.н., warcraftdouble@yandex.ru

Милованов Константин Юрьевич — старший научный сотрудник лаборатории истории педагогики и образования Института стратегии развития образования Российской академии образования, к.и.н., milkonst82@mail.ru

Миринова Ольга Юрьевна — студентка факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, lvligonova@gmail.com

Оборский Евгений Юрьевич — доцент кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета, к.и.н., oborskye@gmail.com

Пименов Олег Владимирович — магистрант Волгоградского государственного социально-педагогического университета, volgskimugyk@mail.ru

Пущина Ольга Евгеньевна — старший научный сотрудник факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, к. полит. н., srkpdv@gmail.com

Семенова Татьяна Алексеевна — главный археограф Государственного архива административных органов Свердловской области, tanushant@rambler.ru

Танцевова Анастасия Владимировна — аспирантка Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, tantsevoval@mail.ru

Тихонов Виталий Витальевич — старший научный сотрудник Института российской истории РАН, к.и.н., tihonovvitaliy@list.ru

Удовенко Илья Витальевич — аспирант Института российской истории РАН, старший научный сотрудник Государственного музея истории ГУЛАГа, ilvitud@gmail.com

Шанина Ольга Николаевна — заведующая отделом информационного обеспечения и публикации документов Центра документации новейшей истории Ярославской области, к.и.н., o-shanina@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Аксенова Е.А.</i> Общественно-политическая деятельность В.И. Вернадского в период революций 1905–1917 гг.	7
<i>Артамонова Ж.В.</i> К вопросу о следствии над подсудимыми Московских открытых процессов 1936–1948 гг.: итоги и перспективы изучения ...	15
<i>Борзых Н.Е.</i> Учебник отечественной истории как конструктор исторической памяти (на примере революционных событий 1917 года)	24
<i>Будаева Л.А.</i> А.М. Коллонтай и агитационно-пропагандистская деятельность журнала «Работница» в 1917–1918 гг.	31
<i>Горшенин А.В.</i> Мария Оскаровна Авейде: источники к биографии большевички	38
<i>Григорьева О.И.</i> Московский университет в 1917 году: по материалам «Летописи Московского университета»	49
<i>Добровольский Е.С.</i> Ноябрьская революция 1918 г. в оценках будущих христианских демократов Германии.	58
<i>Елисеев А.Б.</i> Октябрьская революция и самоопределение Беларуси.	66
<i>Ермаков В.А.</i> Теоретический и сравнительно-исторический анализ Русской революции 1917 г. Тедой Сочпол: причины, процесс, результаты	77
<i>Иконников С.А.</i> Роль материального обеспечения приходского духовенства в формировании политической позиции священно- и церковнослужителей по отношению к Февральской революции 1917 года (по материалам епархий Центрального Черноземья).	89
<i>Ильязова Р.В.</i> Фотоколлекция Государственного архива новейшей истории Ульяновской области как источник по изучению Великой Российской революции (1917–1922 гг.)	96
<i>Ковалев М.К.</i> Проблема политического поражения либеральных партий после Февраля 1917 г. в современной отечественной историографии.	107
<i>Косован Е.А.</i> Союз Освобождения Украины и германская политика «декомпозиции» Российской империи в 1914–1917 гг.	115
<i>Лиманова С.А.</i> «Окончен романовский сеанс»: экранный образ Николая II в 1917 году.	125
<i>Лысенков Н.А.</i> Из истории взаимоотношений Временного Правительства России с политическим руководством Финляндии в марте–октябре 1917 г.	130
<i>Мажара П.Ю.</i> Новые материалы по истории революции 1917 года в РГАВМФ из собрания Общества офицеров Российского Императорского флота в Америке.	140

<i>Манухин А.А.</i> Внешнеполитические аспекты национального и регионального лидерства в мексиканской революции	147
<i>Милованов К.Ю.</i> Реформистский курс Министерства народного просвещения и Российская революция 1917 г.	157
<i>Миронова О.Ю.</i> Революция 1917 года глазами Джона Рида.	166
<i>Оборский Е.Ю.</i> Истоки революции 1917 года: от промышленной модернизации к новым социальным силам через кризисы власти.	173
<i>Пименов О.В.</i> Восприятие элитой Германии Февральской революции 1917 г. в России	181
<i>Пучнина О.Е.</i> «И, конечно, падала монархия весь этот век...»: В.В. Розанов о революции 1917 года.	187
<i>Семенова Т.А.</i> Листовка как форма агитационной борьбы за электорат партии социалистов-революционеров на Урале в 1917 г. (по материалам Государственного архива административных органов Свердловской области)	194
<i>Танцевова А.В.</i> «Борцы Октября, жизнь свою отдавшие делу революции...»: образ героев революции в советских журналах 1920-х годов	201
<i>Тихонов В.В.</i> Октябрьская революция в советских коммеморативных практиках 1917–1920-х гг.	210
<i>Удовенко И.В.</i> Московские лагеря принудительных работ как механизм революции (1917–1923).	217
<i>Шанина О.Н.</i> Размышляя о революции: ярославский большевик Н.Ф. Доброхотов о событиях 1917 года в г. Ярославле и в стране (по воспоминаниям из фондов ЦДНИ ГАЯО)	227
Сведения об авторах.	236

Научное издание

РЕВОЛЮЦИИ В ИСТОРИИ
Исторические документы и актуальные проблемы
археографии, источниковедения,
российской и всеобщей истории нового и новейшего времени

Сборник избранных статей участников
Седьмой международной научной конференции
молодых ученых и специалистов
«Clio-2017»

Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*
Компьютерная верстка *Т. Т. Богданова*
Корректор *Е. Л. Бородина*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 25.08.2017
Формат 60x90/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15.
Тираж 500 экз. Заказ

Издательство «Политическая энциклопедия»
127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1
Тел.: 8 (499) 685-15-75 (общий, факс),
8 (499) 672-03-95 (отдел реализации)

**СЕДЬМАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ И СПЕЦИАЛИСТОВ**
в Российском государственном архиве социально-политической истории
5–7 апреля 2017 года

Организаторы конференции

РОССИЙСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ИСТОРИКОВ-АРХИВИСТОВ
ГЕРМАНСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ В МОСКВЕ
ЦЕНТР ФРАНКО-РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В МОСКВЕ
ФОНД «ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА»

Оргкомитет конференции

Почетный председатель конференции, академик Российской академии наук В. С. Мясников;
председатель оргкомитета, лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники, к.и.н. А. К. Сорокин (РГАСПИ);
д.и.н., проф. А. Б. Безбородов (ИАИ РГГУ); д.и.н., проф. А. Б. Каменский (НИУ ВШЭ);
член-корр. РАН, д.и.н., проф. Л. И. Бородин (МГУ им. М. В. Ломоносова);
академик АПСН [С. А. Котов] (РОИА); к.и.н. А. В. Лукашин (РГАСПИ) (ответственный секретарь);
д.и.н. Ю. А. Петров (ИРИ РАН); д.и.н., проф. Ю. А. Шутов (МГУ им. М. В. Ломоносова);
доктор истории, проф. Н. Катцер (ГИИ), доктор филологии Э. Мела (ЦФРИ)

Программный комитет конференции

д.и.н., проф. А. В. Репников (РГАСПИ) (председатель);
д.п.н., проф. А. А. Шириняц (МГУ им. М. В. Ломоносова);
д.и.н. Е. П. Кудрявцева (ИРИ РАН);
д.и.н. Л. А. Лыкова (РГАСПИ);
д.и.н. Г. А. Шатохина-Мордвинцева (ИВИ РАН);
к.и.н. Е. М. Мягкова (РГАСПИ);
к.и.н. О. А. Шашкова (РГАСПИ)

Информационная поддержка редакций журналов

«Исторический архив», «Новая и новейшая история», «Вестник архивиста», «Вопросы истории»